ИСТОРИЯ АВСТРАЛИЙСКОГО СОЮЗА

К. В. МАЛАХОВСКИЙ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

К. В. МАЛАХОВСКИЙ

ИСТОРИЯ АВСТРАЛИЙСКОГО СОЮЗА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1971

В книге исследуется политическая, экономическая и социальная история Австралии со времени присоединения пятого континента к Британской империи до наших дней. Использованы многочисленные австралийские, новозеландские, английские и американские источники. Значительное место в работе отведено анализу развития Австралии после второй мировой войны.

1-6-3
112-71

ОТ АВТОРА

Когда три года тому назад я приехал в Канберру и сказал, что хочу собирать материал по австралийской истории, мне австралийцы шутливо отвечали, что это занятие беспредметное, поскольку Австралия не имеет прошлого, у нее есть лишь настоящее и будущее.

В этих словах истинно лишь то, что в послевоенные годы Австралия действительно преобразилась, в экономике страны происходят коренные изменения, на международной арене политика Австралийского Союза приобретает все большее значение. И в ближайшем будущем эти новые тенденции получат дальнейшее развитие.

История у Австралии, конечно, есть, и весьма красноречивая. Чем больше с ней знакомишься, тем своеобразнее она представляется.

Еще древние греки уверенно заявляли о существовании «таинственной Южной земли» и наносили ее на географические карты. Открыли же Австралию европейцы значительно позже всех обитаемых материков земного шара и даже позже, чем крохотные острова, разбросанные в необозримых просторах Великого океана.

Но это было открытием лишь побережья Австралии. Сам же пятый континент серьезно начал изучаться, по существу, лишь в XX в. Исследования показали, что Австралия представляет собой богатейшую кладовую разнообразных полезных ископаемых.

Громадный материк с прекрасным климатом, с неисчерпаемыми природными ресурсами, почти два столетия, после первых посещений его европейцами, ждал своего заселения. Да и сейчас эта гигантская страна, по территории своей равная Соединенным Штатам, имеет такое же число жителей, как и крохотная Голландия.

Заселение Австралии европейцами началось лишь 182 года назад и осуществлялось отнюдь не по доброй воле прибывших туда колонистов, но вопреки ей. Более шестидесяти лет Великобритания отправляла на пятый континент своих каторжан. «Счастливая Австралия» десятилетиями являла собой огромную ссыльную тюрьму.

Именно с этого периода мы начнем свое исследование, предпослав ему краткий очерк географических открытий европейцев в бассейне Тихого океана в XVI—XVIII вв.

Таким образом, в настоящей работе рассматривается не вся история Австралии, а лишь история британской колонизации Австралийского материка (создание отдельных британских колоний, объединение их в Австралийский Союз, его история за весь период существования), иначе говоря, последние два столетия в истории Австралии. Поэтому книга получила название не «История Австралии», а «История Австралийского Союза».

Глава I

ОТКРЫТИЕ АВСТРАЛИИ

Первые европейские мореплаватели появились в водах Тихого океана в начале XVI в.

Европейцы искали и находили в ту пору все новые и новые земли. К их величайшему удивлению, гигантская островная система Тихого океана была обитаема, хотя архипелаги находились друг от друга на расстоянии многих сотен и даже тысяч километров. Это свидетельствовало о том, что древние мореходы Азии и Америки за многие сотни лет до прихода европейцев плавали по всему Тихому океану, осуществляя колонизацию его островов.

Европейцев это обстоятельство не смутило, и они устанавливали власть своих государей над народами и землями Южных морей.

Вначале это были португальцы и испанцы, колониальные захваты которых были освящены решением папы Иоанна II о разделе мира между двумя «христолюбивыми народами» (Тордесильясский договор 1494 г.).

Португальцы попадали на Тихий океан с запада, с захваченных ими Молуккских островов, а испанцы с востока, с берегов подвластной им Южной Америки.

Первым европейцем, увидевшим Тихий океан, был испанец Васко де Бальбоа.

В 1513 г. наместник испанского короля в американских владениях послал де Бальбоа для установления «торговых отношений» с индейцами, т. е., проще говоря, для похищения у них золота, жемчуга и благородных камней. Бальбоа добыл у индейцев большое количество золота, но, когда принялся делить его между своими спутниками, возник спор. Присутствовавший при этом индейский вождь сказал: «Что вам за охота спорить о такой дряни? Уж если вам она так нравится, то я могу показать вам страну, где вы найдете золото в изобилии! Эта страна с ее громадными золотоносными горами лежит на расстоянии шести дней пути, по берегам другого моря» [96, 5].

Понятно, что испанцы поспешили убедиться в правоте индейского вождя. Во главе отряда в 190 человек де Бальбоа отправился на поиски золотоносной земли, расположенной у «другого моря». Вместо шести дней они шли почти

месяц и наконец 29 сентября 1513 г. увидели просторы неизвестного им моря.

Как ни были испанцы измотаны трудным переходом, они поспешили провозгласить неведомый океан собственностью испанского короля. 30 сентября 1513 г. де Бальбоа, действуя в духе времени, вошел по колено в море, держа в одной руке меч, а в другой — испанское знамя, и объявил, что «берет во владение это море, земли и берега, острова и все, что на них есть, во имя монарха Кастилии, которому принадлежит господство над этой Индией — над островами и над материком от северного полюса до южного, по обе стороны экватора, внутри и вне тропиков Рака и Козерога; владычество это будет длиться, пока существует свет, до второго пришествия Христа» [96, 6].

Испанскими и португальскими мореплавателями в Тихом океане были открыты многие острова. Но главные открытия были сделаны позднее, когда на тихоокеанской сцене появились сначала голландские, а затем британские мореходы.

Наступила очередь Terra Australis incognita раскрыть свои тайны.

Уже испанцы и португальцы проходили недалеко от австралийских берегов. Так, Жоржи ди Менезиш был уверен, что открыл для Португалии Южный континент, когда в 1526 г. бросил якорь у северных берегов Новой Гвинеи. Восемьдесят лет спустя испанец Педро Фернандес де Кирос назвал открытую им землю в Тихом океане Australia de Espiritu Santos. Но и он ошибался — то были острова, получившие впоследствии название Новые Гебриды. Штурман де Кироса — Луис де Торрес, продолжая плавание, обнаружил пролив, после чего стало ясно: Новая Гвинея — остров. Это открытие, как и многие другие, сохранялось испанцами в глубокой тайне.

К концу XVI — началу XVII в. голландцы и англичане покончили с морским колониальным преобладанием Португалии и Испании [84, т. V, 353], в том числе и на Тихом океане. К началу 70-х годов XVI в. в руках Португалии из всех азиатских колоний остались Гоа, Даман и Диу в Индии и Макао в Китае. Власть Испании в Юго-Восточной Азии и Океании распространилась к тому времени лишь на Филиппины и острова Микронезии.

Быстрый взлет и падение, сила и слабость Португалии и Испании как крупнейших колониальных держав в значительной мере объясняются социально-экономическим строем самих этих держав. Абсолютизм феодальной монархии позволял королям быстро концентрировать силы и средства государства, создавая мировые колониальные империи.

Поначалу захват новых богатых земель быстро приносит ощутимые результаты — добытые драгоценные металлы, до-

рогие пряности и ткани. Но все эти богатства сосредоточивались в руках дворянства и церкви. Накопленные богатства создавали видимость государственного могущества, позволяли вести «мировую политику». Так, Испания ведет продолжительные войны с Голландией, Италией, Грецией и Францией, крайне ее измотавшие. Опьяненная легкой добычей, монархическая власть стремится к новым и новым территориальным захватам в самых различных районах земного шара. Для этого необходимо постоянно содержать огромную армию и флот, вести непрерывные войны, отвлекать людей и средства на сохранение захваченных отдаленных земель. В результате промышленность и сельское хозяйство страны приходят в упадок. Создается своего рода circulus vitiosus: чем больше феодальные государства приобретают колоний, тем слабее в конечном счете они оказываются.

Следует также иметь в виду, что географические размеры и экономический потенциал Португалии и Испании сразу же оказались в потрясающем несоответствии с созданными ими колониальными империями. Действительно, маленькая Португалия, население которой насчитывало в то время не более 1 млн. человек, владела гигантскими колониями в Америке и Азии.

Голландия, как известно, также принадлежала к небольшим государствам Европы. Но голландцы первыми осуществили буржуазную революцию. Значительно более быстрый и глубокий, чем в какой-либо другой европейской стране того времени, процесс капиталистического развития позволил Голландии осуществлять колониальную политику новыми методами. Этот «торговый народ» больше, чем испанская Америка, привлекали бывшие португальские азиатские колонии, ибо они были населены народами с высоким уровнем культурного и экономического развития. Поработив их, Голландия получила обширнейшие рынки сбыта своих товаров. Одновременно Голландия, осуществляя жесточайшую колониальную эксплуатацию, получала в огромных количествах и за бесценок дорогостоящие восточные товары.

Голландцев привлекали, конечно, золото и серебро американских рудников. Но они предпочитали грабить груженные уже добытыми драгоценными металлами испанские суда и не втягиваться в сложный процесс захвата, сохранения и эксплуатации испано-португальских владений в Америке. Голландцы ненадолго вторглись в португальскую Бразилию, но вскоре покинули ее и с тех пор оставались лишь в маленьком Суринаме и на крошечном острове Кюрасао. Сбросив в 1581 г. испанское иго на родине, голландцы начали теснить своих бывших господ в их южноазиатских владениях.

Первая голландская экспедиция в Индию в составе четырех судов организуется в 1595 г. Она проходит не совсем удачно. Голландцы потеряли в этой экспедиции половину кораблей и третью часть экипажей, но убедились в возможности плавания к берегам Индии.

В 1598 г. в Индию посылается вторая экспедиция (семь судов). Она проходит с бо́льшим успехом: не было потеряно ни одного корабля. Все они возвратились с богатым грузом пряностей. В этом же году голландцы закрепляются на острове Ява, создав там торговые фактории, опираясь на которые они постепенно монополизируют торговлю со странами Южной и Юго-Восточной Азии, а также Дальним Востоком. В 1601 г. уже 40 голландских кораблей отправляются в Индию.

Убедившись в доходности таких предприятий, голландские купцы создают в марте 1602 г. общество по торговле с Индией — нидерландскую Ост-Индскую торговую компанию. Компания получила такие права и привилегии, что стала своего рода status in statu. Она имела не только монополию на торговлю, но и право назначать чиновников в Индию, вести войну и заключать мир, чеканить монету, строить города и крепости, образовывать колонии. Капитал компании был огромным по масштабам того времени. Если британская Ост-Индская компания начала свою деятельность в 1600 г. с капиталом 72 тыс. ф. ст., что равнялось 864 тыс. гульденов, то капитал нидерландской Ост-Индской компании составил 6,6 млн. гульденов [96, 24].

С первых же шагов своей деятельности нидерландская Ост-Индская компания энергично занималась поисками Terra Australis. Один из кораблей компании, ведомый капитаном В. Янсзоном, обогнул с юга Новую Гвинею и достиг побережья Австралии в районе, называемом сейчас Кейп-Йорк. Высадившиеся на берег в поисках воды и пищи матросы были убиты аборигенами. Янсзон поспешил уйти от этих негостеприимных берегов и в июне 1606 г. вернулся в Батавию.

Следует сказать, что голландские моряки стали ходить в свои владения в Юго-Восточной Азии несколько иным путем, чем это делали до них португальцы и испанцы.

Старый путь в Индию проходил от мыса Доброй Надежды вдоль берегов Африки до самого экватора, а потом уже поворачивал на восток. Голландцы избрали более короткий маршрут. Преодолев 4 тыс. миль на восток от мыса Доброй Надежды, они поворачивали на север, сократив время перехода из Голландии в Батавию с восемнадцати месяцев до шести. Это помогло голландцам обнаружить Южный континент и исследовать его западное и северо-западное побережье. Отзывы голландских моряков о новой земле были

обескураживающими. «Мы не видели ни одного плодоносящего дерева, — сообщалось в одном из отчетов, — ничего такого, что люди могли бы использовать для себя» [395, 6]. Коренные жители описывались как «бедные и жалкие негодяи» [395, 6].

В 1636 г. генерал-губернатором Батавии стал Антони Ван Диемен, человек, стремившийся к расширению нидерландских владений в Южных морях. Его целеустремленность и упорство очень ценились и поощрялись руководством Ост-Индской компании. 16 сентября 1638 г. совет директоров компании писал Ван Диемену: «Ваша милость действует мудро, уделяя большое внимание открытию Южной земли и золотоносных островов, которые были бы весьма полезны компании, чтобы возместить ей тяжелое бремя и дать реальное ощущение доходности ост-индской торговли...» [153, 67]. По приказу Ван Диемена два корабля под командованием капитана Абеля Тасмана покидают Батавию в августе 1642 г. для исследований «остающейся неизвестной части земного шара» [153, 67].

Миновав остров Маврикий, экспедиция, двигаясь на юго-восток, достигает неизвестной земли, которая получает название Земли Ван Диемена. Продолжая плавание, Тасман достигает берегов Новой Зеландии и принимает ее за Южный материк. На следующий год Тасман опять отправляется в плавание и на этот раз исследует северную часть Австралийского материка, но не находит там ничего привлекательного для Ост-Индской компании, т. е. прежде всего золота и серебра. В результате Ост-Индская компания утратила интерес к дальнейшим исследованиям Южных морей.

Следующим европейцем, посетившим берега Австралии или, как тогда говорили, Новой Голландии, был уже не голландец, а англичанин Уильям Дампир.

Наступил XVIII век, в котором господствующее положение на Тихом океане захватила Великобритания. Во второй половине XVII в. в трех морских войнах (1652—1654, 1665—1667, 1672—1674 гг.) Англия нанесла Голландии сокрушительные поражения, низведя ее на положение второстепенной европейской державы. Став могущественной торговой и морской державой мира, Англия прочно утверждается и на тихоокеанской арене.

В январе 1688 г. У. Дампир достиг берегов Австралии и находился там три месяца. В следующем году он вторично был послан к Южному континенту. На этот раз Дампир исследует северо-западную часть континента на протяжении 600 миль. Недостаток питьевой воды заставляет Дампира закончить эту работу, прервать экспедицию и повернуть корабль к острову Тимор.

Действительное начало британской колонизации в Южных морях было положено путешествиями Джеймса Кука.

В открытии англичанами восточных берегов Австралии и, кстати сказать, Новой Зеландии, как ни странно это прозвучит, определенную роль сыграла планета Венера. Дело в том, что, по подсчетам астрономов, Венера должна была 3 июня 1769 г. пройти мимо солнечного диска. Для лучшего наблюдения этого явления Лондонское королевское общество содействия развитию естественных наук, созданное за столетие до этого, просило британское правительство послать в Южные моря группу астрономов. Получив отказ, Общество обратилось прямо к королю, который одобрил их план.

Руководить экспедицией Общество пригласило Джеймса Кука, только что вернувшегося из Ньюфаундленда. Этот человек не только был опытным мореходом, но и был образованным человеком, обладал необходимыми познаниями в математике и астрономии.

Решение короля о посылке военного корабля в Тихий океан было продиктовано не только и не столько желанием ответить на вопросы, волновавшие английских астрономов. Это стало ясно Куку, когда он 26 августа 1768 г. уже на борту корабля, спускавшегося по Темзе к Плимуту, чтобы начать свое знаменитое плавание, вскрыл врученный ему тщательно запечатанный пакет из адмиралтейства. «Есть основание полагать, — говорилось в приказе адмиралтейства, — что континент или земля огромных размеров находится к югу от пути, пройденного недавно капитаном Уоллисом на корабле его величества „Дельфин", или от путей любых других более ранних мореходов, проделанных в поисках подобного рода. Поэтому вам во исполнение воли его величества приказывается выйти в плавание на корабле, находящемся под вашим командованием, сразу же по окончании наблюдений за проходом Венеры, и соблюдать следующие инструкции. Чтобы осуществить открытие упомянутого выше континента, вы должны отправиться на юг, пока не достигнете широты 40°, и если, сделав это, вы не откроете его или каких-либо очевидных признаков, то должны продолжить поиски к западу, между упомянутой ранее широтой и широтой 35°, пока не найдете его или не встретитесь с восточной стороной земли, открытой Тасманом и называемой теперь «Новая Зеландия» [153, 93—94].

Адмиралтейство предписывало далее исследовать берега Новой Зеландии, составить карту, изучить природу страны, полезные ископаемые, почву, животный и растительный мир, собрать образцы семян и плодов; объявить землю владением британского короля, добившись на то согласия мест-

ного населения, а в том случае, если его не окажется, поставить там «видимые знаки и надписи как первооткрывателей и собственников» [153, 94].

13 апреля 1769 г. Кук прибыл на Таити, а 3 июня были успешно проведены астрономические наблюдения за Венерой. Затем Кук, выполняя предписания адмиралтейства, повел свой корабль на юг, надеясь открыть Южный континент.

7 октября 1769 г. Николас Юнг, слуга судового хирурга, первым увидел среди волн океана белый мыс. На следующий день корабль вошел в залив и стал на якорь недалеко от устья небольшой реки, на берегах которой теперь расположен новозеландский город Гисборн.

Маори, предчувствуя недоброе, встретили новых пришельцев враждебно. В завязавшейся схватке было убито несколько аборигенов. Кук, как и Тасман, убедился в мужестве маори, не боявшихся ни мушкетов, ни пушек европейцев.

Несмотря на очевидное неодобрение аборигенами действий пришельцев, Кук укрепил в месте своей высадки древко с английским флагом и, скрупулезно выполняя инструкцию адмиралтейства, провозгласил Новую Зеландию британской собственностью «во имя и блага его величества короля Георга III» [153, 98].

В марте 1770 г. Кук закончил исследование берегов Новой Зеландии. В апреле его корабль, плывя к северо-западу от Новой Зеландии, вошел в австралийские воды.

19 апреля 1770 г. перед взорами англичан открылись берега Австралии. «Я назвал это место Хикс, — писал в своем дневнике Дж. Кук, — потому что лейтенант Хикс был первым, кто увидел эту землю» [193, 298—299]. Подыскивая подходящее для высадки место, Кук поднимался вдоль берега на север, пока не достиг места, названного им Ботани-бей, поскольку сопровождавшие Кука в экспедиции ботаники обнаружили там большое количество неизвестных им ранее видов растений, птиц и животных.

29 апреля 1770 г. матросы Кука высадились на австралийском берегу. Встреча с аборигенами и в этот раз не была дружеской. Аборигены осыпали англичан градом камней и копий, англичане ответили залпами из ружей. «Таким образом,— грустно отмечает современный австралийский историк М. Кларк, — европеец начал свое трагическое общение с аборигенами восточного берега» [233, vol. 1, 49]. До 6 мая Дж. Кук исследовал районы Ботани-бей, а затем продолжил свое плавание на север. Выйдя к северу от Кейп-Йорка и убедившись, что открытый им материк отделен проливом от Новой Гвинеи, Дж. Кук объявил его собственностью британской короны. Сойдя на берег одного из

островов Торресова пролива, названного Поссешн, Кук водрузил на нем британский флаг, заявив, что отныне власть британского государя распространяется на весь восточный берег материка от 38° южной широты до острова Поссешн. При этих словах стоявшие с ним рядом матросы дали три залпа из ружей, на которые с корабля ответили выстрелами из пушек [233, vol. 1, 50].

Восточная часть Австралии, названная Куком Новым Южным Уэльсом, стала собственностью британской короны.

НОВЫЙ ЮЖНЫЙ УЭЛЬС — «КОЛОНИЯ БЕСЧЕСТИЯ»

Идеологи колониализма обычно стремятся доказать, что колонизация заморских территорий была объективно необходима вследствие перенаселения европейских государств. Однако история британской колонизации Австралии убедительно опровергает это утверждение. Лишь через восемнадцать лет после посещения Дж. Куком восточных берегов Австралии английское правительство вспомнило о своих «правах» на этот материк и решило начать его колонизацию.

Но и в 80-х годах XVIII в. в Австралию начали переселяться не жители английских городов, а обитатели английских тюрем. Развитие капитализма в Англии сопровождалось страшным обнищанием народных масс.

С конца XV в. в сельском хозяйстве Англии начало наблюдаться быстрое развитие овцеводства за счет сокращения земледелия. Крупные землевладельцы во все более широких масштабах превращают свои земельные угодья в пастбища. Более того, крупные земельные собственники захватывают общинные земли, находившиеся в совместном владении с крестьянами-держателями, сгоняют крестьян с их наделов и все земли обращают в пастбища. При этом сносятся не только отдельные крестьянские дома, но и целые деревни [84, т. IV, 18].

Лишившись земли, не имея возможности найти работу, крестьяне вливались в огромную армию бродяг, скитавшихся по стране без средств к существованию и крыши над головой. Те из них, кому удавалось найти работу на мануфактурах или крупных фермах, попадали в условия безжалостной эксплуатации. Они были совершенно бесправны перед законом. Рабочий день в централизованной мануфактуре продолжался 14—16 и более часов. В мануфактурной мастерской господствовал неограниченный произвол хозяина. Заработной платы не хватало даже на хлеб для семьи, в связи с чем широкое распространение получало нищенство. На мануфактурах широко применялся детский труд. Дети часто начинали работать с пятилетнего возраста [84, т. V, 483]. «Несчастные дети в возрасте шести или семи лет дол-

жны были работать двенадцать часов в день, шесть дней в неделю в страшном шуме ткацких фабрик или под землей в темных как ночь угольных шахтах» [353, 6].

Тем не менее многие посылали своих детей на фабрики и шахты. «Голодные женщины даже „продавали" своих детей на шахты и фабрики, ибо сами не в силах были найти себе работу. Тысячи и тысячи безработных, бездомных людей стояли перед дилеммой: „украсть или умереть"» [327, 6].

Результатом социальных бедствий был рост преступности. «Банды грабителей наводили ужас на города. Правящая каста, страшась неуправляемых толп мужчин и женщин, обрушилась на них всей силой варварских уголовных законов» [327, 6].

Английские уголовные законы того времени отличались необычайной жестокостью. Смертная казнь предусматривалась за 150 видов преступлений — от убийства до кражи из кармана носового платка. Разрешалось вешать детей, достигших семилетнего возраста [327, 6].

Чтобы разгрузить тюрьмы, власти отправляли каторжников в Северную Америку. Плантаторы охотно оплачивали доставку даровой рабочей силы. Они платили от 10 до 25 ф. ст. за человека, в зависимости от его квалификации [327, 5]. В период между 1717 и 1776 гг. примерно 30 тыс. заключенных из Англии и Шотландии и 10 тыс. из Ирландии были высланы в американские колонии [233, vol. 1, 61].

Когда же американские колонии добились независимости, британское правительство пыталось посылать заключенных в свои колонии в Западной Африке. Последствия оказались катастрофическими. Губительный климат приводил к колоссальной смертности среди ссыльных. В 1775—1776 гг. в Западную Африку было выслано 746 заключенных. Из них 334 человека умерло, 271 человек пытались бежать и погибли, об остальных министерство внутренних дел сведений не имело [189, 29].

Английское правительство должно было отказаться от использования западноафриканских колоний как места ссылки.

Прошло немало лет, прежде чем британское правительство обратило свои взоры на Австралию как место поселения заключенных. Этому немало способствовал ботаник Дж. Бенкс, участник экспедиции Дж. Кука. В 1779 г. он рекомендовал правительству исследовать Ботани-бей, представляющий, как он утверждал, идеальное место для ссыльного поселения.

В 1783 г. Дж. Бенкс был поддержан Дж. Матра, жителем Нью-Йорка, остававшимся лояльным по отношению к британскому правительству. Матра, принимавший участие в

плаваниях Дж. Кука, предлагал раздать большие участки земли в районе Ботани-бей американцам — сторонникам английского правительства в период войны с восставшими американскими колониями. Матра предлагал также переселять коренных жителей тихоокеанских островов в Австралию и раздавать их американским колонистам как рабочую силу. В 1785 г. в поддержку скорейшей колонизации Австралии выступил адмирал Дж. Юнг.

Наконец правительство начало действовать. В 1786 г. был подготовлен план создания ссыльной колонии в Австралии. В январе 1787 г. король Георг III сообщил об этом плане в своей речи в парламенте. Командовать первой партией ссыльных, отправлявшихся в Австралию, приказом министра внутренних дел лорда Сиднея был назначен капитан А. Филлип.

Для транспортировки заключенных в австралийскую «колонию бесчестия», как тогда выражались, были выделены два военных и девять транспортных судов.

Не следует думать, что для отправки в отдаленнейшую ссылку были отобраны наиболее опасные и закоренелые преступники. Наоборот, подавляющее большинство посылаемых в Австралию были людьми, осужденными за мелкие кражи, например за кражу двух кип шерсти, буханки хлеба, четырех ярдов ткани, кролика или десяти шиллингов [353, 8]. Почти все заключенные были истощенными, слабыми, больными людьми, среди них было несколько десятков стариков, одной женщине было 87 лет [327, 8].

Подготовка экспедиции началась в марте 1787 г., а 13 мая 1787 г. корабли экспедиции покинули берега Англии. Плавание продолжалось более восьми месяцев. 26 января 1788 г. корабли подошли к Порт-Джексону.

Когда корабли Филлипа вышли из Англии, на них было 1026 человек, в том числе чиновников, их жен и детей, а также солдат — 211 человек, ссыльных мужчин — 565, женщин — 192 и детей — 18. Во время путешествия умерло 50 человек, родилось 42. Таким образом, в Австралию прибыло 1018 человек.

Первым на берег высадился отряд моряков. Они водрузили британский флаг и дали залп из ружей.

Так было основано первое поселение колонии Новый Южный Уэльс, названное капитаном Филлипом Сиднеем в честь тогдашнего британского министра внутренних дел. За моряками на берег сошли заключенные-мужчины (женщины были высажены лишь 6 февраля). Прибывших окружал девственный эвкалиптовый лес. Когда принялись за устройство колонии, увидели, как плохо были подобраны для этого люди. Среди ссыльных было лишь 12 плотников и 1 каменщик. Никто ничего не понимал ни в земледелии, ни в

скотоводстве. Не трудно понять, с какими трудностями пришлось встретиться колонистам.

Торжественное открытие колонии состоялось 7 февраля 1788 г. Верховный судья колонии Д. Коллинз прочитал королевский указ, назначавший капитана Филлипа губернатором колонии Новый Южный Уэльс. Этим актом определялось, что границы колонии простираются от Кейп-Йорка на севере до Южного мыса, со включением всех островов, и на запад до 135° восточной долготы.

Затем были прочитаны указы о назначении чиновников колонии и ее законодательство.

Губернатор колонии наделялся такими широкими полномочиями, каких не имел ни один администратор в британских колониях. Он ведал внешней и внутренней торговлей, имел право раздавать земли по своему усмотрению, командовал вооруженными силами, производил все назначения на должности в колониальной администрации, имел право приговаривать к смерти, назначать телесные наказания, налагать штрафы, освобождать от наказания.

Тогда же, в феврале 1788 г., Филлип впервые воспользовался своим правом карать колонистов смертной казнью. Был повешен Т. Барретт за кражу масла, свинины и гороха. Через два дня к смертной казни были приговорены Дж. Фримен и его приятель за кражу 7 фунтов муки.

Филлип предложил Фримену занять должность палача, в этом случае Фримену и его приятелю сохранялась жизнь. Фримен согласился и стал первым государственным палачом в истории Австралии.

Организация колонии наталкивалась на большие трудности. Истощенным людям не под силу было валить гигантские деревья и рыхлить каменистую почву. Сам Филлип сообщал, что для двенадцати человек требуется пять дней, чтобы срубить и выкорчевать одно дерево [327, 17].

У Филлипа были и другие заботы. Через шесть дней после высадки англичан в Ботани-бей вошли два французских военных корабля под командой капитана Лаперуза.

Следует сказать, что Франция весьма ревниво следила за успехами англичан в Южных морях. Узнав, что британское правительство намеревается приступить к энергичной колонизации Австралии, французское правительство послало Лаперуза, чтобы захватить часть Австралийского материка. Как ни спешили французы, они и здесь не успели за британцами. В дальнейшем французское правительство не отказывалось от намерения создать колонии на территории Австралии. В 1801 г. корабли «Географ» и «Натуралист» под командованием адмирала Бодэна исследовали западную часть Австралийского материка. Корабли были посланы Наполеоном. «Готовясь к битве при Маренго, Наполеон

нашел время, чтобы распорядиться о снабжении экспедиции всем необходимым... он предписал адмиралу войти в сношения с туземцами и хорошо исследовать страну» [102, 24]. Эти и другие, относящиеся уже к 20-м годам XIX в. попытки Франции проникнуть в Австралию окончились неудачно, однако они вынуждали англичан торопиться с оккупацией всего Австралийского материка.

Все это было потом, а приход Лаперуза в 1788 г. вызвал волнение среди ссыльных, увидевших реальную возможность бежать из этого казавшегося им гибельным места.

Группа каторжников обратилась к Лаперузу с просьбой взять их на корабли и увезти из колонии. Они обещали за это привести с собой самых хорошеньких женщин из числа каторжанок. Лаперуз отослал англичан. Но когда французские корабли покинули Ботани-бей, губернатор Филлип не досчитался двух самых привлекательных женщин колонии. Галантный французский капитан захватил их с собой.

По приказу губернатора для обеспечения лучшего надзора почти все колонисты были сосредоточены на небольшой территории. Лишь небольшие группы были посланы в район Парраматты и на остров Норфолк. Там земли были более пригодные для земледелия, чем в Сиднее. Однако собрать сколько-нибудь значительный урожай не удалось и там.

В Парраматте, например, в ноябре 1788 г. было собрано 200 бушелей пшеницы и 35 бушелей ячменя. Весь этот урожай пошел на семена для следующего посева [263, 32]. В Сиднее было еще хуже. Посеянные кое-как, людьми, не имевшими никакого опыта в земледелии, пшеница и маис, а также некоторые привезенные овощи вообще не дали всходов. Привезенные запасы продовольствия быстро истощались. В колонии начинался голод. Никаких кораблей с припасами из Англии, как это было обещано правительством, не пришло. В начале 1789 г. губернатор послал фрегат «Сириус» в голландскую колонию близ мыса Доброй Надежды за продовольствием. Корабль доставил 127 тыс. фунтов муки. Но этого хватило ненадолго. Урожай, собранный в декабре 1789 г., был опять очень мал, и его решили не тратить, а оставить для нового посева, полагая, что скоро должны подойти корабли из Англии. Но их по-прежнему не было.

Тогда Филлип, полагая, что на острове Норфолк собран хороший урожай, решил послать туда часть ссыльных. В феврале 1790 г. к Норфолку были посланы корабли «Сеппляй» и «Сириус», на которых находилось 184 взрослых ссыльных и 27 детей. 13 марта корабли достигли острова и экипажи высадились на берег. Но поднявшаяся вскоре буря заставила корабли уйти в море. Через шесть дней они опять

подошли к берегу Норфолка. При этом «Сириус» наткнулся на риф и затонул. Выбравшиеся на берег люди узнали, что урожай на острове собран настолько плохой, что он не может обеспечить даже живущее на Норфолке население. «Сеппляй» доставил ссыльных обратно в Сидней. Недельный рацион питания колонистов был уменьшен до трех фунтов муки и полуфунта солонины. «Счастливым является тот человек, — писал тогда один из чиновников колонии, — которому удается убить крысу или ворону и приготовить деликатесное блюдо».

Корабли Филлипа доставили в Сидней некоторое количество европейских домашних животных, которые должны были служить основой развития скотоводства в новой колонии. Многие животные погибли еще в пути. В мае 1788 г. было подсчитано, что в колонии имелось 7 голов рогатого скота и столько же лошадей, 29 баранов и овец, 19 коз, 25 свиней и 50 поросят, 5 кроликов, 18 индюшек, 35 уток, 29 гусей, 122 курицы и 87 цыплят [96, 75]. Вся птица и все животные, кроме лошадей, овец и коров, были убиты и съедены колонистами. А большая часть лошадей, овец и коров погибла из-за отсутствия привычных кормов. Небольшое количество овец, выживших и приспособившихся к австралийским пастбищам, были разорваны собаками-динго.

Голод в колонии усиливался. Нельзя было никакими карами удержать голодных людей от нападений на магазины, от краж продовольствия. А кары эти были весьма суровы. Кража пары картофелин, например, наказывалась 500 ударами кнута и лишением на шесть месяцев пайка муки.

С возвратившимися в Англию кораблями Филлип послал британскому правительству письма с просьбой срочно прислать продовольствие и сельскохозяйственные орудия, а также свободных поселенцев для организации ферм, обещая передать последним в качестве рабочей силы заключенных. Но ответа не было.

Наконец 3 июня 1790 г. австралийские колонисты увидели входящее в залив британское судно «Леди Юлиана». Это был первый из кораблей второго флота, посланного английским правительством в Австралию. Велико же было разочарование колонистов, когда они узнали, что на корабле не было продовольствия, зато находилось 222 женщины-каторжанки.

Позднее подошли и другие суда второго флота, доставившие в Новый Южный Уэльс еще свыше 1000 ссыльных.

В составе второго флота было судно, груженное продовольствием, но 23 декабря 1789 г. у мыса Доброй Надежды оно наскочило на айсберг. Чтобы спасти начавшее тонуть судно, пришлось выбросить в море все запасы продовольствия. Условия транспортировки ссыльных были чудовищны.

Судовладельцы получали 17 фунтов 7 шиллингов 6 пенсов за каждого ссыльного, независимо от того, будет ли он доставлен живым в Австралию или нет. Поэтому на корабли старались погрузить как можно больше заключенных.

Чтобы предотвратить побеги во время плавания, ссыльные были скованы рядами и в таком положении находились в трюмах кораблей все время пути, т. е. много месяцев. Бывали случаи, когда умершие ссыльные подолгу находились среди живых, которые, скрывая смерть своих товарищей, получали их порции питания. Скрывать мертвых удавалось до тех пор, пока не начинал распространяться тяжелый трупный запах.

В пути умерло 267 человек. Из оставшихся в живых 488 были тяжело больны. В течение шести недель после высадки в Сиднее умерло еще около ста человек.

До августа 1791 г. в колонию прибыло 1700 ссыльных, а в сентябре того же года — еще около 1900 человек. Вместе с солдатами и чиновниками в Новом Южном Уэльсе общее число населения превысило, таким образом, 4 тыс. человек.

Сколько-нибудь удовлетворительных урожаев собрать по-прежнему не удавалось. И если бы не несколько кораблей с продовольствием, прибывших в этот период из Англии, население колонии вымерло бы.

Транспортировка каторжников продолжалась во все увеличивающихся размерах. Условия их перевозки оставались весьма тяжелыми. В первое десятилетие заселения Австралии смертность ссыльных во время плавания была очень большой. Например, прибывший в Сидней в 1799 г. корабль доставил в колонию лишь 200 из 300 ссыльных. Около 100 человек умерло в пути [189, 214]. Даже в 30-х годах XIX в. смертность в пути была все еще значительной. Так, в 1830 г. было отправлено в Австралию 4981 ссыльных, из них умерло в пути 45 человек, в 1831 г. — соответственно 5303 и 41, в 1832 г.— 5117 и 54, в 1833 г.— 5560 и 63, в 1837 г.— 6190 и 61, в 1835 г. — 5315 и 37 [189, 217].

Положение в Новом Южном Уэльсе продолжало оставаться плачевным. Когда капитан Филлип направлялся в Австралию, перед ним ставилась задача создать самоокупающуюся колонию. Но в течение пяти лет его губернаторства Новый Южный Уэльс полностью зависел от поставок из Англии. За это время колония стоила английскому правительству 500 тыс. ф. ст. [395, 54].

Как уже упоминалось, Филлип настойчиво просил правительство организовать отправку в Новый Южный Уэльс свободных поселенцев, чтобы добиться более полной и устойчивой колонизации отдаленного материка. В одном из писем Филлип писал: «Если пятьдесят фермеров с их семьями будут присланы, то в один год они сделают для созда-

ния самоснабжения колонии больше, чем тысяча ссыльных» [393, 19]. Но желающих добровольно ехать в «колонию бесчестия» в Англии не находилось. За первые пять лет существования колонии туда прибыло лишь пять семей свободных колонистов. И это при том, что британское правительство брало на себя все расходы по переезду, два года бесплатно снабжало колонистов продовольствием, дарило землю и предоставляло в распоряжение поселенцев ссыльных как даровую рабочую силу. Даже питание этих ссыльных осуществлялось за счет казны.

Филлип давал землю ссыльным, отбывшим сроки наказания, выделял участки солдатам и матросам. Но и их было очень мало, всего 86 человек в 1791 г., и обрабатывали они немногим более 900 акров земли. Лишь после того как губернатору колонии (в 1791 г.) было предоставлено право сокращать сроки заключения каторжан, Филлипу удалось довести общий размер участков, обрабатываемых освобожденными ссыльными, до 3,5 тыс. акров.

В 1792 г. А. Филлип вернулся в Англию. Вместе с ним был возвращен на родину и отряд военных моряков, несший охранную службу в колонии. Теперь единственной вооруженной силой в колонии стал «полк Нового Южного Уэльса», солдаты которого начали прибывать в колонию с 1791 г.

Полк этот в значительной степени комплектовался из солдат и офицеров, скомпрометировавших себя на прежнем месте службы воровством, пьянством и т. п. либо выпущенных из военных тюрем, где они отбывали наказание за различные уголовные преступления.

После отъезда Филлипа обязанности губернатора колонии начал исполнять командир полка майор Ф. Гроуз. Он проводил политику, которая вскоре привела к тому, что власть в Новом Южном Уэльсе перешла в руки офицеров полка.

Ф. Гроуз на все гражданские должности назначал своих офицеров. Он стал широко раздавать землю военным, одновременно передавая в их распоряжение заключенных для обработки полученных участков. Всего он раздал свыше 10 тыс. акров.

250 акров первоклассной земли в районе Парраматты получил один из офицеров полка — Дж. Маккартур, ставший впоследствии «отцом австралийского овцеводства». В то время он занимал пост инспектора общественных работ и являлся неограниченным хозяином рабочей силы в колонии, распределяя заключенных для работы на фермах и верша над ними суд по своему усмотрению. Понятно, что не забывал он и свои собственные интересы, широко используя труд заключенных на принадлежащих ему землях. Не

мудрено, что через два года Дж. Маккартур стал богатейшим человеком Нового Южного Уэльса. «Капитан Маккартур имел 500 ф. ст. долга, когда покидал Англию, но к 1801 г. он, говорят, имеет собственность в 20 000 ф. ст.» [54, ser. I, vol. II, 321].

Офицеры полка осуществляли и все торговые операции в колонии, прежде всего торговлю спиртными напитками. Они заставляли заключенных гнать для них спирт и продавали его по баснословным ценам. Доход от продажи спирта достигал 500%. Видя это, изготовлением спирта занялись заключенные, отбывшие наказание и получившие земельные участки, а также солдаты полка. Зерно шло не для производства хлеба, а для приготовления спирта, что было значительно выгоднее.

Ром стал единственной устойчивой валютой в колонии, ради его приобретения люди шли на любые преступления. «В этом новом маленьком земном аду, которым являлся ранний Сидней, люди превыше всего жаждали рома. Ради рома наиболее жестокие из заключенных крались по ночам, чтобы убить и ограбить тех, кто его имел. Ромом они платили публичным женщинам... Ради рома они шпионили друг за другом и предавали друг друга солдатам и палачам...» [353, 14].

Офицеры в складчину покупали все товары, привозимые в колонию британскими судами, и перепродавали их населению, получая от этих операций до 300% прибыли.

Довольно скоро почти все заключенные оказались на работах в принадлежавших офицерам полка земельных владениях. Это был, по существу, рабский труд, с той разницей, что рабовладельцы должны были кормить своих рабов за свой счет, а офицеры полка кормили работавших у них заключенных из запасов правительственных магазинов.

Дж. Маккартур откровенно писал своему брату: «Изменения, которые мы осуществили со времени отъезда губернатора Филлипа, так велики и необычайны, что рассказы о них могут вызвать подозрения в их правдивости» [цит. по: 189, 721].

Новый губернатор, флотский капитан Дж. Хантер, прибыл в колонию 11 сентября 1795 г. Но ни он, ни его преемники на посту губернатора колонии, морские офицеры Кинг и Блай, не могли сломить сопротивления офицеров полка, который к этому времени получил кличку «ромового корпуса». Капитан Блай был известен своим мужеством, храбростью и упорством. Ведь это он был капитаном корабля «Баунти», взбунтовавшиеся матросы которого высадили его в мае 1789 г. среди волн Тихого океана в небольшую лодку с 18 оставшимися преданными ему членами экипажа, отдав их на волю провидения. Запасов продовольствия и во-

ды было оставлено лишь на несколько недель. Однако оставшиеся в лодке не погибли. После 48 дней страшных лишений капитан Блай привел лодку к острову Тимор, находившемуся в тысяче миль от того места, где их высадили с корабля. Из этой голландской колонии Блая и его товарищей перевезли в Англию.

Блай вступил в борьбу с офицерами полка «Новый Южный Уэльс». Он запретил им беспошлинную торговлю спиртными напитками. Когда Дж. Маккартур решил построить винокуренный завод, Блай не позволил ему это сделать. Тогда офицеры решили свергнуть губернатора Блая вооруженной силой. Они собрали полк и с распущенными знаменами направились к губернаторскому дому. Через полчаса Блай был арестован и заключен в казарму. Управление колонией взял в свои руки командир полка майор Джонстон. Дж. Маккартур был назначен секретарем колонии.

Это произошло 26 января 1808 г., ровно через 20 лет после прибытия в Австралию первого флота. В течение двух последующих лет власть в Новом Южном Уэльсе безраздельно принадлежала «ромовому полку». Блай в течение года находился под арестом, а затем был отправлен на Землю Ван Диемена.

Лишь в канун нового, 1810 г., 31 декабря 1809 г., в колонию прибыл посланный английским правительством для наведения порядка Л. Маккуори. Вместе с ним прибыл и 73-й пехотный полк. Л. Маккуори имел следующие инструкции. Восстановить в должности Блая, но лишь на одни сутки. После этого он должен был принять от него дела губернаторства. Став губернатором колонии, Л. Маккуори должен был отменить все назначения, судебные решения и раздачу земель, состоявшиеся со времени ареста Блая и до его прибытия.

Л. Маккуори со скрупулезной точностью выполнил эти инструкции. Когда 17 января 1810 г. Блай вернулся с Земли Ван Диемена в Сидней, Маккуори устроил ему пышную встречу, с салютом, парадом, иллюминацией и балом в губернаторском дворце. После этого Блай был отправлен в Англию. Покинул Новый Южный Уэльс и «ромовый полк» во главе со своим командиром Джонстоном. Дж. Маккартур был также в числе уезжавших. Оба они по прибытии в Англию предстали перед судом. Так окончилось правление «военной хунты» в Австралии.

ЕЩЕ ПЯТЬ БРИТАНСКИХ КОЛОНИЙ В АВСТРАЛИИ

ИССЛЕДОВАНИЯ АВСТРАЛИЙСКОГО МАТЕРИКА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Когда в первой главе книги мы писали об открытии европейцами Австралии, то подразумевали под этим исследования отдельных участков побережья Южного материка. Что же представлял собой сам пятый континент, было неизвестно не только Тасману, Дампиру и Куку, но и колонистам Нового Южного Уэльса даже спустя два десятилетия после создания колонии. Все, что было освоено, представляло собой расчищенный от леса участок диаметром в 30 миль в районе Сиднея, небольшой участок земли, находившийся в 90 милях к северу от Сиднея в устье реки Коул, а также район Хобарта на Земле Ван Диемена. Австралия же, как известно, занимает площадь в 3 млн. кв. миль, т. е. почти равную Соединенным Штатам и в 50 раз превышающую территорию Англии.

Первая попытка пройти Голубые горы, находящиеся в 40 милях к западу от Сиднея, была предпринята лишь в мае 1813 г. Экспедиция состояла из трех служащих колонии — Г. Блексленда, У. Уинтворта, У. Лаусона — и пяти заключенных. Через две недели они достигли западных склонов Голубых гор и обнаружили прекрасные пастбища, достаточные, чтобы «кормить весь скот колонии в течение последующих тридцати лет» [395, 30].

Блексленд, Уинтворт и Лаусон были щедро вознаграждены за свое открытие. Каждый из них получил участок земли размером в 1000 акров.

По приказу губернатора Маккуори заключенные начали спешно строить дорогу к вновь открытым районам.

В январе 1815 г. Маккуори смог уже проехать по ней до нового города Батхарст, в 120 милях к западу от Сиднея. Новый Южный Уэльс перестал быть замкнутой на крошечном клочке побережья колонией.

Активность англичан в исследовании австралийского материка объясняется тремя обстоятельствами: попытками французов обосноваться в Австралии, необходимостью расселения все увеличивающегося числа ссыльных и недостатком пастбищ и воды.

Экспедиция французских судов «Географ» и «Натуралист» вдоль берегов Австралии, о которой упоминалось выше, предпринятая в 1801—1802 гг., привела к тому, что англичане поспешили провозгласить свое формальное владение Землей Ван Диемена, а затем приступили к созданию поселений (кроме Хобарта) в Маккуори Харбор и Лоунсестоне. Поселения были созданы и на восточном и южном побережьях материка — в Ньюкасле, Порт-Маккуори и Порт-Филлипе. Исследования Джона Оксли в 1822 г. в северо-восточной части Австралии привели к созданию поселения в районе Брисбен-Рива.

Экспедиция французского капитана Дюмон-Дюрвилля заставила губернатора Нового Южного Уэльса создать в 1826 г. поселение Вестернпорт на южном побережье Австралии и послать майора Локира к проливу короля Георга в юго-западной части материка, где он основал поселение и объявил о распространении власти британского короля на весь Австралийский материк. Британское поселение Эссингтон было основано в крайней северной точке континента.

Население новых форпостов Британии на Австралийском материке составляли заключенные. Транспортировка их из Англии шла интенсивнее год от года. Считается, что со времени основания колонии до середины XIX в. в Австралию было направлено 130—160 тыс. заключенных [189, 210]. Поскольку новые поселения находились в сотнях, а часто и в тысячах миль друг от друга, то помимо фактической оккупации территории достигалась и другая цель — рассредоточение, разобщение ссыльных.

Необходимость поисков новых пастбищ и источников пресной воды объяснялась быстрым ростом поголовья овец. Если в 1810 г. колония «произвела» лишь 167 фунтов шерсти, то в 1829 г. — около 2 млн. фунтов [262, 91—92]. В связи с этим губернатор колонии Гиппс говорил: «Как невозможно заставить арабов пустыни жить в пределах круга, начертанного на песке, так невозможно заключить овцеводов Нового Южного Уэльса в определенные границы; совершенно очевидно, что, если б это было сделано, арабы погибли бы от голода, то же произошло бы и со стадами рогатого скота и овец Нового Южного Уэльса; благополучие страны кончилось бы» [393, 40].

Юго-восточную и южную части Австралии, в частности речные системы этих районов, исследовали в 20-х годах

XIX в. Д. Оксли, Г. Хьюм, А. Каннингхем и Ч. Стерт. Особенно значительный вклад сделал Стерт.

В 1826—1828 гг. в колонии была сильнейшая засуха. Скот падал от отсутствия кормов, урожай погибал от жары. Колонисты метались в поисках новых пастбищ и воды.

Тогдашний губернатор Нового Южного Уэльса Р. Дарлинг, обычно формалист и педант, в этом случае вынужден был действовать энергично. Он отправил своего приятеля капитана Чарльза Стерта на поиски новых рек, а может быть, и крупных внутренних морей, которые должны были, по распространенному тогда (и разделявшемуся Стертом) мнению, существовать в глубине Австралийского материка.

Экспедиция Стерта началась в ноябре 1828 г. и продолжалась до апреля 1829 г. Исследуя реку Маккуори, Стерт, к неудовольствию своему, обнаружил, что оканчивается она большим болотом, заросшим тростником и камышом. Но в январе 1829 г. он нашел к западу от реки Маккуори ручей, текущий на север. Двигаясь по нему, Стерт обнаружил широкую полноводную реку, названную им Дарлинг в честь губернатора. Но вода в реке оказалась соленой. Берега ее были совершенно голыми, растительность встречалась только в болотистых местах, да и там она была весьма чахлой.

«Огромные деревья умирали. Эму, вытянув шеи, жадно глотали воздух, страдая от жажды. Туземные собаки были так худы, что едва могли двигаться. Сами туземцы умирали от истощения. Они приносили своих детей к белым людям, прося дать какой-нибудь еды» [38—39].

Результаты экспедиции не могли, конечно, удовлетворить губернатора колонии. В сентябре 1829 г. Стерт во главе небольшого отряда предпринял новую экспедицию. 25 сентября он достиг реки Маррамбиджи. Встретившиеся ему аборигены утверждали, что Маррамбиджи — приток другой большой реки. Обнаружив небольшую речку, впадавшую в Маррамбиджи, Стерт, взяв с собой шесть человек и приказав остальным вернуться вверх по Маррамбиджи и ждать его возвращения, начал ее исследование. Передвигались с большими трудностями, поскольку река была очень мелкая. 14 января 1830 г. они достигли устья реки и вошли в неизвестную большую реку. Так Стерт открыл одну из крупнейших рек Австралии, назвал ее Муррей в честь тогдашнего британского министра колоний Джорджа Муррея.

Не успели Стерт и его товарищи порадоваться своему открытию, как случилось событие, едва не стоившее им жизни. Неожиданно их лодка села на мель, и вскоре они были окружены толпой весьма воинственно настроенных аборигенов. Столкновение казалось неизбежным, англичане приготовились к смертельному бою. Но вдруг на берегу

показался абориген гигантского роста. Он бросился в реку и поплыл к отмели. Достигнув ее, он расшвырял туземцев, подошел к лодке с англичанами и приветствовал их как друзей [328, 39—40]. На протяжении всего дальнейшего пути англичане встречали со стороны аборигенов только дружеское отношение и стремление помочь им.

После 33 дней пути, пройдя на лодке около 1000 миль, Стерт и его спутники обнаружили озеро, названное ими Александрина по имени британской принцессы. Из озера они нашли выход в открытое море. Это уже была большая победа. Можно было закончить путешествие. Возвращение в Сидней было долгим и трудным. Лишь 25 мая 1830 г., через полгода после начала путешествия, Стерт с товарищами вернулся в Сидней.

Важными результатами экспедиции Стерта было исследование системы рек в Южной Австралии — доказательство того, что водным путем можно добраться до южной границы материка, а также открытие больших пространств плодородных земель, чрезвычайно удобных для колонизации. «Мои глаза, — сообщал Стерт, — никогда не видели страны, которая находилась в более обещающей и выгодной позиции... мы получили пять миллионов акров прекрасной земли» [263, 67]. Его сообщение повлекло за собой колонизацию Южной Австралии.

Открытия Стерта не давали покоя майору Т. Митчеллу. Этот честолюбивый человек не мог примириться с тем, что он, старший в чине, не был назначен главой предпринятых экспедиций. Когда в 1831 г. Дарлинг, протежировавший Стерту, покинул колонию, Т. Митчелл предпринял свою первую экспедицию. Целью его путешествия было отыскать реку, будто бы впадающую в залив Карпентария, о которой ему рассказал один из ссыльных — Дж. Кларк, живший некоторое время у аборигенов. Экспедиция окончилась неудачей. Реки, которую искал, Митчелл не нашел. Он достиг рек Намой и Гвидир. В стычке с аборигенами он потерял двух человек и все запасы продовольствия и вынужден был вернуться обратно. Следует отметить, что все экспедиции Митчелла в отличие от Стерта сопровождались многочисленными стычками с аборигенами. Виной этому было несомненно отношение Митчелла к последним.

Во время второго путешествия Митчелл подошел к реке Дарлинг недалеко от того места, к которому подходил и Стерт. Интересно, что Митчелл нашел воду Дарлинга совершенно пресной. Был построен укрепленный лагерь, названный Форт-Бурк. После этого экспедиция двинулась вниз по реке Дарлинг, впадавшей, как в этом теперь убедился не веривший Стерту Митчелл, в реку Муррей. Но дальнейшая работа экспедиции была остановлена новой

кровопролитной стычкой с аборигенами, заставившей Митчелла вернуться назад.

Третья экспедиция Митчелла привела к открытию земли, которая из-за своих высоких достоинств и была названа «Счастливая Австралия». Она находилась к югу от реки Муррей. По выражению Митчелла, земля эта «сможет родить пшеницу даже в самые засушливые сезоны и никогда не станет болотом в самое дождливое время» [263, 69].

Продолжая экспедицию, Митчелл вышел к берегу моря в районе Портленд-бей. Участники экспедиции были очень удивлены, обнаружив на берегу белых поселенцев и судно в бухте. Это были колонисты, за два года до этого приехавшие с Земли Ван Диемена.

В плеяде первооткрывателей юго-восточной части Австралии есть и два польских исследователя — Я. Лькотский и П. Стшелецкий. Я. Лькотский, прибывший в Сидней в 1833 г., дал первые описания района, где теперь находится Канберра, и горной цепи, называемой сейчас Австралийские Альпы. П. Стшелецкий, появившийся в Сиднее в 1829 г., исследовал в 1840 г. самую южную часть континента, названную им Гипсленд в честь тогдашнего губернатора колонии. Он также первым поднялся на самую высокую гору Австралийских Альп, названную им горой Костюшко.

Примерно в это же время началось исследование западной части Австралии. Первая экспедиция была предпринята Дж. Эд. Эйром.

Экспедиция отправилась в путь в день двадцатипятилетней годовщины битвы при Ватерлоо, 18 июня 1840 г. Поэтому проводы ее участников были особенно торжественными. Из молодого города Аделаида, которому тогда исполнилось только три года, в экспедицию отправилось шесть человек с двумя повозками, 13 лошадьми и 40 овцами. Экспедиция прошла в необычайно тяжелых условиях. В конечный пункт путешествия — британское поселение Ольбани на берегу пролива Короля Георга — 7 июля 1841 г. пришел лишь Эйр, сопровождаемый аборигеном по имени Вилли. В следующем месяце Эйр уже на корабле отправился обратно в Аделаиду, куда и прибыл 26 июля.

В 1844 г., уже будучи пятидесятилетним человеком, возобновил свои исследования Стерт. На этот раз он хотел изучить центральную часть континента. 15 августа 1844 г. он вышел из Аделаиды, направляясь на север. Исследования продолжались до 1846 г. Стерт убедился, что центр Австралии представляет собой настоящую пустыню. Преодолеть ее он не мог. Тяжелобольной, ослепший, он вернулся в Аделаиду.

Исследования северной части Австралии пытался первым осуществить уже упоминавшийся нами Т. Митчелл. В 1845 г.

он добрался до бассейна реки Барку, но, испытывая недостаток припасов, вернулся обратно.

Наибольший же вклад в исследования севера страны внесли Л. Лейхгарт и Эд. Кеннеди.

Власти Нового Южного Уэльса поощряли исследования северной части континента, надеясь, что они приведут к открытию наиболее короткого и удобного торгового пути, соединяющего колонию с Индией.

Лейхгарт, уроженец Германии, еще в университете в Геттингене познакомился с англичанином Дж. Никольсоном и в дальнейшем сопровождал его в поездках по Франции, Италии и Англии. В октябре 1841 г. Лейхгарт отправился в Австралию. В Сидней он прибыл в феврале 1842 г. и вскоре проявил себя способным естествоиспытателем. В свое первое путешествие он отправился в августе 1844 г. Через 16 месяцев Лейхгарт достиг Порт-Эссингтона. Путешествие было очень трудным. Семь месяцев Лейхгарт и его спутники были без муки, много месяцев без сахара, соли и чая, три месяца путешественники питались лишь сушеной говядиной [96, 218].

Через месяц после окончания экспедиции Лейхгарт и его спутники на корабле отплыли в Сидней.

Лейхгарт начал готовить новую экспедицию. Он намеревался достичь северных границ континента, обогнув пустыню, открытую Стертом в центральной его части.

Путешествие предполагалось поэтому весьма продолжительным, провизии было запасено на два года.

12 декабря 1846 г. экспедиция Лейхгарта в составе семи европейцев и двух аборигенов вышла из Дарлинг-Даунс. Экспедиция имела 15 лошадей, 13 мулов, 40 коров, 270 коз, 100 свиней и 4 собаки [328, 72].

Экспедиция окончилась неудачей. Большая часть скота пала, съестные припасы были почти целиком израсходованы, люди страдали от лихорадки. Не добившись ничего, Лейхгарт через семь месяцев вернулся обратно.

Однако в апреле 1848 г. Лейхгарт вновь отправился на север. Его сопровождали шесть человек. На этот раз дело кончилось полной катастрофой. Экспедиция исчезла в глубинах пятого материка. В течение первых двух лет после ухода экспедиции отсутствие сведений о ней не вызывало особого беспокойства в Новом Южном Уэльсе, поскольку экспедиция и была рассчитана на длительный срок — ведь Лейхгарт поставил перед собой цель пересечь континент.

Но в 1851 г. власти колонии вынуждены были начать поиски Лейхгарта и его спутников. Поиски не дали результатов. Судьба участников экспедиции так и осталась неизвестной.

В апреле 1848 г. из Сиднея вышла еще одна экспедиция, направлявшаяся на север материка в поисках удобного

пути в Южную Азию и места для строительства порта на северном побережье Австралии. Возглавлял экспедицию Эд. Кеннеди, принимавший ранее участие в экспедициях Т. Митчелла. Для того чтобы выиграть время и облегчить путешествие, экспедиция часть пути проделала на корабле.

21 мая 1848 г. экспедиция Кеннеди, достигнув Рокимптон-бея, высадилась на берег. Она сразу же оказалась в тяжелых условиях. Болотистая местность, страшная жара, труднопроходимые заросли заставили путешественников отказаться от намеченного маршрута в северо-западном направлении к заливу Карпентария. Экспедиция двинулась вдоль северо-восточного побережья материка, но и здесь встретилась с теми же трудностями. К тому же через месяц начались частые столкновения с аборигенами.

В августе экспедиция должна была достичь залива Принцессы Шарлотты, где ее ждал специально посланный туда корабль. Но Кеннеди и его спутники добрались до залива лишь в октябре, когда корабль уже ушел. Только добравшись до Порт-Олбани, экспедиция могла надеяться на спасение. Но сделать это измученные, голодные и больные путешественники уже не могли. В Порт-Олбани в декабре 1848 г. пришел лишь один участник экспедиции, абориген по имени Джеки-Джеки. Сразу же был снаряжен корабль для исследования берега в заливе Принцессы Шарлотты в надежде найти живыми отставших членов экспедиции. 30 декабря корабль причалил к берегу, где, как говорил Джеки-Джеки, он оставил своих спутников. Из восьми оставшихся лишь двое были живы. Все остальные, в том числе и Кеннеди, погибли.

Проходившие с такими трудностями и жертвами экспедиции по исследованию Австралийского материка имели весьма большое значение для расширения и укрепления британского господства в Австралии.

За исследователями шли колонисты. Росли новые города и селения. Именно в это время, в первой половине XIX в., образовалось шесть британских колоний, которые через полвека объединились в Австралийский Союз — доминион Великобритании. Этими колониями стали кроме Нового Южного Уэльса, Тасмания, Западная Австралия, Южная Австралия, Виктория и Квинсленд.

ТАСМАНИЯ

В начале XIX в., после Амьенского мира 1802 г., наполеоновская Франция возобновила исследования Тихого океана. Экспедиция на кораблях «Географ» и «Натуралист» под командой адмирала Бодэна успешно исследовала юж-

ные берега Австралийского континента и Земли Ван Диемена. 8 апреля 1802 г. корабли встретились с британским судном под командой Флиндерса, который совершал исследовательское плавание вокруг Австралии. Бодэн заверил Флиндерса, что плавание французов в этом районе имеет чисто научный характер. Но когда в Париже была опубликована карта, на которой район между полуостровом Вильсона и заливом Спенсера был обозначен как Земля Наполеона, и поползли слухи, что французское правительство намеревается создать поселение на Земле Ван Диемена, английское правительство и власти в Новом Южном Уэльсе решили, что необходимо ускорить и юридическую и, что особенно важно, фактическую оккупацию Земли Ван Диемена.

Губернатор Нового Южного Уэльса Кинг послал лейтенанта Роббинса в Бассов пролив. Официально цель Роббинса состояла в более подробном изучении берегов Австралийского материка и Земли Ван Диемена. Секретная же инструкция обязывала лейтенанта следить за действиями французов и в случае необходимости опередить их, объявив официально британское господство в районе Бассова пролива.

Роббинс встретился с французами на острове Кинг. Высадившись на берег с тремя матросами, он, к удивлению французских моряков, немедленно провозгласил остров собственностью британского короля, поднял английский флаг, дал троекратный салют и покинул остров. Затем, продолжая плавание, Роббинс посетил Порт-Филлип на континенте и район реки Деруэнт на Земле Ван Диемена, оставив и там по два солдата для подтверждения британской собственности на эти земли.

Порт-Филлип за год до этого посетил английский офицер Муррей и дал правительству весьма положительную характеристику этого района в качестве дополнительной кроме Сиднея ссыльной колонии. Основываясь на докладе Муррея, лорд Хобарт, тогдашний министр колоний, приказал подполковнику Д. Коллинзу возглавить экспедицию для организации новой колонии. В октябре 1803 г. 330 заключенных на двух судах были доставлены в Порт-Филлип. Но место Коллинзу не понравилось. Поскольку в инструкциях британского правительства говорилось, что Коллинз имеет право выбрать и другое место для организации колонии, при условии, что он не будет затягивать поиски нового, более удобного места и высадку там вверенных ему людей [54, 15], Коллинз в феврале 1804 г. перевез всех колонистов на Землю Ван Диемена и высадил их в месте, где сейчас расположен город Хобарт. Там он встретил девятнадцатилетнего лейтенанта Дж. Боуена, который с небольшой партией вольных колонистов и заключенных по приказу губернатора Кинга в сентябре 1803 г. основал в этом месте британ-

ское поселение. Руководство объединенной колонией принял на себя Коллинз.

Первые годы существования колонии на Земле Ван Диемена отмечены такими трудностями, которые не переживали даже колонисты Нового Южного Уэльса. Английское правительство считало, что все снабжение колонии должно осуществляться из Сиднея. Губернатор же Нового Южного Уэльса полагал, что ему достаточно хлопот в своей колонии и содержание новой колонии на Земле Ван Диемена должно быть делом британского правительства. Связь между Сиднеем и Хобартом была лишь эпизодической и осуществлялась на небольших судах, принадлежащих колонии Нового Южного Уэльса. Колония в Хобарте была предоставлена, по существу, самой себе, и, если бы не мясо эму и кенгуру, имевшихся в большом количестве на острове, население этой британской колонии скоро бы вымерло. Мешало управлению колонии и то обстоятельство, что британское правительство проводило политику быстрого заселения Земли Ван Диемена заключенными и свободными колонистами. Население увеличивалось без соответствующего развития материальной базы. Уже в ноябре 1804 г. на северном берегу Земли Ван Диемена, недалеко от места, где сейчас расположен город Лонсестон, возникла вторая колония, которую возглавил полковник Петерсон. До 1813 г. эти колонии считались административно независимыми друг от друга и подчинявшимися властям Нового Южного Уэльса. Отношения между Петерсоном и Коллинзом обострились до такой степени, что губернатор Кинг вынужден был административно разделить остров на две части — северную, названную Землей Корнволл, и южную, названную Букингхемшир. В 1813 г. в Хобарт был прислан чиновник в ранге помощника губернатора Нового Южного Уэльса, который являлся руководителем колоний на Земле Ван Диемена.

Постепенно новые колонии начали укрепляться. Если в 1813 г. в Хобарте обрабатывалось 2 тыс. акров пашни, то в 1819 г. площадь обрабатывавшихся земель возросла до 8 тыс. акров. В 1820 г. Земля Ван Диемена уже экспортировала пшеницу и мясо в Новый Южный Уэльс. В это время население острова составляло 5500 человек (2588 заключенных, 2880 свободных поселенцев); имелось 30 тыс. коров и 180 тыс. овец [305, 11].

В декабре 1825 г. Земля Ван Диемена официально стала колонией, независимой от Нового Южного Уэльса. В этом же году в Англии была создана «Компания Земли Ван Диемена», целью которой было развитие земледелия и скотоводства на острове. К середине XIX в. на острове обрабатывалось уже 170 тыс. акров земли, имелось 1750 тыс. овец и 80 тыс. голов рогатого скота [189, 185—186].

Однако колония сохраняла в значительной мере черты ссыльного поселения. Это объяснялось тем, что даже в начале второй половины XIX в. число заключенных в общей массе населения острова продолжало быть весьма значительным. В 1842 г. население колонии составляло 60 тыс. человек, из которых заключенных было 20 тыс. Точно так же в 1850 г. треть населения острова, насчитывавшего тогда 70 тыс. человек, составляли заключенные. Доставка заключенных на остров была прекращена лишь в 1853 г.

Власть губернатора острова над населением была фактически безграничной. «Деспотизм главы администрации, — писал в то время британский историк Х. Мельвилл, — превышал власть любого государя в христианском мире. Едва ли существует хоть один колонист на острове, который не зависит от воли его превосходительства...» [366, 212].

Условия содержания заключенных здесь были хуже, чем в других британских колониях в Австралии. «Моральный уровень заключенных был ниже, и предпринимаемые против них средства более жестоки» [189, 184]. Не удивительно поэтому, что при первой возможности заключенные пытались бежать. Бежавшие образовывали отряды «бушренгеров», которые наводили ужас на всю колонию Земли Ван Диемена. Потребовались многочисленные карательные экспедиции, чтобы уничтожить отряды каторжников.

Увеличившееся с годами свободное население колонии требовало прекращения доставки заключенных на остров. В 1845 г. британское правительство заявило, что в течение двух лет не будет посылать заключенных на Землю Ван Диемена. По истечении же этих двух лет правительство, в лице министра колоний лорда Грея, объявило, что намерено впредь использовать Землю Ван Диемена для высылки туда заключенных. Но фактически ссыльные продолжали прибывать на остров и в 1845—1847 гг. (за это время прибыло 3 тыс. человек) и позднее. Лишь с 1854 г. Земля Ван Диемена была отнесена к числу колоний, в которые запрещалась высылка заключенных. В это же время произошло переименование колонии. Исчезло название Земля Ван Диемена, которое ссыльные изменили на «Чертову землю», используя игру слов — Van Demonians Land. Колония получила новое название — Тасмания, в честь первооткрывателя острова Абеля Тасмана.

ЮЖНАЯ АВСТРАЛИЯ

Если Новый Южный Уэльс и Тасмания возникли сразу как ссыльные колонии, то Южная Австралия возникает как колония свободных поселенцев, как практическое воплощение идей одного из виднейших идеологов британского ко-

лониализма первой половины XIX в., Эд. Уэйкфилда. В связи с этим необходимо сказать несколько слов о личности Эд. Уэйкфилда и сущности его теории колонизации, разбору которой К. Маркс уделил специальный раздел в первом томе «Капитала».

Сначала ничто в судьбе Уэйкфилда не предвещало характера его будущей деятельности. В 1827 г., за два года до того как появилась его работа о колониализме, Уэйкфилд был заключен в Ньюгейтскую тюрьму в Лондоне. Попал же он в тюрьму в результате довольно пикантной истории, начавшейся за год до его ареста. Тридцатилетний Уэйкфилд служил секретарем английского посольства в Париже, был вдов уже более шести лет, имел двух детей и лелеял честолюбивую мечту стать членом британского парламента, для осуществления которой ему не хватало денег. Размышляя, каким бы путем ему разбогатеть, он вспомнил о старинном испытанном способе — жениться на богатой. От своей мачехи он узнал, что пятнадцатилетняя Эллен Тарнер является единственной наследницей богатого промышленника.

Нисколько не смущаясь тем обстоятельством, что он никогда не видел эту девушку, Уэйкфилд прибыл в ливерпульскую школу и потребовал от директора школы отпустить Эллен с ним, так как мать ее серьезно больна. Девушке же он сказал, что отец ее внезапно разорился и единственное спасение семьи в том, чтобы она вышла за него замуж. Видимо, Уэйкфилд был достаточно красноречив, поскольку венчание состоялось незамедлительно. Затем новобрачные поспешно выехали во Францию.

Однако их медовый месяц был в самом начале прерван приездом во Францию двух дядей Эллен, которые и вернули ее отцу. Возвратившийся вскоре после этого в Англию Уэйкфилд был арестован и приговорен к трем годам тюрьмы. Так разбилась его мечта об избрании в парламент.

Но честолюбие указало ему иную сферу деятельности, прославившую его имя: он стал создателем теории «систематической колонизации» и «достаточной цены» на землю в колониях. Свои идеи в этом плане он развивал в написанной в тюрьме работе «Письма из Сиднея», которая вышла в свет в 1829 г.

Уэйкфилд доказывал, что надо колонизовать заокеанские территории не путем высылки туда каторжников, а систематически привлекая вполне добропорядочных людей. Цены же на землю в колониях должны быть установлены не минимальные, а достаточно высокие, во всяком случае такие, чтобы колонисты не были в состоянии приобретать ее сразу по приезде, а лишь проработав несколько лет. «Достаточная» цена помешает колонистам сразу по приезде

превращаться в независимых крестьян, до тех пор пока не появятся другие, готовые занять их место на рынке наемного труда [4, 782].

Деньги, полученные от продажи земли, должны направляться главным образом на привлечение новых колонистов, а частично — на нужды самой колонии.

В результате в колониях постепенно будет укрепляться и расти слой мелких землевладельцев, которые составят основу форпостов Британии в различных частях земного шара. Таким образом, та часть английского общества, которая в результате промышленного развития страны и быстрого внедрения машин оставалась без работы и была реальной угрозой существующему порядку вещей, превращалась, по мысли Уэйкфилда, в силу, цементирующую Британскую империю.

По выходе из тюрьмы в 1830 г. Уэйкфилд развернул активную деятельность, чтобы осуществить выношенные в Ньюгейте идеи. Он немало способствовал быстрой организации Национального общества колонизации, которое в том же, 1830 г. выпустило брошюру, озаглавленную «Изложение принципов и целей предполагаемого Национального общества для исцеления от пауперизма и его предупреждения посредством систематической колонизации».

Примерно в то же время, когда книга Эд. Уэйкфилда увидела свет, в Англию пришли сведения об открытых Стертом плодородных землях в долине реки Муррей. Впечатление, которое произвела книга Уэйкфилда в деловом мире Англии, еще более усилилось возможностью быстрого практического осуществления высказанной им идеи.

В 1831 г. в деловых кругах Лондона начались переговоры о создании компании, целью которой была бы колонизация земель, находящихся на юге Австралийского материка.

На состоявшемся 3 августа заседании Национального общества колонизации, проходившего под председательством полковника Торренса, был одобрен план колонизации Южной Австралии. Вскоре «Предложение правительству его величества об основании колонии на южном берегу Австралии» было направлено в министерство колоний. Разработанный обществом план предусматривал создание компании с капиталом 500 тыс. ф. ст., поделенным на 10 тыс. акций, каждая стоимостью 50 ф. ст. Компания приобретала земли в южной части Австралийского материка и основывала там колонию, находящуюся под ее управлением и контролем. Компания брала на себя всю финансовую ответственность, связанную с организацией и существованием колонии.

Министерство колоний скептически отнеслось к предложению общества и ответило, что не намерено рассматривать план по существу до тех пор, пока создаваемая компания не соберет необходимых для ее деятельности денежных средств

[396, 58—59]. Таким образом, решение вопроса о создании колонии в Южной Австралии повисло в воздухе.

Однако это обстоятельство не обескуражило Эд. Уэйкфилда и его друзей. Была создана Южноавстралийская ассоциация, которая в декабре 1833 г. разработала новый проект колонизации южноавстралийских земель. Этот план предусматривал создание Южноавстралийской земельной компании, на средства которой предполагалось осуществить создание колонии. На этот раз министерство колоний отнеслось к проекту положительно.

15 апреля 1837 г. министр колоний Стэнли ответил ассоциации, что ее проект одобрен, хотя министерство сделало к нему существенные добавления и исправления [396, 68—69].

3 июня 1834 г. Южноавстралийская ассоциация созвала первый публичный митинг, на котором присутствовало 2,5 тыс. человек. Представители ассоциации познакомили присутствовавших с планом создания колонии. В это же время в английском парламенте шло обсуждение разработанного ассоциацией проекта. Проект получил одобрение обеих палат парламента и, оформленный в виде закона, был подписан королем и введен в действие королевским указом от 15 августа 1834 г.

Закон предусматривал создание Южноавстралийской земельной компании, которая должна была осуществить на свой счет создание колонии. В отличие от первого проекта колонизации Южной Австралии компания не получила исключительного права управления колонией. Предусматривалось, что власть в колонии будет делиться между губернатором, назначенным королем, и назначенным компанией уполномоченным. Губернатором колонии был назначен капитан Джон Хиндмарш, а уполномоченным компании — Хартл Фишер. Председателем совета Южноавстралийской земельной компании стал полковник Торренс. Основу капитала Южноавстралийской земельной компании составил вклад богатого коммерсанта Джорджа Энгеса — 320 тыс. ф. ст. Дополнительный капитал компания собрала путем продажи прав на земельные участки в районе, о котором тогда не только в Лондоне, но и в Сиднее не имели, по существу, никакого представления. Компания продавала акции, которые давали их владельцам право на 120 акров земли на территории будущей колонии и 1 акр — в будущей ее столице.

Совет компании во главе с Торренсом развернул в Англии широкую пропаганду по привлечению колонистов. Были выпущены специальные брошюры, читались лекции. Сам Торренс написал книгу «Колонизация Южной Австралии», вышедшую в свет в июне 1835 г. Компания полагала отправить первую партию колонистов в Южную Австралию уже в сентябре 1835 г. Однако продажа участков затянулась до нояб-

ря, и было решено перенести экспедицию на следующий год. Она началась в марте 1836 г.

В июле 1836 г. к острову Кенгуру, находящемуся у берегов Южной Австралии, подошли три корабля компании, имевшие на борту 546 колонистов. Колонисты оказались на острове до прибытия туда полковника Лейта, которому было поручено выбрать место предполагаемой столицы колонии. Лейт прибыл в августе и выбрал то место, где сейчас находится город Аделаида.

Организация колонии шла быстро. В декабре прибыл губернатор колонии Хиндмарш. Ему не понравилось выбранное для столицы колонии место, и он пытался найти другое. Это вызвало серьезные трения между ним и чиновниками администрации колонии. Результатом этих трений была отставка Хиндмарша и замена его в 1838 г. на посту губернатора Гоулером.

В первые годы существования Южной Австралии имели место громадные земельные спекуляции. Собственно, главной целью и самой Южноавстралийской компании и колонистов было стремление к быстрому обогащению именно путем спекулятивных перепродаж приобретенных ими земельных участков. Поэтому широкое распространение получила система, дававшая право на 15 тыс. акров земли лицу, которое купило из этого количества по крайней мере 4 тыс. акров по цене 1 ф. ст. за акр. Оставшаяся часть земли покупалась тем же лицом постепенно по цене уже 5 шилл. 4 пенса за акр [96, 134—135]. Очень скоро это привело к тому, что все плодородные земли попали в руки не земледельцев-колонистов, которые, по идее Эд. Уэйкфилда, должны были своим упорным трудом создавать богатство колонии, а к спекулянтам землей, находившимся к тому же в большинстве своем не в Австралии, а в Англии. Эти люди, ничего не вкладывая в землю, жили на доходы, полученные от спекуляции заочно приобретенными и перепроданными участками.

Прошло четыре года со времени основания колонии, но ничего не было сделано для развития земледелия и скотоводства. Южная Австралия почти ничего не производила.

В 1837 г. из проданных 3700 акров земли обрабатывалось лишь 4 акра; в 1839 г. было продано 170,5 тыс. акров земли, а обрабатывались 443 акра. Импорт колонии в 1839 г. вырос по стоимости до 346,6 тыс. ф. ст., тогда как экспорт составил только 22,5 тыс. [189, 203]. Спекуляции землей обогащали лишь немногих спекулянтов. Администрация не имела средств для освоения территории колонии, строительства портов, дорог и т. д. и потому вынуждена была обратиться за помощью к правительству. Как только об этом стало известно в Лондоне, среди держателей акций и кредиторов Южноавстралийской земельной компании началась настоящая паника. Они

стали спешно избавляться от акций, предъявлять векселя к оплате. Компания оказалась банкротом, колония переживала полный финансовый крах. Люди бежали из колонии. За несколько месяцев ее население уменьшилось наполовину. Остальные оставались только потому, что не имели возможности уехать. Цены на продукты питания катастрофически росли. Земельные участки невозможно было продать. Большинство землевладельцев, и вместе с ними губернатор колонии Гоулер, полностью разорились.

Слухи о бедственном положении колонистов Южной Австралии распространились в других британских колониях на континенте. Наиболее предприимчивые скотоводы и земледельцы Нового Южного Уэльса и Порт-Филлипа начали проникать в Южную Австралию, надеясь с большой выгодой использовать ее плодородные земли. К концу 1841 г. на пастбищах Южной Австралии паслось уже 50 тыс. овец. В этом же году в Южной Австралии были обнаружены залежи свинцовой, а в 1843 г. — медной руды. Скотоводство и горнодобывающая промышленность стали основой экономического развития колонии. Население колонии теперь быстро увеличивалось. В 1850 г., когда Южная Австралия получила права самоуправления, ее население составляло 63 тыс. человек.

В Южную Австралию административно были включены огромные пространства центральной и северной части материка. Как мы уже отмечали, их освоение связывалось с поисками наиболее удобного торгового пути в Индию. Именно с этой целью еще в 1817 г. лейтенант Ф. Кинг был послан для тщательного исследования северного побережья Австралии. В своем докладе правительству Кинг высоко оценивал условия северного побережья для строительства морских портов.

На основе выводов Кинга британское правительство послало в этот район капитана Г. Бремера, который в 1824 г. основал там первое британское поселение — Порт-Эссингтон. Его население первоначально составляли 48 заключенных, взятых в Сиднее капитаном Бремером.

В дальнейшем предпринимались неоднократные попытки основать поселения на северном побережье материка, но они не имели прочного успеха: возникшие поселения довольно быстро опустели. Вместе с ними угасала надежда на использование портов северного побережья для торговли с азиатскими странами.

Лишь в 1863 г., когда северная территория административно была подчинена колонии Южная Австралия, к ней ненадолго опять возник интерес. Туда был послан резидент, основавший большое поселение Пальмерстон, названное в честь тогдашнего британского премьер-министра. Но Южная Австралия ничего не могла сделать для развития гигантской и труднодоступной северной территории. В 1911 г. северная тер-

ритория перешла под непосредственное управление правительства Австралийского Союза. Город Пальмерстон был переименован в Дарвин.

ЗАПАДНАЯ АВСТРАЛИЯ

Подобно Южной Австралии, Западная Австралия первоначально возникла как колония свободных поселенцев.

Мы уже говорили о том, что первое поселение возникло в Западной Австралии как реакция на попытки французов обосноваться на Австралийском материке.

В 1826 г. губернатор Нового Южного Уэльса Дарлинг послал из Сиднея морским путем два небольших военных отряда к южному побережью Австралии, поручив им основать там британские поселения. Один из этих отрядов высадился на юго-западном берегу Австралии и основал там поселение Вестернпорт, просуществовавшее, однако, очень недолго. Другой отряд, под командованием майора Э. Локира, на бриге «Амити» достиг пролива Короля Георга на юго-западном побережье Австралии в конце декабря 1826 г. и также основал там поселение, получившее впоследствии название Олбани.

В это же время в Сидней прибыл британский военный корабль под командованием капитана Дж. Стирлинга. Губернатор Дарлинг поручил ему обследовать западное побережье Австралии с целью создания там британской колонии. В течение двух недель в марте 1827 г. капитан Стирлинг проводил исследования западного побережья Австралийского материка, а вернувшись в Сидней, сообщил в своем докладе Дарлингу, что считает наиболее подходящим для организации колонии район реки Суон. Капитан Стирлинг отмечал здоровый климат, плодородные почвы, обеспеченность пресной водой данного района, а также указывал на выгодность его географического положения, позволяющего создать там порт, который смог бы осуществлять торговые операции со странами Востока. Д. Стирлинг подчеркивал необходимость действовать быстро ввиду реальной возможности французской оккупации этого района. Губернатор Дарлинг поддержал предложения Дж. Стирлинга и переслал его доклад в Лондон. Однако британское правительство не поддержало в то время предложения об освоении западного побережья, считая невозможным взять на себя бремя расходов по организации колонии.

В середине 1828 г. Дж. Стирлинг, находясь в Лондоне, вновь обратился к правительству с идеей организовать британскую колонию на западном побережье Австралии и предложил свои услуги в качестве руководителя такой экспедиции. Поскольку британское правительство мотивировало свой первый отказ тем, что не могло взять на себя расходы по устрой-

ству этой отдаленной колонии, Дж. Стирлинг предлагал создать частный синдикат, который бы взял на себя финансирование всего предприятия.

На этот раз правительство, напуганное слухами о возможном захвате французами западного побережья Австралии, заинтересовалось предложением капитана Стирлинга. Однако существовало мнение, что создаваемая колония должна быть организована не частными лицами, а государством. Необходимо было прежде всего осуществить формальный захват западной части Австралийского материка, поскольку до этого Великобритания формально, устами Джеймса Кука, провозгласила свою власть лишь над восточной частью материка. С этой целью британское правительство направило в ноябре 1828 г. капитана Фримантла на корабле «Челленжер» к западным берегам Австралии. Ему было приказано идти к реке Суон на западном побережье материка, где он должен был, как говорилось в инструкции правительства, «провозгласить право собственности на эту часть берега от имени его величества, полагая под этим распространение этого права на все западное побережье» [54, ser. III, vol. VI, 614].

2 мая 1829 г., высадившись в устье реки Суон, капитан Фримантл провозгласил британский суверенитет над территорией, в десять раз превышающей размеры Великобритании.

Экспедиция капитана Фримантла к берегам Западной Австралии совпала с заметным усилением интереса деловых кругов Англии к новой колонии. В ноябре 1828 г. группа лондонских предпринимателей во главе с Т. Пилем передала британскому правительству записку, в которой предлагала осуществить доставку в колонию 10 тыс. человек в обмен на получение 4 млн. акров земли. Правительство согласилось передать лишь 1 млн. акров земли. Было установлено, что каждый колонист получит право на земельный участок размером в 40 акров при уплате 3 ф. ст. сразу и обязательстве в течение первых трех лет пользования землей израсходовать на ее обработку еще не менее 3 ф. ст.

30 декабря 1828 г. капитан Стирлинг был назначен руководителем новой колонии.

В июне 1829 г. первая партия колонистов — 50 человек — прибыла к берегам Западной Австралии. Следует сказать, что среди колонистов почти не было людей, которые намеревались бы «в поте лица своего» трудиться на землях пятого континента. Пришельцев влекла в далекую Австралию жажда быстрого и легкого обогащения, ибо компания по колонизации Западной Австралии всячески расхваливала плодородие новых земель, их блестящие перспективы. Колонисты, приобретая земельные участки в районе реки Суон, надеялись, что в самом скором времени они будут давать доходы, не уступающие тем, которые получают землевладельцы в английских

графствах. Приобретали же они западноавстралийские земли, как уже отмечалось, почти даром.

Надеясь на легкую, богатую жизнь, колонисты привезли из Англии всевозможные вещи домашнего комфорта, предметы роскоши: музыкальные инструменты, изящные коляски, чистокровных рысаков, дорогих охотничьих собак и т. п. Вскоре по прибытии были заложены первые два города колонии: Перт и Фримантл. Жестокая действительность очень скоро не оставила и следа от мечтаний колонистов. Земля оказалась неплодородной. Из-за острой нехватки продовольствия скот пришлось забить и мясо раздать колонистам.

Привезенные из Англии овцы не могли приспособиться к местным пастбищам и гибли. К тому же большую и лучшую часть полученной от правительства земли компания очень быстро продала весьма ограниченному кругу колонистов. Так, за восемнадцать месяцев после создания колонии семьдесят колонистов приобрели право на полмиллиона акров земли в районе Перта. Остальным колонистам земля предоставлялась все дальше и дальше от берега, что при отсутствии дорог, в условиях дремучих лесных зарослей делало не только обработку земли, но и доступ к участкам очень затруднительным.

Поскольку колония ничего не производила, не вела торговых операций, то денежные средства у администрации отсутствовали. Единственной формой вознаграждения была раздача земельных участков. Даже губернатор колонии Стирлинг получал жалованье землей. Ему было дано 100 тыс. акров.

К 1832 г. были проданы права на земельные участки общей площадью миллион акров. Но земли не обрабатывались. Колонисты начали покидать негостеприимные берега. Население Западной Австралии с 1830 по 1832 г. уменьшилось с 4 тыс. человек до 1,5 тыс.

Слухи о положении в колонии достигли берегов Англии, и число желающих отправиться в Западную Австралию резко снизилось. В 1832 г. только 14 колонистов прибыло в Перт, и в последующие годы число прибывающих оставалось очень небольшим. Не помогла и широкая реклама колонии, организованная в Англии Западноавстралийской ассоциацией, основанной в Лондоне в 1835 г. Разорился и организатор колонии Т. Пиль. Семья его вернулась в Англию. Сам он продолжал жить в колонии. Посетивший его в 1842 г. священник Уолластон так описывает жилище Пиля: «Он живет в убогом домишке из камня, с крышей из камыша. Все вокруг него свидетельствует о том, что он сломленный человек...» [цит. по: 189, 199].

В конце 30-х — начале 40-х годов была сделана попытка активизировать колонизацию Западной Австралии. Ее осуществила созданная в то время в Лондоне Западноавстралийская компания. Компания выбрала для колонизации район,

находящийся в 100 милях к югу от Перта. Предполагалось заложить там город — центр колонии — и вокруг него расселить колонистов, продавая им участки в 100 акров по цене 1 ф. ст. за акр. Первая партия колонистов прибыла в намеченный район в марте 1841 г. Деятельность компании привела к некоторому увеличению числа колонистов, прибывающих в Западную Австралию. Так, если в 1841 г. их было 414 человек, то в 1842 г. — 673 [249, 16]. Но агитированные компанией колонисты вскоре по прибытии разочаровались в своем выборе и начали разбегаться. В 1845 г., например, из колонии уехало на 129 человек больше, чем приехало [249, 6].

В 1848 г. в Западной Австралии была проведена первая официальная перепись населения, согласно которой численность населения колонии спустя 20 лет после ее создания составляла всего 4622 человека [249, 17].

Идея организации колонии силами свободных поселенцев совершенно очевидно не оправдала себя. Тогда власти колонии решили закончить неудавшийся эксперимент и обратились в 1849 г. к британскому правительству с просьбой организовать доставку заключенных в Западную Австралию; используя ссыльных, власти надеялись развернуть наконец обработку земель и действительное освоение колонии. Просьба эта встретила поддержку, и доставка заключенных в Западную Австралию началась. В течение восемнадцати лет туда было послано 10 тыс. заключенных.

Отправку заключенных в колонию британское правительство прекратило в 1868 г. вследствие сильных протестов соседних колоний, указывавших на то, что Западная Австралия превратилась в «трубопровод, через который моральные нечистоты Великобритании выливались в австралийские колонии» [263, 79].

Политическое и экономическое развитие Западной Австралии шло медленно. В 1849 г. в Западной Австралии было 134 тыс. овец и 12 тыс. голов рогатого скота. Обрабатывалось 7,2 тыс. акров земли, половина которой засевалась пшеницей [249, 20—21]. Права самоуправления Западная Австралия получила лишь в 1890 г.

ВИКТОРИЯ

Если колонии, историю создания которых мы рассмотрели выше, появились с благословения британского правительства, то колония Виктория появилась вопреки намерениям правительства, но, как это часто случается с «незаконными» детьми, проявила большую жизнеспособность и вскоре сделалась одной из богатейших британских колоний Австралии.

Мы упоминали о том, что в 1809 г. к южному побережью Австралии был послан капитан Коллинз с целью организо-

вать там британское поселение, но, не найдя на тамошних землях достаточного числа источников пресной воды, высадил своих спутников на берегах Земли Ван Диемена.

В то время власти Нового Южного Уэльса еще неохотно шли на какое-либо расширение территории колонии и рассредоточение заключенных. В 1829 г. губернатор Дарлинг разбил колонию на 19 округов, границы которых были строго определены, и расширять их запрещалось. Вся территория колонии простиралась на 300 миль в длину и 150 миль в ширину.

Но когда майор Митчелл в 1836 г., исследуя бассейн реки Муррей, вышел к южному побережью Австралии, он увидел там селения британских колонистов. Они пришли сюда с Земли Ван Диемена, действуя на свой страх и риск.

Первой в декабре 1834 г. прибыла в район Порт-Филлип семья Эдварда Генри.

В конце мая 1835 г. туда прибыла маленькая группа колонистов, во главе которой находился Джон Бетман. В ее состав входило 14 человек. Тем не менее группа имела своего юриста Геллибранда, который оформил договор с аборигенами на «покупку» земли. Этот акт англичан можно было бы назвать комическим, если бы он не имел столь издевательского по отношению к аборигенам характера. За несколько одеял, ножей, кос и небольшое количество муки Д. Бетман и его группа «приобрели» права на 600 тыс. акров плодородной земли. «Договор» был составлен на английском языке, и аборигены, ставя под ним свои знаки, понятия не имели о его содержании.

Конечно, англичане могли бы не утруждать себя и этим. Документ о купле-продаже земли был подготовлен не для удовлетворения аборигенов, а для того, чтобы перед властями Нового Южного Уэльса доказывать «законность» такого приобретения и избавиться от необходимости платить деньги за это британскому правительству.

Но ни губернатор Нового Южного Уэльса, ни британское правительство, узнав через некоторое время об образовании поселения в районе Порт-Филлипа, не признали законности договора, подписанного Д. Бетманом с аборигенами. Они исходили из того, что после открытия Дж. Кука все австралийские земли являются собственностью не аборигенов, а британской короны. «Я считаю своей обязанностью, — заявил губернатор Нового Южного Уэльса Берк, — протестовать против любого умаления прав британской короны, которое может быть следствием подписанного договора» [54, ser. I, vol. XVIII, 15].

Однако колонисты, находясь в отдалении от «властей предержащих», не только не испугались губернаторского гнева, но и создали свою собственную администрацию колонии,

сформулировали ее законы. Согласно этим законам никто из колонистов не имел права продать свой участок в течение по крайней мере пяти лет. Допуск в колонию заключенных запрещался. Не разрешался ввоз спиртных напитков. С целью поощрения уничтожения мешавших развитию скотоводства диких собак-динго администрация колонии выплачивала 5 шилл. за каждую убитую собаку. Был создан собственный суд в составе трех человек.

Через несколько недель после того, как Д. Бетман и его спутники высадились в Порт-Филлипе, туда выбыла с Земли Ван Диемена еще одна группа колонистов во главе с Джоном Фоукнером. В июне 1836 г. в районе Порт-Филлипа проживало уже 177 человек, владевших 26,5 тыс. овец, коров и 60 лошадьми.

Но главный приток колонистов двигался не с юга, а с севера. После открытия Митчеллом в 1836 г. «Счастливой Австралии» туда устремились многочисленные колонисты из Сиднея.

Колония в Порт-Филлипе укреплялась, и губернатору Берку ничего не оставалось, как официально признать ее существование. Он сделал это в сентябре 1836 г. В Порт-Филлип был направлен представитель губернатора капитан Вильям Лоунсдейль с четырьмя чиновниками и 14 солдатами. А в марте 1837 г. губернатор Берк посетил новую колонию и дал ее столице Порт-Филлипу новое название — Мельбурн в честь тогдашнего английского премьер-министра. Тогда же он основал новое поселение — Вильямс-таун в честь британского короля Вильяма IV.

В 1839 г. колония Порт-Филлип была включена в состав Нового Южного Уэльса.

Колонисты Порт-Филлипа протестовали против этого и требовали от британского правительства отделения от Нового Южного Уэльса на том основании, что последний является колонией заключенных, а Порт-Филлип — колония свободных поселенцев. Англия, говорил в Лондоне представитель колонистов Порт-Филлипа Г. Мерсер, должна быть заинтересована в обладании «свободной колонией, основанной на принципах мира и цивилизации, филантропии, морали и умеренности» [189, 188—189].

Британское правительство в то время отказало колонистам Порт-Филлипа в их просьбе. Отделение Порт-Филлипа от Нового Южного Уэльса произошло несколько лет спустя, в 1850 г.

Новая колония получила название Виктория в честь царствующей тогда британской королевы Виктории. В то время колонию населяло уже 77 тыс. человек. Интенсивно развивалось овцеводство: на пастбищах колонии паслось свыше 5 млн. овец [189, 189].

Несмотря на то что именно на территории современного Квинсленда Дж. Кук в 1770 г. провозгласил Австралию собственностью британской короны, в этом районе долгое время не было ни одного английского поселения. Лишь в 1821 г. была создана небольшая ссыльная колония в Порт-Маккуори. В 1823 г. губернатор Нового Южного Уэльса Брисбен решил создать еще одно ссыльное поселение, которое располагалось бы севернее Порт-Маккуори. С этой целью он послал туда водным путем Оксли. Продвигаясь вдоль северо-восточного берега материка на корабле «Мермейд», Оксли достиг района Порт-Кэртис. Место ему не понравилось, он вернулся в Мортон-бей и неожиданно встретил на берегу двух англичан Финнигена и Памфлета. Оказывается, из Сиднея они вышли в море на небольшой лодке, не имея компаса. Налетевший шторм понес лодку в океан. Когда же они смогли опять достичь берега, то совершенно не представляли себе, где находятся. Они считали, что высадились южнее Сиднея, и двинулись вдоль берега на север, но они не приближались, а удалялись от Сиднея, поскольку англичане после бури подошли к берегу севернее Сиднея. Они бы погибли, если бы не помощь аборигенов. Присоединившись к ним и вместе с ними кочуя, англичане хорошо изучили местность. Они рассказали Оксли, что недалеко находится река, впадающая в океан, берега которой удобны для организации колонии. Двигаясь в указанном Памфлетом и Финнигеном направлении, Оксли действительно обнаружил реку, которую назвал Брисбен-ривер. По возвращении в Сидней Оксли всячески рекомендовал создать новую колонию на берегах Брисбен-ривер. Брисбен сам посетил Мортон-бей и одобрил выбор Оксли.

В сентябре 1824 г. первая партия из 300 ссыльных была доставлена в Мортон-бей. Для поселения было выбрано место там, где сейчас стоит столица Квинсленда город Брисбен.

В инструкции, которую дал губернатор Брисбен коменданту колонии лейтенанту Миллеру, говорилось, что «ссыльные должны быть использованы для расчистки территории, в первую очередь для поселения, и, когда это будет сделано, они должны перейти к подготовке его для свободных поселенцев» [263, 85].

Но колония еще долго оставалась лишь местом ссылки, несмотря на то что в 1827 г. Аллен Кеннингхем обнаружил весьма удобные для скотоводства земли в Дарлинг-Даунс. В 1830 г. в колонии находились тысяча заключенных и сто охранявших их солдат. Описывая Брисбен конца 30-х годов, очевидец подчеркивал, что «Брисбен существовал почти только номинально. Не было улиц и ничего такого, что производило бы впечатление города» [цит. по: 189, 192].

Лишь в 1840 г. Патрик Лесли привел первое стадо в район Дарлинг-Даунс. К 1851 г. Дарлинг-Даунс насчитывал 2 тыс. жителей. Осваивались и другие земли, находящиеся к западу и северу от этого района.

Акт 1850 г., которым Виктория была признана самоуправляющейся колонией, уполномочивал также королеву, «учитывая обращение жителей», произвести отделение от Нового Южного Уэльса всей территории севернее 30° южной широты для создания там самоуправляющейся колонии.

Однако практическое осуществление раздела произошло через девять лет. Актом 1859 г. северная часть Нового Южного Уэльса провозглашалась отдельной колонией и получала название Квинсленд. К этому времени британское население колонии составляло 28 тыс.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ БРИТАНСКИХ КОЛОНИЙ В АВСТРАЛИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Посылая в 1788 г. капитана Филлипа в Порт-Джексон, британское правительство ставило перед ним ограниченную задачу: создать своего рода тюрьму под открытым небом, в которой все потребности удовлетворялись бы исключительно за счет труда самих же ее обитателей. Правительственная инструкция предписывала Филлипу «все виды продукции, произведенной трудом заключенных, рассматривать как общественный фонд», часть которого должна использоваться для снабжения самих заключенных, а также военнослужащих и гражданских чиновников колонии. «Оставшуюся часть, — говорилось в инструкции, — вы должны сохранить для снабжения других партий заключенных, которые вскоре последуют за вами» [415, 4—5].

Прошло три десятка лет, и этот взгляд на Австралию начал решительно меняться. Бурно развивающаяся английская промышленность нуждалась в источниках необходимого ей дешевого сырья. Австралийский континент стал рассматриваться как гигантское пастбище, где при минимальных затратах (следствие благоприятнейших климатических условий) можно будет производить неограниченное количество столь нужной английской промышленности шерсти.

В 1828 г., например, специальный комитет палаты лордов по вопросам развития производства шерсти определял Австралию как источник самой лучшей дешевой шерсти в мире [450, 12].

Уже в первые десятилетия XIX в. овцеводство стало господствующей отраслью в британских колониях в Австралии.

Разведение овец неизбежно требовало все новых и новых земельных участков под пастбища. Начался позорный для британских колонизаторов период «освоения» австралийской территории, «очищения» ее от коренных жителей.

Если в самой Англии развитие овцеводства вызвало, как мы уже упоминали, тяжелые и даже непоправимые последствия для крестьян, то в Австралии борьба за пастбища привела к почти полному (а в Тасмании буквально полному) истреблению аборигенов.

Коренные жители не только сгонялись со сколько-нибудь удобных для земледелия и скотоводства земель, на них просто устраивалась охота, как на диких зверей. Целью англичан было полное истребление аборигенов. На Австралийском континенте некоторое, очень небольшое число местных жителей уцелело благодаря тому, что они уходили в глубь континента, в места, почти недоступные для англичан. На сравнительно небольшом острове Тасмания аборигенам негде было укрыться.

Когда англичане создали свои первые поселения на острове, коренное население его достигало 200 тыс. человек. К середине 50-х годов XIX в. на острове оставалось менее 20 коренных жителей. В начале 70-х годов они полностью вымерли. Такой ценой были оплачены большие успехи овцеводства в британских колониях в Австралии.

Практически история австралийского овцеводства началась в 1797 г., когда Дж. Маккартур и Самуэль Мерсден создали свои первые фермы. У каждого из них было в то время по нескольку овец. К середине XIX в. Австралия являлась уже главным экспортером шерсти в Англию, причем наиболее быстрое развитие производства шерсти произошло в двадцатилетие между 1830 и 1850 гг. Так если в 1829 г. Англия, импортируя 21 млн. фунтов шерсти, более 14 млн. фунтов вывозила из Германии и лишь 1,8 млн. фунтов, или $^1/_{12}$ часть, из Австралии, то в 1848 г. из общего английского импорта шерсти в 69 млн. фунтов почти 30 млн. шло из Австралии, а из Германии по-прежнему 14 млн. фунтов.

Развитие овцеводства требовало земли, людей и капиталов.

Земля в Австралии являлась собственностью британской короны. Заключенные, отбывшие наказание, и свободные колонисты из Англии получали земельные участки в виде дара от британского правительства. Так продолжалось до 1824 г. К этому времени интерес к приобретению земли в Австралии настолько вырос, что британское правительство в августе 1824 г. ввело систему продажи коронной земли в Австралии. Сделки заключались очень бойко. За четыре года, к 1828 г., в Новом Южном Уэльсе было продано земли в 6 раз больше, чем за десять лет до того.

Началась поистине «земельная лихорадка». Из Англии за восемь лет приехало 30 тыс. колонистов. Жители колоний независимо от их служебной деятельности стремились обогатиться путем земельных спекуляций. «Священники также часто превращаются в фермеров и спекулянтов,— писал Дж. Грей в то время,— даже если они не отказываются насовсем от исполнения своих культовых обязанностей. Медики редко продолжают свою практику, если возможность такого же рода деятельности открывается перед ними; солдаты забывают свою службу; правительственные чиновники все, в сущности, фермеры и биржевики» [282, 59—60]. За 1832—1837 гг. более миллиона акров земли было продано за 360 тыс. ф. ст.

Ажиотаж вокруг участков подталкивал исследователей на поиски новых земель. За первооткрывателями в глубь Австралийского материка устремлялся поток поселенцев-скотоводов.

Как мы уже писали выше, власти Нового Южного Уэльса, выполняя указания министерства колоний, объявили в 1829 г. границы заселения колонии, разбив ее на 19 округов, за пределами которых селиться колонистам не разрешалось. Но в начале 30-х годов земля в пределах этих округов была полностью распределена. Тогда поток колонистов перешагнул установленные границы, распространяясь все дальше и дальше. В 1830 г. половина поголовья скота паслась за официальными пределами колонии.

Министерство колоний негодовало: «Будет признан незаконным любой акт, разрешающий австралийскому поселенцу перегонять свои стада в названные места без получения на то предварительного согласия ее величества...» [301, 15]. Но власти колонии ничего не могли (да и особенно не старались) поделать с этим непреодолимым движением. Наконец в 1836 г. было сформулировано правило, на основании которого колонисты могли пользоваться новыми землями. Они должны были платить администрации колонии 10 ф. ст. в год и могли перегонять скот в любое место за пределами округов. Это удостоверялось специальными лицензиями властей.

Судебные органы колонии в своей практике поддержали скотоводов, захватывавших новые земли. Так, судья Стефен отмечал: «Человек прошел во внутренние области континента и захватил во владение участок земли, поставил там свой дом, пас на всем его пространстве своих овец; участок земли, таким образом занятый им и его собственностью, должен считаться его владением, и он может предпринять любое действие против лица, которое вторгается на его землю. Он не обязан доказывать свои права на участок. Он просто скажет: „Я уже владел землей до того, как вы пришли сюда"». [189, 199].

Эта система приобретения земли просуществовала недолго. В 1839 г. губернатор Нового Южного Уэльса Дарлинг

ввел новый порядок. По новой системе колонист уплачивал по 1 ф. ст. в год за каждые сто акров занятой им земли. Несколько позже размер платы был сокращен до 2 шилл. 6 пенсов. К концу 1838 г. было роздано лицензий на 73 млн. акров в Новом Южном Уэльсе и на 4,5 млн. акров на Земле Ван Диемена. На розданных по лицензиям пастбищах паслось 1,4 млн. овец, 376,7 тыс. коров и 7,1 тыс. лошадей [189, 143].

В начале 40-х годов финансовый кризис в Англии и падение цен на шерсть довольно болезненно отразились на экономическом положении британских колоний в Австралии. Овцеводство начало несколько свертываться, резко сократилась продажа земельных участков. Так, если в 1840 г. в Новом Южном Уэльсе было продано земельных участков на 316 626 ф. ст., то в 1841 г.— на 90 388, а в 1842 г. — на 14 575 ф. ст.; в Порт-Филлипе — соответственно на 217 128, 71 152 и 2730 ф. ст. [282, 84]. Но упадок продолжался недолго. В 1844 г. цены на шерсть стали опять расти, положение овцеводов вновь укрепилось, что нашло свое отражение в Акте о землевладении, подписанном губернатором Фицроем в марте 1847 г. Согласно акту все пастбищные земли делились на три вида: заселенные, промежуточные и незаселенные. В заселенных районах поселенец-овцевод получал право пользования землей на один год, а в промежуточных и незаселенных — соответственно на 8 и 14 лет. Вместо уплаты стандартной цены за пользование землей он теперь платил ренту, размер которой варьировался в зависимости от качества полученного участка. Он получал право приобретать 160 и более акров земли по цене 20 шилл. за акр.

Развитие овцеводства все настойчивее требовало рабочих рук. В первые годы существования колоний Нового Южного Уэльса и Земли Ван Диемена их население составляли заключенные, и пополнялось оно фактически лишь заключенными. Свободные колонисты насчитывались единицами. Даже в 30-х годах, когда свободное переселение в Австралию значительно возросло, число заключенных в колониях превышало число свободных поселенцев. Среди вновь прибывавших в колонию заключенные также преобладали. В период 1831—1837 гг. в колонии ежегодно доставлялось 6,5 тыс. человек, из них заключенных было более половины. Значительное увеличение населения колоний — с 70 тыс. до 190 тыс. — за десятилетие (1830—1840) произошло, таким образом, в большей степени за счет ссыльных, а не свободных поселенцев [282, 85—86].

Подобное увеличение населения ни с качественной, ни с количественной стороны не могло удовлетворить требования развивающихся колоний.

Труд заключенных хоть и был дешев, но весьма непроизводителен. Один из сыновей Дж. Маккартура, майор Эд. Маккартур, даже предложил в 1831 г. предоставить крупным

земледельцам монополию на использование труда заключенных, а мелким земледельцам в качестве рабочей силы передавать иммигрантов. Предложение это не было поддержано, но требования колоний об увеличении свободной иммиграции в Австралию, становились все настойчивее.

Выступая в 1838 г. перед парламентской комиссией по вопросам транспортировки заключенных, другой сын Дж. Маккартура, Джеймс сказал: «Основываясь на своем собственном опыте, а также исходя из общих принципов, я полагаю, что свободный труд в конце концов дешевле, чем рабский или принудительный». Члены комиссии задали ему прямой вопрос: «Думаете ли вы, таким образом, что колонии не будет нанесен ущерб заменой доставки заключенных свободной эмиграцией?» Дж. Маккартур ответил на него также без околичностей: «Напротив, это будет в высшей степени полезно для нее» [282, 87—88].

Однако все растущая преступность в Англии побуждала правительство увеличивать из года в год число высылаемых в Австралию заключенных. Если в 1810—1817 гг. в Англии ежегодно заключалось в тюрьмы 35 тыс. человек, то в 1817—1824 гг.— 62 тыс., а в 1824—1831 гг.— 85 тыс. [282, 87].

Поэтому в Австралии еще долгое время после высадки в Порт-Джексоне первой партии заключенных именно они, а не свободные поселенцы составляли большинство населения. К 1828 г., т. е. через сорок лет после создания колонии Новый Южный Уэльс, в ней было всего 4600 свободных поселенцев и 24 тыс. заключенных [353, 34]. Характерно также очень небольшое число женщин в колонии, особенно среди заключенных. В указанное время среди свободных поселенцев было 1800 женщин, а среди заключенных 2900, что давало соотношение женщин к мужчинам как 1 : 7. Рождаемость у женщин-заключенных была низкой, а детская смертность высокой, вследствие чего за первые сорок лет существования колонии у заключенных родилось и выжило не более 5 тыс. детей. Около 4 тыс. детей родилось за это время у свободных поселенцев [353, 34].

В 30-х годах начали приниматься специальные меры, имеющие целью увеличение числа девушек и женщин, отправляемых в Австралию. Следствием этого было значительное увеличение в последующее двадцатилетие числа прибывающих в Австралию женщин. Если в 1830 г. в Новом Южном Уэльсе было 10 тыс. женщин всех возрастов, то к 1840 г. эта цифра поднялась до 42 тыс., а еще через десять лет — до 112 тыс. [353, 28].

В 30-х годах несколько увеличился приток в Австралию и свободных иммигрантов-мужчин, но рабочих рук все равно не хватало. Так, в августе 1838 г. уполномоченный по распределению заключенных Г. Слейд заявил комиссии Законо-

дательного совета Нового Южного Уэльса, что за 12 месяцев до этого он передал в распоряжение свободных колонистов 5454 заключенных, в то время как заявок поступило на 12 тыс. человек. Не удивительно поэтому, что все громче стали раздаваться требования вывозить рабочую силу из азиатских стран. Именно в этом духе высказался тогда третий сын Дж. Маккартура — Уильям. Выступая в Сиднее в 1838 г. перед членами специального комитета Законодательного совета Нового Южного Уэльса, он выразил мнение, что, «если не будут приняты меры для удовлетворения требований в рабочей силе путем быстрого увеличения ее транспортировки из Соединенного Королевства, колонисты должны, спасая себя от разорения, искать рабочих в любой другой части мира, где они могли бы это сделать с наименьшими расходами» [353, 88]. Тогда же 111 колонистов послали заявки на 1203 китайских и индийских рабочих.

Однако сразу же вопрос о ввозе в страну рабочей силы из Азии вызвал горячие споры. Дебаты принимали весьма ожесточенный характер. Противники ввоза в страну жителей азиатских стран доказывали, что будет нанесен ущерб морали и благополучию сложившегося в колонии общества. Возражая им, майор Э. Локнер в своем выступлении в Законодательном совете убеждал, что, «если 30 тыс. азиатов будут ввезены в колонию, среди них не будет такого количества воров, как среди втрое меньшего числа европейцев».

Многие возражения против ввоза в колонию рабочей силы из стран Азии носили расистский характер. Расисты ратовали за сохранение «расовой чистоты» колонии и в то же время пугали своих противников опасными политическими и экономическими последствиями, возможными при образовании в Австралии компактных групп населения азиатского происхождения. В конце концов в 1841 г. власти Нового Южного Уэльса приняли решение о запрещении ввоза рабочей силы из Азии. Мотивировалось это опасностью создания двух разных по культуре групп в рамках одного общества, особенно когда одной группе предопределено занимать подчиненное положение. Подобная ситуация может неблагоприятно влиять на европейских рабочих и будущих иммигрантов и будет угрожать британской природе общества [296, 135]

Комиссия Законодательного совета Нового Южного Уэльса, изучавшая целесообразность доставки заключенных в колонию, пришла к заключению о необходимости скорейшего ее прекращения. Решение комиссии было поддержано министром колоний Гленелгом, и число отправляемых в Австралию заключенных стало уменьшаться: в 1839 и 1840 гг. оно составило соответственно 2300 и 2600 человек. Актом от 22 мая 1840 г. доставка заключенных в Новый Южный Уэльс была запрещена.

Для привлечения большего числа свободных переселенцев из Англии колонисты Нового Южного Уэльса, не надеясь на британские правительственные органы в этом отношении, создали в 1835 г. специальный денежный фонд для обеспечения переезда из Англии свободных иммигрантов. С 1837 г. в этот фонд направлялась часть доходов, получаемых казной Нового Южного Уэльса от продажи земли. Созданная в Сиднее система транспортировки свободных иммигрантов в колонию просуществовала до 1856 г. и способствовала уже с первых лет существования значительному увеличению притока в Австралию свободных колонистов. Приведем данные, иллюстрирующие изменение в 1839—1843 гг. числа заключенных и свободных работников на фермах, расположенных за официальными границами округов Нового Южного Уэльса, т. е. именно там, где в конце 30-х — начале 50-х годов особенно интенсивно развивалось овцеводство [282, 93]:

Период	Количество ферм	Свободные рабочие-мужчины	Заключенные рабочие-мужчины	Соотношение заключенных и свободных рабочих, %
II половина 1839 г.	694	3540	3126	47,0
I половина 1840 г.	673	3333	2672	46,5
II половина 1840 г.	718	3732	2598	41,0
I половина 1841 г.	761	4157	2794	40,0
II половина 1841 г.	806	4650	2697	37,0
I половина 1842 г.	781	4503	2291	34,0
II половина 1842 г.	881	5447	2168	38,5
I половина 1843 г.	9.7	5024	1685	25,0
II половина 1843 г.	879	5190	1260	20,0

Женщин-работниц на этих фермах почти не было (в 1841 г. в среднем на ферму приходилось по одной женщине-рабочей).

Созданная в Сиднее система вербовки и транспортировки в Австралию иммигрантов не только давала достаточное количество рабочих рук, но и значительно снижала стоимость перевоза колонистов на Австралийский материк, что видно из нижеприведенных данных [282, 97]:

Год	Число иммигрантов, посланных британским правительством	Стоимость транспортировки, ф. ст.	Стоимость транспортировки в пересчете на одного иммигранта, ф. ст.	Число иммигрантов, посланных по сиднейской системе	Стоимость транспортировки, ф. ст.	Стоимость транспортировки в пересчете на одного иммигранта, ф. ст.
1837	2668	43 431	16,50	742	8 585	11,12
1838	6463	122 318	18,18	1622	22 398	13,60
1839	4096	89 414	21,17	2814	43 026	15,50

Общая численность свободных иммигрантов в Новом Южном Уэльсе в течение 30—40-х годов значительно увеличилась. К 1841 г. число свободных поселенцев в Новом Южном Уэльсе достигло 101 749. Всего в 1820—1850 гг. в Австралию прибыло свыше 200 тыс. свободных иммигрантов. К началу второй половины XIX столетия все население британских колоний в Австралии превысило 400 тыс. [301, 47— 50], из которых в Новом Южном Уэльсе находилось 189 тыс., в Порт-Филлипе — 76 тыс., на Земле Ван Диемена — 69 тыс., в Южной Австралии — 64 тыс. и Западной Австралии — 5 тыс.

Развивавшейся экономике колоний требовались все бо́льшие капиталовложения. Мы уже упоминали о роли создаваемых в Англии компаний, целью которых была эксплуатация австралийских земель: Австралийской сельскохозяйственной компании (1824 г.), Компании Земли Ван Диемена (1824 г.) и Южноавстралийской компании (1836 г.). В самих колониях один за другим возникали банки, финансировавшие сельскохозяйственные и промышленные предприятия.

Первый в истории британских колоний в Австралии банк был создан в Сиднее в 1817 г. Он получил название Банка Нового Южного Уэльса. В 1826 г. возник Банк Австралии. К 1840 г. в Австралии открылось еще пять банков: Банк Австралазии (1835 г.), имевший отделения в Сиднее, Хобарте и других городах; Коммерческий банк Сиднея (1835 г.), Сиднейская банковская компания (1839 г.), Банк Порт-Филлипа (1839 г.), Объединенный банк Австралии (1839 г.) с отделениями в Мельбурне, Хобарте и Лонсестоне.

Характеризуя общее экономическое положение британских колоний в Австралии к концу первой половины XIX в., можно сказать, что господствующее место в их экономике твердо заняло овцеводство. Колонии, население которых составляло в то время немногим более 400 тыс., имели около 16 млн. голов овец. Стремительно рос экспорт шерсти. Первые попытки экспортной торговли шерстью начались в 1820 г., но уже в 1830 г. экспортировалось 2 млн. фунтов, в 1840 г. — 10 млн., в 1849 г. — 35 млн. фунтов [159, 89]. Другие отрасли сельского хозяйства колоний хотя и получили тоже известное развитие, но занимали подчиненное положение.

Данные стр. 53 иллюстрируют экономическое положение колоний в 1850 г. [282, 137].

Развитие сельскохозяйственного производства создает основу для возникновения первых промышленных предприятий. Начинают появляться мукомольные, пивоваренные предприятия; предприятия по производству мыла, свечей, а затем — мебели, готового платья, обуви и т. п.

В области тяжелой промышленности получила развитие лишь одна отрасль — судостроение. Верфи были расположены на берегах рек Деруэнт и Теймар на Земле Ван Диемена.

Колония	Население, тыс.	Площадь обработанных земель, тыс. акров	Поголовье овец, млн.	Поголовье рогатого скота, тыс.	Импорт, тыс. ф. ст.	Экспорт, тыс. ф. ст.
Новый Южный Уэльс	189	146	7	1360	2100	2400
Виктория	76	52	6	380	659	614
Земля Ван Диемена	69	169	1,8	83	820	545
Южная Австралия	64	65	1	60	500	300

За 1840—1849 гг. было построено 400 судов общим водоизмещением 24 тыс. *т*. В числе этих судов были корабли водоизмещением 600 *т*. Они предназначались для использования на линии Австралия—Англия [159, 90].

Горнорудная промышленность колоний была в самом зачаточном состоянии, несмотря на то что геологи уже обнаружили месторождения многих цветных металлов. К 1850 г. в Австралии добывалось лишь небольшое количество угля (Новый Южный Уэльс), свинца и меди (Южная Австралия). Уголь использовался для местных нужд, цветные металлы экспортировались и давали Южной Австралии некоторый доход. Так, в 1850 г. колония получила от экспорта свинца и цинка 300 тыс. ф. ст.

Некоторое развитие получили и средства транспорта. Прежде всего это относится к морскому транспорту. Если первому флоту понадобилось 250 дней, чтобы достичь Порт-Джексона, то в 40-х годах суда приходили из Англии в Австралию за 140 дней; к концу первой половины XIX в. это расстояние покрывалось уже за 90 дней и менее (рекорд корабля «Фермопилы» равнялся 63 дням и 17 часам). С 1852 г. «Р. энд О. Компани» открыла пароходную линию между Англией и Австралией.

В сентябре 1848 г. была создана Сиднейская железнодорожная компания, президентом которой стал Ч. Коупер. Строительство первой в Австралии железной дороги началось в 1850 г. Через пять лет началось железнодорожное движение на участке Сидней—Гренвилл протяженностью 13,3 мили.

Остановимся на организации и условиях труда заключенных и свободных иммигрантов в британских колониях в Австралии в конце XVIII—первой половине XIX в.

Как мы уже отмечали, в первые годы существования Нового Южного Уэльса заключенные использовались на работах, осуществляемых непосредственно колониальной администрацией, которая полностью снабжала заключенных продуктами питания и одеждой. Однако уже в инструкциях, данных

А. Филлипу британским правительством по поводу управления новой колонией, предусматривалась возможность использования труда заключенных свободными иммигрантами. Но на первых порах эта возможность свободными поселенцами использовалась незначительно. В августе 1800 г., например, у свободных колонистов работало около 360 заключенных. Какого-либо твердо установленного порядка их труда в колонии не существовало до 1804 г.

В 1804 г. губернатор Кинг ввел регулирование труда заключенных, переданных свободным колонистам [54, ser. I, vol V, 73]. Работодатели в этом случае должны были обеспечивать заключенных помещением, одеждой и питанием в течение по крайней мере 12 месяцев. Был установлен десятичасовой рабочий день в течение пяти дней недели и шестичасовой — в субботу. Все остальное время заключенный мог использовать для своих нужд, но хозяин имел право в случае необходимости заставить его работать сверхурочное время при условии оплаты этой части его труда. Размер годового жалованья за работу в сверхурочное время устанавливался в 10 ф. ст. В 1805 г. число заключенных, работавших у свободных колонистов, достигло 620 чел. [54, ser. I, vol. V, 604—607]. Через 20 лет эта цифра возросла до 11 тыс. На Земле Ван Диемена число заключенных, работавших у свободных колонистов, в 1813—1820 гг. увеличилось с 112 до 1030 человек [54, ser. I, vol. VII, 639; vol. XVI, 270, vol. VIII, 189; ser. III, vol. III, 821].

Система распределения заключенных для работы у свободных колонистов просуществовала в Новом Южном Уэльсе до начала 40-х годов XIX в., а на Земле Ван Диемена — до 1843 г. Годом наибольшего ее распространения в Новом Южном Уэльсе был 1838 год, когда 26 тыс. заключенных из общего их числа 38 тыс. использовалось в частных хозяйствах. На Земле Ван Диемена таким годом был 1835 год, в течение которого 12 тыс. заключенных из общего числа 17 тыс. были переданы свободным колонистам [159, 22].

Установленные губернатором Кингом правила использования труда заключенных в частных хозяйствах не претерпели за это время сколько-нибудь существенных изменений. Лишь губернатор Маккуори в 1814 г. отдал приказ, запрещавший заключенным, отправленным в частные хозяйства, работать где-либо, кроме как у того хозяина, к которому он направлен, даже в сверхурочное время. В 1816 г. Маккуори распорядился, чтобы хозяева кроме обеспечения заключенных помещением, одеждой и питанием выплачивали им ежегодно еще и денежное вознаграждение: мужчинам — по 10 ф. ст., а женщинам — по 7 ф. ст. [54, ser. I, vol. X, 645].

Следует сказать, что за все время существования системы распределения заключенных в частных хозяйствах никаких

контролирующих ее практическое применение органов в колониях не существовало и это приводило к полному произволу. По существу, выполнение или невыполнение тех или иных условий использования труда заключенных их хозяевами лежало целиком на совести последних.

«Каждый хозяин мог действовать по своему собственному разумению и исходя из своего собственного интереса, что не всегда вело к наиболее гуманному поведению, — пишет об этом современный австралийский ученый Ф. Кроули. — Так или иначе эта система вела к упадку и разложению высших классов колониального общества, она была, конечно, средством, дававшим им не только богатство, но также и досуг, чтобы пользоваться им» [159, 24—25].

Первыми свободными пролетариями британских колоний в Австралии были сельскохозяйственные рабочие (ибо единственными отраслями экономики в первые годы существования колоний были земледелие и скотоводство), которые комплектовались как за счет приезжавших из Европы свободных иммигрантов, так и из числа отбывших наказание заключенных. Например, еще в 1795 г. Д. Маккартур регулярно нанимал от 30 до 40 человек, которых он использовал в качестве пастухов, садовников и домашней прислуги.

Условия жизни и труда сельскохозяйственных рабочих в то время были тяжелыми. Плуги и другие необходимые сельскохозяйственные орудия не были широко распространены в 20-х годах XIX в. Боронили, жали и молотили повсеместно вручную. Жилища были самые примитивные. Ели работники обычно вместе с хозяевами [159, 29]. Какой-либо определенной системы оплаты труда свободных работников не существовало. В одних случаях хозяева платили за труд продуктами и вещами, в других — различного рода долговыми расписками. Весьма распространенным средством оплаты труда в первые годы существования Нового Южного Уэльса был спирт.

Вообще частичная оплата труда свободных рабочих продуктами и вещами сохранилась в колониях до 40-х годов XIX в. При этом следует иметь в виду, что хозяева, пользуясь неразвитостью внутренней торговли, продавали своим работникам продукты питания и вещи по ценам, значительно выше существовавших розничных цен. Условия труда свободных рабочих, по существу, ничем не отличались от труда заключенных. Поэтому в начальный период существования Нового Южного Уэльса заключенные получали не много выгоды от восстановления их в правах и привилегиях свободных работников. Когда в 1790 г. группа отбывших сроки наказания и вышедших на свободу заявила губернатору, что не хочет работать на прежних условиях, он ответил, что отправить их на родину не может без приказа из Лондона и что, если они

не будут работать, им нечего будет есть. После этого почти все эти люди, кроме десяти «нахалов», решили продолжать работы. Отказавшимся же губернатор приказал дать «хорошую порку» [цит. по: 159, 34].

С увеличением числа свободных рабочих колониальные власти должны были заниматься вопросами условий их труда. Еще в приказе от 10 марта 1797 г. губернатор Хантер подчеркивал необходимость договорного оформления отношений между работодателями и рабочими и рекомендовал заключать письменные соглашения [54, ser. I, vol. II, 76]. Ряд распоряжений на этот счет был дан другими губернаторами, но никакой системы трудового законодательства в рассматриваемый нами период не существовало.

Политическое развитие британских колоний в Австралии обусловливалось потребностями их экономического развития.

В первоначальный период существования первой британской колонии — Нового Южного Уэльса система управления имела абсолютно военно-полицейский характер. И это вполне закономерно, ибо Новый Южный Уэльс являл собой гигантскую тюрьму, его население состояло почти исключительно из каторжников и охранявших их солдат. Хозяйство колонии велось на основе использования принудительного труда заключенных.

Механизм управления колонией и его укомплектование произошло задолго до того, как первый флот достиг берегов пятого континента.

В октябре 1786 г. А. Филлип был назначен губернатором колонии, Р. Росс — помощником губернатора, Д. Коллинз — заместителем главного судьи, Р. Джонсон — капелланом, Д. Уайт — главным врачом, У. Болмейн — помощником главного врача [54, ser. I, vol. I; vol. IV, 1].

Все члены администрации уполномочивались исполнять свои обязанности «в соответствии с законами и требованиями военного времени». К началу мая 1787 г. были созданы уголовный, гражданский и военно-морской суд колонии [54, ser. I, vol. IV, 6, 13].

Губернатор колонии наделялся по существу диктаторскими правами. Он назначал и производил перемещения чиновников колониальной администрации, был главой военной и гражданской юстиции, обладал правом устанавливать и смягчать наказания, производить конфискации, налагать штрафы. Губернатор также полновластно руководил экономической жизнью колонии. Он производил наделы землей, раздачу сельскохозяйственных орудий и семян, устанавливал цены на производимые в колонии сельскохозяйственные продукты, осуществлял регулирование внутренней и внешней торговли колонии [54, ser. I, vol. I, 2, 9]. Таким образом, губернатор колонии «фактически обладал такой громадной законодательной вла-

стью, бесконтрольной и зависевшей лишь от его инициативы, что она могла сравниться с прерогативами британского парламента и превосходила власть короля» [54, ser. IV, vol. I, IX].

В 1789 г. капитан Филлип получил, правда, дополнительные инструкции, уточнявшие его права в предоставлении земельных наделов. Согласно этим инструкциям, губернатор имел право предоставлять земельные участки военнослужащим, выразившим желание заняться сельским хозяйством, в следующих размерах: офицерам — 100 акров, солдатам — 50 акров. Свободным поселенцам, прибывавшим в колонию, земельные участки должны были предоставляться площадью не более чем 100 акров. Помощь семенами, сельскохозяйственными орудиями, продуктами питания предоставлялась в этих случаях бесплатно военнослужащим в течение десяти лет, свободным иммигрантам — пяти лет [54, ser. I, vol. I, 124].

Эти права сохранялись за губернаторами Нового Южного Уэльса почти без изменений в течение первых трех десятилетий существования колонии.

Губернатор колонии имел также исключительные права мобилизации населения на производство общественных работ (строительство дорог и мостов, градостроительство и т. п.).

В качестве иллюстрации к этому можно привести декрет губернатора Хантера от 11 января 1797 г., в котором устанавливались следующие правила привлечения населения на строительство дорог, которые должны были соединить различные поселения колоний: «Все офицеры, которые имеют фермы, должны выделить по два человека на три дня в неделю для выполнения указанных выше работ, а все суперинтенданты, торговцы и другие подобные им лица — по одному человеку. Каждый поселенец должен либо выделить одного рабочего, либо участвовать в строительстве своим собственным трудом в течение такого же числа дней в неделю» [54, ser. I, vol. II, 72].

Приказом губернатора Маккуори от 12 июля 1814 г. были начаты работы по строительству первой дороги через Голубые горы. Строительство дороги протяженностью 100 миль было закончено по тем временам в необычайно короткий срок — за шесть месяцев. Надо думать, что этому способствовало обещание Маккуори выпустить на свободу заключенных, направленных на строительство дороги, тотчас после его завершения [352, 27].

Вполне объективную оценку системы управления колонии в первые десятилетия ее существования дал в своем письме из Сиднея от 6 марта 1827 г. судья Форбес: «Первые эмигранты из Англии были заключенные, их сопровождало такое количество военных моряков, какое необходимо было для их охраны; первым правительством колонии была тюрьма, а пер-

вым законом — тюремная дисциплина... все с неизбежностью централизовалось в руках губернатора... полиция, дороги, рынок, ввоз продуктов, система их распределения, даже цены на все предметы повседневного употребления регулировались приказами губернатора...» [54, ser. I, vol. IV, 688].

Судебная система также отражала военизированный характер управления колонии. Созданные актом 1787 г. судебные органы нового Южного Уэльса состояли из военнослужащих. Для них акт устанавливал процедуру, согласно которой предусматривалось лишь два вида санкций: смертная казнь в случаях совершения тяжелых преступлений и телесные наказания во всех других случаях.

Актом от 2 апреля 1787 г. была создана уголовная и гражданская юрисдикция колонии.

Предусматривалось, что уголовный суд состоит из заместителя главного судьи (из числа офицеров) и шести членов, также офицеров, назначаемых губернатором. Губернатор имел право помилования во всех случаях, исключая государственную измену и предумышленное убийство, но даже и в этих случаях он имел право отложить исполнение приговора. Губернатор мог также отложить слушание дела и имел право продлить срок тюремного заключения сверх установленного приговором.

Гражданский суд не был самостоятельным. Он возглавлялся тем же заместителем главного судьи. В него входили еще два члена из числа «достойных и приличных лиц» по назначению губернатора. К компетенции суда были отнесены все дела, «касающиеся земли, домов, аренды, наследства, и все дела, с этим связанные, а также все иски о взыскании долгов, споры по расчетам, всем видам контрактов, все виды любых других личных исков». Губернатор мог пересмотреть решение по особым спорам, иск по которым не превышал суммы 300 ф. ст. [365, 13]. По искам, превышавшим эту сумму, окончательное решение принадлежало суду в Англии.

Лишь в 1814 г. были образованы два самостоятельных гражданских суда — Верховный суд и губернаторский суд. Последний рассматривал дела по искам до 50 ф. ст., первый — свыше 50 ф. ст. Верховный суд возглавлялся уже профессиональным юристом, назначавшимся указом короля; в Верховный суд входили два члена, назначавшихся губернатором. Губернаторский суд состоял из председателя суда и двух членов, которые назначались губернатором.

В рассматриваемый нами период (до начала 20-х годов XIX в.) эта судебная система действовала, по существу, во всех британских поселениях в Австралии, поскольку Тасмания входила тогда в состав Нового Южного Уэльса. Лишь в 1821 г. Тасмания получила самостоятельные судебные учреждения. Уголовный суд на острове Норфольк был создан в

1795 г. и полностью копировал соответствующие учреждения в Новом Южном Уэльсе, с той лишь разницей, что число членов суда было сокращено до четырех [325, 150—151].

Экономическое развитие британских колоний в Австралии, увеличение числа свободных иммигрантов требовали изменения столь явно выраженного военно-полицейского характера управления. Уже в первые годы XIX в. стали раздаваться голоса, требовавшие ограничения диктаторской власти губернатора Нового Южного Уэльса. Отмечались значительные злоупотребления властью, грубые нарушения законности, допускаемые колониальной администрацией, и в первую очередь губернатором.

Британское правительство вынуждено было образовать в феврале 1812 г. специальный комитет по изучению положения в Новом Южном Уэльсе. Комитет пришел к выводу, что губернатору колонии дана такая огромная власть, которая не должна быть сосредоточена в руках одного человека. «Методы, с помощью которых эта огромная власть употребляется,— говорилось в докладе комитета, — не всегда являются такими, которые удовлетворяли бы колонию; нельзя ожидать, что там, где столь огромная власть и ответственность сосредоточены в руках одного человека, его воля, хотя бы и справедливая, его управление, хотя бы и мудрое, со временем не создали бы оппозицию и недовольство среди людей, не привыкших в своей собственной стране видеть столь огромную монополию власти». В связи с этим комитет предлагал создать при губернаторе колонии совет «с целью разделить с ним ответственность за действия, которые, по их мнению, могут явиться необходимыми для безопасности и процветания колонии» [365, 49—50]. Однако британское правительство никак не реагировало на рекомендации комитета. Все его внимание в то время было сосредоточено на войне с наполеоновской Францией.

В 1819 г. в британском парламенте вновь вспыхнули дебаты по поводу положения в Новом Южном Уэльсе. В результате правительство назначило новый комитет для расследования положения дел в колонии. В Новый Южный Уэльс в том же году был послан уполномоченный правительства Дж. Бигг.

На основе доклада Дж. Бигга правительством был подготовлен законопроект об изменении системы управления Новым Южным Уэльсом, получивший одобрение парламента и введенный в действие королевским указом от 19 июля 1823 г. Акт 1823 г. предусматривал создание в колонии Законодательного совета в составе пяти, шести или семи членов, назначаемых британским министерством колоний. Этот орган имел лишь совещательные функции, права законодательной инициативы у него не было. Но некоторое, правда слабое,

ограничение власти губернатора заключалось в том, что он не имел права обнародовать какой-либо закон, предварительно не ознакомив с ним членов совета. Имевшие возражения против закона члены совета могли изложить свои доводы в протоколе заседания совета, который направлялся потом в министерство колоний. Устанавливалось также, что закон не мог быть представлен на ознакомление членов совета до тех пор, пока главный судья колонии не подтвердит его соответствие законам Англии «настолько, насколько это допускалось условиями колоний» [цит. по: 365, 99].

Британское правительство оставляло за собой последнее слово по поводу законодательной деятельности в колонии. Разделы 30 и 31 Акта 1823 г. предусматривали поэтому передачу всех принятых в колонии законов на рассмотрение британского парламента и право правительства в течение трех лет объявить недействительным любой принятый в колонии закон.

В соответствии с Актом 1823 г. в Новом Южном Уэльсе в 1825 г. был образован Законодательный совет в составе семи членов, из которых четыре были чиновниками колониальной администрации, а три — свободные поселенцы. Законодательный совет был создан на Земле Ван Диемена.

Акт 1823 г. вносил изменения и в судебную систему. Он предусматривал создание верховных судов в Новом Южном Уэльсе и на Земле Ван Диемена, каждый из которых возглавлялся главным судьей, назначавшимся указом короля. Было оговорено, что число судей могло быть увеличено до трех.

Обвинение в судах по уголовным делам поддерживал генеральный прокурор или «другое лицо, должным образом назначенное для этой цели». В заседаниях суда участвовали заседатели, назначавшиеся губернатором из числа офицеров флота или армии. Суды рассматривали и гражданские дела. В этом случае в их составы входили главный судья и два его помощника, назначавшихся губернатором. Губернатору предоставлялось право создавать местные суды, носившие название «суды просьб», для рассмотрения гражданских дел по искам, не превышавшим 10 ф. ст.

Принятие Акта 1823 г. потребовало внесения изменений в инструкцию правительства, на основании которой губернатор Нового Южного Уэльса осуществлял свою деятельность. Томас Брисбен, вступивший в должность губернатора в декабре 1821 г., имел, естественно, инструкцию, расходившуюся с вновь установленным порядком управления колонией, но он продолжал ею руководствоваться, что приводило к недоразумениям и спорам между губернатором и новыми должностными лицами колониальной администрации, назначенными в соответствии с Актом 1823 г.

Новая инструкция была разработана лишь в 1825 г., и получил ее уже новый губернатор — Дарлинг. Инструкция предусматривала, что Дарлинг будет являться одновременно губернатором Нового Южного Уэльса и Земли Ван Диемена, где его будет представлять специальное должностное лицо в ранге помощника губернатора.

Инструкция предусматривала создание еще одного органа — Исполнительного совета. Этот орган создавался как в Новом Южном Уэльсе, так и на Земле Ван Диемена.

Инструкция не только устанавливала процедуру работы советов, но и определяла персонально их состав. Правда, губернатору предоставлялось право приостанавливать полномочия того или иного члена совета и заполнять неожиданно возникавшие вакансии с последующим утверждением (или неутверждением) его решения британским правительством.

Губернатор был обязан теперь консультироваться «по всем делам» с членами совета и действовать в соответствии с их рекомендацией, за исключением тех случаев, когда чрезвычайные условия не давали времени собрать заседание совета, а также при ясности и незначительности дела. Инициатива вынесения дел для обсуждения принадлежала губернатору. Однако каждый из членов совета мог просить губернатора поставить на обсуждение тот или иной вопрос. На каждом заседании велся протокол. Дважды в году эти протоколы пересылались на рассмотрение британского правительства.

Губернатор имел право не согласиться с мнением членов совета и действовать по своему усмотрению. Но в этом случае он должен был послать записку с подробным объяснением своих действий британскому правительству.

Исполнительные советы создавались во всех других британских колониях в Австралии по мере их возникновения.

Понятно, что губернаторы, привыкшие к диктаторским полномочиям, весьма неохотно признавали этот орган. Губернатор Дарлинг шел на острейшие конфликты с членами своей администрации и старался игнорировать решения Исполнительного совета. В 1828 г. министр колоний Джордж Муррей писал Дарлингу, что, просматривая протоколы заседаний Исполнительного совета, переданные в министерство, он нашел, что решения по большей части важнейших общественных дел колонии принимаются без консультации с этим органом. В связи с этим министр колоний советовал губернатору читать инструкции и руководствоваться ими [см.: 365, 109—110].

Действие Акта 1823 г. ограничивалось четырьмя годами, до 1 июля 1827 г. Поэтому именно в 1827 г. особенно сильно развернулась борьба в колониях за дальнейшие реформы в области управления. Надо сказать, что и до этого в Новом

Южном Уэльсе имели место события, показывающие все возраставшее недовольство колонистов системой управления. Проходили массовые митинги, где принимались петиции к королю, правительству и парламенту. Начавшая выходить в 1824 г. газета «Оустралиэн», а затем газета «Монитор», появившаяся в 1826 г., развернули кампанию за реформу управления.

26 января 1827 г. в Сиднее состоялся митинг, которым руководил один из лидеров и теоретиков реформистского движения — Уильям Уэнтворт.

В принятой на митинге петиции от имени «дворянства, купечества, землевладельцев, фермеров, торговцев и других свободных жителей» Нового Южного Уэльса говорилось, что «пришло наконец время, когда они смиренно надеются быть освобожденными от всех ограничений гражданских свобод, быть поставленными в те же условия, какие существуют во всех других колониях его величества, заселенных британскими подданными, и вместе с предоставлением свободы печати, которую они уже имеют, быть восстановленными во всех других неотъемлемых правах англичан...» [цит. по: 365, 135].

Однако британское правительство не приняло во внимание подобные петиции и выработало проект нового закона, не отличавшийся по существу от Акта 1823 г. Поскольку он был представлен в палату общин в самом конце сессии и не мог быть подвергнут обсуждению, было принято решение рассмотреть его на следующей сессии, а действие Акта 1823 г. продлить еще на один год.

После возобновления работы парламента законопроект был принят без изменений, несмотря на новую волну протестов против него, прокатившуюся в Австралии. Королевским указом от 25 июля 1828 г. этот закон был введен в действие.

Акт 1828 г. не менял существовавшей в Новом Южном Уэльсе системы управления. Компетенция и характер взаимоотношений Исполнительного и Законодательного советов с губернатором колонии оставались теми же. Только число членов в Законодательном совете увеличивалось до 15. Более того, правила, согласно которым предлагаемый губернатором проект закона должен был получить предварительно поддержку большинства Законодательного совета, а главный судья мог признать проект закона недействительным, были отменены. Вместо этого было введено правило, устанавливавшее, что в течение 14 дней после введения губернатором закона в действие судьи Верховного суда могут заявить протест и отказаться от его регистрации.

В области судопроизводства отменялось правило, по которому решения Верховного суда могут быть обжалованы

в апелляционном суде при губернаторе. Апелляция на решение Верховного суда колонии передавалась теперь прямо в английский суд. Действие Акта 1828 г. было сразу же распространено на Землю Ван Диемена. После образования колоний Западная Австралия (1829 г.) и Южная Австралия (1834 г.) там была создана система управления, аналогичная существовавшей в Новом Южном Уэльсе. В Порт-Филлипе (1839 г.) управление осуществлялось из Сиднея через суперинтенданта и его аппарат.

На значительные изменения системы управления в Новом Южном Уэльсе британское правительство пошло через 14 лет, что было зафиксировано в Акте 1842 г.

Законодательный совет был расширен до 36 членов, 12 из которых назначались королем, а 24 — избирались. При этом предусматривалось, что более половины из назначенных членов совета могут быть чиновниками колониальной администрации. Члены совета сохраняли свои полномочия в течение пяти лет. Активным избирательным правом пользовались лица, достигшие 21 года и имевшие земельные участки стоимостью 200 ф. ст. или дом, приносящий им доход 20 ф. ст. ежегодно. Пассивным избирательным правом пользовались лица, достигшие 21 года и имевшие земельные участки стоимостью 200 ф. ст.

Избиратели должны были быть британскими подданными по рождению или после натурализации. Заключенные не имели права голоса.

Сессии Законодательного совета должны были проводиться не менее одного раза в год. Место и время проведения сессии устанавливались губернатором. Последний имел право продления полномочий и роспуска Законодательного совета. Совет назначал своего спикера, устанавливал правила процедуры. Правда, все это должно было утверждаться губернатором. Однако губернатор был лишен исключительного права законодательной инициативы. Но ему было дано право просить совет рассмотреть разработанный им закон, а также предлагать поправки и дополнения к проектам законов, подготовленным самим советом.

Британское правительство сохраняло за собой право отменить в течение двух лет любой принятый советом закон.

Законодательный совет имел право контроля за финансами колонии, исключая доходы, получаемые с коронных земель, а также суммы расходов на содержание колониальной администрации, которые устанавливались британским правительством в сумме 81,6 тыс. ф. ст.

Актом 1842 г. предусматривалось создание районных советов. Губернатору было предоставлено право определять границы районов и создавать там местные советы. Первый состав этих советов назначался губернатором, но в дальней-

шем они должны были избираться. Число членов совета зависело от численности населения района. Требования к избирателям были те же, что и к членам Законодательного совета. Члены районных советов избирались на три года. Во главе советов стояли председатели, назначавшиеся и смещавшиеся губернатором.

Должностные лица администрации районов назначались и смещались советом, но эти их решения должны были утверждаться губернатором. Советам было предоставлено право рассматривать и решать дела местного значения, включая право взимать пошлины и налоги с имущества, устанавливать размеры штрафов и т. д. Районные советы также обязаны были собирать и вносить в бюджет колонии определенную губернатором и Законодательным советом и зависевшую от размеров района сумму на содержание полиции колонии. В случаях увеличения этой суммы совету предоставлялось право взимать налоги со всех видов собственности, находившейся на территории района.

Акт 1842 г. устанавливал право короля определять границы Нового Южного Уэльса, образовывать новые колонии на его территории, с одним, однако, исключением: земли Нового Южного Уэльса, лежащие южнее 26-й параллели, не могли быть отделены от колонии.

На основании Акта 1842 г. в Новом Южном Уэльсе были проведены выборы членов Законодательного совета. Введенные актом избирательные цензы весьма ограничили участие населения в выборах. В то время в колонии проживало 160 тыс. человек, но в выборах участвовало лишь 8477 человек. Представительство в совете было очень неравномерно, что видно из приведенных данных [352, 51].

	Численность избирателей	Число избранных членов Законодательного совета
Сидней	2823	2
Кумберленд	1344	2
Гембден	386	1
Нортумберленд	369	1
Даргем	345	1
Мельбурн	591	1
Остальные поселения	2619	16
Итого	8477	24

Естественно, такой порядок вызвал недовольство населения. В Сиднее, Мельбурне, Виндзоре и Петерсоне были волнения, приводившие даже к человеческим жертвам [352, 51].

В течение 1843 г. на территории Нового Южного Уэльса было создано 29 районов и сформировано такое же число районных советов.

Количественный состав членов советов устанавливался в зависимости от численности населения района, а именно:

районы с населением до 7 тыс. имели совет в составе девяти человек, от 7 тыс. до 10 тыс. — 12, от 10 тыс. до 20 тыс. — 15, 20 тыс. и более — 21 человека [352, 49].

Развитие британских колоний в Австралии потребовало от британского правительства уже через несколько лет после принятия Акта 1842 г. вновь заниматься проблемами модификации системы колониального управления на пятом материке. В 1848 г. специальный правительственный комитет начал подготовку нового законопроекта о конституционном устройстве британских колоний в Австралии. В июне 1849 г. этот законопроект был представлен на рассмотрение парламента. В нем предусматривалось отделение Порт-Филлипа от Нового Южного Уэльса и создание самостоятельной колонии — Виктории, в которой должна действовать система управления, введенная в Новом Южном Уэльсе Актом 1842 г. Аналогичная система распространялась на колонии Южная Австралия, Земля Ван Диемена и Западная Австралия. Но законодательные органы этих колоний уже получили право изменять цензы для избирателей и избираемых, варьировать численность советов, создавать в них двухпалатную систему. Была установлена новая шкала расходов на управление колониями Новый Южный Уэльс, Земля Ван Диемена и Южная Австралия. Предусматривалось создание Генеральной ассамблеи Австралии, состоящей из генерал-губернатора и палаты делегатов, члены которой избирались Законодательными советами колоний (по два человека от колонии). Однако компетенция ассамблеи определена не была.

Нетрудно заметить, что законопроект, кроме оформления автономии новой колонии — Виктории, не вносил ничего нового в действовавшее конституционное устройство британских колоний в Австралии.

Законопроект вызвал всеобщее недовольство в Австралии. В Сиднее и Мельбурне проходили массовые митинги. В Мельбурне основные требования сводились к скорейшему отделению от Нового Южного Уэльса, в Сиднее участники выступлений требовали либерализации избирательного закона, резкого снижения имущественного ценза и при пассивном, и при активном избирательном праве. В северных районах Нового Южного Уэльса, так же как в Мельбурне, заметно усилились сепаратистские тенденции: ширились многочисленные требования отделения этих районов от Нового Южного Уэльса. Это в значительной мере объяснялось тем, что скотоводы северных районов, испытавшие острую нехватку рабочих рук, выступили за продолжение доставки в Австралию заключенных, в то время как население южных районов колонии придерживалось диаметрально противоположной позиции. В петиции, направленной британскому правительству в мае 1850 г., скотоводы-северяне требовали отделения от

Нового Южного Уэльса и просили после этого направлять в их колонию ежегодно 2 тыс. заключенных и такое же число свободных иммигрантов [159, 110].

Все эти обстоятельства заставили британское правительство отозвать законопроект 1849 г., пересмотреть его и вновь представить парламенту в 1850 г.

Однако в новом варианте законопроекта содержалось лишь одно нововведение: возможность отделения от Нового Южного Уэльса территорий, расположенных севернее 30-й параллели. После довольно ожесточенных дебатов и в палате общин и в палате лордов, в ходе которых в законопроект были внесены некоторые поправки и дополнения, он был одобрен парламентом и введен в действие королевским указом от 5 августа 1850 г.

Но и в своем окончательном виде Акт 1850 г. не носил каких-либо принципиальных изменений в конституционное устройство колоний. В этом смысле прав был лорд Дж. Грей, который, направляя копию Акта губернатору Нового Южного Уэльса Фицрою, писал, что парламент решил сохранить, насколько это возможно, существовавшую систему управления в колонии, распространяя ее в то же время на другие британские колонии в Австралии [цит. по: 365, 373]. Поэтому наиболее важными были разделы Акта, относившиеся к созданию новой колонии — Виктории, и разделы, предоставлявшие королю право создать отдельную колонию на территории севернее 30-й параллели, принадлежавшей Новому Южному Уэльсу. Предусматривалось, что в этих колониях будет введено конституционное устройство, аналогичное существовавшему в Новом Южном Уэльсе. Такая же система управления предусматривалась для Земли Ван Диемена и Южной Австралии. Что касается Западной Австралии, то в Акте говорилось, что действовавшая там система управления будет сохранена до тех пор, пока не менее $^1/_3$ населения колонии не потребует ее изменения.

Акт 1850 г. устанавливал своего рода иерархию губернаторов британских колоний в Австралии. Старшим среди них становился губернатор Нового Южного Уэльса, который получал титул «генерал-губернатора» и формально одновременно становился губернатором всех существовавших в Австралии колоний. Губернаторы Земли Ван Диемена, Виктории, Южной Австралии низводились на должность помощников губернатора, хотя и сохраняли право непосредственной связи с британским министерством колоний. Так был сделан первый шаг на пути объединения колоний в Австралии. Он, однако, окончился неудачей. В 1855 г. титулы губернаторов были возвращены всем управляющим колониями; правда, титул генерал-губернатора сохранялся за управляющим Новым Южным Уэльсом до 1861 г. Однако практически этот

титул никакой дополнительной реальной власти губернатору Нового Южного Уэльса не давал. Интересно отметить, что Виктория, всегда ревниво относившаяся к прерогативам своей северной соседки, выплачивала своему губернатору жалованье, превышавшее на 2 тыс. ф. ст. в год жалованье губернатора Нового Южного Уэльса [325, 165].

Акт 1850 г. несколько снижал имущественный ценз при активном избирательном праве. Активным избирательным правом пользовались лица, владевшие земельными участками стоимостью 100 ф. ст. или занимавшие дома, которые приносили доход 10 ф. ст. ежегодно. Кроме того, право голоса предоставлялось лицам, получившим лицензии на пользование пастбищами или платящим арендную плату за землю в размере 10 ф. ст. в год. В связи с этим действовавшему Законодательному совету Нового Южного Уэльса давалось право определить новое число своих членов и создать соответствующее количество избирательных округов.

Акт 1850 г. сохранял без изменений установленную Актом 1842 г. систему местного управления.

В январе 1851 г. Акт 1850 г. был передан губернатором для ознакомления сессии Законодательного совета Нового Южного Уэльса. Совет заявил о своем разочаровании Актом 1850 г. и назначил специальный комитет для подготовки официального протеста. В этом протесте совет выражал глубокое неудовлетворение Актом и отмечал, что в нем повторены все разделы Акта 1842 г., ограничивавшие права британского населения колонии. Буквально на следующий день Законодательный совет был распущен [цит. по: 365, 380]. Петиция совета была послана губернатором Фицроем в Лондон.

Новый, избранный в соответствии с Актом 1850 г. Законодательный совет Нового Южного Уэльса состоял уже из 54 членов. Назначенных членов было 18, из них 9 являлись чиновниками колониальной администрации, а 9 других — частными лицами. Из 36 избранных членов совета 11 представляли население городов колонии, 17 — население графств и 8 — скотоводов с пастбищных земель, находившихся вне территории графств.

Отношение нового состава совета к Акту 1850 г. было таким же, как и распущенного совета. В своем обращении к королю и парламенту совет заявлял о том, что «постоянное и грубое вмешательство» министерства колоний «даже в дела чисто местного значения» наносит большую обиду колонии и затрудняет развитие ее связей с Великобританией в благоприятном смысле. В связи с этим Законодательный совет выражал желание разработать новую конституцию колонии, которая предусматривала бы значительное расширение компетенции ее органов управления [365, 382—383].

Не дождавшись ответа от британского правительства ни на петицию предшествовавшего состава, ни на свою собственную, Законодательный совет в июне 1852 г. назначил комитет для подготовки проекта новой конституции колонии. В сентябре 1852 г. комитет представил на рассмотрение совета три варианта проекта конституции. Ответ же британского министерства колоний, в котором давалось согласие на разработку новой конституции, был отправлен в Сидней лишь в январе 1853 г. За это время в министерстве успели смениться три его главы: Дж. Грея заменил Д. Пакингтон, а Пакингтона — герцог Ньюкаслский.

Из представленных проектов наибольший интерес вызвал третий, поскольку первый представлял собой попытку механически применить к Австралии британское конституционное устройство, а во втором проекте решающее значение получили вопросы, связанные с расширением финансовой компетенции колонии.

Согласно третьему варианту законопроекта законодательный орган колонии должен был состоять из двух палат: верхней — Законодательного совета, члены которого назначались пожизненно, и нижней — Законодательной Ассамблеи, члены которой избирались на пять лет, причем для избирателей сохранялся имущественный ценз, предусмотренный Актом 1850 г. Проект предусматривал наделение этого органа неограниченной компетенцией в законодательной деятельности, относящейся к местным нуждам и интересам.

Представленные комитетом варианты законопроекта встретили противоречивое отношение в Законодательном совете. Обсуждение их затянулось.

В мае 1853 г. Законодательный совет, учитывая многочисленные замечания и предложения по поводу конституционного устройства колонии, назначил новый комитет, которому было поручено пересмотреть законопроекты 1852 г. В июле 1853 г. новый проект конституции был представлен на рассмотрение совета. Этот проект немногим отличался от третьего варианта законопроекта 1852 г. (несколько изменялся порядок формирования верхней палаты, но принцип назначения ее членов сохранялся, снизился имущественный ценз избирателей). В Лондоне новый проект был получен лишь в конце мая 1854 г., когда сессия парламента подходила к концу и рассмотреть новый конституционный проект практически не представлялось возможным. К тому же в это время в Лондон поступили проекты конституций Виктории и Южной Австралии, разработанные законодательными советами этих колоний. Поэтому все конституционные проекты были переданы в Юридическую комиссию и лишь в мае 1855 г. поступили на рассмотрение палаты общин. В принятом после оживленной дискуссии Акте 1855 г. кон-

ституционное устройство Нового Южного Уэльса представлялось в следующем виде.

Законодательный орган колонии состоял из двух палат. Верхняя палата — Законодательный совет — включала в себя не менее 21 пожизненно назначенного члена. Они должны иметь возраст не моложе 21 года и быть британскими подданными либо по рождению, либо после натурализации. Нижняя палата — Законодательная ассамблея — состояла из 44 выборных членов. Они также должны были иметь возраст не моложе 21 года и британское подданство. Сохранялся имущественный ценз для избирателей. Правом голоса пользовались лица, имевшие земельные участки стоимостью 100 ф. ст., или имевшие доход размером тоже 100 ф. ст., или платившие за квартиру или дом ежегодно не менее 40 ф. ст. Члены ассамблеи избирались на пять лет.

Законодательному органу колонии предоставлялась неограниченная компетенция в законодательной деятельности, касающейся местных вопросов, а также контроль за коронными землями и получением доходов с них. Законодательный орган, однако, не наделялся правом назначать должностных лиц колониального управления. Все чиновники администрации назначались губернатором по согласованию с Исполнительным советом.

Принципы конституционного устройства Нового Южного Уэльса были распространены на другие британские колонии в Австралии.

Начиная с 1856 г. в Новом Южном Уэльсе, а затем и в других колониях были созданы собственные правительства. Движение скотоводов северных районов Нового Южного Уэльса за создание там отдельной колонии в этот период особенно усиливается и приводит в декабре 1859 г. к образованию новой колонии — Квинсленд. Заметная активизация политического развития британских колоний в Австралии в начале 50-х годов объяснялась резким изменением экономической ситуации, о чем пойдет речь в следующей главе.

Проследим теперь социально-общественное развитие британских колоний в Австралии за первые семьдесят лет после прибытия в Порт-Джексон первого флота.

В течение первых десятилетий существования колонии расстановка общественных сил в ней определялась во многом ее «каторжным происхождением». Даже в начале 20-х годов XIX в. Новый Южный Уэльс оставался еще «паразитической и инертной тюремной фермой» [302, 22], которую населяли заключенные и надзиратели.

Но процесс классовой дифференциации шел и в те ранние годы. Офицеры и солдаты охраны и гражданские чиновники колониальной администрации получали земельные участки, и интересы их сосредоточивались на поисках способов

скорейшего обогащения. На заключенных они смотрели лишь как на даровой инструмент, с помощью которого они намеревались достичь своих целей. В то же время заключенные, отбывшие сроки наказания, наделялись землей и создавали свободное земледельческое и скотоводческое население колонии, объединяемое своими корпоративными интересами и проблемами.

Усилившийся в 30-х и 40-х годах XIX в. поток свободных британских иммигрантов в Австралию и прекращение доставки заключенных привели, как мы уже показывали выше, к значительному изменению состава населения британских колоний на Австралийском континенте.

С одной стороны, свободные иммигранты усиливали количественно и качественно состав власть имущих. Все большую силу и влияние в колониях получают крупные землевладельцы, банкиры, торговцы, промышленники. С другой стороны, свободные иммигранты в несравненно более значительных масштабах увеличивают городской и сельский пролетариат колоний. Кроме того, обе эти основные группы населения пополнялись за счет заключенных, отбывших свой срок наказания.

В среде зажиточной элиты британских колоний в Австралии в это время образуются два основных политических течения, идеологи которых называют их традиционными для Англии именами — тори и виги. Среди первых главную роль играли крупные землевладельцы из бывших офицеров и чиновников колониальной администрации. В их числе можно назвать семьи Макартуров, Боуменов, Думейресков, Хейсаллов, Джонсов, Клоусов и Тросби. Они совершенно не допускали в свою среду бывших заключенных, даже выбившихся, по их понятиям, «в люди», т. е. приобретших капитал. Их политическим идеалом было создание «респектабельного назначенного совета», который управлялся бы олигархией, состоявшей из них самих и высших чинов колониальной администрации [159, 55]. Тори являлись образцом «старых колониальных магнатов, которые установили специфический абсолютизм, характеризовавшийся искусственным сочетанием чувства полновластия, с одной стороны, и повиновения — с другой...» [394, vol. I, 17].

Виги, или, как их еще называют, эмансиписты, представляли также зажиточные слои колоний. Виги могли допустить в свой круг и бывших заключенных, лишь бы те достигли необходимого имущественного положения. Лидеры их — Уентворт, Джеймсон, Форбес и Бленд (бывший заключенный) — выступали за развитие самоуправления колоний, создание «представительной власти».

Противоречия между этими группировками, с самого начала не носившие принципиального характера, в 40-х годах

XIX в. совсем исчезли. Объединенными силами тори и виги начали выступать за проведение таких реформ управления, которые обеспечили бы их экономические интересы. Тори и виги требовали и добились значительно большей независимости от Англии правительств колоний в делах местного управления.

Рабочее движение в британских колониях в Австралии начинает проявлять себя в 20-х годах XIX в. Начинают создаваться первые профсоюзы, проводятся первые забастовки и стачки. К середине XIX в. в Сиднее существовало около 25 профсоюзов, в Хобарте — 13. Небольшое число профсоюзов было в Мельбурне и Аделаиде. В начале своей деятельности профсоюзы ограничивались лишь борьбой за улучшение условий труда рабочих. Постепенно требования профсоюзов расширялись. Профсоюзы добивались рабочего представительства при решении всех важных для жизни колоний вопросов. Однако представителями рабочих на всех публичных митингах и в политических кампаниях выступали отнюдь не сами рабочие, а представители так называемых средних слоев — журналисты, коммерсанты, бывшие военнослужащие и т. д. Наиболее активными среди них были Н. Кентиш, У. Дункан, Д. Бибб, Д. Макичерн, У. Эдвардс, Х. Макдермотт и Р. Хоркисс [159, 57].

Эти деятели выступали против доставки заключенных в Австралию, за ограничение использования труда заключенных, составлявших конкуренцию свободным рабочим. Последнее привело к созданию в 1833 г. Общества эмигрантов-механиков. Движение за снижение цен на хлеб вызвало к жизни в 1839 г. Объединенную мучную и хлебную компанию. Безработица, явившаяся следствием экономического спада в начале 40-х годов, привела к созданию в 1843 г. Общества взаимопомощи.

В том же году создается Ассоциация взаимной защиты, целью которой было обеспечение представительства рабочих в советах, защита их интересов, борьба за проведение земельной реформы. Последняя должна была заключаться в перераспределении земли, с тем чтобы основной формой землевладения в колониях был небольшой, равный для всех земельный участок. «Все наши социальные и политические беды, — писал один из авторов того времени, — являются следствием неравномерного распределения земли» [цит. по: 159, 58].

Следует подчеркнуть, что в рассматриваемый период рабочее движение в британских колониях в Австралии не оказывало еще существенного влияния на события социальной жизни.

Для более полного представления об общественной жизни британских колоний в Австралии необходимо остано-

виться на характеристике религиозных течений. Они достаточно ярко отражали общие тенденции развития колоний.

Первоначальный период характеризовался монопольным положением англиканской церкви. Вместе с первым флотом в Австралию прибыл официальный представитель этой церкви. Исповедание какой-либо другой религии заключенным было запрещено. Но с ростом свободного британского населения в Австралию стали проникать и разворачивать свою деятельность представители других церквей. Так, в 1820 г. прибыли первые священники римско-католической церкви, а в 1823 г. — пресвитерианской. Эти национальные церкви Шотландии и Ирландии очень скоро получили серьезную поддержку, поскольку австралийские колонии имели значительное число шотландских и ирландских иммигрантов.

В середине 50-х годов XIX в. население британских колоний в Австралии превысило 1 млн. Из них 45% родилось в Австралии, а остальные эмигрировали с Британских островов, причем из Ирландии и Шотландии прибыло 45% всех иммигрантов [450, 102].

Несколько позднее в Австралии появляются представители методистской церкви и баптисты. К середине XIX в. в Австралии существовали также небольшие лютеранские, еврейские и мусульманские религиозные общины.

Однако англиканская церковь сохраняла свое влияние, особенно в Новом Южном Уэльсе, где ее поддерживала Церковная и школьная корпорация, руководившая всей школьной системой и владевшая седьмой частью всех земель колонии.

В рассматриваемый период начинает складываться и собственная культура британских колоний в Австралии. Правда, она носит еще подражательный характер, копируя культуру Великобритании. Появившиеся в 40—60-х годах литературные произведения ориентировались на вкусы читательской публики Британских островов и были написаны в распространенной там манере. Примером литературы такого рода могут служить повести Чарльза Роукфорта «Колониальные рассказы» (1843 г.), Катерины Спенс «Клара Морисон» (1854 г.), Генри Кинглея «Воспоминания Джоффри Хемлин» и др., поэмы Чарльза Херпура, Уильяма Уентворта, Генри Кендалла. Появляются первые книги, посвященные истории британской колонизации Австралии, такие, как «История Тасмании» Джона Уеста (1852 г.) и др. Из английских авторов наиболее читаемым в Австралии был Чарльз Диккенс.

В Австралии к середине XIX в. выходит довольно большое число газет. В 1840 г., например, в одном Новом Южном Уэльсе выпускалось десять газет, крупнейшей среди которых была «Сидней Морнинг Геральд», основанная в 1831 г.

и ставшая ежедневной с 1841 г. Но большинство газет довольно быстро закрывалось. Так, в 1850—1860 гг. в Новом Южном Уэльсе появилось 50 газет, из которых лишь 8—9 просуществовали более двух лет [450, 106].

Что касается живописи, то до 1850 г. она была английской «по характеру и чувству». Поскольку меценатами были богатые землевладельцы, наибольшее распространение в живописи получили портрет и сельский пейзаж. Наиболее популярным художником того времени был Конрад Мартенс.

Регулярные музыкальные концерты начались в Сиднее после 1826 г. Первый театр был открыт в Сиднее в 1833 г., в Хобарте — в 1834 г., в Мельбурне — в 1842 г., а в Аделаиде — в 1846 г. В театрах ставились как драматические, так и оперные спектакли.

К середине XIX в. британские колонии в Австралии характеризовались, хотя это и звучит парадоксально, высокой степенью урбанизации и централизации.

Получая основной доход от сельского хозяйства, колонии тем не менее имели очень высокий процент городского населения. Так, Сидней в 1850 г. имел 53 924 жителя, что составляло около 30% всего населения Нового Южного Уэльса, наиболее населенной британской колонии в Австралии [159, 95]. Города становились не только политическими центрами, в них концентрировалось руководство торгово-экономической и финансовой жизнью колоний. Наиболее крупные города являлись в то же время крупнейшими портами, через которые колонии осуществляли все внешнеторговые операции.

СОЗДАНИЕ АВСТРАЛИЙСКОГО СОЮЗА

ИССЛЕДОВАНИЯ АВСТРАЛИЙСКОГО МАТЕРИКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Образование в различных частях Австралии британских колоний, отделенных часто друг от друга громадными пространствами, логика их экономического развития требовали дальнейшего, более углубленного изучения Австралийского материка.

Южная Австралия и Виктория настойчиво искали путь с юга на северное побережье континента.

В начале 1860 г. правительство Южной Австралии объявило о том, что выдаст премию в размере 2,5 тыс. ф. ст. тому, кто первым отыщет этот путь. На призыв правительства колонии откликнулись двое — Джон Стюарт и Роберт Берк, живший в соседней колонии — Виктории.

Д. Стюарт был опытным исследователем. Он принимал участие еще в экспедициях Стерта в 40-х годах XIX в. Затем Стюарт исследовал район озера Торренс. Получив помощь от скотоводов В. Финка и Д. Чемберса, он с двумя спутниками, имея 13 лошадей, вышел 2 марта 1860 г. из Чемберс-Крик и направился на север, туда, где еще не ступала нога белого человека. 22 апреля Стюарт достиг географического центра Австралийского материка. Двигаясь дальше на север, Стюарт и его спутники встретили аборигенов. Между ними завязалась схватка, вынудившая Стюарта повернуть назад.

Вернувшись в Аделаиду и узнав, что Р. Берк из Мельбурна отправился в экспедицию, Стюарт снова заторопился в путь. На этот раз расходы на снаряжение экспедиции согласилось взять на себя правительство Южной Австралии. Стюарт двинулся по уже исследованному им пути и прошел на 100 миль дальше того места (Атак-Крик), которого он достиг во время первого путешествия. Но, выбившись из сил, он вынужден был вернуться обратно в Аделаиду.

Однако прекращать свои исследования он не думал. 26 октября 1861 г. Стюарт с девятью спутниками отправился в свою третью экспедицию на север.

На этот раз экспедиция была успешной. 24 июля 1862 г. Стюарт и его спутники достигли северного побережья материка у устья реки Аделаиды. Стюарт был восхищен землями, которые он проходил на последнем этапе своего путешествия: «Если эта страна будет заселена, то она станет одной из прекраснейших колоний британской короны» [328, 83]. Но надо было возвращаться назад. Преодоление 2 тыс. миль обратного пути потребовало от путешественников всех сил. Еле живые, Стюарт и его спутники вернулись в декабре 1862 г. в Аделаиду.

Город был погружен в траур: в этот же день в Аделаиду по пути в Мельбурн были доставлены тела Берка и его товарища Уиллса. Они погибли, возвращаясь из экспедиции. Именно они были первыми, кто достиг северных берегов Австралии, пройдя материк с юга на север. Это произошло в феврале 1861 г.

Однако премию правительства Южной Австралии получил все-таки Стюарт. Он не был первым, но он остался в живых.

Сначала ничто не предвещало столь трагического конца экспедиции Берка. Ревнивый Мельбурн сделал все, чтобы представители Виктории были первыми на северном побережье Австралии. На организацию экспедиции было потрачено 12 тыс. ф. ст. Из Карачи были доставлены верблюды, сопровождаемые погонщиками-индусами, для того чтобы ускорить движение экспедиции. Кроме этого экспедиция имела лошадей и специально изготовленные повозки для транспортировки снаряжения и продовольствия.

20 августа отряд в составе 18 человек, имевший 26 верблюдов и 22 лошади, покинул Мельбурн. Тысячи жителей города провожали его. Руководитель комитета по организации экспедиции, главный судья колонии Уильям Стэвелл в напутственной речи накануне выхода экспедиции особенно подчеркивал необходимость сохранения согласия среди ее членов. Но они перессорились еще до того, как покинули заселенные места. Двух членов экспедиции Берк отослал обратно в Мельбурн.

10 ноября 1860 г. часть экспедиции во главе с Берком достигла Куперс-Крик. В течение пяти недель Берк ждал подхода остальных участников экспедиции, возглавляемых Брейхом, но, потеряв терпение, 16 декабря начал движение вперед к заливу Карпентария. 11 февраля следующего года Берк и его спутники достигли берегов залива, но они израсходовали бо́льшую часть продовольствия. На обратном пути путешественники испытывали настоящий голод. Наконец 21 апреля после невероятных лишений они вернулись в Куперс-Крик, уверенные в том, что найдут там остальных членов экспедиции. Но они обнаружили лишь небольшое количество продуктов и записку, в которой говорилось, что Брейх

и его группа утром этого же дня ушли из лагеря. Тогда Берк решил идти в сторону Хоуплесса, находившегося в 150 милях от Куперс-Крик, надеясь найти там скотоводческую станцию. Но сделать это совершенно истощенным путешественникам не удалось. Все они, кроме одного участника экспедиции — Кинга, погибли в июне 1861 г. Кинг же выжил и попал к аборигенам.

Мельбурн был очень встревожен исчезновением Берка и его спутников. На их поиски отправились экспедиции А. Хоуитта, У. Лендсборо, Ф. Уокера и Д. Мак-Кинли. В середине сентября 1861 г. А. Хоуитт нашел Кинга, а затем и останки Берка и Уиллса.

Поиски экспедиции Берка позволили исследовать некоторые районы северо-восточной части Австралии.

Так, Мак-Кинли, выйдя из Аделаиды в августе 1861 г., 22 мая 1862 г., т. е. на два месяца раньше Стюарта, достиг северного побережья Австралии в районе залива Карпентария. Он не только пересек континент, но и привел с собой небольшое стадо овец. В дальнейшем Мак-Кинли в течение ряда лет по заданиям правительства Южной Австралии исследовал северное побережье материка.

В конце 60-х и 70-х годах XIX в. были осуществлены экспедиции, исследовавшие западную часть Австралии. Среди них следует отметить экспедиции, возглавляемые Э. Джайлсом (1872—1876 гг.), П. Уорбертоном (1873 г.), Д. Форрестом (1874 г.) и А. Форрестом (1879 г.).

В 90-х годах XIX в. исследование западноавстралийских пустынь было продолжено. Большую пустыню Викторию исследовала в 1891 г. экспедиция Д. Линдсея; в 1896—1897 гг. Большую Песчаную пустыню исследовали экспедиции Л. Уэлса, Д. Карнеги и Г. Флетчера.

Таким образом, во второй половине XIX в. исследователи прошли Австралийский материк с юга на север и с запада на восток. Но это было лишь первое и довольно поверхностное знакомство европейцев с «таинственной южной землей». Слово «поверхностное» можно в данном случае применить и в его прямом и в переносном смысле, ибо исследователей главным образом интересовала поверхность материка; они искали новые земли для земледельцев и скотоводов. Недра интересовали путешественников значительно меньше. Правда, здесь было одно, но существенное исключение. После того как в 1851 г. Э. Харгрейвс обнаружил золото в районе Батерст в Новом Южном Уэльсе, поиски месторождений золота на некоторое время целиком заняли все помыслы жителей британских колоний в Австралии. Более того, жестокий приступ «золотой лихорадки» поразил очень многих «охотников за счастьем» в Европе и Америке, бросившихся «исследовать» девственные земли пятого континента.

«Золотая лихорадка» привела к значительным изменениям всех сторон жизни британских колоний в Австралии, и прежде всего их экономики.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ БРИТАНСКИХ КОЛОНИЙ В АВСТРАЛИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

История колониализма свидетельствует о том, что поиски золота и других драгоценных металлов часто являлись той движущей силой, которая заставляла европейцев покидать родину и устремляться в неведомые края в поисках новых земель.

Об этом пишут и буржуазные ученые. «Из прославленных бандитов, — отмечает А. Деберль, — хотели бы сделать нечто вроде апостолов и видеть в них только ревнителей христианства, веровавших, что похвально и достойно нападать на всякого язычника и убивать его; но нет большей лжи, чем эта! Совершенно верно, что перед сражением они выслушивали мессу и шли резать в сопровождении священников, но это была с их стороны мера предосторожности в виде сохранения установленных отношений с Небом. Единственной их целью — и они никогда не имели другой — было разыскание золота; даже сама центральная власть не имела более благородного двигателя, как корыстолюбие» [87, 87—88].

Откровенно хищнический характер колониализма проявляется буквально с первых же дней его существования. Известный французский ученый П. Леруа Болье писал: «Золото, служившее для испанцев сначала единственной приманкой, не всегда способно было прикрепить их к одному месту, они устремлялись во все страны, где только надеялись отыскать это золото» [101, 4—5].

Великий английский ученый Бэкон в статье о колонизации, включенной им в знаменитые «Essays» (1597 г.), писал: «Золотые и серебряные рудники портят характер людей, и извлекаемое из них богатство, как бы велико оно ни было, не может быть надежным ручательством благополучия. Добросовестный и непрерывный труд — вот, в сущности, величайший источник богатства» [111, 15].

Процесс же британской колонизации Австралии в этом отношении развивался иначе, так как первые десятилетия пятый континент рассматривался лишь в качестве места ссылки каторжников; колониальные власти сначала не поощряли поиски месторождений золота, ибо обнаружение его могло вызвать большие беспорядки в колониях. Когда польский исследователь Стшелецкий в 1839 г. обнаружил золото около Хартли (между Голубыми горами и Батерстом) и со-

общил об этом губернатору Нового Южного Уэльса Гиппсу, то последний весьма эмоционально заметил: «Оставьте это, или нам всем перережут глотки!» [263, 97].

Однако частные попытки найти месторождения золота продолжались. Поступали все новые и новые сообщения о случаях обнаружения золота.

Видя это, британское правительство решило взять в свои руки организацию научного геологического исследования Австралийского материка и в 1851 г. назначило в Новый Южный Уэльс правительственного геолога, которому и была поручена эта работа.

К этому времени, как мы уже писали выше, общая экономическая и политическая обстановка в британских колониях в Австралии очень сильно изменилась. Выраставшая и крепнувшая в них собственная буржуазия все настойчивее требовала большей самостоятельности, освобождения от опеки правительства метрополии. Она была заинтересована в получении дополнительных источников обогащения, и мысль о существующих, может быть, месторождениях золота не могла не волновать австралийскую буржуазию. Поэтому отношение к открытию золота Харгрейвсом в 1851 г. со стороны властей Нового Южного Уэльса было уже совсем иным по сравнению с 1839 г.

Родившийся в 1816 г. в Англии Эдвард Харгрейвс прибыл в Австралию как матрос в 1832 г. Сначала он занимался рыболовством в районе Торресова пролива, а затем стал скотоводом. После обнаружения золота в Калифорнии он в 1849 г. отправился туда, но успеха не добился и в январе 1851 г. вернулся обратно в Новый Южный Уэльс.

Однако «золотая лихорадка» поразила Харгрейвса настолько основательно, что единственным его стремлением после возвращения стали поиски золота. Уже 5 февраля он отправляется в глубь континента на поиски золотоносных земель, а 20 марта демонстрирует властям колонии первые четыре унции добытого им золота. Правительственным приказом главный геолог колонии Стечборн был послан в указанный Харгрейвсом район для подтверждения открытия месторождений золота. Сам Харгрейвс был назначен правительственным комиссаром этих земель, получил денежную награду в 10 тыс. ф. ст., и ему была назначена пожизненная пенсия. В 1854 г. он был представлен королеве Виктории. Британское правительство, уверовав в его счастливую звезду, посылало Харгрейвса на поиски золота в Тасманию и Западную Австралию, но больше счастье ему не улыбнулось. Его экспедиции оканчивались безрезультатно. Умер Харгрейвс в пригороде Сиднея в октябре 1891 г.

Слухи об открытии Харгрейвса положили начало «золотой лихорадке» в Австралии. Через две недели уже пятьсот

человек исследовали район Соммер — Хилл-Крик. Ажиотаж увеличился еще больше, когда сначала один мальчик нашел золотой самородок весом 11 унций, а затем абориген принес величайший в мире самородок золота весом 106 фунтов.

Правительство Нового Южного Уэльса должно было ввести специальное законодательство, регулировавшее эксплуатацию месторождения золота. 22 мая 1851 г. губернатор Ч. Фитцрой издал постановление, объявлявшее все обнаруженные месторождения золота собственностью королевы. На эксплуатацию месторождений выдавалась лицензия, за которую уплачивалось ежемесячно 30 шилл. В дальнейшем стоимость лицензии была понижена до 30 шилл. в квартал [189, 252—253].

В 1855 г. лицензии были заменены правами на добычу золота, выдававшимися при уплате 20 шилл. в год.

На поиски золота в колонии устремились десятки тысяч людей. Горные дороги были забиты людьми, двигавшимися пешком и на лошадях. Города и селения опустели. Открывались все новые и новые золотоносные земли. Добыча золота стремительно росла. Наибольшее количество золота было добыто в Новом Южном Уэльсе в 1852 г. — на 2 660 946 ф. ст. Затем добыча его стала падать: в 1862 г. золота было добыто на 2 467 780 ф. ст., в начале же XX в. добыча не выходила за пределы 1 млн. ф. ст. (в 1909 г., например, 869 540 ф. ст.) [189, 252—253].

Но добыча золота не стала, конечно, монополией Нового Южного Уэльса. «Золотая лихорадка» захватила и другие колонии. Особенно сильной она была в Виктории.

Созданный в Мельбурне Викторианский комитет по обнаружению золота объявил премию 200 ф. ст. за открытие месторождения золота на территории колонии. Такое открытие было сделано в июне 1851 г. Дж. Эсмондом, который, так же как и Э. Харгрейвс, побывал до этого в Калифорнии. Уже через несколько месяцев 46 тыс. из 77 тыс. населения бросилось на поиски золота [282, 156].

Если в 1851 г. Виктория добыла золота на 851 596 ф. ст., то уже через два года эта сумма составила 10 976 392 ф. ст., а в 1856 г. — 12 214 976 ф. ст. В дальнейшем и в этой колонии добыча золота постепенно снижалась. В 1909 г., например, она выразилась в сумме 2 778 956 ф. ст. [282, 156]. Всего за первое десятилетие после открытия золота в Австралии его было добыто на 124 млн. ф. ст.

Добыча золота в Квинсленде и Западной Австралии началась в конце 50-х годов, но достигла настоящего размаха соответственно в 80-х и 90-х годах. В 90-х годах XIX в. Западная Австралия заняла первое место по добыче золота среди британских колоний в Австралии, давая 75% общей добычи.

Открытие месторождений золота вызвало стремительный рост населения всех британских колоний в Австралии (особенно Виктории) за счет громадного потока иммигрантов. Если в 1850 г. во всех колониях проживало 405 тыс. человек, то в 1860 г. — уже 1146 тыс. [189, 263]. Население Виктории, составлявшее в 1851 г. 77 тыс. человек, в течение следующих шести лет выросло до 500 тыс. [328, 133].

Иммигранты, как и прежде, в основном были с Британских островов. В 1852 г., например, только 13 человек прибыли из Соединенных Штатов и 29 — из всех других стран. В 1861 г. в Виктории, где число иммигрантов небританского происхождения было наибольшим, их насчитывалось лишь 46 338 человек из общего количества населения 540 322, что составляло 8,57%. В их числе было 24 732 китайца, 10 211 немцев, 2554 американца и 1250 французов. В Новом Южном Уэльсе эти цифры были значительно ниже. В 1861 г. $^{9}/_{10}$ населения Австралии составляли люди, родившиеся в Великобритании и самой Австралии [189, 263—264].

Как видно, в числе небританских иммигрантов больше всего было китайцев. Нам уже приходилось говорить об отношении британских колоний в Австралии к проблеме ввоза рабочей силы из азиатских стран. Оно было отрицательным. Для того чтобы ограничить приток китайских иммигрантов, правительство Виктории ввело в 1855 г. закон, по которому каждый приезжающий китаец для допуска в колонии должен уплатить 10 ф. ст. Предусматривалось также, что корабли должны доставлять их из расчета 1 человек на каждые 10 *т* тоннажа корабля. Однако эта мера не помогала. Если в 1854 г. китайское население Виктории составляло 2 тыс., то в марте 1857 г. оно достигло 25 370, в декабре того же года — 35 тыс., а в 1859 г. — 42 тыс. человек. Это составляло около 8% всего населения колонии, почти 20% — мужчин [414, 320]. Тогда власти колонии стали применять насильственную высылку китайцев за границу на основании создаваемых, часто искусственно, судебных дел об их «преступлениях против общества».

В 1881 г. в Виктории был введен в действие второй ограничительный акт, который оставлял в силе уплату 10 ф. ст. в качестве въездной пошлины, но устанавливал, что корабли должны доставлять китайских иммигрантов из расчета 1 человек на 100 *т* тоннажа каждого корабля.

На общеавстралийской конференции в Сиднее в июне 1888 г. все колонии приняли единые ограничительные правила, предусматривавшие отмену въездной пошлины, но установившие для доставки китайских иммигрантов норму 1 человек на 500 *т* тоннажа для корабля. В Виктории число китайцев уменьшилось до 9377 в 1891 г. и до 7349 — в 1901 г. Общая численность китайского населения во всех британских

колониях Австралии была в то время 38 077, в том числе в Новом Южном Уэльсе — 14 757, в Квинсленде — 8574, Южной Австралии — 3997, Тасмании — 1056 и Западной Австралии — 917.

Рост добычи золота оказал заметное влияние на всю экономическую жизнь британских колоний в Австралии, как тех, на территории которых было найдено золото, так и тех (Тасмания и Южная Австралия), где его найти не удалось.

В течение первого десятилетия в Австралии было добыто 25 млн. унций золота, что составило более 40% мировой его добычи за то же время. Экспорт золота в 1851—1860 гг. составлял $^2/_3$ общего экспорта колоний.

Экспорт шерсти отступил на второй план. Правда, это продолжалось недолго. В следующем десятилетии (1861—1870) австралийские колонии дали 19 млн. унций золота, или более $^1/_3$ мировой добычи, но доля золота в общем экспорте колоний в Великобританию составила уже менее $^1/_3$ (60 млн. ф. ст. из 190 млн.) [46, 582]. Шерсть опять взяла верх.

В первое десятилетие «золотой лихорадки» произошел особенно резкий отлив населения из сельского хозяйства и промышленности на поиски золота. В одной только Виктории число золотоискателей в течение 1851—1853 гг. достигло 100 тыс. Это происходило не только потому, что население самой колонии из городов и ферм устремилось на поиски золота и нахлынули иммигранты из Европы, Азии и Америки, но и вследствие того, что в Викторию устремились многие жители из других британских колоний в Австралии, прежде всего из Тасмании и Южной Австралии. К концу 1852 г., например, число взрослого населения Тасмании уменьшилось наполовину [282, 156]. Такое же положение было в Южной Австралии.

Острая нехватка рабочих рук в сельском хозяйстве и промышленности приводила к необходимости значительно увеличивать ежедневную заработную плату тем, кто оставался, чтобы таким образом удержать их (см. табл. 1).

Одновременно с ростом заработной платы росли цены на продукты питания (см. табл. 2).

В колониях, где не было обнаружено золото, наблюдался отток не только людей, но и капиталов. Положение было настолько серьезным, что Законодательный совет Южной Австралии принял 24 января 1852 г. специальный Акт о золотых слитках.

Этим актом все находившиеся в Аделаиде банки — Южноавстралийская банковская компания, отделения Объединенного и Австралийского банков — должны были активизировать деятельность и не допустить уменьшения своих фондов, происходившего вследствие перевода вкладчиками, уезжав-

Таблица 1

ДВИЖЕНИЕ ЕЖЕДНЕВНОЙ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ *

Профессия	1850 г.			1853 г.		
	Мельбурн	Сидней	Хобарт	Мельбурн	Сидней	Хобарт
Каменщик	4 шилл. 6 пенсов	4 шилл. 6 пенсов	6 шилл.	1 ф. ст. 5 шилл.	15 шилл. 6 пенсов	15 шилл.
Плотник	4 шилл. 6 пенсов	4 шилл. 6 пенсов	5 шилл.	1 ф. ст. 5 шилл.	12 шилл. 6 пенсов	13 шилл.
Каменотес	4 шилл. 6 пенсов	4 шилл. 6 пенсов	6 шилл.	1 ф. ст. 10 шилл.	16 шилл.	15 шилл.

* [282, 157].

Таблица 2

ЦЕНЫ НА ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ *

Продукты	1850 г.			1853 г.		
	Мельбурн	Сидней	Хобарт	Мельбурн	Сидней	Хобарт
Хлеб (4 фунта)	0 шилл. 6 пенсов	0 шилл. 7 пенсов	0 шилл. 10 пенсов	1 шилл. 1 пенс	1 шилл. 2 пенса	2 шилл. 4 пенса
Мясо (1 фунт)	0 шилл. 2 пенса	0 шилл. 1 3/4 пенса	0 шилл. 3,5 пенса	0 шилл. 6 пенсов	0 шилл. 3,5 пенса	0 шилл. 3,5 пенса
Масло (1 фунт)	1 шилл. 3 пенса	1 шилл. 3 пенса	1 шилл. 3 пенса	3 шилл.	1 шилл. 5 пенсов	3 шилл.
Картофель (50 *кг*)	6 шилл. 1 пенс	7 шилл.	3 шилл. 6 пенсов	1 ф. ст. 10 шилл.	13 шилл.	1 ф. ст. 8 шилл.

* [282, 152].

шими на поиски золота, своих депозитов в Викторию. Создавалась пробирная палата, которая должна была принимать золотой песок от золотоискателей, изготавливать слитки и ставить на них пробу. Банки обязывались приобретать золотые слитки из расчета 3 ф. ст. 11 шилл. за унцию золота, в то время как в Мельбурне цена была 3 ф. ст., а в Сиднее — 3 ф. ст. 3 шилл. за унцию. Это должно было, по мысли авторов Акта 1852 г., обеспечить приток золота в банки Аделаиды из других британских колоний в Австралии.

Положительные результаты предусмотренных Актом мер сказались очень быстро. В течение первых шести месяцев после введения его в действие пробирная палата в Аделаиде получила 219 370 унций золотого песка. Причем размер получений неуклонно и быстро увеличивался из месяца в месяц. Так если в феврале было приобретено 5 тыс. унций, то в июле — 68 тыс. унций [282, 159].

В дальнейшем общеавстралийская цена на золото поднялась выше цены, установленной в Южной Австралии Актом 1852 г., но колония к тому времени успела не только сохранить, но и значительно увеличить свои золотые запасы и накопить средства, которые были направлены на развитие сельского хозяйства колонии, из чего Южная Австралия извлекла дополнительную выгоду. Дело в том, что в Новом Южном Уэльсе и Виктории вследствие «золотой лихорадки» земледелие переживало заметный упадок. Площадь обрабатываемых земель в Новом Южном Уэльсе за 1851—1853 гг. сократилась на 9%, а в Виктории — на 40%. Население же этих колоний за то же время, как мы показали выше, значительно выросло. Результатом явилась ощутимая нехватка продовольственных товаров.

В Южной Австралии, так же как и в Тасмании, площади обрабатываемых земель неуклонно росли, несмотря на отток части населения в золотодобывающие колонии. Так если в Южной Австралии в 1850 г. обрабатывалось 64 728 акров земли, то в 1859 г. — 361 884 акра, что дало увеличение почти на 500%.

В Тасмании за этот же период произошло увеличение площади обрабатываемых земель с 168 820 акров до 208 169 акров, или на 24%. Росла, естественно, площадь проданных земельных участков в этих колониях. В Южной Австралии в 1852 г. было продано 87 тыс. акров коронных земель на 99 тыс. ф. ст., в 1953 г. — 213 тыс. акров на 292 тыс. ф. ст., в 1854 — 214 тыс. акров на 375 ф. ст.; в Тасмании — соответственно на 42 тыс., 91 тыс. и 112 тыс. ф. ст. [282, 159].

Это позволило обеим колониям значительно увеличить продажу продовольственных товаров в Новый Южный Уэльс и Викторию.

В Новом Южном Уэльсе и Виктории основное внимание в 1851—1861 гг. уделялось добыче золота. Несмотря на то что производство шерсти даже в те годы росло (Виктория, например, в 1854 г. вывезла шерсти на 40% больше, чем в 1851 г., а Новый Южный Уэльс тогда же увеличил свой экспорт шерсти на 24%), экономическое положение колоний определяла добыча золота. Если в 1850 г. весь доход Виктории составлял 250 тыс. ф. ст., то в 1854 г. — 3 млн. ф. ст. Вклады в банках колонии за то же время увеличились в 6 раз.

Золотодобыча поглощала основную массу рабочей силы. Если число рабочих, занятых в 1851 г. на золотых приисках, принять за 100 (действительное их число тогда было 19,3 тыс.), то годы с 1852 по 1858-й дадут следующие индексы: 175, 274, 341, 568, 598, 702, 764. В последующие семь лет (1859—1865) число рабочих, правда, несколько снизилось, но все-таки по отношению к 1851 г. составляло: 652, 563, 521, 484, 482, 440, 417.

Уменьшение числа рабочих в эти годы объясняется не истощением золотоносных земель, а прежде всего улучшением методов добычи золота и отчасти тем, что открытия месторождений золота в Новой Зеландии в конце 50-х—начале 60-х годов XIX в. вызвали иммиграцию населения колоний в Новую Зеландию. Так, например, в октябре — ноябре 1861 г. из Виктории в Новую Зеландию уехало 11,6 тыс. человек. Вдвое, как мы уже отмечали выше, уменьшилось в начале 60-х годов число китайских иммигрантов в Австралии, а они в подавляющем большинстве работали на золотых приисках.

За 1851—1865 гг. Новый Южный Уэльс и Виктория вывезли 37 715 440 унций золота, причем 82,2% всего экспорта золота приходится на Викторию, что видно из табл. 3.

Именно золотодобыча определила громадный рост объема внешнеторговых операций Виктории и Нового Южного Уэльса в 1851—1860 гг. В эти десять лет общий объем внешней торговли обеих колоний вырос в 10 раз в сравнении с периодом 1841—1850 гг. Это проявилось не только в том, что резко увеличился экспорт, но и в том, что вызванный «золотой лихорадкой» стремительный рост населения, потребности которого экономика колоний удовлетворить не могла, повлек за собой еще более значительное увеличение импорта. Например, если в 1850 г. экспорт Виктории составлял по стоимости 1 млн. ф. ст., а импорт — 750 тыс. ф. ст., то в 1854 г. — соответственно 12 млн. и 18 млн. ф. ст. В пересчете на душу населения импорт колонии за то же время увеличился с 12 до 70 ф. ст. в год. Если взять общие цифры внешней торговли всех британских колоний в Австралии в 1841—1850 и 1851—1860 гг., то в пересчете на душу населения

Таблица 3

ЭКСПОРТ ЗОЛОТА ИЗ ВИКТОРИИ И НОВОГО ЮЖНОГО УЭЛЬСА В 1851—1865 ГГ.*

(унции)

Год	Количество экспортированного золота		Год	Количество экспортированного золота	
	Виктория	Новый Южный Уэльс		Виктория	Новый Южный Уэльс
1851	145 146	144 120	1858	2 528 478	254 907
1852	2 218 782	818 751	1859	2 280 950	435 995
1853	2 676 345	548 052	1860	1 156 660	483 012
1854	2 150 730	237 910	1861	1 967 420	488 293
1855	2 751 535	64 384	1862	1 658 207	699 566
1856	2 985 991	42 463	1863	1 626 872	605 722
1857	2 762 460	253 564	1864	1 544 694	758 108
			1865	1 543 801	682 521
Всего экспортировано золота за 1851—1865 гг.				30 998 071	6 717 369
Общий экспорт золота обеих колоний				37 715 440	

* [282, 161].

они покажут увеличение экспорта с 6 ф. ст. 10 шилл. (1841—1850 гг.) до 17 ф. ст. (1851—1860 гг.), а импорт — соответственно с 8 до 19 ф. ст.

Понятно поэтому, что основной выигрыш от открытия золота в Австралии получила Великобритания. Среднегодовой экспорт Соединенного Королевства в австралийские колонии, составлявший в 1844—1850 гг. 1,6 млн. ф. ст., увеличился в 1851—1857 гг. до 8,7 млн. ф. ст. Если доля австралийских колоний в общебританском экспорте в 1844—1850 гг. составляла 2,6%, то в 1851—1857 гг. она поднялась до 9% [282, 165—167].

В 50-х годах наблюдался также значительный рост экспорта британского капитала в австралийские колонии. Первое место в этом отношении занимал Новый Южный Уэльс. Если в 1827—1850 гг. в Новый Южный Уэльс было ввезено 8 млн. ф. ст., то в 1851—1865 гг. — 20 млн. ф. ст. В Викторию было ввезено за 1851—1865 гг. 14 млн. ф. ст. При этом следует иметь в виду, что население Виктории на 50% превышало население Нового Южного Уэльса. Объем внутренней и внешней торговли Виктории был вдвое большим, чем в Новом Южном Уэльсе. Это свидетельствует о том, что официально отделившаяся от Нового Южного Уэльса лишь в 1851 г. Виктория экономически была более развитой, чем старейшая британская колония в Австралии.

Экспорт капитала в британские колонии в Австралии происходил как в товарной, так и в денежной форме. В 1866 г.

в обеих колониях действовало 19 банков (десять — в Виктории и девять — в Новом Южном Уэльсе), в то время как в 1850 г. их было всего четыре. Как старые, так и новые банки значительно увеличили в этот период свой капитал. Например, Банк Австралазии, Банк Нового Южного Уэльса и Объединенный банк в 1850—1866 гг. увеличили свой капитал на 73 млн. ф. ст., капитал Сиднейского банка вырос за тот же период с 95 тыс. ф. ст. до 4 млн. ф. ст.

Иностранный капитал привлекался в колонии и посредством выпуска последними облигаций займов. Так, выпущенные правительством Виктории облигации займа на покрытие расходов по железнодорожному строительству были в 1858—1866 гг. проданы в Лондоне на сумму 8 млн. ф. ст. Государственные долги Виктории и Нового Южного Уэльса, составлявшие в 1866 г. 16 млн. ф. ст., на $^3/_4$ представляли собой займы на оплату железнодорожного строительства, облигации которых были проданы в массе своей в Лондоне [282, 173—174].

Следует отметить в связи с этим, что в 50-х годах в британских колониях в Австралии начинают осуществляться в заметных масштабах работы по строительству средств сообщений и связи. В 1854 г. центр Мельбурна был соединен с районом порта железной дорогой. В 1855 г. была открыта железнодорожная линия Сидней — Гелбурн протяженностью 13 миль. В 1856 г. железная дорога соединила город Аделаиду с ее портом. В начале 1854 г. первая в Австралии телеграфная линия начала работать между Мельбурном и его пригородом Вильямстауном. Аналогичные местные телеграфные линии через два года были созданы в Сиднее и Аделаиде. К 1858 г. Мельбурн был связан телеграфными линиями с Аделаидой и Сиднеем.

В Мельбурне и Сиднее ширилось коммунальное строительство: осуществлялось строительство канализации, водопровода и газового освещения.

Наконец, некоторое количество денежных средств, поступавших из Англии в австралийские колонии, направлялось в тот период на оплату расходов по содержанию британских войск в Австралии. Британские войска размещались в австралийских колониях в течение 83 лет (1788—1870). До 1862 г. оплата расходов по их содержанию производилась британским правительством. В 1851—1862 гг. на эти цели расходовалось ежегодно больше 53 тыс. ф. ст. (из расчета 40 ф. ст. на человека; британских войск в Австралии в то время было около 1,4 тыс.) [174, vol. IV, 74—77]. В марте 1862 г. британская палата общин вынесла решение о том, что, поскольку австралийские колонии получили права самоуправления, они должны взять на себя расходы по собственной защите. Это вызвало большое недовольство в австралийских колониях.

Общеимперская конференция британских колоний 1870 г. также высказалась против такого решения, поддержав австралийские колонии. Спор этот был прекращен выводом в том же, 1870 г. всех британских войск с территории Австралии.

Если рассматривать в целом экономическое положение британских колоний в Австралии в первые десять лет «золотой лихорадки», то следует прежде всего отметить следующие основные черты.

В первой половине 50-х годов в центре экономической жизни колоний была добыча золота. Она вызвала мощную волну иммиграции в Австралию. Именно в этот период на пятый континент иммигрирует наибольшее число людей, привлеченных «золотой лихорадкой». Так, в 1852—1857 гг. в Австралию прибыло 390 тыс. иммигрантов, в то время как в 1858—1863 гг. — всего 193 тыс. Мы уже говорили о том, что развертывание золотодобычи в этот период пагубно отразилось на земледелии. Но пострадало также и овцеводство. Не только замедлился темп роста поголовья овец и производства шерсти, но и снизилось качество последней. Тем не менее овцеводство продолжало неизменно занимать господствующее положение в сельском хозяйстве британских колоний в Австралии. Более половины земельной площади Виктории, или 31,5 млн. акров, использовалось в середине 50-х годов для нужд скотоводства.

Рост добычи золота в Австралии и связанное с этим увеличение иммиграции, импорта товаров и капитала оказали серьезное влияние на общемировое экономическое положение в тот период. В письме к К. Марксу от 24 августа 1852 г. Ф. Энгельс, указывая на причины, сдерживавшие наступление экономического кризиса в Европе, писал: «Австралия также мешает. Во-первых, непосредственно из-за золота и прекращения всякого другого экспорта из нее, а также из-за вызванного этим усиления ввоза всяких товаров, затем из-за выезда туда здешнего избыточного населения в количестве 5000 человек в неделю. Калифорния и Австралия — это такие два случая, которые не были предусмотрены в „Манифесте“: создание новых больших рынков из ничего. Это придется учесть» [13, 97].

Во второй половине 50-х годов «золотая лихорадка» пошла на убыль. Добыча золота заметно снижается. Сельское хозяйство, и в первую очередь овцеводство, начинает постепенно занимать утраченные позиции в экономике колоний. Это становится особенно очевидным в 60-х годах.

В 1859 г. в Новом Южном Уэльсе площадь обрабатываемых земель достигла уровня 1850 г. (следует учитывать, что в 1850 г. в состав Нового Южного Уэльса входила Виктория, следовательно, в 1859 г. Новый Южный Уэльс имел практически значительное увеличение посевных площадей). В Вик-

тории посевные площади за этот же период увеличились на 77%. Общая площадь обрабатываемых земель в Новом Южном Уэльсе и Виктории увеличилась с 200 тыс. до 680 тыс. акров. Особенно большой рост посевных площадей отмечался в Южной Австралии, где в 1850—1860 гг. произошло их семикратное увеличение. Южная Австралия заняла первое место по количеству обрабатываемой земли на душу населения. В 1860 г. население колонии насчитывало 125 тыс. человек, а посевные площади занимали 429 тыс. акров, т. е. на душу населения приходилось 3,4 акра. Новый Южный Уэльс с населением 350 тыс. человек имел 261 тыс. акров обрабатываемых земель, или 0,74 акра на душу населения, а Виктория — соответственно 538 тыс. и 419 тыс., или 0,78 акра.

Экспорт хлебных продуктов составлял тогда уже $^1/_3$ всего экспорта Южной Австралии. Но даже в такой колонии, как Виктория, где в 1860 г. добыча золота сохраняла господствующее положение в экономике и доля вывоза золота составляла $^2/_3$ всего экспорта колонии, число фермерских хозяйств за 1854—1857 гг. увеличилось с 3,2 тыс. до 8 тыс., а число работающих на них людей — с 4,3 тыс. до 15 тыс. человек [282, 179—181]. Приток рабочей силы в сельское хозяйство вызвал немедленное падение зарплаты. Неквалифицированные рабочие получали в 1857 г. 8 шилл. в день по сравнению с 10—15 шилл. в 1854 г. Снизилась зарплата и квалифицированных рабочих (плотников, каменщиков и каменотесов): с 35—40 шилл. в день до 14—15 шилл. [282, 181].

Развитие овцеводства во второй половине 50-х годов и первой половине 60-х годов шло еще более быстрыми темпами. Этому способствовали не только спад «золотой лихорадки», но и весьма выгодная для австралийских экспортеров шерсти ситуация на британском рынке, которая возникла как следствие гражданской войны в США.

Как известно, Южные штаты были главными поставщиками хлопка для английской текстильной промышленности. Война, естественно, резко сократила их экспортные возможности, что в свою очередь значительно сократило производство хлопчатобумажных тканей в Англии. Если в 1858—1861 гг. Англия экспортировала ежегодно в среднем 2,6 млрд. ярдов хлопчатобумажных тканей, то в 1862—1865 гг. — 1,8 млрд. ярдов, или на 30% меньше. Стремясь компенсировать эту потерю, английские предприниматели стали развертывать производство шерстяных тканей. В те же годы британский экспорт шерсти вырос с 161 млн. до 206 млн. ярдов, или на 28%. И хотя после гражданской войны американский хлопок быстро вернул утраченные позиции на британском рынке, производство и экспорт Англией шерстяных тканей во второй половине 60-х годов не только не снизились, но, наоборот, еще более возросли, в среднем на 25%.

Главным поставщиком сырья все увеличивавшегося британского производства шерсти была Австралия. В 1865 г. австралийская шерсть составляла половину всего британского импорта шерсти, в то время как в 1860 г. — $^2/_5$. Причем если в 1860 г. Англия импортировала всего 148 млн. фунтов шерсти, то в 1865 г. — 212 млн. фунтов [282, 178].

Следует также отметить, что падение американского экспорта хлопка в период гражданской войны имело своим следствием попытку организовать его производство в Квинсленде. Экспорт австралийского хлопка начался в 1862 г. и продолжался до 1886 г. Однако потом был совершенно прекращен (в 1889 г., например, в Квинсленде плантации хлопка занимали площадь всего в 1 акр, в то время как в 1869—1872 гг. — до 15 тыс. акров). Возобновление производства и экспорта хлопка в Австралии произошло лишь в следующем столетии [282, 189].

В последующие тридцать лет (1860—1890) овцеводство продолжало показывать высокие темпы развития. Главным овцеводческим районом Австралии в эти годы становится Новый Южный Уэльс, где в этот период количество овец увеличилось в 11 раз, а производство шерсти — в 17. Общее развитие овцеводства в Австралии в 1861—1891 гг. характеризуется приведенной ниже таблицей.

Таблица 4

ПРОИЗВОДСТВО ШЕРСТИ И ДИНАМИКА ПОГОЛОВЬЯ ОВЕЦ В БРИТАНСКИХ КОЛОНИЯХ В АВСТРАЛИИ

(шерсть — *млн. фунтов*, овцы — *млн. голов*) *

Колония	1861 г.		1871 г.		1881 г.		1891 г.	
	шерсть	овцы	шерсть	овцы	шерсть	овцы	шерсть	овцы
Новый Южный Уэльс	19,0	5,50	74	16,00	161	37,00	321	62,0
Виктория	27,0	6,00	64	10,00	68	10,00	69	13,0
Квинсленд	12,0	4,00	37	7,00	34	8,00	83	20,0
Южная Австралия	14,0	3,00	28	4,00	46	7,00	50	8,0
Западная Австралия	0,8	0,25	2	0,75	5	1,25	10	2,0
Тасмания	5,0	1,75	2	1,30	11	2,00	10	1,6
Всего	77,8	20,50	207	39,05	325	65,25	543	106,6

*[282, 196].

Естественно, что развитие овцеводства привело к значительному росту в этот период экспорта шерсти британских колоний в Австралии. Вместе с Новой Зеландией австралий-

ские колонии давали к 1890 г. почти 70% общего экспорта шерсти в Англию, тогда как в 1861 г. их доля составляла 47%.

Наряду с производством шерсти австралийские колонии в последней трети XIX в. начали усиленно развивать производство мясо-молочных продуктов. Это объяснялось тем, что разработанные в тот период методы консервирования и замораживания открыли широкие возможности экспорта этих видов продуктов в Европу.

Со второй половины 60-х годов Австралия начинает поставлять в Англию консервированное мясо. В начале следующего десятилетия организуется транспортировка из австралийских колоний в Великобританию мороженого мяса.

В 1873 г. впервые в мире на выставке в Мельбурне демонстрировалась машина для производства льда, изобретенная жителем этого города Дж. Гаррисоном. С ее помощью он заморозил некоторое количество мяса и рыбы, которые спустя 6 месяцев после этого были поданы на публичном банкете в Мельбурне и найдены вполне сохранившими свои вкусовые качества. В июле этого же года Гаррисон отправляет в Англию партию мороженого мяса на судне «Норфолк», на котором была установлена одна из его машин. На этот раз Гаррисона постигла неудача: мясо испортилось.

Первым удачным экспериментом по доставке мороженого мяса из Австралии в Англию был рейс судна «Стремлевен», состоявшийся в конце 1879 — начале 1880 г. Судно покинуло берега Австралии в начале декабря 1879 г., имея на борту 40 *т* мороженого мяса, и 2 февраля 1880 г. оно благополучно доставило его в Лондон, где мясо было сразу же продано по цене 4,5—5,5 пенса за фунт.

В 80-х годах начался экспорт австралийского масла в Англию.

Поголовье крупного рогатого скота в Австралии быстро увеличивается. В 1890 г. на пастбищах пятого континента паслось уже более 10 млн. коров (в 1860 г. их было 4 млн.).

Развитие земледелия, начавшееся во второй половине 50-х годов, в последние три десятилетия XIX в. продолжалось значительно более быстрыми темпами. Этому способствовали улучшение техники обработки земли, распространение ирригации, развитие средств транспорта. В последнем десятилетии XIX в. общая площадь посевных земель Австралии составила 4 086 701 акр, тогда как в 60-х годах она равнялась 831 457 акрам. Производство зерна за то же время выросло с 10 621 697 бушелей до 29 933 993 бушелей [46, 559—561].

Мы уже упоминали о том, что в начале 60-х годов XIX в. в Австралии делаются первые попытки выращивания хлопка. К тому же времени относится и начало производства в Австралии сахара. Если хлопководство уже через два десятилетия

совершенно захирело, то производство сахара продолжало расти.

Первые попытки создания в Австралии плантаций сахарного тростника относятся еще к концу второго десятилетия XIX в. и связаны с именем Томаса Скотта. Прибыв в Сидней в 1816 г., он попытался выращивать сахарный тростник в Новом Южном Уэльсе, а также в Новой Зеландии (куда он с этой целью выезжал на три года). Сначала Скотт создал плантацию в районе Порт-Маккуори, а затем в нескольких милях к северу от Сиднея, в районе Брисбен-Уотер. Но Новый Южный Уэльс так и не стал основным районом производства сахарного тростника. Производство сахарного тростника передвинулось на север — в Квинсленд. Именно эта колония стала центром сахарного производства в Австралии.

В начале сахарный тростник рос в Квинсленде лишь на территории ботанического сада в Брисбене. В 1859 г. были сделаны первые пробные попытки производства сахара. В 1862/63 сельскохозяйственном году площадь плантаций сахарного тростника в Квинсленде составляла 20 акров [46, № 27, 584]. Через пять лет она увеличилась в 100 раз, и шесть сахарных заводов производили до 170 *т* сахара. К началу 90-х годов ежегодное производство сахара в Квинсленде достигло 15 тыс. *т*. Новый Южный Уэльс давал около 7,5 тыс. *т* сахара. Вместе это составляло уже четвертую часть общего потребления сахара в британских колониях в Австралии. Остальное количество сахара ввозилось с островов Ява и Маврикия.

Следует отметить, что по потреблению сахара на душу населения Австралия занимала тогда первое место в мире. В Англии, которая занимала второе место, ежегодное потребление сахара на душу населения было на 16 фунтов меньше, чем в Австралии.

Еще когда производство сахарного тростника в Австралии делало первые шаги, была создана компания, которая сразу же монополизировала эту отрасль экономики. Австралазийская сахарная компания была основана в Сиднее в 1842 г. Спустя тридцать лет она была поглощена «Колониэл Шугар Рефайнинг Компани», существующей и в настоящее время. На протяжении второй половины XIX в. и первой половины нынешнего столетия ее директорами были три Эдварда Нокса — отец (создатель компании и первый ее директор), сын и внук. Компания развернула свою деятельность не только в британских колониях в Австралии, но и на Новой Зеландии и островах Фиджи. Если в 1855 г. компания владела всего одним сахарным заводом, то в начале нынешнего столетия у нее было уже 18 предприятий. Пять из них находились соответственно в Сиднее, Мельбурне, Аделаиде, Брисбене и Окленде. Они производили 260 тыс. *т* сахара в год. Осталь-

ные 13 заводов, расположенных на территории Квинсленда, Нового Южного Уэльса и Фиджи, давали ежегодно еще 1,4 млн. *т*.

На предприятиях компании постоянно работало 10 тыс. человек, а на принадлежащих ей плантациях сахарного тростника в Квинсленде и северной части Нового Южного Уэльса — 2 тыс. фермеров. Кроме того, компания получала сахарный тростник с плантаций на Фиджи, площадь которых составляла 54 тыс. акров, где работали 7,5 тыс. индийцев, привезенных с этой целью на острова [282, 389—390].

Если «золотой бум» в Виктории вызвал приток иммигрантов в эту колонию из азиатских стран, то результатом «сахарного бума» в Квинсленде была доставка рабочей силы с тихоокеанских островов. Мы уже отмечали, сколь мрачной была участь азиатских иммигрантов в Виктории, но и она не идет в сравнение со страшной судьбой «черных дроздов» в Квинсленде. «Черными дроздами» на жаргоне работорговцев назывались коренные жители тихоокеанских островов, которых покупали у местных вождей для работы на плантациях сахарного тростника. Этот вид «промысла» европейских колонизаторов в Океании начался с 60-х годов и продолжался до начала нынешнего столетия. Всего за это время (к 1903 г.) более 60 тыс. жителей Соломоновых островов были увезены и проданы в рабство в Австралию [200, 151]. «Это мрачная и трагическая история, полная вероломства, преступлений, злоупотреблений, борьбы, убийств...» [262, XIII]. Европейский миссионер в Велла Лавелла (западная часть группы Соломоновых островов) писал: «Первыми белыми людьми, посетившими берега Велла Лавелла, были охотники за „черными дроздами", начавшие в 70-х годах скандальную торговлю, увозя сильных и здоровых туземцев Соломоновых островов и отдавая их за хорошую цену плантаторам в Квинсленде и Фиджи... История их подлой работы никогда не была написана...» [383, 40—41].

В 80—90-х годах XIX в. на плантациях сахарного тростника Квинсленда ежегодно работало до 10 тыс. человек.

Именно коренные жители тихоокеанских островов производили основную часть сахара в Квинсленде. В начале XIX в. они количественно составляли $^1/_5$ рабочих сахарных плантаций и изготовляли $^3/_4$ всего производства сахара колонии. Проданные на плантации и работавшие на сахарных заводах подвергались жесточайшей и бессовестнейшей эксплуатации.

У. Брукс, член Законодательного совета Квинсленда, выступая в 1876 г., так характеризовал положение островитян на плантациях колонии: «Если нам сказали бы, что мужья разлучены с женами, тысячи детей оставлены без их естественных защитников, дома заброшены, деревни разграблены и сожжены; спаивание, обман и все другие бесчестные мето-

ды применялись для того, чтобы привезти этих людей, которые должны доставлять нам жизненные удобства, мы отнеслись бы к этому как к праздной выдумке сентиментальных филантропов. Но настало время сказать, что граждане, считающие себя религиозными людьми, служители церкви, более того, главы церквей без стыда пользуются трудом бедных, беззащитных рабов, которые были заманены, а во многих случаях просто проданы своими вождями и куплены на островах белыми людьми, а затем проданы и куплены вторично у нас — в Брисбене, Мэриборо, Рокгемптоне и Маккае» [266, 245].

О том, в каких условиях жили проданные на плантации островитяне, говорит тот факт, что смертность среди них была даже в последние годы XIX в. в 4 раза выше, чем среди белых колонистов. В 1893 г., например, она составила у островитян около 53 человек на тысячу, а у белых — 13 человек [415, 245].

Развитие скотоводства и земледелия серьезно обострило борьбу за перераспределение земель в колониях. Большинство земель, как известно, находилось в руках скотоводов.

Наиболее серьезная попытка достичь перераспределения земель была предпринята в Новом Южном Уэльсе в самом начале 60-х годов премьер-министром Робертсоном, который сам был одновременно и земледельцем и скотоводом. Он добился принятия парламентом колонии в 1861 г. Актов о коронных землях, которые вводили так называемую систему селекции. Согласно этим Актам любой человек, независимо от пола и возраста (даже ребенок), мог выбрать и купить участок земли размером от 40 до 320 акров в любом из освоенных или промежуточных районов. Была установлена цена 1 ф. ст. за акр независимо от качества земли. По уплате $^1/_4$ всей стоимости участка лицо, выбравшее его, получало права землевладельца. При этом ставились следующие условия: новый землевладелец должен прожить на избранном им участке не менее года, заплатить остающуюся часть стоимости участка в течение трех лет и вложить в его освоение не менее 1 ф. ст. на каждый акр.

Все скотоводческие лицензии, выданные или продленные после 1857 г., оставались в силе лишь в течение одного года в освоенных районах и пяти лет — вне их после вступления в силу Актов 1861 г. Но если земли, удерживавшиеся скотоводами на основании лицензий, были кем-либо выбраны и куплены, то лицензия теряла силу в любое время после этого. Права и интересы скотоводов были также защищены преимущественным правом на покупку участка, эксплуатируемого ими по лицензии.

Однако Акты 1861 г. не дали желаемого результата: подавляющее большинство земель не попало в руки фермеров,

что, по мысли законодателя, должно было изменить сложившиеся земельные пропорции в сельскохозяйственном производстве колонии. Значительная часть земельных участков попала в руки различного рода дельцов и спекулянтов, которые приобретали их с целью последующей перепродажи по более высоким ценам. Лесоторговцы также приобретали участки, внося вступительный взнос, а затем вырубали весь имевшийся там лес и бросали участки. Были и такие, кто приобретал участки для занятий полеводством, но делали они это хищнически. Земля истощалась, а участки забрасывались, ничего, кроме вступительного взноса, в этом случае в казну не поступало.

Постепенно скотоводы, опираясь на поддержку банков и торговых компаний, скупили большую часть коронных земель. В 1861—1883 гг. в Новом Южном Уэльсе было продано 29 млн. акров коронных земель, а общая посевная площадь увеличилась за это же время менее чем на полмиллиона акров.

После 1884 г. в Новом Южном Уэльсе земельное законодательство претерпело некоторые изменения, но это уже не имело существенного практического значения, ибо подавляющая масса земель к тому времени уже попала в руки небольшого числа скотоводов и находилась под эффективным контролем банков и крупных скотоводческих компаний. Почти аналогичное положение наблюдалось и в других британских колониях в Австралии.

В Виктории был принят ряд земельных законов: Акты 1860, 1862, 1865 гг. Но и здесь земля не была поделена между мелкими фермерами, а оказалась у немногих крупных скотоводческих компаний и земельных магнатов. Так, по Акту 1862 г. в течение двух лет было продано 1,4 млн. акров наиболее плодородной земли в районе открытой Митчеллом «Счастливой Австралии», при этом $^2/_3$ ее попало в руки всего 100 человек. Всего за 1861—1881 гг. в колонии было продано 18 млн. акров земли, а посевные площади увеличились лишь на 1 млн. акров [159, 120].

В Квинсленде в 1860—1884 гг. было принято не менее десяти земельных законов, открывавших для продажи коронные земли. Но в 1884 г. обрабатываемые земли составляли только 1,68% всей земельной площади. В Тасмании и Западной Австралии, где аналогичные законы были приняты соответственно после 1858 и 1872 гг., обрабатываемые земли в период 1861—1891 гг. увеличились с 163,4 тыс. до 168,1 тыс. акров (Тасмания) и с 24,7 тыс. до 64,2 тыс. акров (Западная Австралия) [237, 582—586].

Только в Южной Австралии посевные площади в 1850—1884 гг. увеличились с 65 тыс. до 2760 тыс. акров, что составило 7 акров на душу населения колонии, в то время как в

Виктории — 1,7 акра, а в Новом Южном Уэльсе — 0,8 акра. В 1880 г. Южная Австралия производила зерна почти столько же, сколько все другие британские колонии в Австралии, вместе взятые [415, 220]. Однако это объяснялось не совершенством южноавстралийского законодательства, а историческими условиями колонии, в которой земледельцы, ее основатели, занимали господствующие позиции. Эти позиции не были поколеблены начавшимся во второй половине XIX в. развитием овцеводства.

Промышленность в британских колониях в Австралии и во второй половине XIX в. развивалась крайне медленно. Наибольшее количество промышленных предприятий находилось в Виктории. Так, в середине 80-х годов половина всех австралийских предприятий, которых тогда насчитывалось 10 тыс., с общим числом рабочих 105 тыс., находилась в Виктории. К началу 90-х годов общее число предприятий было 11 тыс., а число занятых рабочих — 133 тыс. [282, 250—261]. Все это были мелкие предприятия легкой и пищевкусовой промышленности. Например, в 1888 г. в число наиболее крупных предприятий Виктории, на каждом из которых работало свыше 100 рабочих, входило пять фабрик по переработке мяса и овощей, четыре фабрики по изготовлению готового платья и лишь два металлообрабатывающих предприятия.

В горнодобывающей промышленности господствующее место занимала добыча золота. Но после взлета, достигнутого в 50-х годах, она в дальнейшем из десятилетия в десятилетие показывала постоянную тенденцию к понижению. Если в 50-х годах добывалось 25 млн. унций золота, то в 60-х годах — 19 млн., в 70-х годах — 14,4 млн., в 80-х годах — 11,6 млн. унций. Доля Австралии в мировой добыче золота соответственно падала с 40% до 35, 39, 22%. Если во второй половине 50-х годов в золотодобывающей промышленности Виктории было занято более 150 тыс. человек, то в 1861 г.— 83 тыс., в 1881 г.— 36 тыс., а в 1891 г.— 23 тыс. человек [282, 245]. Открытие богатого золотого месторождения в Квинсленде в 1882 г. на горе Моргана в 22 милях к юго-западу от Рокгемптона, а затем «золотая лихорадка» 90-х годов в Западной Австралии привели к оживлению в астралийской золотодобывающей промышленности. Так, добыча на горе Моргана, начатая в 1866 г., дала через 13 лет 2 млн. унций золота и принесла компании, производившей эти работы, дивиденд в размере 4475 млн. ф. ст., или около 6 ф. ст. на каждый фунт стерлингов вложенного капитала [282, 246].

Открытие в 1885 г. месторождений золота в Западной Австралии в районе Кимберли также вызвало оживление деловой активности в колонии, которое переросло в настоящий «бум» в 90-х годах, когда в 1892—1893 гг. были обнаружены богатые залежи золота в Кулгарди и Колгурли. В Западную

Австралию хлынул поток иммигрантов. В декабре 1885 г. население колонии составляло 35 тыс., через пять лет, в декабре 1890 г., — 46 тыс., а в декабре 1894 г. — 82 тыс. [248, 45—46]. Через год население Западной Австралии составляло 101 тыс., а еще через девять лет оно более чем удвоилось, достигнув 239 тыс. [249, 118]. Причем иммигранты прибывали в основном из британских колоний в Австралии, а не из других частей света. В 1901 г., например, лишь 30% населения колонии составляли уроженцы Западной Австралии, 41% — родившиеся в других британских колониях в Австралии и 23% — родившиеся в Великобритании и иммигрировавшие первоначально в другие британские колонии в Австралии. Остальную часть населения составляли небольшие группы иммигрантов из стран континентальной Европы и США (в числе американских инженеров, работавших на золотых приисках Западной Австралии, был Г. Гувер, ставший впоследствии президентом США), а также афганцы (погонщики верблюдов) и китайцы.

Разработки месторождений золота привлекли в Западную Австралию капитал из Англии, а также из других британских колоний в Австралии. Уже к середине 90-х годов в Лондоне было создано более 300 компаний по эксплуатации золотоносных месторождений в Западной Австралии. В колонии было открыто отделение Лондонской торговой палаты.

В течение 90-х годов сумма иностранного капитала в колонии выросла с 1,4 млн. до 12,2 млн. ф. ст. Добыча золота быстро увеличивалась. В 1897 г. было добыто 12 353 унции золота, в 1898 г.— 74 667, в 1900 г.— 1 414 311, а в 1903 г.— 2 064 801 унция [249, 119, 122, 130]. Столь же стремительно росли дивиденды компаний, эксплуатировавших золотоносные месторождения Западной Австралии. В 1899 г. они превысили 2 млн. ф. ст., а спустя шесть лет составили 13,8 млн. ф. ст. [249, 120].

Тем не менее большая часть рабочих горнодобывающей промышленности Австралии в последние десятилетия XIX в. была занята не добычей золота, а разработкой месторождений других металлов, а также каменного угля.

Так, например, в 1891 г. $^2/_3$ всех рабочих горной промышленности Нового Южного Уэльса были заняты на добыче незолотых руд. Крупнейшим предприятием в этой колонии стала «Брокен Хилл Пропритари Компани», начавшая свою деятельность в 1882 г., сначала добывая серебро и свинец, а с 1890—1891 гг.— золото и медь. С 1886 по 1898 г. на шахтах компании было добыто 100 млн. унций серебра, 400 *т* свинца, а также золото и медь, что принесло дивидендов на сумму 7280 тыс. ф. ст.

Серебро, медь и олово в середине 80-х годов были обнаружены в Тасмании. Основным производителем меди оставалась Южная Австралия.

Что касается добычи железных руд и производства железа и стали, то на протяжении всего XIX столетия эти отрасли промышленности не получили существенного развития в британских колониях в Австралии.

Месторождения железной руды впервые были открыты Джексом в 1833 г. в районе Неттаи, недалеко от того места, где находится Миттагонг. Образцы обнаруженной породы Джекс отправил в Сидней, но власти колонии в то время мало интересовались развитием горнорудного дела в «Колонии бесчестия».

Лишь в 1848 г., когда началась подготовка к строительству в Новом Южном Уэльсе железных дорог по инициативе сиднейского дельца Т. Холмса, была создана компания по разработке месторождений железной руды в районе Неттаи. Однако у компаньонов не хватило средств для осуществления поставленной цели, и в 1851 г. компания распалась. Возникло новое объединение, получившее название «Фитцрой Айрн энд Кул Майнинг Компани». Деятельность и этой компании также была неудачной. Финансовые трудности, отсутствие необходимого оборудования и опыта привели через семь лет к прекращению работ. В 1859 г. несколькими сиднейскими и мельбурнскими дельцами была предпринята попытка возродить эту компанию, но попытка эта оказалась безуспешной.

В 1860 г. Е. Хьюз создал в Мельбурне первое в истории Австралии металлургическое предприятие, перерабатывавшее металлолом. Е. Хьюз зарекомендовал себя опытным специалистом, и, когда мельбурнский коммерсант У. Леттин перекупил у «Фитцрой Компани» право на разработку месторождений железной руды в Миттагонге, он пригласил Е. Хьюза руководить предприятием. На этот раз дела пошли успешнее. В июле 1864 г. начался коммерческий выпуск чугуна, выплавлявшегося из местной железной руды.

В 1863 г. на территории Нового Южного Уэльса были обнаружены новые месторождения железных руд, и получившая право на их разработку «Моунт Плезант Кул Майнинг Компани» начала экспериментальные работы по производству чугуна на базе этого месторождения.

Примерно тогда же началась разработка месторождений железной руды в Тасмании. Добычу руды и производство железа на острове осуществляли две компании: «Бритиш энд Тасманиен Айрн энд Чакул Компани» и «Тамар Хементайт Айрн Компани».

В Виктории в 1873 г. создается компания «Лол Лол Айрн Майнинг Компани» по разработке месторождений в районе Боллейрета. В Южной Австралии компания «Айрн энд Стил Компани» в начале 70-х годов начала разработку месторождений железной руды в Моунт Ягд, в 11 милях к северу от Виктор-Харбор.

Однако центром добычи и производства железа оставался Новый Южный Уэльс. В 1872 г. в Англии была создана «Фитцрой Бессемер Стил, Хементайт Айрн энд Кул Компани», целью которой было расширение производства железа в районе Миттагонга. В 70-х годах «Эксбенк Айрнуоркс Компани» начинает производство железа в Литгоу. Таблица 5 дает представление о развитии производства чугуна на местном сырье в колониях.

Таблица 5

ПРОИЗВОДСТВО ЧУГУНА В АВСТРАЛИИ ИЗ МЕСТНОЙ РУДЫ в 1874—1884 гг.*,

т

Год	Новый Южный Уэльс		Тасмания		Виктория	Южная Австралия	Всего
	Миттагонг	Литгоу	«Бритиш энд Тасманиен Айрн энд Чакул Компани»	«Тамар Хементайт Айрн Компани»			
1874	—	—	—	—	—	30	30
1875	—	—	—	1100	110	—	1 210
1876	3273	80	—	—	—	—	3 353
1877	—	—	—	—	—	—	—
1878	—	389	6500	—	140	—	7 029
1879	—	118	—	—	52	—	170
1880	—	1200	—	—	45	—	1 245
1881	—	2737	—	—	560	—	3 295
1882	—	4320	—	—	300	—	4 620
1883	—	—	—	—	600	—	600
1884	—	—	—	—	395	—	395
Всего	3273	8844	6500	1100	2202	30	21 947

* [316, 17].

Развитие железнодорожного строительства в Австралии в 80-х годах требовало все большего количества металла. Внутреннее его производство ни в коей мере не удовлетворяло потребности колоний, что приводило к росту импорта железных товаров. В 80—90-х годах XIX в. британские колонии ежегодно импортировали железо на сумму 5—6 млн. ф. ст., в том числе Новый Южный Уэльс — на 2 млн. ф. ст. [316, 24, 29].

Из всех отраслей горной промышленности раньше других начала развиваться добыча каменного угля. Первые угольные поля были обнаружены еще в 90-х годах XVIII в. в районе Ньюкасла, который и стал центром угольной промышленности пятого континента. Первая партия ньюкаслского угля была отправлена на экспорт в 1801 г. К 1820 г. ежедневно добывалось 20 *т* угля. С 1824 г. монополию на добычу угля в Австралии получила Австралийская сельскохозяйственная

компания. Она монопольно сохраняла это право до 1847 г. К этому времени добыча угля составляла 17 тыс. *т* в год. После утраты Австралийской сельскохозяйственной компанией монопольных прав на добычу угля его производство значительно возросло и к началу второй половины XIX в. составляло в Новом Южном Уэльсе 190 тыс. *т*, а в начале 80-х годов — уже около 2 млн. *т*. Половина добытого угля вывозилась в другие британские колонии в Австралии, в Индию, Китай и Соединенные Штаты.

К концу XIX в. (в 1897 г.) ежегодная добыча угля в Австралии достигла 5 млн. *т*, из которых 4,5 млн. *т* давали шахты Нового Южного Уэльса, 200 тыс. *т* — шахты Виктории и 40 тыс. *т* — шахты Тасмании [174, vol. II, 429].

В последней трети XIX в. в британских колониях в Австралии быстро развивались средства транспорта и связи. В 1870 г. общая протяженность железных дорог в Австралии составляла 1 тыс., к 1890 г. — уже 11 тыс. миль. Работы по железнодорожному строительству велись главным образом правительствами колоний, а не частными компаниями.

К концу 80-х годов протяженность телеграфных линий составляла около 40 тыс. миль. Для сравнения укажем, что длина телеграфных линий в Великобритании, так же как в Канаде, была в то время 30 тыс. миль. Подводный кабель телеграфных линий связи соединил Австралию с островом Ява (в 1871 г.), с Англией (в 1872 г.), с Новой Зеландией (в 1876 г.).

Рост морских перевозок выражается в следующих цифрах. В 1851 г. в австралийских портах отмечено менее 5 тыс. судозаходов, количество перевезенных грузов составляло около 1 млн. *т*, а сорок лет спустя, т. е. в 1891 г.,— соответственно 17 тыс. и 16,3 млн. *т*, а в 1901 г. — 18,6 тыс. и 26,2 млн. *т* [429, 210].

Понятно, что столь быстрое увеличение объема морских перевозок явилось следствием значительного развития внешней торговли британских колоний в Австралии. Они заняли к началу 90-х годов третье место во внешней торговле Великобритании (65 млн. ф. ст.), уступив лишь США (145 млн. ф. ст.) и Франции (69 млн. ф. ст.) и обогнав Германию (57 млн. ф. ст.). В начале нынешнего века ежегодный товарооборот Австралии превысил 100 млн. ф. ст. В последние десятилетия XIX в. ввоз иностранного капитала в Австралию значительно вырос. Это было связано прежде всего со строительством железных дорог, которое осуществлялось в значительной степени за счет займов, размещаемых правительствами колоний за границей, в основном в Англии.

Государственные долги британских колоний в Австралии стремительно росли из года в год, что видно из приведенных ниже данных (в млн. ф. ст.) [282, 226].

Колония	1861 г.	1871 г.	1881 г.	1891 г.
Новый Южный Уэльс	4,00	10,60	16,90	52,95
Виктория	6,30	11,99	22,40	43,63
Квинсленд	0,07	4,00	13,20	29,46
Южная Австралия	0,87	2,20	11,20	20,35
Западная Австралия	0,02	—	0,51	1,61
Тасмания	—	1,32	2,0	7,11

Иностранный капитал поступал в Австралию и в виде частных инвестиций. Так, в 1876—1880 гг. во все британские колонии в Австралии поступило 22 млн. ф. ст. по иностранным займам и 12 млн. ф. ст.— в виде частных инвестиций. В 1881 г. в Новый Южный Уэльс, Викторию, Квинсленд и Южную Австралию поступило 37,5 млн. ф. ст. по иностранным займам и 30 млн. ф. ст.— в виде частных инвестиций. В 1885—1890 гг. общий размер иностранных инвестиций в Австралии составил 100 млн. ф. ст. [189, 409].

В основном иностранный капитал в Австралии был британского происхождения. Так, в июне 1892 г. задолженность Виктории по иностранным займам составляла 46 711 тыс. ф. ст., из которых на Англию приходилось 44 762 тыс. ф. ст. [282, 229]. К началу нынешнего столетия общая сумма британского капитала, инвестированного в Австралии, составила 331 027 тыс. ф. ст. [462, 6, 45].

Банковская система в британских колониях в Австралии расширялась и крепла. В 90-х годах там действовало шесть мощных банков с центральными правлениями в Лондоне с общим капиталом 5471 тыс. ф. ст.: Австралазийский банк, Английский, Шотландский и Австралийский банки, Лондонский банк Австралии и Объединенный банк Австралии. Эти шесть банков имели в общей сложности 360 отделений в британских колониях в Австралии, в том числе в Виктории — 125 и в Новом Южном Уэльсе — 99.

Четыре крупных банка имели центральные правления в Мельбурне: Банк Виктории, Колониальный банк Австралазии, Коммерческий банк Австралии, Национальный банк Австралазии. Их капитал составлял 7285 тыс. ф. ст. Они имели 326 отделений и агентств, в том числе 268 — в Виктории, 32 — в Южной Австралии и 6 — в Новом Южном Уэльсе.

Четыре банка имели центральные правления в Сиднее: Банк Нового Южного Уэльса, Городской банк Сиднея, Сиднейская коммерческая банковская компания, Австралийский объединенный банк. Их капитал составлял 5006 тыс. ф. ст. Они имели 303 отделения и агентства.

Еще семь крупных банков находилось в других городах Австралии: Аделаидский банк (в г. Аделаиде, капитал

400 тыс. ф. ст.), Банк Северного Квинсленда (в г. Брисбене, капитал 200 тыс. ф. ст.), Квинслендский национальный банк (в г. Брисбене, капитал 454 тыс. ф. ст.), Королевский банк Квинсленда (в г. Брисбене, капитал 387 тыс. ф. ст.), Западноавстралийский банк (в г. Перте, капитал 100 тыс. ф. ст.), Национальный банк Тасмании (в г. Лонсестоне, капитал 152 тыс. ф. ст.) и Коммерческий банк Тасмании (в г. Хобарте, капитал 410 тыс. ф. ст.).

Финансовый капитал все активнее внедрялся в ведущие отрасли австралийской экономики. Так, член Законодательной ассамблеи Квинсленда Д. Денсфорд заявил на заседании ассамблеи в 1894 г., что пять банков владеют на территории колонии 1164 пастбищами общей площадью 108 683 акра (что в 2 раза превышает площадь собственно Англии) [282, 385]. Аналогичным было положение и в других британских колониях в Австралии.

Быстрое развитие британских колоний в Австралии было прервано в начале 90-х годов серьезным экономическим кризисом. Падение мировых цен на шерсть и другие виды сельскохозяйственных продуктов сильно ударило по экономике Австралии. Если в 1884 г. фунт шерсти продавался за 12,3 пенса, то в 1893 г. — лишь за 7 пенсов.

Испугавшись больших потерь, иностранные инвесторы не только прекратили ввоз капитала в Австралию, но и пытались его отзывать оттуда. В колониях, особенно в Виктории, начались многочисленные банкротства. В 1891/92 финансовом году в Мельбурне была ликвидирована 21 строительная компания, а в Сиднее — 20. Большие потери понесло овцеводство. В 1891 г. в Австралии было 107,6 млн. овец, через десять лет — в 1901 г. — лишь 72 млн. Соответственно сократилось и производство шерсти: с 634 млн. фунтов в 1891 г. до 539,4 млн. — в 1901 г. Значительно сократилось и поголовье крупного рогатого скота (10,1 млн. голов в 1891 г. и 8,5 млн. голов в 1901 г.).

Объем экспортно-импортной торговли значительно уменьшился: с 74 млн. ф. ст. в 1891 г. до 72,1 млн. в 1898 г. [238, 448—449].

В годы кризиса выросло число безработных. В Виктории, наиболее пострадавшей от кризиса колонии, в эти годы наблюдается заметный отток населения. В 1891—1898 гг. ее население уменьшилось на 104 тыс. [282, 360]

В результате кризиса в 1891—1900 гг. общеавстралийское производство национального продукта из расчета на душу населения сократилось на 13% [149, 15].

Новый подъем в австралийской экономике начался лишь в самом конце XIX в. Общее улучшение экономического положения Австралии происходило, однако, за счет развития не овцеводства, а других отраслей хозяйства. Уровень 1891 г. в

овцеводстве был достигнут лишь в начале 30-х годов XX в. Но земледелие и животноводство развивались интенсивно. За десятилетие (1891—1901) посевные площади и урожаи зерновых в Австралии удвоились. Соответственно вдвое увеличился экспорт зерна (с 10 млн. до 20 млн. бушелей). Производство масла выросло за это время в 2,5 раза, а его экспорт — почти в 8 раз (с 4,2 млн. до 35 млн. фунтов). Несмотря на уменьшение поголовья скота в эти годы, экспорт мяса по стоимости увеличился более чем в пять раз (с 1 млн. до 5,2 млн. ф. ст.). Экспорт сахара вырос с 0,3 млн. до 1,4 млн. *т* [149, 27]. Производство металлов выросло на 75%, а их экспорт увеличился в 2 раза. Начавшееся в 70—80-х годах падение добычи золота сменилось развитием золотодобывающей промышленности на новых месторождениях Квинсленда, и особенно Западной Австралии. Если в 1861—1870 гг. золота добывалось ежегодно в среднем на 8,1 млн. ф. ст., в 1871—1880 гг. — 6,1 млн., а в 1881—1890 гг. — 4,9 млн. ф. ст., то в 1891—1900 гг. — уже на 9 млн. ф. ст. [159, 431]. Вследствие этих изменений доля шерсти в общем экспорте Австралии сильно сократилась. В 1891 г. она составляла 55% стоимости всего австралийского экспорта, а в 1901 г. — лишь 30%. Положение в различных отраслях экономики британских колоний в Австралии, соотношение между ними к началу XX в. характеризуются табл. 6 и 7.

Таблица 6

ПРОИЗВОДСТВО ПРОДУКЦИИ В СТОИМОСТНОМ ВЫРАЖЕНИИ*, *млн. австрал. долл.*

Отрасль	1892 г.	1902 г.
Земледелие	34	48
Овцеводство	62	54
Животноводство	12	15
Другие отрасли сельского хозяйства	4	4
По всем отраслям сельского хозяйства	112	121
Промышленность (все отрасли)	80	108
Общий объем производства	192	229
Производство сельскохозяйственных продуктов в процентном отношении к промышленному производству	58%	53%

* [149, 23].

Таблица 7

ДОЛЯ РАЗЛИЧНЫХ ОТРАСЛЕЙ В ПРОИЗВОДСТВЕ СОВОКУПНОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОДУКТА*, %

Отрасль	1890 г.	1900 г.
Овцеводство	12,8	7,7
Земледелие	5,8	8,1
Животноводство	3,5	5,5
Горнорудная промышленность	4,2	9,7
Обрабатывающая промышленность	11,8	12,6
Строительная промышленность	16,5	6,7
Сфера обслуживания и торговли	36,7	39,8
Аренда домостроений	8,7	9,7

* [159, 9].

В 1861—1901 гг. ежегодный прирост производства совокупного национального продукта (несмотря на колебания, вызванные кризисом в 90-х годах) составил в среднем 4,1%, и, таким образом, по темпам экономического развития Австралия уступала тогда только Соединенным Штатам, несмотря на тройное увеличение населения (с 1,2 млн. до 3,7 млн. человек) и экономический кризис 90-х годов, национальный доход на душу населения вырос в Австралии с 46 ф. ст. в 1861 г. до 54 ф. ст. в 1901 г. [177, 11].

Значительные изменения произошли в течение второй половины XIX в. и в распределении рабочей силы по отраслям хозяйства. Если в 1856 г. в сельском хозяйстве было занято 30% всей рабочей силы, в горнорудной промышленности — 50, в обрабатывающей промышленности — 8, в сфере обслуживания — 12%, то в 1901 г. в сельском хозяйстве и горнорудной промышленности вместе работало 32%, в обрабатывающей промышленности — 26, на транспорте и в торговле — 21, в сфере обслуживания — 12, в административно-управленческом аппарате — 7% [267, 128].

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В БРИТАНСКИХ КОЛОНИЯХ. В АВСТРАЛИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

С развитием капитализма в британских колониях в Австралии во второй половине XIX в. связан рост рабочего движения на пятом континенте. Во всех отраслях промышленности колонии создаются крупные профсоюзные объединения. Следует отметить, что австралийское рабочее движение развивается под определяющим влиянием английского тред-юнионизма. Оно получало из Великобритании не только идеи, но и своих руководителей.

Шотландец Джеймс Флетчер, прибывший в Австралию в 1852 г., был создателем и руководителем Объединенной ассоциации шахтеров. По приезде в Австралию он начал работать на угольных шахтах в Ньюкасле, принадлежавших Австралийской сельскохозяйственной компании. По его инициативе на шахтах компании был создан первый в истории Австралии фонд помощи при заболеваниях и несчастных случаях, а также проведены некоторые меры по обеспечению безопасности труда шахтеров. В мае 1854 г. на шахтах компании прошла под руководством Флетчера первая забастовка шахтеров, требовавших увеличения заработной платы. Забастовка кончилась через три недели победой шахтеров, несмотря на то что руководитель компании — капитан Браунриг пытался (впервые в истории рабочего движения в Австралии) использовать штрейкбрехеров, доставленных из Мельбурна.

1 мая 1855 г. на шахтах компании вновь была проведена забастовка, продлившаяся два с половиной месяца. В 60-х годах борьба шахтеров Ньюкасла за повышение заработной платы и улучшение условий труда усиливается.

Но к этому времени в Ньюкасле действовало уже несколько компаний по добыче угля: кроме Австралийской сельскохозяйственной компании, «Уоллсенд Кул Компани», «Кул энд Коппер Компани» и «Д. энд А. Браун Компани». В 1861 г. руководители компаний договариваются между собой о совместных действиях против выступлений шахтеров (это опять-таки первый случай координации действий предпринимателей в истории австралийского рабочего движения) и объявляют о сокращении с 16 августа заработной платы на 20%. На следующий день, 17 августа 1861 г., шахтеры начали забастовку, которая продолжалась до 14 октября. Предприниматели вынуждены были отступить и отказаться от попыток сокращения заработной платы шахтеров.

В 1872—1873 гг. шахтеры Ньюкасла провели несколько успешных забастовок, которые заставили предпринимателей увеличить заработную плату и сократить рабочий день с 12 до 10 часов (с 1 января 1874 г.). Увеличение работ по добыче угля в Австралии в 80—90-х годах, открытие и разработка новых месторождений обусловили дальнейшее расширение рабочего движения в горнорудной промышленности, возникновение новых объединений шахтеров. В 1886 г. создается «Кул Майнерс Протектив Ассошиейн», объединявшая 350 членов. Ее преемник — «Литгоу Майнерс Юнион», созданный в 1889 г., имел уже 450 членов. В это же время создаются «Иллаварра Майнерс Юнион», имевший 3000 членов, и «Ньюкасл Майнерс Юнион», имевший 7000 членов.

В золотодобывающей промышленности первое выступление рабочих относится к 1854 г. 11 ноября 1854 г. на массовом митинге рабочих приисков Балларата (в Виктории) была создана «Балларатская лига реформ», обратившаяся к правительству колонии с рядом политических и экономических требований, аналогичных требованиям английских чартистов: единые избирательные округа, жалованье членам парламента, отмена имущественного ценза для кандидатов в члены парламента, ежегодные сессии парламента, тайное голосование при выборах в парламент. Единственным специфическим, чисто австралийским требованием было требование отмены лицензий для старателей на добычу золота. Все требования рабочих были отклонены правительством Виктории, а на прииски в начале декабря были посланы войска и полиция. В происшедшем 3 декабря 1854 г. столкновении было убито 30 шахтеров.

К. Маркс в корреспонденции в «Нойе Одерцейтунг» от 7 марта 1855 г. специально останавливался на описании со-

бытий в Балларате. Анализируя их, он подчеркивал, что «революционное движение в провинции Виктория вращается, в сущности, вокруг двух крупных вопросов, из-за которых разгорелась борьба. Золотоискатели требуют отмены патентов на добычу золота, то есть отмены налога, который падает непосредственно на труд; во-вторых, они настаивают на отмене имущественного ценза для членов палаты депутатов, стремясь таким образом взять в свои руки контроль над налогами и законодательством. Нетрудно заметить, что по существу эти мотивы аналогичны тем, которые привели к объявлению независимости Соединенных Штатов, только с той разницей, что в Австралии сопротивление монополистам, связанным с колониальной бюрократией, начато рабочими» [2, 111].

Несмотря на то что выступление 1854 г. было жестоко подавлено, оно оказало значительное влияние на развитие демократического движения в колонии. В середине 1855 г. лицензии на добычу золота в Виктории были отменены. В 1856 г. в Виктории было введено тайное голосование при выборах в парламент.

Профсоюзные объединения рабочих золотодобывающей промышленности начали создаваться значительно позже, в 70-х годах. Первой была «Бендиго Майнерс Ассошиейшн», созданная в феврале 1872 г. и в том же году добившаяся установления на приисках восьмичасового рабочего дня. Подобные организации были созданы и на других приисках. В июне 1874 г. на состоявшейся в Бендиго конференции представителей 12 профсоюзных организаций была создана Объединенная ассоциация шахтеров Виктории. Эта ассоциация, а также созданный У. Спенсом в Виктории в июне 1886 г. Объединенный союз стригалей стали первыми рабочими объединениями, вышедшими за границы колонии. В «Общих правилах Объединенного союза стригалей», утвержденных на ежегодной конференции союза в феврале 1890 г., говорилось, что целью его является «защита прав и привилегий стригалей повсюду в Австралии» [39, 111]. К этому времени союз имел отделения в Новом Южном Уэльсе, Южной Австралии и Квинсленде. За четыре года существования число членов союза увеличилось с 9 тыс. до 30,5 тыс. [159, 157].

В конце 70-х годов общее число членов Объединенной ассоциации шахтеров не превышало 3 тыс., через десять лет уже десятки тысяч рабочих были членами ассоциации. Объединенная ассоциация имела отделения в Западной Австралии, Тасмании и даже в Новой Зеландии. К 1891 г. ассоциация провела 29 забастовок и 8 локаутов [282, 291]. В 1896 г. она имела отделения во всех британских колониях в Австралии и объединяла 23,5 тыс. членов [427, 33].

Начало профсоюзного движения строительных рабочих Австралии можно отнести к 1850 г., когда в Мельбурне 16 но-

ября 1850 г. было создано Общество каменщиков, объединившее 25 членов. Начавшаяся «золотая лихорадка» приостановила развитие этого движения и в Виктории и в Новом Южном Уэльсе. В 1856 г. в Новом Южном Уэльсе и в Виктории возобновилось движение за объединение строительных рабочих.

1 марта 1856 г. в Мельбурне было создано Общество штукатуров, спустя полтора месяца — Прогрессивное общество плотников и столяров, а через четыре дня после этого — Общество кровельщиков.

21 апреля жители Мельбурна были свидетелями первой в истории австралийского рабочего движения демонстрации строительных рабочих, объединенных профсоюзными обществами. Главным лозунгом демонстрантов было требование восьмичасового рабочего дня. Надо сказать, что вообще основной целью этих обществ строителей было сокращение рабочего дня до восьми часов.

Так, в принятой 5 марта 1856 г. на заседании Общества каменщиков, первом после возобновления его деятельности, резолюции говорилось: «Собрание считает, что сокращение времени работы не только очень благоприятно отразится на условиях труда, но также приведет к улучшению наших социальных и моральных условий. Собрание обещает использовать все законные средства, чтобы достичь желаемого результата» [39, 61].

Через четыре дня после демонстрации строительных рабочих в Мельбурне была создана Лига восьмичасового рабочего дня. В резолюции организационного комитета по созданию Лиги говорилось, что она должна объединить «рабочих всех профессий и специальностей» для борьбы за достижение восьмичасового рабочего дня. «Мнение комитета, выраженное в резолюции в такой широкой и всеохватывающей форме, — писала 26 апреля мельбурнская газета „Геральд", — основывалось на опасении, что все дело может оказаться в опасности при ухудшении обстановки, если оно будет вестись лишь несколькими местными союзами. Поэтому мы просим помощи каждого для того, чтобы мы могли успешно двигаться вперед...» [39, 66]. Следует отметить, что во главе Общества строительных рабочих и Лиги стояли чартисты, иммигрировавшие в свое время из Англии.

В конце апреля 1856 г. профсоюзы строительных рабочих Мельбурна добились установления восьмичасового рабочего дня. Общество каменщиков Сиднея после проведения забастовки добилось восьмичасового рабочего дня еще в феврале 1856 г. Рабочие других британских колоний добились восьмичасового рабочего дня позднее: в Квинсленде — в 1866 г., в Южной Австралии — в 1873 г., в Тасмании — в 1890 г. и в Западной Австралии — в 1896 г. [379, vol. II, 134—141].

В 70-х годах складывается профсоюзная организация транспортных рабочих. Первые профсоюзы транспортников возникают в двух важнейших портах Австралии — Мельбурне и Сиднее. В 1876 г. они объединяются в Федеративный союз моряков Австралазии. В 1885 г. в его состав входит Квинслендское объединение моряков. Свою первую забастовку союз проводит в 1878 г. и добивается успеха. Судовладельцы также объединяются, создав в том же, 1878 г. Ассоциацию судовладельцев Австралазии, в которую вошло 18 компаний.

В 80-х годах Союз моряков проводит забастовки, охватывавшие зачастую все порты Австралии.

Создание профсоюзов в различных отраслях экономики британских колоний в Австралии, развитие рабочего движения, выходившее за границы отдельных колоний, ставили на повестку дня вопрос об объединении рабочего движения в масштабах всего материка. В 1879 г. в Сиднее состоялся первый всеавстралийский конгресс профсоюзов. Подобные конгрессы проходили в 1884, 1885, 1889 и 1891 гг. Они в свою очередь способствовали развитию профсоюзного движения в Австралии, объединению профсоюзных организаций отдельных колоний в единые союзы. В решениях всех конгрессов подчеркивалась необходимость единства профсоюзного движения. Так, например, в решении VII общеавстралийского конгресса профсоюзов, состоявшегося в Балларате в 1891 г., говорилось: «Желательно для сохранения и развития тред-юнионизма в Австралии, чтобы была создана федерация профсоюзов, которая предоставляла бы каждому отдельному союзу или объединению союзов все права в ведении их собственных дел, являлась бы средством, обеспечивающим объединение целей и действий во всех общих делах и облегчающим взаимное сотрудничество отдельных союзов во всех случаях, когда это необходимо для общей пользы» [39, 101].

В решениях конгрессов содержались требования распространения восьмичасового дня на все категории рабочих во всех британских колониях в Австралии. «Восьмичасовой рабочий день, безусловно, должен стать узаконенным рабочим временем во всех колониях, — говорилось в решении I общеавстралийского конгресса профсоюзов, — и все правительственные контракты должны содержать статью, аналогичную имеющейся в правительственных контрактах в Виктории, которая устанавливает абсолютное правило, что каждый работодатель обязан устанавливать для работающих только восьмичасовой рабочий день» [39, 97].

Решения конгрессов требовали распространения всех тех прав, которыми пользовались британские тред-юнионы, на профсоюзы Австралии, в частности полной легализации всех форм их деятельности. Конгрессы рассматривали также вопросы налогообложения, образования, иммиграции.

Настойчиво ставился вопрос о рабочем представительстве в законодательных органах колоний. «Для того чтобы права и мнения рабочего класса были действительно представлены,— говорилось в резолюции, принятой VI общеавстралийским конгрессом профсоюзов в Хобарте в 1889 г., — по мнению конгресса, необходимо сделать все возможное, чтобы добиться прямого представительства рабочих в парламенте, добиться установления жалованья членам парламента в тех колониях, которые еще не приняли такого правила» [39, 100]. Еще более энергично об этом говорилось в докладе комитета по политическим реформам VII общеавстралийскому конгрессу профсоюзов в 1891 г.: «Недавние события, связанные с рабочим движением, показали народным массам Австралазии их политическую беззащитность, установленную существующей ныне системой управления. Меры, которые должны были быть давно уже приняты в законодательном порядке, для того чтобы сделать подлинной и расширить демократию в австралазийских колониях, либо игнорируются, либо проводятся так медленно сопротивляющимися капиталистическими учреждениями и их пособниками, что подавляющее большинство трудящихся все еще не представлено в законодательных органах... По мнению конгресса... необходимо подтвердить, что трудящиеся должны иметь прямое представительство на том основании, что „классовые вопросы требуют классового самосознания, чтобы ставить их, и классовой солидарности, чтобы бороться за них“» [39, 101].

В 80-х годах создаются первые австралийские профсоюзы железнодорожников. Так, в марте 1887 г. была создана Объединенная ассоциация железнодорожных и трамвайных служащих Нового Южного Уэльса. К концу мая того же года ассоциация насчитывала более 4,5 тыс. членов и 24 отделения, несмотря на то что управление железных дорог колонии угрожало строгими наказаниями членам ассоциации. Аналогичные ассоциации действовали в то время также в Квинсленде, Виктории и Южной Австралии. Профсоюзные объединения возникают и на металлообрабатывающих предприятиях и предприятиях легкой промышленности.

В результате возникновения многочисленных профсоюзных объединений в британских колониях в Австралии родилась идея создания организации, объединяющей профсоюзное движение в масштабах всего континента. Проект такой организации был представлен на рассмотрение VI общеавстралийского конгресса профсоюзов, но не нашел тогда поддержки, так как отдельные профсоюзы боялись, что в результате создания такого объединения они утратят свою суверенность.

Тем не менее эта идея нашла свое частичное воплощение в Квинсленде. В 1890 г. профсоюзы шести округов объедини-

лись под названием Австралийской рабочей федерации, имея в виду, что после создания такой организации в масштабах всей Австралии они будут ее квинслендской секцией. На первом собрании этой секции в августе 1890 г. была принята политическая программа Австралийской рабочей федерации. В преамбуле давалась характеристика австралийского общества как общества, где происходит постоянная борьба между меньшинством, богатство которого все время растет, и большинством, бедность которого становится все более глубокой, где меньшинство эксплуатирует большинство, процветание сменяется депрессией, женщины и дети работают в условиях рабского труда и жизнь трудящихся масс не улучшится до тех пор, пока на смену этому раздираемому противоречиям обществу не придет справедливый общественный строй. В качестве конкретных мер программа содержала требования национализации средств производства и обмена, установления пенсий по старости и инвалидности, улучшения системы образования и здравоохранения. Для осуществления этих мер предлагалось создание политической ассоциации, прочно связанной с профсоюзами, которая бы выставляла своих кандидатов на выборах в местные и законодательные органы [159, 161].

В 1890 г. начал выходить печатный орган «Уоркер», издававшийся известным деятелем рабочего движения того периода У. Лейном. Социалист-утопист по своим убеждениям, У. Лейн в 1887 г. основал в Брисбене общество, распространявшее идеи известного американского социалиста-утописта Э. Беллами. Лейн был организатором Австралийской рабочей федерации и ее духовным вождем. Забегая вперед, скажем, что после поражения забастовочного движения в начале 90-х годов Лейн вместе с группой своих последователей покинул в июле 1893 г. Квинсленд и переехал в Парагвай, где создал общину «Новая Австралия» на принципах утопического социализма.

Такая мера профсоюзов Квинсленда способствовала тому, что на следующей, VII общеавстралийской конференции единодушно было принято решение о создании Австралийской федерации труда. «Федерация будет состоять, — говорилось в соответствующей резолюции конгресса, — из профсоюзов, объединенных для взаимной поддержки и для развития общего дела рабочего движения...» Главными целями федерации согласно принятой резолюции провозглашались:

улучшение условий труда и защита интересов всех трудящихся Австралии;

обсуждение, решение и осуществление принятых проектов, направленных на улучшение руководства и расширение деятельности Австралийской рабочей организации;

предотвращение, если это необходимо, путем созыва кон-

ференции или каким-либо другим образом угрозы столкновения и споров между членами федерации и их работодателями и использование в этих целях соответствующих примирительных средств;

обеспечение прямого представительства трудящихся в парламенте и содействие принятию таких законодательных реформ, которые обеспечивают социальную справедливость австралазийским рабочим;

обеспечение через печать лучшей защиты принципов и прав трудящихся [39, 102].

Вместе с тем конгресс не одобрил принятие указанной выше политической программы, разработанной квинслендской секцией Австралийской рабочей федерации, хотя и одобрил в принципе необходимость создания общеавстралийской политической организации рабочих [159, 169].

Начало 90-х годов ознаменовалось невиданным в Австралии ростом забастовочного движения. Начавшаяся в августе 1890 г. забастовка моряков охватила все британские колонии в восточной части Австралии. К бастующим морякам присоединились транспортные рабочие, шахтеры и сельскохозяйственные рабочие. В конце сентября число бастующих составило 50 тыс. События приобретали характер всеобщей забастовки. Основные предприятия Австралии прекратили работу.

Забастовка моряков была вызвана тем, что Ассоциация офицеров торгового флота Австралии, созданная в октябре 1889 г., приняла в марте 1890 г. решение войти в Мельбурнский совет профсоюзов. Судовладельцы смирились с тем, что офицеры торгового флота создали собственный профсоюз, но решение об объединении этого союза с другими рабочими организациями вызвало с их стороны резкие возражения. Существо этих возражений было изложено в письме представителя Объединения судовладельцев Австралазии Дж. Хеддерта секретарю Ассоциации офицеров торгового флота Паркину от 13 августа 1890 г. «Большинство судовладельцев, — писал Д. Хеддерт, — не может согласиться с присоединением вашей ассоциации к Совету профсоюзов. Мы не возражаем против любого рабочего объединения, в том числе и Совета профсоюзов Мельбурна, но мы заявляем, что наши офицеры находятся на доверительном и ответственном посту, представляя вместе с капитаном интересы судовладельца. Поэтому они не должны объединяться с каким-либо профсоюзом, который может быть использован для того, чтобы насильственным путем заставить судовладельцев, капитанов и офицеров подчиниться требованиям, которые они считают необходимыми выдвинуть» [цит. по: 39, 125]. Одновременно Хеддерт, полагая, что это будет способствовать отмене принятого ассоциацией

решения, сообщал, что судовладельцы согласились увеличить жалованье своим офицерам.

В ответном письме Паркин, отстаивая законность принятого ассоциацией решения, писал: «Я отказываюсь считать, что наше объединение с различными профсоюзами приведет к ухудшению дисциплины на судах. Мне известно, что мастера на различных предприятиях являются членами соответствующих профсоюзов вместе с рабочими, находящимися в их подчинении, и это не нарушает дисциплину, которая одинаково необходима как на судах, так и на фабриках. Почему мы должны быть в худшем положении, чем они?» Что же касается обещания судовладельцев увеличить жалованье, то Паркин по этому поводу заметил, что судовладельцам все равно никогда не рассчитаться со своими офицерами за службу, которую они несут: «Нам никогда не платили соответственно нашей работе, и если даже вы все вместе согласитесь дать нам все, что мы просим, то это не возместит ни нашего труда при выполнении возложенных на нас обязанностей, ни времени, которое мы на это потратили, будучи оторванными от наших семей» [цит. по: 39, 126].

Позиция, занятая Ассоциацией офицеров торгового флота, получила полную поддержку Совета профсоюзов Мельбурна. Совет в манифесте от 17 августа 1890 г. призвал все объединения рабочих поддержать ассоциацию в ее борьбе с Объединением судовладельцев [39, 128—130]. Энергичную поддержку получили моряки от Объединения союза стригалей и его квинслендского отделения, которые насчитывали к тому времени 40 тыс. членов [282, 304]. При этом стригали выдвинули свои требования к предпринимателям, настаивая на том, чтобы на работу принимались только члены союза. Аналогичным было требование шахтеров, входивших в Объединенную шахтерскую ассоциацию (использовать на работах в шахтах только членов ассоциации).

Начало забастовочному движению было положено ультиматумом, предъявленным Ассоциацией офицеров торгового флота Объединению судовладельцев, требовавшим от последнего положительного ответа на решение ассоциации о вхождении в Совет профсоюзов Мельбурна, который должен быть направлен в ассоциацию в течение 24 часов. В противном случае ассоциация угрожала уходом всех офицеров с кораблей на берег. Объединение судовладельцев отвергло требование ассоциации, и забастовка началась.

Обе стороны старались укрепить свои позиции путем консолидации сил. Профсоюзы создали Комитет защиты труда в Сиднее, который представлял бóльшую часть рабочих организаций Нового Южного Уэльса, а затем превратился в межконтинентальный профсоюзный орган. Комите-

ты защиты были созданы также в Мельбурне и Брисбене. В то же самое время предприниматели также создавали свои объединения для борьбы с профсоюзами. «Все предприниматели Австралии, — заявил в июне 1890 г. председатель Ассоциации судовладельцев Уиллис, — заключили соглашение стоять друг за друга и ничего не предпринимать без предварительной договоренности. Они представляют собой единое целое, и я уверен, что никогда ранее не возникало такой возможности испытать соотношение сил труда и капитала» [281, 66].

Предпринимателей поддерживали правительства колоний, помогая им набирать штрейкбрехеров и предоставляя транспортные средства для перевозки грузов. Крупные скотоводы вооружали нанятых ими рабочих — не членов союза — и создавали денежные фонды для борьбы с рабочим движением. На собрании скотоводов было принято решение принимать на работу только не членов союза.

Правительства Виктории и Нового Южного Уэльса послали войска и полицию в порты Мельбурна и Сиднея и на шахты Ньюкасла. Комитеты защиты труда развернули сбор средств в помощь бастующим рабочим. В течение нескольких недель в Новом Южном Уэльсе было собрано 29 тыс. ф. ст., а в Виктории — 35 тыс., 4 тыс. ф. ст. перевели по телеграфу английские профсоюзы.

Следует отметить, что за год до этого австралийские профсоюзы перевели в Англию крупную сумму денег в фонд помощи бастовавшим докерам, что определило успех забастовки.

«Стачка докеров выиграна, — писал по этому поводу Ф. Энгельс в письме К. Каутскому от 15 сентября 1889 г. — Это — величайшее событие в Англии со времени обоих последних биллей о реформе, начало полной революции в Ист-Энде... Решили победу 14 000 фунтов стерлингов из Австралии; этим австралийские рабочие застраховали себя от внезапного массового импорта английских рабочих» [14, 230].

Но австралийские профсоюзы не могли успешно бороться против объединенных сил предпринимателей и правительства. Трехмесячная борьба закончилась поражением профсоюзов.

Офицеры торгового флота, начавшие забастовку, первыми вернулись на суда. Вслед за ними возобновили работу на условиях, продиктованных предпринимателями, шахтеры и сельскохозяйственные рабочие.

Анализируя ход борьбы, генеральный секретарь Объединенного союза стригалей в своем докладе на V конференции союза в 1891 г. говорил: «Великая битва была выиграна организацией капиталистов, которые захватили профсо-

юзы врасплох... Капиталисты применили самые недостойные средства для разгрома профсоюзов (используя таких подонков общества, как штрейкбрехеры)...

Войска и полиция были мобилизованы и использованы в интересах капиталистов, чтобы устрашить и разгромить рабочих. Правительства колоний (за исключением, возможно, Южной Австралии) взяли сторону капиталистов, так же как и вся пресса, за редким исключением. С помощью огромных богатств, украденных в прошлом у рабочих, поддержанные продажной капиталистической прессой и правительствами колоний, предприниматели одержали временную победу в споре, который они сами разожгли. Они могут радоваться, и льстить себе, и смеяться над событиями, но недалеко то время, которое изменит ход событий, и справедливость и законность восторжествуют» [39, 130—131].

Действительно, уже в следующем году волна забастовочного движения поднялась в Квинсленде. Федеральное объединение скотоводов, воспользовавшись разгромом рабочего движения в Австралии в 1890 г., хотело навязать сельскохозяйственным рабочим такую форму трудового договора на 1891 г., где отсутствовало бы положение о восьмичасовом рабочем дне, но было включено право предпринимателей использовать на своих фермах как членов, так и не членов профсоюзных объединений. Объединенная скотоводческая ассоциация Квинсленда сразу же заявила, что она поддерживает такую форму договора и на ее основе члены объединения будут заключать трудовые соглашения с рабочими на сезон 1891 г.

Решение квинслендских скотоводов вызвало массовые протесты стригалей колонии, которые на своих собраниях принимали решения не заключать соглашений на таких условиях. В январе 1891 г. Австралийская рабочая федерация обратилась с письмом к Федеральному союзу предпринимателей, в котором предлагала созвать специальную конференцию для выработки соглашения со стригалями. На это Федеральный союз предпринимателей ответил, что до начала переговоров Австралийская рабочая федерация должна признать принцип «свободы договоров», т. е. право предпринимателей заключать трудовые соглашения с любыми лицами, будь то члены профсоюзных организаций или нет.

В это время скотоводы колонии, предчувствуя неизбежность крупной забастовки, начали предпринимать меры, которые обрекли бы ее на неудачу. В Мельбурне они нанимали рабочих — не членов профсоюзов и отправляли их на свои фермы. Это нетрудно было сделать, поскольку начавшийся в Австралии экономический кризис привел уже тог-

да к увеличению числа безработных. Одновременно стягивались воинские и полицейские части.

В свою очередь генеральный совет Австралийской рабочей федерации в выпущенном им манифесте призвал к сплочению сил в борьбе с объединенными силами австралийского капитализма, поддерживаемого «банками и Федеральной ассоциацией предпринимателей, поощряемого квинслендским правительством и оправдываемого лживыми разъяснениями и заявлениями, которые всегда сопровождают атаки капитализма на рабочий класс» [цит. по: 159, 166].

Попытка забастовочного комитета в феврале достичь соглашения с предпринимателями окончилась неудачей. Исполнявший обязанности премьер-министра квинслендского правительства Томас Маклерейт в ответ на просьбу комитета выступить в качестве арбитра между рабочими и предпринимателями настаивал на том, чтобы сначала было признано право последних на «свободу договоров».

Начавшаяся борьба, хотя и происходила в сельских районах, носила характер промышленной забастовки. Дело в том, что на территории Квинсленда тогда действовало не более 150 станций стрижки овец и, таким образом, существовала значительная концентрация рабочей силы. На отдельных станциях (таких, как Берколдин и Клермонт) находилось до 1000 рабочих. В феврале начались работы только на 20 станциях.

Правительство колонии двинуло в район волнений войска. Когда на станции прибывали партии штрейкбрехеров, то они шли на работу под эскортом солдат и полицейских. Сами штрейкбрехеры имели оружие, которым их снабдило правительство колонии. Кроме того, на станции прибывали вооруженные группы городской молодежи из Брисбена, сагитированные властями выступить против забастовщиков. Полицейский комиссариат в Берколдине, например, прямо советовал хозяину станции Дорр Ривер Доунс «указывать их юным умам, куда они должны стрелять» [цит. по: 159, 167].

На всех этапах борьбы с забастовщиками предприниматели тесно сотрудничали с властями колонии. Правительственные агенты помогали предпринимателям вербовать штрейкбрехеров. В Берколдине полицейский комиссариат предложил бесплатное питание и свою защиту каждому, кто согласится вернуться на работу. В конце марта все члены забастовочного комитета Берколдина, куда входил и председатель Квинслендского союза стригалей, были арестованы. Аресту подверглись также члены забастовочного комитета Клермонта. Все они предстали перед судом по обвинению в заговоре и были осуждены на три года тюремного заключения. Арестованы и судимы были и многие рядовые

забастовщики. Им предъявлялось обвинение в нарушении общественного порядка и прав собственности.

Но пролетарии Квинсленда не сдавались. 1 мая 1891 г. в Берколдине была проведена первая в истории Австралии первомайская демонстрация. Вот как описывал ее корреспондент «Сидней Морнинг Геральд» в своем сообщении из Берколдина, помещенном в газете 2 мая 1891 г.: «Особенностью дня была большая демонстрация, организованная профсоюзами, в которой приняли участие 1340 человек. В это число не входит оркестр, который шел во главе процессии. За ним несли знамя Австралийской рабочей федерации и шли люди, несшие орудия труда тех отраслей, в которых они работали. Повозка, запряженная шестеркой лошадей, везла группу стригалей и загонщиков, причем первые были с тремя овцами, а вторые — с метлами и палками. За знаменем союза стригалей шли люди с ножницами и прутьями, одетые в шерстяные ткани. За знаменем союза перевозчиков двигались 12 пеших рабочих и 52 верховых. Много знамен было у рабочих, несших кирки, лопаты, сверла и другие орудия труда... Огромные толпы народа заполнили улицы...» [цит. по: 159, 167].

Против забастовщиков была поднята широкая кампания в буржуазной печати, целью которой было восстановить общественное мнение против «вооруженных бандитов», покушающихся на «священные права» частной собственности. «Мы имеем в Квинсленде угрозу вооруженного восстания, — писала в феврале 1891 г. газета „Сидней Морнинг Геральд", — существует только один курс, которому должно следовать правительство. И это — жестокое его подавление любой ценой» [39, 202].

Объединенным силам предпринимателей и правительства колонии удалось подавить один за другим очаги забастовочного движения. В июне Союз стригалей дал указание прекратить забастовку. В августе в Сиднее состоялась конференция представителей Федерального совета предпринимателей и Объединенного союза стригалей, в решениях которой закреплялась победа предпринимателей, ибо Союз стригалей согласился принять право предпринимателей на «свободу договоров».

В 90-х годах в Австралии еще дважды поднималась волна забастовочного движения: в 1892 и 1894 гг. В 1892 г. забастовали шахтеры «Брокен Хилл Проприетари Компани». Этому событию предшествовало следующее.

В 1890 г., несмотря на общее поражение рабочих в борьбе с предпринимателями, в том числе и шахтеров Ньюкасла, на отдельных предприятиях рабочим удалось добиться успеха. Так шахтеры Литгоу и Брокен Хилла не допустили снижения заработной платы и добились сокращения рабо-

чего дня соответственно с 57 до 54 и с 48 до 46 часов в неделю. Эта частичная победа шахтеров была закреплена в соглашении, заключенном в Мельбурне, между представителями шахтеров и администрации «Брокен Хилл Компани». Соглашение предусматривало, что: «1) все будущие споры должны передаваться на рассмотрение арбитражного совета, состоящего из равного числа представителей предпринимателей и рабочих, и если не удастся достичь соглашения,то спор должен быть передан на рассмотрение Верховного суда колонии; 2) зарплата, зафиксированная в соглашении, достигнутом в сентябре 1889 г., должна сохраниться неизменной (10 шиллингов в день для шахтеров и 8 шилл. 4 пенса для наземных рабочих); 3) рабочая неделя должна составлять 46 вместо 48 часов» [282, 313].

Соглашение действовало в течение двух лет. Но в июне 1892 г. предприниматели решили нарушить его. В письме от 30 июня 1892 г. они сообщили об этом профсоюзу шахтеров.

«Компании единодушно решили, — говорилось в этом письме, — сообщить вашей ассоциации, что все соглашения, существующие между компаниями и Объединенной ассоциацией шахтеров, прекратят свое действие после 30 июня следующего года» [39, 141]. 3 июля шахтеры и наземные рабочие, общим числом до 7 тыс. человек, собрались на митинг, где вынесли решение начать на следующий день забастовку. «Теперь, когда конфликт начался, — писала 4 июля в передовой статье газета «Сильвер Эйдж", — да будут благоразумие и выдержка господствовать в лагере шахтеров, как бы ни были жестоки неразумные и необдуманные действия, принимаемые шахтовладельцами, и конечная победа должна венчать усилия шахтеров, направленные на укрепление и защиту тред-юнионизма» [39, 143—144].

16 августа в Мельбурне состоялось заседание директоров компаний, на котором было решено принять меры к возобновлению работы на шахтах с 25 августа. При этом совещание подтвердило намерение компаний игнорировать требования профсоюзов и перейти к «свободе договоров». Предприниматели не сделали и видимости попытки урегулировать возникший конфликт через арбитраж, как это было предусмотрено сентябрьским соглашением 1890 г. Более того, когда предприниматели увидели, что работы на шахтах возобновить не удается (25 августа на работу вышло не более 50 человек), начались репрессии против бастующих. 26 августа было арестовано двое активистов. Одновременно на шахты под охраной полиции были доставлены штрейкбрехеры, набранные в Мельбурне. 15 сентября полиция окружила здание, в котором заседал стачечный комитет, и

группа руководителей Объединенной ассоциации шахтеров была арестована. Лидеры шахтеров предстали перед судом.

Вот как описывал эти события Д. Дейл в книге «Промышленная история Брокен Хилла»: «В конце дня, когда в комнатах королевского театра шло заседание Комитета защиты, туда вошли тридцать полицейских, вооруженных ружьями с примкнутыми штыками. Другие полицейские оставались снаружи... Арестованные были выведены через черный ход и доставлены в полицейский участок. В это время большой отряд войск, вооруженных ружьями с примкнутыми штыками, покинул Таун Холл и занял позиции вокруг полицейского участка... Среди задержанных лиц были Г. Геберль (президент Объединенной ассоциации шахтеров), Г. Херн (президент секции наземных рабочих Объединенной ассоциации шахтеров), Э. Полкинг-Хорн (помощник секретаря Комитета защиты), Ф. Хьютт (руководитель пикетчиков) и Д. Беннетс (член Комитета защиты)» [253, 48—49].

Суд над руководителями Объединенной ассоциации шахтеров состоялся в Денликвине в октябре 1892 г. «Шестого октября, — писал Д. Дейл, — арестованные руководители забастовки были отправлены экспрессом через Аделаиду в Денликвин, где 24 октября должен был состояться суд над ними. Огромные толпы собирались на каждой железнодорожной станции, чтобы пожелать им счастливого пути, и приветствовали их, пока паровоз не трогался с места. Их встречали приветствующие толпы почти в каждом городе, а в Аделаиде более тысячи человек с большим энтузиазмом встретили их и проводили до отеля. Такая же картина наблюдалась при приезде их в Мельбурн, и даже в консервативном Денликвине их сердечно приветствовало практически все население города» [253, 54].

Процесс длился пять дней. Подсудимые были признаны виновными и приговорены к различным срокам тюремного заключения, от трех месяцев до двух лет. Решение суда вызвало протесты во многих городах и районах Австралии. Митинги и демонстрации прошли в Мельбурне и Сиднее. «Даже сонная Аделаида провела несколько митингов протеста в Трейд Холле и других местах» [253, 56].

Забастовка шахтеров «Брокен Хилл Компани» 1892 г., так же как и происшедшая через два года новая крупная забастовка стригалей Квинсленда, окончилась победой предпринимателей. Поражение забастовочного движения в начале 90-х годов было не случайным. Уже в тот период проявились симптомы опасной болезни, поразившей в дальнейшем австралийское рабочее движение: оппортунизм, мелкобуржуазная сущность профсоюзного руководства, стремившегося

в ходе борьбы не к достижению победы, а к поискам компромиссов по принципу «и овцы целы, и волки сыты». Начавшееся в то время объединение вождей тред-юнионизма с австралийскими буржуазными либералами привело к тому, что австралийское рабочее движение в своем развитии пошло в сторону от социализма, а его руководство представляло собой, как выразился В. И. Ленин, элемент «капиталопослушный», «совсем уже мирный, чисто либеральный» [16, 291].

Тем не менее, несмотря на неудачи и поражения рабочих в забастовочном движении 1891—1894 гг., эти классовые бои не прошли бесследно. Правительства колоний вынуждены были искать компромиссные пути урегулирования конфликтов между предпринимателями и рабочими. Королевская комиссия Нового Южного Уэльса по расследованию причин забастовки 1890 г. в своих рекомендациях предложила создать систему арбитражей, рассматривающих трудовые конфликты. В 1891 г. на основе рекомендаций комиссии в Новом Южном Уэльсе был введен в действие Акт об арбитраже, предусматривавший создание советов, в каждый из которых входили бы по два представителя от Совета профсоюзов и Союза предпринимателей. В том случае, если советы не могли прийти к единодушному решению, спор должен был передаваться на рассмотрение арбитражей, состоящих из трех членов, назначаемых правительством колонии. Один из членов арбитража должен назначаться из списка, представленного Союзом предпринимателей, другой — из списка, представленного Советом профсоюзов, а третий — председатель арбитража — должен быть незаинтересованным лицом, не связанным прямо ни с предпринимателями, ни с рабочими. Предложенные Актом 1891 г. арбитражные органы оказались на практике недееспособными. «Акт был ничего не значащим листом испорченной бумаги, которую парламент утвердил, отказавшись выделить деньги» [159, 174].

В 1896 г. в Виктории был введен в действие Акт о промышленных и торговых предприятиях, предусматривавший создание органов для урегулирования трудовых споров. Такими органами должны были стать постоянно действующие трибуналы, образовывающиеся во всех отраслях экономики. Они должны были устанавливать ставки заработной платы и следить за их соблюдением.

Эти трибуналы, более известные под названием Советы по зарплате, начали возникать сразу же после принятия Акта на предприятиях всех отраслей хозяйства. В Новом Южном Уэльсе новый Акт об урегулировании трудовых конфликтов был принят Законодательным советом в 1901 г. Создаваемые по Акту промышленные суды состояли из судьи, назначавшегося правительством колонии, и двух асессоров, которые избирались представителями соответственно профсоюзов и

союзов предпринимателей. Суды эти имели широкую компетенцию. Они могли выносить не только решения по конкретному делу, находившемуся в производстве, но и такие общие постановления, которые являлись обязательными для всех промышленных предприятий колонии. Суды могли требовать у предприятий любые документы, но при этом обязаны были сохранять торговые и промышленные секреты. Запрещалось проведение забастовок и локаутов в период рассмотрения споров в судах под угрозой тюремного наказания сроком до двух месяцев или уплаты штрафа 1000 ф. ст.

Необходимо подчеркнуть, что широкое введение в Австралии принудительного арбитража в значительной степени способствовало углублению оппортунизма в австралийском рабочем движении.

«Арбитражные суды, — писал в середине 40-х годов XX в. член политбюро ЦК компартии Австралии Э. Кемпбелл, — стали одним из главных посредников, заставлявших капитал идти на уступки труду. Поэтому массам рабочих, недавно примкнувшим к рабочему движению, казалось, что суд, а не их собственное объединение приведет к улучшению их условий. Таким образом, родилась наивная вера в арбитраж, которая была усилена сознательными действиями реформистских лидеров...» [223, 47].

Если в 90-х годах лейбористы и профсоюзы еще как-то сопротивлялись принятию арбитражного законодательства, то ход обсуждения Акта об урегулировании трудовых конфликтов в 1901 г. показал всю глубину падения лейборизма, его сращивания с буржуазным либерализмом. «Когда в 1901 г. законопроект был представлен на рассмотрение палаты представителей, — писал Э. Кэмпбелл, — консервативный премьер-министр Джон Си заметил: «По-видимому, нет различия во мнениях на этот предмет между партиями. Оппозиция выдвинула арбитраж в качестве одного из основных пунктов своей платформы. Правительство, конечно, сделало так же и выдвинуло его в качестве одного из важнейших пунктов своей программы. Лейбористская партия также сделала арбитраж одним из главных, если не самым главным пунктом своей платформы» [223, 46—47].

Принятие Акта об арбитраже вызвало дальнейшее усиление позиций австралийского тред-юнионизма. «В течение двух лет, последовавших за принятием Акта 1901 г., — писал Э. Кемпбелл, — не менее 111 новых профсоюзов было организовано в Новом Южном Уэльсе в сравнении с 26 новыми союзами, созданными за десять предшествующих лет... Одним из последствий этого было еще большее усиление мелкобуржуазного влияния...» [223, 47].

Что же касается общего трудового законодательства, то оно развивалось следующим образом.

Почти до самого конца XIX в. в британских колониях в Австралии не существовало действенного законодательного акта, регулирующего рабочее время.

Формально подобные законы имелись. Так, в Виктории в 1873 г. был принят закон, запрещавший предпринимателям устанавливать для девушек и женщин рабочий день, превышающий восемь часов. Как мы уже отмечали, закон, ограничивающий рабочее время восемью часами, принимался в Виктории в 1885 г. Этим же законом было установлено время, в течение которого магазины могли быть открыты, и фиксировалось рабочее время продавцов (магазины должны были закрываться в семь часов вечера пять дней в неделю, а в субботу — в 10 часов вечера).

Однако практически эти законы предпринимателями игнорировались. В докладе специальной комиссии, проводившей обследование предприятий в Виктории в 1889 г., говорилось, что рабочие многих предприятий работают по 16—18 часов. Грубые нарушения системы выплаты зарплаты были обнаружены на очень многих предприятиях; особенно много злоупотреблений совершалось по отношению к несовершеннолетним [159, 176].

Лишь в 1896 г. в Новом Южном Уэльсе, Виктории и Квинсленде были приняты фабричные акты, имевшие практический эффект в регулировании рабочего времени и условий труда. Были изданы также законы, регулировавшие в какой-то мере условия труда в отдельных отраслях хозяйства. Так, в Новом Южном Уэльсе в 1901 г. был принят Акт о работе стригалей, который, кстати сказать, никак их не удовлетворил. Аналогичные Акты принимались в 90-х годах в отношении работы шахтеров.

Были приняты законы, определявшие меру ответственности предпринимателей за увечья рабочих на предприятиях. Примером этого может служить принятый в 1897 г. в Новом Южном Уэльсе Акт об ответственности предпринимателей. Следует отметить, что в нем не было еще зафиксировано (подобно английскому Акту о компенсации пострадавшим рабочим, принятому в том же, 1897 г.) право рабочего на компенсацию за полученное на производстве увечье, независимо от того, имелась ли вина с его стороны или нет [159, 176].

Пенсионное законодательство появилось в британских колониях в Австралии лишь в 1910 г., когда в Новом Южном Уэльсе и Виктории были приняты Акты о пенсиях по старости.

В преамбулах к этим Актам очень прочувственно говорилось о том, что пенсии — это не милость, а право. «Это справедливо, что вышедшие в отставку люди, которые в течение предшествовавшего этому периода помогали нести общественное бремя колонии, платя налоги и увеличивая ее ресурсы своим трудом и знаниями, — говорилось, например, во вступи-

тельной части Акта Нового Южного Уэльса 1900 г. о пенсиях по старости, — должны получать от колонии пенсии в старости» [159, 178—179]. Но установленный в Акте ничтожный размер пенсии в 10 шилл. в неделю резко диссонировал с торжественными словами преамбулы. Надо сказать, что и в наши дни повышение размера пенсий по старости является одним из главных требований, выдвигаемых австралийским рабочим движением.

Поражения рабочих в их борьбе с предпринимателями сильно разочаровали массы рабочих в чисто профсоюзных формах борьбы, поколебали их доверие к лидерам тред-юнионизма. Последние поняли, что удержать за собой массы они могут, только изменив методы своей работы, допустив формирование политической организации австралийского пролетариата.

Мы уже упоминали выше о том, что Австралийская рабочая федерация на первой сессии своего генерального совета в августе 1890 г. в Брисбене призвала к организации политической борьбы рабочих в общеавстралийских масштабах и что этот призыв был поддержан на VII общеавстралийской конференции профсоюзов в 1891 г. Однако политические организации рабочих первоначально стали возникать не в общеконтинентальном масштабе, а в отдельных колониях.

В 1891 г. в Новом Южном Уэльсе создается Избирательная рабочая лига. Известные лейбористские деятели того периода, например Джордж Блек и Джон Фитцджеральд, подчеркивают прямую зависимость между забастовкой моряков 1890 г. и созданием первой политической рабочей организации. «Создание рабочей партии Нового Южного Уэльса, возникшей в 1891 г.,— пишет Д. Блек,— было связано с забастовкой моряков 1890 г. Рабочие тогда поняли, что забастовка была слишком дорогим и в значительной мере бесполезным методом достижения реформ» [201, 1]. «Сейчас надо признать,— вторит ему Д. Фитцджеральд,— что вторая большая забастовка моряков 1890 г. дала окончательный толчок идее, которая долго вынашивалась в умах лидеров рабочего движения,— прямого рабочего представительства в парламенте» [279, 17].

Программа новой партии состояла из 17 пунктов. Среди них первым было требование совершенствования избирательной системы (отмена системы множественности голосов, запрещение создания денежных фондов на проведение избирательных кампаний, требование проведения выборов в один, нерабочий день, закрытия всех общественных учреждений в часы голосования и т. д.). Кроме того, в программе содержались требования ликвидации верхней палаты парламента, выборности местных органов власти, создания министерства труда, национального банка, национальной системы сохране-

ния водных ресурсов и ирригации, федеративного объединения британских колоний в Австралии, но «на национальной основе». Программа требовала отмены существовавшей системы вооруженных сил и создания милицейской системы на чисто добровольной основе, установления типовой формы трудового соглашения, установления восьмичасового рабочего дня для всех профессий; программа требовала введения обязательного образования, распространения на моряков Акта об ответственности работодателей и др. [39, 215—217].

На выборах 1891 г. новая партия добилась большого успеха, получив в Законодательной ассамблее Нового Южного Уэльса 36 мест из 136.

Известного успеха добилась и квинслендская Австралийская рабочая федерация, проведя в 1893 г. 16 своих представителей в Законодательную ассамблею колонии.

Политические платформы Избирательной рабочей лиги Нового Южного Уэльса и квинслендской Австралийской рабочей федерации были по существу одинаковыми.

Ничем существенным, кроме названия, не отличались и рабочие партии, возникшие в других британских колониях Австралии: Виктории, Южной Австралии, Западной Австралии, Тасмании. Политические программы этих партий были во многом схожими.

Довольно скоро лейбористское движение в Австралии добилось ощутимых успехов. В 1899 г. лейбористские партии пришли к власти в Новом Южном Уэльсе, в Квинсленде, а через полтора десятка лет и федеральное правительство и правительства всех штатов, кроме Виктории, были сформированы из представителей лейбористских партий. Однако на пятом континенте не произошло никаких социально-экономических перемен, австралийская буржуазия не испытывала никаких неудобств, «имея» у себя в стране «рабочее правительство». Причины этой одновременной силы и слабости австралийского рабочего движения кроются в особенностях социально-экономического и политического развития колоний в Австралии.

Успехи австралийского тред-юнионизма объяснялись высокой концентрацией рабочего класса в колониях. Поскольку Австралия являлась поставщиком сельскохозяйственного сырья, которое составляло основную часть ее импорта, создавалось чисто внешнее впечатление, что подавляющая масса ее трудоспособного населения живет вне городов и работает в сельскохозяйственных отраслях. На самом же деле это было, как мы уже показывали в предыдущем разделе, совершенно не так. Если взять лишь одну австралийскую обрабатывающую промышленность, то только в ней к концу XIX в. было занято свыше 26% самодеятельного населения. Для сравнения укажем, что в США в то время в обрабатывающей

промышленности работало 24% самодеятельного населения [235,48].

Процент городского населения к сельскому в Австралии также был выше, чем в США: соответственно 47 и 37 (в городах с населением не менее 4 тыс.) [235, 49].

Большая часть населения, жившего в сельских районах, была сосредоточена компактными группами в горняцких поселках и на скотоводческих станциях.

Все эти обстоятельства облегчили организацию рабочих в профессиональные союзы. Как раз в сельских районах возникла такая мощная организация, как Объединенный союз стригалей, который через несколько лет трансформировался в значительно более крупное объединение — Австралийский рабочий союз. «Союз стригалей, — писал в своей известной книге „Австралия" У. Хенкок, — вскоре прекратил свое независимое существование и стал не более чем ядром огромного организма, целью которого было объединение всех сельскохозяйственных рабочих, а также всех неквалифицированных и полуквалифицированных рабочих (землекопов, строительных рабочих и т. п.), которые, говоря строго, вообще не были сельскохозяйственными рабочими» [301, 198].

Следует также иметь в виду, что сельскохозяйственные и неквалифицированные рабочие находились в Австралии в лучшем положении, чем, скажем, в Соединенных Штатах. Это объяснялось тем, что в Австралии все время ощущался недостаток этой категории рабочих, ибо подавляющее большинство иммигрантов имело квалификацию. В США негритянское население и значительная часть иммигрантов из аграрных стран Восточной Европы поставляли достаточное количество неквалифицированной рабочей силы на американский рынок. Средняя заработная плата неквалифицированных рабочих в Австралии была выше, чем заработная плата рабочих той же категории в Соединенных Штатах.

Производительность труда австралийских рабочих, занятых в сельском хозяйстве, была на 50% выше, чем американских. Каждый австралийский рабочий ежегодно производил в среднем продукции на 760 ам. долл., а американский — на 500 ам. долл.

В обрабатывающей промышленности картина была совершенно другой. Если в США каждый рабочий этой отрасли давал ежегодно в среднем продукции на 2227 ам. долл., то в Австралии эта сумма составляла 763 ам. долл., т. е. в три раза меньше [235, 54].

Число членов профсоюза среди австралийских рабочих быстро росло. Если в 1840 г. один член профсоюза приходился на 318 жителей колонии, то в 1885 г. это соотношение составило уже 1 к 54, а к началу первой мировой войны 1 к 9 [301, 198].

В идейном отношении австралийское рабочее движение находилось под господствующим влиянием британского тред-юнионизма. Последний давал австралийцам и кадры и идеи. Австралийские рабочие — «большею частью переселенцы из Англии, — писал В. И. Ленин в статье „В Австралии", помещенной в „Правде" 13 июня 1913 г. — Покинули они Англию в такую эпоху, когда там почти безраздельно царила либеральная рабочая политика, когда масса английских рабочих была *либералами*. В Англии и до сих пор большинство квалифицированных, обученных фабрично-заводских рабочих — либералы и полулибералы. Это — результат исключительно-выгодного, монопольного положения Англии во второй половине прошлого века... И если в Англии так называемая „Рабочая партия" есть *союз* несоциалистических профессиональных союзов с крайне оппортунистической „Независимой рабочей партией", то в Австралии рабочая партия есть *чистое* представительство *не*социалистических рабочих профессиональных союзов» [16, 291].

Этим и объяснялось своеобразие положения в этой капиталистической стране, «в которой рабочие преобладают в *верхней* палате, а недавно преобладали и в нижней, — писал В. И. Ленин, — а капиталистический строй не подвергался никакой опасности» [16, 290].

В Австралию в массе иммигрантов прибывали и люди, знакомые с марксизмом, встречавшиеся и работавшие с К. Марксом и Ф. Энгельсом. Среди них можно назвать Г. Бауэра, Г. Пютмана, Г. Техова и др. Но какими разными по своей политической судьбе, по своим идейным взглядам были они.

Рабочий Генрих Бауэр, эмигрировавший в Австралию в 1851 г., был одним из руководителей «Союза справедливых», помогал Марксу и Энгельсу в работе по созданию «Союза коммунистов» и стал членом его Центрального Комитета. После раскола союза Бауэр продолжал поддерживать линию Маркса и Энгельса.

Поэт и журналист Герман Пютман являлся представителем немецкого «истинного социализма», который, по выражению Ф. Энгельса, «насквозь реакционен» [9, 44].

«К этим „*истинным социалистам*", — писал Ф. Энгельс, — принадлежат не только те, которые называют себя социалистами par excellence, но и большая часть писателей в Германии, присвоивших себе партийную кличку „*коммунисты*". Эти последние еще хуже первых, если вообще что-либо может быть хуже» [9, 42]. Г. Пютман относился именно к «этим последним».

Анализируя «истинный социализм» в III главе «Коммунистического Манифеста», Маркс и Энгельс писали, что он все более понимал свое призвание быть высокопарным представителем немецкого мещанства. «Он провозгласил немецкую

нацию образцовой нацией, а немецкого мещанина — образцом человека. Каждой его низости он придавал сокровенный, возвышенный социалистический смысл, превращавший ее в нечто ей совершенно противоположное. Последовательный до конца, он открыто выступал против „грубо-разрушительного" направления коммунизма и возвестил, что сам он в своем величественном беспристрастии стоит выше всякой классовой борьбы» [7, 453].

Г. Пютман уехал в Австралию в 1854 г. В письме Энгельсу от 22 сентября 1854 г. из Лондона Маркс по этому поводу коротко, но энергично писал: «Толстая свинья Пютман выслан отсюда с семьей в Австралию в качестве „колониста"» [6, 330].

Прусский офицер Густав Адольф Техов участвовал в революционных событиях в Берлине в 1848 г., являлся начальником генерального штаба пфальцкой революционной армии. После поражения баденско-пфальцкого восстания в 1849 г. эмигрировал в Швейцарию, а в 1852 г. переехал в Австралию.

О политических идеалах Г. Техова дает ясное представление письмо К. Маркса Ф. Энгельсу от 23 сентября 1851 г. «Сегодня, — писал К. Маркс, — я угощу тебя следующим резюме пространного манифеста гражданина Техова, напечатанного в „New-Yorker Staatszeitung" и озаглавленного: *„Контуры грядущей войны. Лондон, 7 августа"*. (Плохо, доктринерски написано... по форме как будто бы понятно, но плоско по содержанию; никакой живости в изложении, ничего меткого.)...

Однако собственно политическая тенденция этой статьи... сводится к следующему: не будет никакого революционного взрыва, то есть никакой борьбы партий, никакой гражданской войны, никаких классовых раздоров до *окончания войны* и поражения России. Но чтобы организовать эти армии для этой войны, нужно *насилие*. А от кого это *насилие будет исходить?* От генерала Кавеньяка или подобного ему военного диктатора во Франции, который имеет своих генералов в Германии и в Верхней Италии... Но каким образом какой-нибудь генерал, — даже если бы восстал из гроба сам старый Наполеон, — сможет получить не только эти средства, но и это влияние без предшествующей и одновременной *внутренней* борьбы, без проклятой „внутренней политики", — об этом оракул молчит. По крайней мере, здесь ясно высказано „благое пожелание" будущего мирового вояки, которое находит свое соответствующее политическое выражение как раз во внеклассовых политиках и демократах как таковых» [5, 309—313].

В ответном письме Марксу Энгельс, вполне солидаризируясь с его мнением по поводу теоретических построений Техова, подчеркивал буржуазный их характер [12, 315].

Австралийское рабочее движение эклектично усваивало великое разнообразие и пестроту идей, привозимых из Европы и Америки. Это можно проиллюстрировать на примере Демократической ассоциации Виктории, являвшейся австралийской секцией I Интернационала. Она была образована в феврале 1872 г. и действовала до октября того же года.

Ассоциация выпускала журнал, который начал выходить под названием «Интернационалист», но вскоре был переименован в «Австралийский интернационалистический ежемесячник». В нем был опубликован Манифест Демократической ассоциации. В Манифесте говорилось, что Ассоциация создается с целью «распространения знаний социальных принципов и других сходных с этим предметов и подготовки к совместным действиям с родственными ассоциациями во всех британских колониях в Австралии и с Международной Ассоциацией Европы и Америки... Усилия профсоюзов хоть и дают много хорошего, но терпят неизбежную неудачу в достижении эмансипации труда, в силу своего классового характера, и мы не можем надеяться на полный успех демократии без международного демократического сотрудничества. Для того чтобы достичь полного успеха, реформа должна быть проведена совместными усилиями всего цивилизованного мира; каждая нация должна вложить в это свою долю, но не в противоречии, а в согласии с другими.

Настоящее общество кладет в основу своей деятельности принципы, содержащиеся в первом манифесте, выпущенном Международной Ассоциацией...» [39, 200].

Хотя в Манифесте и декларировалось, что ассоциация будет работать на основе принципов, провозглашенных I Интернационалом, но по существу ее идеологическая база строилась на компиляции некоторых элементов марксизма со взглядами Фурье, Оуэна, Джона Стюарта Милля, французских радикалов и американских спиритуалистов и трансценденталистов.

Задачи ассоциации были сформулированы в общих, расплывчатых фразах. «Они провозглашают, что эта Международная ассоциация, — говорилось в Манифесте, — и все общества и отдельные лица, присоединившиеся к ней, признают право, справедливость и нравственность как основу их отношений друг с другом и со всеми другими людьми, независимо от цвета кожи, вероисповедания и национальности. Они считают, что обязанностью человека является борьба за права человека и гражданина, не только для самого себя, но для каждого человека, исполняющего свой долг. Нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав».

Девиз ассоциации, напечатанный на первой странице журнала, явно немарксистский, гласил: «Общественная политика, защищающая слабых, защищает всех» [358, 11].

Распространение просвещения и знаний объявлялось главным средством социальных реформ. Идеалом провозглашалось общество, где «большинство управляет, сообразуясь с требованиями разума... Благополучие общества зависит от устранения препятствий, мешающих знаниям и просвещению распространиться в массах» [358, 11]. Единственным в Манифесте конкретным и специфическим требованием было проведение земельной реформы. Передача земли объявлялась «неправомерным нарушением естественного права», и государство должно было, наконец, запретить какое-либо дальнейшее распределение «общественных земель». С помощью «разумных и постепенных» мер целостность общественных земель должна быть восстановлена [358, 11].

Во главе ассоциации стояли люди, далекие от марксизма. Президентом ее был шотландец Джон Росс, приехавший в Викторию в январе 1862 г. Это был бизнесмен, занимавшийся сначала торговлей вином, а затем продажей швейных машин «Зингер». По своему мировоззрению Д. Росс был спиритуалистом. После ликвидации Демократической ассоциации он быстро сделал карьеру, став президентом Мельбурнского общества спиритуалистов и ассоциации свободомыслящих. Не оставлял Д. Росс и бизнеса. В 1888 г. он основал Постоянное экономическое общество строителей, а в первое десятилетие XX в. был одним из директоров Мельбурнского кооперативного общества.

Секретарь Демократической ассоциации Д. Меннс был полковником английской армии в Индии. Приехав в Мельбурн в 1865 г., он занялся преподавательской деятельностью. По убеждениям своим Д. Меннс также был спиритуалистом. Он являлся секретарем первой австралийской организации спиритуалистов — Ассоциации прогрессивных спиритуалистов.

Демократическая ассоциация в феврале 1872 г. направила своего представителя Э. Харкорта для участия в работе Генерального совета Интернационала.

В подписанном К. Марксом отчете Генерального совета пятому ежегодному конгрессу Международного товарищества рабочих говорилось, что Интернационал «имеет разветвления в Буэнос-Айресе, Австралии и Новой Зеландии» [3, 131].

Сообщения Э. Харкорта о работе и решениях Генерального совета Интернационала дважды, в августе и сентябре, обсуждались на собраниях ассоциации. После обсуждения общих принципов деятельности Интернационала на заседании ассоциации 4 сентября 1872 г. была принята резолюция «присоединиться к этой организации» [358, 43].

В опубликованных документах I Интернационала, в частности в резолюциях Пятого конгресса, состоявшегося в Гааге в начале сентября 1872 г., можно обнаружить упоминание фамилии австралийского представителя Э. Харкорта. Там

указывается, что при голосовании резолюции о приеме и исключении секции Интернационала, в которой говорилось, что «Международное товарищество рабочих, основывающееся на принципе уничтожения классов, не может принимать никаких буржуазных секций», Э. Харкорт воздержался и голосовал за резолюцию о переводе местопребывания Генерального совета Интернационала в Нью-Йорк [3, 147, 151].

Однако гораздо более тесные связи имела ассоциация с австралийскими спиритуалистскими организациями. Именно эти последние оказывали решающее влияние на характер деятельности Демократической ассоциации.

Деятельность ассоциации имела филантропически-пропагандистский характер, ее члены целиком сосредоточивались на просветительско-лекционной работе. За период своего существования ассоциация провела лекции и дискуссии на следующие темы: «Благосостояние государства», «Справедливые основы образования», «Вожди и учителя», «Свобода», «Заработная плата», «Справедливые принципы демократии и коммунизма». Единственным практическим действием ассоциации была подача в сентябре 1872 г. на рассмотрение Законодательной ассамблеи Виктории петиции о школьном образовании. В следующем месяце Демократическая ассоциация Виктории прекратила свое существование.

Деятельность австралийских лейбористских партий имела типичный буржуазно-либеральный характер. Это проявилось с первых же шагов деятельности лейбористов. Так, когда в 1891 г. они успешно выступили на выборах в парламент Нового Южного Уэльса и получили значительное число мест, они не сформулировали собственной политической линии и даже не создали единой фракции. Лейбористы сразу же раскололись на две группы, поддерживавшие соответственно две основные группировки буржуазных либералов: фритредеров, возглавляемых Г. Парксом, и протекционистов во главе с Г. Диббом. Тогдашний премьер-министр Г. Паркс, чтобы получить поддержку лейбористов, включил без опаски в речь губернатора колонии некоторые пункты из их программы: реформу избирательного права, фабричного и торгового законодательства и др. [223, 46]. Целями лейбористов было введение общего трудового законодательства, единого таможенного тарифа, общего поземельного налога, единого закона о школьном образовании. Специфическим было лишь то, что весьма большое место в деятельности австралийских лейбористов занимала борьба против иммиграции рабочей силы из азиатских стран, возведенная их же усилиями на уровень государственной политики в форме реакционного принципа «Белой Австралии».

Зачастую невозможно отличить, где кончается лейборизм и начинается либерализм. Появление лейбористских партий

не внесло существенных изменений в политическую жизнь Австралии. Об этом свидетельствуют сами буржуазные ученые. «Единственным пунктом, разделявшим политических деятелей до создания федерации,— писал Д. Портус,— был финансовый вопрос... Это не означало либерализма или консерватизма. Обе стороны претендовали быть либералами и получить признание как либералы, соответствующие европейским стандартам. В этих обстоятельствах смены правительств вносили мало изменений в политику страны» [400, 74].

«В Новом Южном Уэльсе и Квинсленде, — пишет, например, современный австралийский ученый Р. Голлан, — хотя многое в программе рабочих партий было идентично с тем, что защищалось либералами, рабочие партии сохраняли свой особый характер исключительностью своей организации и тесными связями с профсоюзным движением. В Виктории положение было совершенно другим. Профсоюзная конвенция образовала Прогрессивную политическую лигу, но десять ее членов, возвратившихся в парламент в 1892 г., рассматривали себя не столько членами рабочей партии, сколько либералами и радикалами с некоторой специфической ответственностью перед рабочим движением. Профсоюзы, не удовлетворенные таким положением, добились от Совета профсоюзов созыва конференции, на которой была создана Объединенная рабочая партия Виктории. Однако изменение названия не повлекло изменения позиции партии, и она продолжала быть фактически группой либералов, которую нелегко было отличить от других либералов. Это было ясно продемонстрировано на выборах 1894 г., когда рабочая партия вступила в предвыборное соглашение, по которому она согласилась не добиваться мест в парламенте, удерживаемых некоторыми хорошо известными либералами, включая Альфреда Дикина. Южная Австралия и Тасмания были ближе к Виктории, чем к северным колониям, а в Западной Австралии условия были еще менее благоприятными для появления отдельной рабочей партии» [159, 170—171].

Оценивая состояние австралийского рабочего движения накануне первой мировой войны, В. И. Ленин писал: «Австралийская рабочая партия даже и на словах не является социалистической партией. На деле это — либерально-буржуазная партия, а так называемые австралийские либералы, это — консерваторы.

Такое странное и неправильное словоупотребление при обозначении партий — явление не единичное. Называются же в Америке демократами вчерашние рабовладельцы или во Франции „радикалами-социалистами" мелкие буржуа, враги социализма! Чтобы понять действительное значение партии, надо смотреть не на вывеску, а на их классовый характер и на исторические условия каждой отдельной страны» [16, 290].

Развивающаяся австралийская буржуазия в последней трети XIX в. стала все пристальнее интересоваться тихоокеанскими островами, прежде всего как источниками сырья и получения дешевой рабочей силы. Товарооборот британских колоний в Австралии с островами Океании быстро возрастал. В деловых кругах Австралии все громче начинают раздаваться голоса, ратующие за прямую аннексию тихоокеанских территорий. Но практически осуществить такую аннексию было для австралийской буржуазии весьма затруднительно, ибо обстановка на Тихом океане сложилась к этому периоду достаточно сложная. Она характеризовалась все усиливающейся борьбой великих держав за колониальный раздел Океании.

Первые волны европейской колонизации, как мы уже упоминали, появились на тихоокеанских островах еще в XVI в., когда испанцы и португальцы старались присоединить к своим уже немалым владениям еще и тихоокеанские острова. Однако главными действующими лицами на тихоокеанской сцене вплоть до последней трети XIX в. являлись европейские и североамериканские купцы.

Их привлекали в Океании китобойный промысел, сандал, золото, гуано и дешевые рабочие руки. Выгодное географическое положение тихоокеанских островов, лежащих на морских путях, связывающих Америку с Китаем, Индией и другими азиатскими странами, явилось также немаловажной причиной большого к ним интереса.

Правительства европейских держав и США в этот период избегали в основном прямых колониальных захватов, вмешиваясь лишь постольку, поскольку затрагивались интересы их торговцев и предпринимателей.

Более того, они в ряде случаев даже отклоняли прямые обращения местных вождей об установлении протектората и дезавуировали своих ретивых представителей в Океании, объявлявших суверенитет над тихоокеанскими островами.

Так, Англия в 1843 г. отклонила обращение гавайского короля о передаче островов под власть британской короны. «Лорд Эбердин не думает, что было бы полезно и политично, — говорилось в ответе министерства иностранных дел, — создать преобладающее влияние Великобритании на этих островах за счет других держав. Все, что, как представляется его лордству, должно быть предпринято, заключается в том, что ни одна другая держава не получила большей степени влияния, чем то, которым обладает Великобритания». Под «другой державой» Эбердин понимал Соединенные Штаты [349, 77—78]. Примерно в то же время лорд Эбердин от имени британского правительства отклонил предложение королевы

Таити об установлении над островом британского протектората.

Сходную позицию в отношении тихоокеанских островов занимали и другие великие державы, имеющие здесь свои интересы.

В 1813 г. Портер, капитан первого американского военного судна, вошедшего в воды Тихого океана, объявил власть США над островом Нукухива. В декларации об аннексии острова 17 ноября 1813 г. Портер, движимый «лучшими побуждениями», вдохновенно писал: «Туземцы должны уяснить себе, что дружественная охрана, в которой нуждается их беззащитность, потребовала допуска их в великую американскую семью, чья чисто республиканская политика так близка их собственной» [431, 85]. Однако правительство США не приняло этого подарка своего воинственного гражданина.

Интересы России сосредоточились целиком в северной части Тихого океана и не распространялись южнее Гавайских островов.

Дорогие меха, привезенные экспедицией Чирикова, «обольстили и воспламенили дух многих не только русских и сибирских купцов, но и некоторых служилых людей» [30, д. 125, л. 183].

Именно «служилый человек» — сержант камчатской команды Басов стал основоположником российской торговли в северной части Тихого океана, отправившись в 1743 г. на промыслы «к ближнему от Камчатки острову, Беринговым названному» [30, д. 125, л. 183].

Вторую и третью экспедиции он предпринимал уже «в общем складстве» с купцом Трапезниковым. Ими получено и вывезено было в 1747 г. мехов на 112 220 руб. и в 1750 г. — на 39 376 руб. «Тогда морской бобр самой высокой доброты продавался не выше 50 коп., песец 50 коп. и лисица 1 руб. 50 коп. По сему можно судить, сколь велик был весь промысел» [30, д. 125, л. 183].

Большая доходность этой торговли привлекла взоры многих российских предпринимателей.

Они действовали не в одиночку, а составляли компании. Всего за шестьдесят лет (1743—1803) таких компаний было 65. За это время они приобрели и вывезли большое количество пушнины, продав ее на общую сумму 6 млн. руб. [30, д. 125, л. 184].

Российское правительство всячески поощряло этот промысел, выговаривая определенную долю доходов и для себя. В 1764 г. исключительное право производить торговлю было предоставлено купцам Югову и Трапезникову «с тем, чтобы кроме собирания с Алеут в казну ясащной подати платили бы они и из своего промысла 10-ю часть...». Так же предписывало правительство Охотскому и Камчатскому начальству

«не токмо не делать ни малейшего промышленникам препятствия в отправлении судов, но еще снабжать их мореходами, а из казны деньгами корабельными, такелажами и припасами с тем, чтобы платеж от них получить по возвращении судов из промысла» [30, д. 125, л. 184]. Соответствующие указания давались, например, сенатом в Камчатскую канцелярию (16 апреля 1764 г.) и даже самой императрицей Екатериной II тобольскому губернатору (в сентябре 1764 г.).

Купцы, успешно осуществлявшие промыслы, награждались императрицей специальными золотыми медалями. В числе получивших эту награду можно видеть великоустюгского купца Шилова, сольвычегодского — Лапина, тобольского — Снегирева, тотемского — Титова, вологодского — Буренина, тульского — Орехова, якутского — Лебедева и др. [30, д. 125, л. 185].

В 1784 г. Г. Шелихов организует компанию по торговле с Северо-Западной Америкой и Алеутскими островами. За 13 лет своего существования компания дала казне более 1 700 000 руб. [30, д. 125, л. 191].

В дальнейшем весь промысел в этом районе был передан в руки Российско-Американской компании, созданной в 1797 г. Уже к 1818 г. компания продала пушных товаров на сумму 16 378 695 руб. 95 коп. [30, д. 125, л. 227].

Для сохранения своих интересов в северной части Тихого океана Россия после открытий Чирикова объявила свой суверенитет на американский материк до 55° северной широты, провозглашая своей собственностью всю территорию от 55-й широты и выше к полюсу, включая и лежащие в той же части от Камчатки «Алеутские и другие, на север клонящиеся, острова и берега» [30, д. 125, л. 227].

На островах этого района Тихого океана русские имели, как тогда говорили, «оседлости». По данным 1817 г., «оседлости» были на Андриановских островах (50 человек), на Лисьих островах (30), на островах Павла и Георгия (8), на Командорском острове и Кадьяке (119), на острове Баранова [30, д. 125, лл. 201, 202, 205]. Но когда российскому правительству представлялась в 1816—1818 гг. возможность захватить Гаваи, оно не только не воспользовалось этой возможностью, а, напротив, категорически заявило о своей незаинтересованности в приобретении этой территории.

Что касается германского правительства, то оно вплоть до 80-х годов XIX в. не уставало повторять о своей незаинтересованности в приобретении тихоокеанских колоний. В 1872 г. Бисмарк отклонил обращение короля Фиджи об установлении германского протектората над островами. Он заявил примерно в это время: «До тех пор пока я являюсь имперским канцлером, мы не будем вести колониальной политики» [292, 25].

В подобной «антиколониальной» позиции в отношении островов Океании колониальных и ставших в скором времени таковыми держав нет ничего удивительного.

В период процветания свободной конкуренции капиталистические державы вяло реагировали даже на возможность приобретения куда более богатых стран, чем маленькие вулканические и коралловые острова Тихого океана, отделенные от них многими тысячами миль морского пространства. Даже Африка, находящаяся в виду Европы, к середине 70-х годов XIX в. была колонизирована европейскими державами лишь на 10%. Известны знаменитые слова Дизраэли: «Колонии — это мельничные жернова на нашей шее». Более того, руководящие буржуазные политики самой крупной колониальной державы мира — Англии «были *против* колониальной политики, считали освобождение колоний, полное отделение их от Англии неизбежным и полезным делом» [17, 375].

Тем не менее, как мы увидим ниже, уже в 40-х годах XIX в. Англия, а за ней Франция совершают свои первые прямые колониальные захваты в Океании.

Положение меняется коренным образом с середины 70-х годов XIX в., когда, как писал В. И. Ленин, «можно, в общем и целом, считать законченным развитие западноевропейского капитализма в его домонополистической стадии...» [17, 377].

С этого времени началась интенсивнейшая колониальная экспансия европейских держав, а также США и Японии, закончившая «на границе XIX и XX веков раздел мира» [17, 378].

«Колониальные владения, — писал В. И. Ленин, — расширились после 1876 года в гигантских размерах: более чем в полтора раза, с 40 до 65 миллионов кв. км у шести крупнейших держав... Три державы (имеются в виду Германия, США и Япония.— *К. М.*) не имели в 1876 г. никаких колоний, а четвертая, Франция, почти не имела их. К 1914 году эти четыре державы приобрели колонии площадью в 14,1 млн. кв. км, т. е. приблизительно раза в полтора больше площади Европы, с населением почти в 100 миллионов» [17, 378].

Большую активность в захвате тихоокеанских территорий проявляет Германия, опоздавшая здесь, как и в других частях света, к началу колониального дележа и тем энергичнее участвуя в его завершении.

В первоначальный период колониальной экспансии германские частные предприниматели, и в первую очередь гамбургские купцы, действовали значительно энергичнее своего правительства. Занятый сколачиванием и укреплением германской империи в Европе, Бисмарк в 60—70-х годах не стремился к приобретению заморских владений, считая, что это ослабит силы Германии в Европе. Поэтому, разгромив в 1871 г. Францию, Германия не потребовала передачи ей французских колоний. «Я не хочу колоний,— говорил Бисмарк в период мир-

ных переговоров в Версале.— Для нас они были бы подобны шелкам и соболям в польских знатных семействах, которые в то же время не имеют штанов» [401, vol. 1, 63].

В 1873 г. в беседе с лордом О. Рассолом, британским послом в Берлине, Бисмарк говорил: «Колонии явились бы источником слабости, потому что они могут защищаться только могущественным флотом, а географическое положение Германии не вызывает для нее необходимости превращения в первоклассную морскую державу» [292, 21].

В 70-х — начале 80-х годов колониальная лихорадка все сильнее захватывала германскую промышленную и торговую буржуазию. В стране развернулась активная пропаганда колониальных захватов. Были созданы союзы, имевшие целью способствовать скорейшему осуществлению колониальной экспансии: Западногерманская ассоциация колонизации и экспорта, Германский колониальный союз и, наконец, Германское колониальное общество, являвшееся главным носителем колонизаторских идей в Германии. «К 1885 году,— пишет П. Мун,— накопилось тридцать томов, заключавших в себе всевозможные колониальные проекты» [119, 15].

Колониальные вожделения германской буржуазии объяснялись, конечно, отнюдь не любовью к экзотической природе тропиков, а значительно более прозаичными вещами: поисками новых рынков сбыта и источников сырья для своей промышленности.

Интересы капитала для буржуазного правительства превыше всего. Сдался и «железный канцлер». Вопреки своему категорическому заявлению о том, что не будет вести колониальной политики [292, 25], именно Бисмарк явился создателем германской Kolonialpolitik, переросшей после Берлинской конференции 1885 г. в Weltpolitik, которая через три десятилетия привела Германию к первой катастрофе. «Имперское правительство, — говорил Бисмарк британскому послу в Берлине Эдварду Мейлету в январе 1885 г., — намерено поставить под прямую защиту империи, как это было сделано в Западной Африке, а теперь также и в Южных морях, те районы, в которых германская коммерческая деятельность стала преобладающей...» [цит. по: 356, 183].

Основными объектами внимания Германии в Океании были Новая Гвинея, Самоа и острова Микронезии (Каролинские, Марианские и Маршалловы). Здесь германские интересы столкнулись с интересами Англии, США и Испании.

Первым колониальным приобретением Германии в Океании явилась северная часть острова Новая Гвинея, которая после ее захвата немцами получила название Земля Кайзера Вильгельма, и прилегающие к ней острова, названные архипелагом Бисмарка. Это было зафиксировано в англо-германском соглашении 25—29 апреля 1885 г. Соглашение завершало со-

бой трехлетнюю острую борьбу между Англией и Германией за этот крупнейший в Океании остров.

Первые посещения европейцами этого крупнейшего острова в Тихом океане относятся еще к началу XVI в. Однако прямые территориальные притязания на Новую Гвинею относятся к 20-м годам XIX в. 24 августа 1828 г. голландский уполномоченный ван Делден провозгласил собственностью Нидерландов западную часть острова, а через 20 лет, 30 июля 1848 г., генерал-губернатор голландской Ост-Индии объявил, что восточной границей территории будет являться 14-й меридиан.

Правда, представители британской Ост-Индской компании делали попытки объявить суверенитет Англии над частью новогвинейской территории еще раньше (в 1793 г.), но английское правительство не подтвердило этих действий.

Тем не менее британские предприниматели продолжали настойчиво проникать на остров.

С конца 40-х годов XIX в. сначала на островах, окружающих Новую Гвинею, а затем и в ней самой появляются христианские миссионеры, что, как показывал опыт, служило признаком близящихся территориальных захватов. Активнейшими пропагандистами захвата Новой Гвинеи, всячески подталкивавшими в этом направлении правительство Англии, были британские колонии в Австралии.

Австралийскую буржуазию Новая Гвинея привлекала как выгодное поле вложения капиталов, территория, откуда можно черпать дешевую рабочую силу для плантаций Австралии. Известную роль в разжигании колониальных аппетитов сыграло и открытие золотых месторождений в районе Порт-Морсби.

Характерным для тогдашних настроений определенной части австралийской буржуазии было публичное выступление в Сиднее в апреле 1867 г. А. К. Коллинза, который говорил о Новой Гвинее как об «огромном поле деятельности предпринимательства» и приближении дня, «когда остров станет огромной плантацией, не имеющей равных ни в одной стране мира, подчиняющейся умению и знаниям европейцев и обрабатываемой коренным населением...» [340, 13—14].

В этом же году в Австралии возникает Новогвинейская компания, целью которой являлась эксплуатация ресурсов и колонизация острова. Одним из директоров компании был крупный австралийский предприниматель Джон Ланг.

Обращаясь в 1871 г. к членам Королевского общества Нового Южного Уэльса, он определял Новую Гвинею как «весьма обещающую область для поселения и колонизации». Пропагандируя идею захвата Новой Гвинеи, Ланг уже подчеркивает и стратегическое положение острова. О чисто научной экспедиции Н. Н. Миклухо-Маклая в Новую Гвинею Ланг го-

ворил как о примере экспансии иностранных держав в этом районе, чтобы подогреть захватнические настроения австралийской общественности в отношении острова [340, 14].

Новогвинейская компания была не единственной организацией в Британской империи, стремящейся к колонизации острова. В 1876 г. в Лондоне возникает Ассоциация колонизации Новой Гвинеи, а в 1879 г. — Австралийская колониальная ассоциация.

Эти организации выступают с целым рядом предложений, связанных с захватом и колонизацией Новой Гвинеи. Так, например, Ассоциация колонизации Новой Гвинеи предложила английскому правительству сформировать экспедиционный корпус в составе 250 человек под командованием председателя компании Р. Армита. В этом проекте компании предусматривалось, что за свою службу члены экспедиционного корпуса должны получить в Новой Гвинее участки земли размером 4 кв. мили.

Настойчиво ставил перед британским правительством вопрос об аннексии Новой Гвинеи лондонский юрист Лабилльер, австралиец по происхождению. В марте 1874 г. он обратился с письмом в министерство колоний, в котором, анализируя географическое и экономическое положение Новой Гвинеи, доказывал большую выгоду для Англии от захвата этого острова. С присущим колонизаторам лицемерием Лабилльер вместе с тем подчеркивал пользу английской аннексии для самих папуасов [375, 242].

Письмо Лабилльера попало к заместителю министра колоний, который переслал его губернаторам австралийских колоний, прося их высказать свои суждения.

Губернаторы поддержали предложение об аннексии Новой Гвинеи. Более того, губернатор Нового Южного Уэльса Г. Робинзон в своем письме министру колоний Карнарвону от 3 июня 1875 г. заявлял, что власть Британии должна быть распространена «не только на чудесный остров Новая Гвинея, но и на острова Новая Британия, Новая Ирландия и цепь островов к северо-востоку и востоку от Новой Гвинеи от острова Бугенвилля до Сент-Кристобала, большинство юго-восточных островов Соломоновой группы. Новые Гебриды... и Маршалловы острова, острова Гильберта и Эллис, на все из них распространяется движение из Сиднейского порта» [189, 442]. В июне того же года парламенты Квинсленда и Южной Австралии обратились к королеве Виктории со специальными посланиями, убеждавшими королеву в необходимости аннексировать Новую Гвинею.

Особую активность Нового Южного Уэльса, а также Квинсленда в подталкивании британского правительства к захвату Новой Гвинеи понять нетрудно. В 70-х годах, например, 88% всей австралийской и новозеландской торговли с островами

западной части Тихого океана шло через порты Нового Южного Уэльса. Ежегодно Новый Южный Уэльс импортировал более чем на 200 тыс. ф. ст. товаров этих островов и вывозил туда свои товары на сумму 300 тыс. ф. ст. [282, 257]. Обе колонии весьма заинтересованы в получении из Новой Гвинеи рабочей силы для хлопковых и сахарных плантаций, расположенных как на их территории, так и на Фиджи, куда они все шире проникали через «Колониэл Шугар Рифайнинг Компани».

Английское правительство в 70-е годы держалось в отношении австралийских предложений об аннексии Новой Гвинеи неизменной позиции, сводившейся к тому, что захват острова может быть осуществлен, если австралийские колонии возьмут на себя все расходы, связанные с аннексией и колонизацией Новой Гвинеи.

В июне 1875 г. в письме губернаторам Виктории, Квинсленда, Нового Южного Уэльса и Новой Зеландии Карнарвон, указывая на то, что австралийские колонии не желают участвовать в финансировании расходов по управлению Фиджи, запрашивал, будут ли они в дальнейшем покрывать расходы по захвату и управлению теми территориями, где Австралия имеет определенные интересы [340, 17].

Ответы правительств колоний на письмо министра были либо неопределенны, либо отрицательны. Так, Новый Южный Уэльс заявлял, что в данном случае, хотя австралийские колонии и заинтересованы в колонизации Новой Гвинеи, захват ее является общеимперским делом и, поскольку колонии не могут сказать свое слово в управлении территорией, они не должны участвовать в несении каких-либо расходов [340, 17].

После обнаружения в Порт-Морсби золота требования об аннексии Новой Гвинеи стали еще нетерпеливее. Упоминаемый уже нами Лабилльер, воспользовавшись короткой «золотой лихорадкой», в письме 18 сентября 1878 г. в министерство колоний выдвигал в качестве аргументов немедленной оккупации острова опасность его захвата иностранной державой, а также необходимость установления тщательного контроля за прибывающими на остров золотоискателями. Подобные же соображения содержались и в письме английского верховного комиссара в западной части Тихого океана Артура Гордона, где говорилось, что «аннексия Великобританией по крайней мере определенных частей Новой Гвинеи скоро станет неминуемой, если необходимость подобного шага уже не возникла» [цит. по: 340, 19].

Несмотря на то что к этому времени Карнарвона на посту министра колоний сменил Майкл Бич, позиция министерства осталась неизменной и ответ Бича был совершенным повторением упоминавшегося выше письма Карнарвона, написанного в 1875 г.

Положение резко изменилось лишь в начале 80-х годов. В 1882 г. австралийские колонии были чрезвычайно взволнованы поступившими из Европы сообщениями о близящейся германской оккупации Новой Гвинеи. Поводом для этого послужила статья, опубликованная 27 ноября 1882 г. в «Дойче Альгемайне Цейтунг», ратовавшая за захват Германией восточной части Новой Гвинеи.

Несколько позже из Брюсселя поступили сообщения об организации в Германии Новогвинейской компании.

Эти на первый взгляд незначительные события могли произвести столь сильное действие на австралийскую буржуазию потому, что к этому времени германские предприниматели весьма активизировались в Тихом океане вообще и в Новой Гвинее в частности.

В начале 80-х годов в Новой Гвинее имелись торговые фактории германских предприятий «Дойче Хандельс унд Плантаген Гезельшафт дер Зюдзеензельн» и «Хернсхейм». Именно глава берлинской фирмы «Хернсхейм» Адольф фон **Хансеманн в 1880 г. представил** Бисмарку записку о колонизации островов Океании, и в том числе Новой Гвинеи.

19 февраля 1883 г. губернатор Нового Южного Уэльса лорд Лофтус в письме к новому министру колоний лорду Дерби настаивал на срочном захвате юго-восточной части Новой Гвинеи. К нему присоединился премьер-министр Квинсленда Макилврейт, пославший 28 февраля соответствующую телеграмму в Лондон.

Английское правительство продолжало занимать свою прежнюю позицию: хотите иметь колонии, берите на себя все связанные с этим расходы. К тому же, по мнению правительства, опасения австралийцев не имели под собой реальных оснований, поскольку немцы якобы были далеки от намерения завладеть островом.

«Нет причины полагать, — писал в своем ответе правительствам австралийских колоний лорд Дерби, — что германское правительство обдумывает какой-либо план колонизации в правлении, указанном „Allgemeine Zeitung"» [цит. по: 340, 21].

Видя уклончивость позиции британского правительства, австралийцы решили действовать самостоятельно. 4 апреля 1883 г. Честер, выполняя поручение правительства Квинсленда, объявил в Порт-Морсби о присоединении к владениям британской королевы всей территории Новой Гвинеи и близлежащих островов между 141° и 155° восточной долготы. Действия квинслендского правительства получили полную поддержку правительств всех остальных австралийских колоний.

Правительство Квинсленда тем не менее прекрасно понимало, что его действия приобретут законность лишь при одобрении их британским правительством; когда же премьер Квинсленда запросил британское правительство об отношении

последнего к аннексии Новой Гвинеи, лорд Дерби ответил, что, поскольку, как было установлено, какая-либо реальная угроза германского захвата острова отсутствует, действия правительства Квинсленда являются не только ultra vires и потому незаконными, но еще и неполитичными [см.: 292, 75].

Несмотря на столь категорический отказ Лондона, австралийцы понимали, что на самом деле британское правительство не только не осудит, но, напротив того, одобрит их действия по захвату новых территорий в Океании, лишь бы сделаны они были с достаточной ловкостью. Об этом говорил недавний пример с Фиджи. Поэтому австралийцы продолжали упорствовать в намерении подарить британской короне новые земли. В декабре 1883 г. на совещании в Сиднее представители всех австралийских колоний заключили конвенцию, одобрявшую захват Новой Гвинеи (кроме ее западной части, принадлежавшей Голландии) и прилегающих к ней островов, а также объявившую, что захваты какой-либо державой территорий в западной части Тихого океана южнее экватора являются угрозой безопасности британских владений в Океании и что «по смыслу конвенции ни одно приобретение или потенциальное приобретение земли, сделанное до установления британской юрисдикции, на владения в Новой Гвинее или других островах Тихого океана... не будет признано, за исключением небольших участков земли, занятых для миссионерских или торговых целей» [272, 75].

Рассказывая об обстановке на конференции, премьер-министр Виктории Сервис говорил в своем выступлении в Мельбурне 10 декабря 1883 г., что «все делегаты были едины в необходимости немедленной аннексии Новой Гвинеи» [70, 454].

Сиднейская конвенция была составлена весьма патриотично, но далеко не дипломатично и оказывала в это время медвежью услугу Великобритании, ведущей политическую игру с Германией в вопросе колонизации тихоокеанских островов.

Конвенция вызвала столь резкие протесты в Германии, что помощник британского министра иностранных дел сэр Ю. Пансефорт в январе 1884 г. поспешил заверить германского посла в Лондоне, что Англия не имеет намерений захватывать новые территории в Океании. В действительности же министерство колоний вело в это время переговоры с правительством австралийских колоний об условиях окончательного захвата Новой Гвинеи. Уже в мае 1884 г. лорд Дерби в письме губернаторам австралийских колоний указал, что английское правительство согласно рассмотреть вопрос об установлении протектората над захваченной австралийцами территорией Новой Гвинеи при условии, если австралийские колонии примут участие в покрытии расходов, связанных с управлением этой территорией [70, 76].

Немцы в свою очередь решили действовать более энергично. Адольф фон Хансеманн вместе с банкиром Блейхредером выдвинули идею создания консорциума для захвата территории Новой Гвинеи. Бисмарк одобрил проект, и 26 мая 1883 г. была создана Новогвинейская компания. Представитель компании Отто Финш был послан в Новую Гвинею с инструкциями предъявить претензии на северо-восточную часть острова и прилегающие острова Новой Британии.

Компания не случайно послала в Новую Гвинею именно О. Финша. Он-то хорошо представлял свои задачи в этой стране. Еще в 1881 г. Финш встретился в Сиднее с Н. Н. Миклухо-Маклаем, долго и подробно расспрашивал его о Новой Гвинее.

Когда в январе 1884 г. он высадился на новогвинейский берег в заливе Астролябии, то выдавал себя за друга Н. Н. Миклухо-Маклая, прекрасно понимая, что это сразу же позволит ему приобрести доверие папуасов. И действительно, Финш был восторженно встречен ими. Они называли его «Маклай-Германия». «Никогда бы я не поверил, — писал позднее Финш, — что те немногие русские слова, которые я выучил во время моего сибирского путешествия, могут мне пригодиться среди так называемых дикарей на Новой Гвинее, но это было так! Глеба (хлеба), тапорр, скирау (секира), ножа (нож) были здесь постоянно повторяющимися словами в языке папуасов» [цит. по: 113, т. II, 744].

Обманув доверчивых папуасов, Финш, не теряя времени, «приобрел» у них землю и поднял на берегу Маклая германский флаг. «Что касается меня, — откровенно признавался Финш, — то я в первую очередь приобрел в порту Константин землю для Германии» [цит. по: 113, т. II, 743].

Активность Германии подтолкнула австралийские колонии в решении взять на себя расходы, связанные с управлением захваченной территорией Новой Гвинеи. После этого английское правительство больше не заставляло себя упрашивать и послало в Новую Гвинею коммодора Эрскина, дав ему полномочия объявить английский протекторат над территорией, что он и сделал 6 ноября 1884 г. [43, vol. LXXV, 265—266], а 22 ноября уже был назначен специальный комиссар по делам протектората — генерал-майор Питер Скретчери.

После этого отношения между Германией и Англией весьма обострились. Последовал поток взаимных обвинений в весьма резкой форме. Но, видя, что ни одна из сторон не может добиться решающего перевеса, Англия и Германия сочли за благо формально договориться о разделе острова, что и было сделано, как указывалось выше, соглашением 25—29 апреля 1885 г., по которому Германии перешла северная часть Новой Гвинеи между 141° восточной долготы и 8° южной широты со всеми прилегающими островами. Следует отметить,

что по этому соглашению Германия получила «права» и на часть Соломоновых островов: Бугенвилль, Шуазель и Изабелла [43, vol. LXXVI, 66—68].

После заключения соглашения с Германией английскому правительству пришлось потратить некоторое время на урегулирование отношений с австралийскими колониями по поводу Новой Гвинеи.

Первоначальная договоренность (достигнутая еще до захвата Новой Гвинеи) заключалась в том, что колонии будут оплачивать расходы по управлению островом и внесут 15 тыс. ф. ст. в счет покрытия своей доли расходов в первый год управления. Однако сразу же после заключения соглашения с Германией начался спор, какую часть расходов должна оплачивать Великобритания и какую — колонии, как должна быть разделена между колониями общая сумма расходов по управлению Новой Гвинеей.

В конце концов договорились, что колонии вносят те же 15 тыс. ф. ст., а Великобритания — 18 тыс. ф. ст.

Однако установление британского протектората над юго-восточной частью Новой Гвинеи не являлось окончательным решением судьбы этой территории. Через четыре года, в июне 1888 г., принятым английским парламентом актом маскирующая форма протектората была отброшена, и территория вошла в качестве новой колонии в состав Британской империи. 4 сентября 1888 г. в Порт-Морсби прибыл первый администратор Британской Новой Гвинеи, В. Мак-Грегор, объявивший в этот же день британский суверенитет над территорией [43, vol. LXXIX, 883—889].

Присоединение значительной части новогвинейской территории к Великобритании не привело к сколько-нибудь значительному притоку в этот район английского или австралийского капитала, на что можно было рассчитывать, судя по тем темпераментным заявлениям о широких перспективах для предпринимательской деятельности на острове, которые делались до аннексии в Англии, а особенно в Австралии.

Английские и австралийские дельцы проявляли умеренный интерес к Новой Гвинее. Мак-Грегор посылал в Лондон пессимистические доклады о возможности систематической колонизации острова европейцами. «До сих пор, — писал он в отчете за 1889—1890 гг., — не найден во владении район, в котором можно было бы осуществить систематический план заселения его европейцами» [340, 90].

То же самое можно найти в отчете за 1890 г.: «Дальнейший опыт и более широкое знакомство со страной лишь подтверждают мнение, высказанное ранее, что какой-либо план организации систематического заселения страны европейским сельскохозяйственным населением невозможен» [340, 91].

Английская администрация в Новой Гвинее уже в первые

годы управления территорией видела выход в создании крупной компании, которая практически занялась бы колонизацией.

Еще в 1886 г. П. Скретчери ратовал за образование торговой компании в Новой Гвинее по типу британской компании в Северном Борнео, которая обладала бы значительными правами не только в коммерческом, но и в административном отношении. Он предлагал выделить под контроль предполагаемой компании значительную часть территории. Предложение Скретчери не получило одобрения британского правительства. Но в 1897 г. в министерство колоний поступило предложение о создании крупного синдиката, ставившего главной целью создание и развитие каучуковых плантаций в Новой Гвинее. Это предложение основывалось именно на плане Скретчери.

В проекте о создании синдиката предусматривалась передача ему 250 тыс. акров земли, на которой будут культивироваться каучуковые деревья, но одновременно подчеркивалось стремление не ограничиваться лишь этой деятельностью, а заниматься в самой широкой форме экспортно-импортной торговлей на территории, включающей все виды товаров. Предусматривалось также наделение синдиката «такой степенью административной власти, которая определяется чисто деловым направлением предприятия и которая местной властью и министерством колоний может быть передана в отношении только земли и т. д.» [340, 93].

Министерство колоний одобрило проект, но заявило о своем несогласии с пунктами, касающимися наделения синдиката административной властью.

Проект получил энергичную поддержку премьер-министра Квинсленда сэра Х. Нельсона, находившегося в это время в Лондоне. Он же посоветовал послать представителей синдиката в Новую Гвинею для непосредственных переговоров с главой местной администрации Мак-Грегором и предупредил о возможной оппозиции со стороны австралийских колоний.

Представители синдиката Вайн и Лоулес немедленно выехали в Новую Гвинею, где очень быстро договорились с Мак-Грегором об окончательных условиях деятельности синдиката. Переговоры окончились в декабре 1897 г. подписанием соглашения.

Синдикат получал весьма широкие права, в частности становился полным хозяином переданных ему земельных участков, ибо ст. XVI соглашения гласила: «Несмотря на положения ордонанса о коронной земле 1890 г. или какого-либо другого ордонанса, устанавливающего то же самое, и несмотря на положения любого находящегося в силе ордонанса, относящегося к горному делу, на всех получаемых землях компания будет обладать правом полной собственности на все продукты земли, и в особенности будет обладать исключитель-

ным правом собственности на все шахты и минеральные запасы и т. д.» [340, 94].

Однако в министерстве колоний не стали спешить с утверждением соглашения.

Дело в том, что некоторые деловые круги Англии, а особенно австралийская буржуазия, были крайне встревожены предоставлением синдикату столь широких прав.

Правительства Виктории и Нового Южного Уэльса направили британскому правительству решительные протесты. Австралийская буржуазия опасалась чрезмерного усиления английских предпринимателей в новой колонии. Выступая в июне 1898 г. в Законодательной ассамблее Виктории, премьер-министр этой колонии Тарнер заявил, что соглашение дает «чрезвычайную власть компании, имеющей штаб-квартиру в Лондоне... делая, таким образом, эфемерным австралийское влияние во владении» [340, 96].

Столь активное сопротивление австралийских колоний привело в конце концов к отклонению проекта создания синдиката.

Попытка английских предпринимателей захватить контроль над Новой Гвинеей, политика британской администрации на территории, поощрявшей и поддерживавшей такие намерения, вызвали оживление интереса австралийской буржуазии к новой колонии и усилили ее желание единолично владеть ею. Так, в 1899 г. полковник Бернс, директор-распорядитель «Бернс-Филп энд Компани», выступает с проектом создания компании с задачей «развивать сельское хозяйство, попытаться приспособить землю для тропического земледелия, приобретать и продавать местный лес и разводить лошадей, мулов, рогатый скот и овец» [340, 114].

Правительства австралийских колоний настойчиво добивались прекращения «объединенного управления» и передачи им всей полноты власти над Новой Гвинеей. Австралийцам удалось этого добиться только после объединения колоний и создания Австралийского Союза. Собственно, уже закон от 18 марта 1902 г. предусматривал передачу власти над территорией Австралийскому Союзу, но потребовалось еще три года для окончательного утверждения.

По акту 1905 г., вошедшему в силу в 1906 г., Британская Новая Гвинея передавалась в управление Австралийского Союза и получила новое официальное наименование — Папуа. Так британская «белая колония» в Тихом океане сама превратилась в колониальную державу. Что же касается северо-восточной части Новой Гвинеи, то после установления там германского господства фактически власть над территорией перешла в руки Новогвинейской компании. Охранная грамота, выданная императором Вильгельмом, предоставляла компании самые широкие полномочия, в том числе административ-

ную и судебную власть, а также исключительное право приобретения земли [43, vol. LXXVI, 342—344].

«В декабре 1884 года, — пишет германский ученый Хелфельд, — германская новогвинейская компания укрепилась на северном побережье Новой Гвинеи (Земля Кайзера Вильгельма) и на Новобританском архипелаге (архипелаг Бисмарка) и взяла в управление область площадью 200 000 *кв. км.* Действие выданной компании охранной грамоты было распространено в 1886 г. и на занятую часть Соломоновых островов» [311, 207].

До конца 90-х годов во всех германских колониях управление осуществлялось частными компаниями: Немецким колониальным обществом для Западной Африки, Немецким колониальным обществом для Восточной Африки, а также еще одной компанией, действующей в Океании, — Немецким колониальным обществом для Маршалловых островов.

Общества формировали и оплачивали аппарат колониальной администрации. Но начиная с 1890 г. германское государство постепенно забирает в свои руки управление колониями. Общества же сравнительно быстро ликвидируются.

Первым распускается западноафриканское общество, за ним в 1890 г. — восточноафриканское, а в 1906 г. — общество для Маршалловых островов. Новогвинейское общество прекращает свою деятельность в 1898 г.

В 1890 г. в системе германского управления создается специальный орган по делам колоний — Имперское колониальное управление, правда, еще не самостоятельный, а как часть министерства иностранных дел. Наряду с ним на правах совещательного органа в том же году был образован Колониальный совет, в состав которого входили представители частных компаний, действующих в колониях, а также представители Германского колониального союза и миссионерских организаций. Все члены совета назначались канцлером.

В первые годы своего существования колониальная администрация занималась вопросами чисто внутреннего управления колоний. Все военные дела, связанные с колониями, относились к компетенции морского министерства метрополии, а вопросы общей политики в колониях — к компетенции министерства иностранных дел.

Все усиливавшаяся централизация государственного управления колониями привела к созданию 17 мая 1907 г. самостоятельного министерства по делам колоний и ликвидации колониального совета.

Соответственно меняется местное управление в колониях С 1890 г. представители частных компаний заменяются губернаторами, назначаемыми императором. Губернатор в германскую Новую Гвинею был назначен 1 апреля 1899 г. Губерна-

торы были наделены всей полнотой власти, как военной, так и гражданской. Никаких элементов местного самоуправления в колониях не существовало.

Говоря о колониальном разделе Новой Гвинеи, нельзя, хотя бы кратко, не остановиться на деятельности Н. Н. Миклухо-Маклая в защиту папуасов.

Видя намерения Англии и Германии захватить остров, он смело поднял голос против колонизаторов.

В письме вице-председателю Географического общества П. П. Семенову, отправленному из Сингапура 28 октября 1875 г., Н. Н. Миклухо-Маклай пишет: «Известие о намерении Англии занять половину Новой Гвинеи и вместе с тем, вероятно, берег Маклая не позволяет мне остаться спокойным зрителем этой аннексии... Вследствие настойчивых просьб людей этого берега я обещал им вернуться, когда они будут в беде. Теперь, зная, что это время наступило и что им угрожает большая опасность... я хочу и должен сдержать слово... Не как русский, а как Тамо-боро-боро (наивысший начальник папуасов берега Маклая) я хочу обратиться к его императорскому величеству с просьбой о покровительстве моей стране и моим людям и поддержать мой протест против занятия этого берега Англией» [113, т. IV, 122—123]. Ответа на свое письмо ученый не получил.

В середине июня 1876 г. Н. Н. Миклухо-Маклай с большими трудностями добрался до берега Маклая. Сначала у него был план объединить все папуасские племена в единый союз и пытаться противостоять колонизаторам. Но скоро он убедился, что это неосуществимо. Тогда он решил вернуться в Россию и объявить о своих правах на часть Новой Гвинеи.

В ноябре 1877 г. Н. Н. Миклухо-Маклай покинул Новую Гвинею и в январе 1878 г. прибыл в Сингапур. Здесь он получил долгожданный ответ от П. П. Семенова, где сообщалось об отрицательном отношении российского правительства к его предложению по причине «отдаленности страны и отсутствия в ней связи с русскими интересами».

В ответном письме от 29 января 1878 г. Миклухо-Маклай пишет по этому поводу, «что отдаленных стран уже теперь почти что не существует, а тем более в будущем; что кроме русских есть еще общечеловеческие интересы, которые по своей значительности только в исключительных случаях под силу одиноким личностям и которые должны становиться делом просвещенных и гуманных правительств» [113, т. IV, 152—153]. С этого времени всю свою энергию он отдает борьбе против европейских колонизаторов. Он пытается в интересах папуасов использовать англо-германские противоречия в борьбе за Новую Гвинею.

Когда усилились слухи об английской аннексии острова, Н. Н. Миклухо-Маклай пишет письмо Бисмарку (1 октября

1884 г.), где призывает его «во имя справедливости и гуманности склонить великие державы не только предохранить их (народы тихоокеанских островов.— *К. М.*) от захвата англичанами, но и охранять права темнокожих туземцев островов Тихого океана, „как людей", от бессовестной, несправедливой и зверской эксплуатации (похищение людей, рабство и т. д.)...» [113, т. IV, 276].

Он обращается с письмами к Гладстону и Дерби, когда возникает опасность захвата острова Германией. После того как Финш объявил германский суверенитет над берегом Маклая, Миклухо-Маклай посылает телеграмму Бисмарку (9 января 1889 г.) с коротким, но решительным текстом: «Туземцы берега Маклая отвергают германскую аннексию» [413, т. IV, 279].

Одновременно он пытается организовать русское поселение на берегу Маклая для защиты папуасов от иноземных захватчиков. В нескольких русских газетах он поместил объявления с целью собрать желающих поселиться на Новой Гвинее. К 25 июня 1886 г. он получил письменные заявления от 160 человек, к 1 июля — 320 человек, к 12 августа — 1200 человек. В дальнейшем число желающих достигло 2 тыс. [113, т. IV, 553].

Не имея возможности ответить каждому в отдельности, Н. Н. Миклухо-Маклай 3 июля 1886 г. организовал специальную лекцию, на которую пригласил всех желающих ехать на берег Маклая. Вот как об этом пишет одна из петербургских газет того времени: «Временная квартира Н. Н. Миклухо-Маклая стала переполняться самой разнообразной публикой. Были видны и армейские и флотские мундиры, франтоватые жакеты и потертые пальто, белые галстуки и русские шитые сорочки... Не имея физической возможности отвечать всем письменно, Н. Н. Миклухо-Маклай предпочел собрать у себя всех интересующихся этим вопросом и со свойственной ему любезностью, давая ответы на запросы отдельных лиц, вместе с тем прочел о проектируемой первой русской колонии в Тихом океане очень интересную лекцию...» [113, т. IV, 472]. Проект Н. Н. Миклухо-Маклая долго обсуждался в министерских канцеляриях и в конце концов был отвергнут. 9 декабря 1886 г. Александр III начертал решение: «Считать это дело конченым. Миклухо-Маклаю отказать» [113, т. IV, 555]. Через два года после этого Н. Н. Миклухо-Маклай умер.

Несмотря на всю утопичность выдвигаемых Н. Н. Миклухо-Маклаем проектов защиты папуасов, нельзя в то же время не восхищаться энергией, мужеством, волей и благородством этого человека.

Борьба же великих держав за тихоокеанские острова продолжалась со все нарастающей силой.

В год колониального раздела Новой Гвинеи (1885) Германия без каких-либо протестов со стороны Испании присоединила к своим тихоокеанским владениям 24 острова Маршаллового архипелага. Но попытки немцев захватить Марианские и Каролинские острова встретили резкое противодействие Испании. В Мадриде многотысячная разъяренная толпа во главе с офицером Саламанкой бьет стекла в здании германского посольства, срывает и сжигает флаг и герб. Саламанка в порыве патриотических чувств отсылает в Берлин пожалованный ему германским императором крест, заявляя в письме, что постарается занять освободившееся место на груди новым орденом от испанской короны за победы над немцами.

Однако никаких кровопролитных событий не последовало. Испания обратилась за помощью к папе римскому в уверенности, что он поддержит в трудный час ревностную католическую страну. Но папа действовал уклончиво, стараясь не обидеть Испанию и в то же время удовлетворить аппетиты Германии. Его решение заключалось в подтверждении испанского суверенитета над островами, но в то же время Германии предоставлялись в этом районе широкие права в области торговли, приобретения собственности, организации плантаций, а также Германия получила возможность создать на островах морскую базу.

В соответствии с этим решением папы 17 декабря 1885 г. был подписан испано-германский договор.

Приобретенные по договору права недолго удовлетворяли Германскую империю. С захватом Киа-Чао германские аппетиты в Тихом океане разгорались сильнее и сильнее. Кайзер Вильгельм все более увлекался идеей расширения своих тихоокеанских владений. Благоприятный момент для ее осуществления не заставил себя ждать. В 1898 г. началась испано-американская война, 11 мая 1898 г. принц Генрих Прусский, командир германской эскадры, находившийся в то время в Гонконге, телеграфировал в Берлин, что, по имеющимся в его распоряжении сведениям, Филиппины «будут рады отдать себя под покровительство европейской державы, особенно Германии» [52, Bd XV, 33—34].

Как свидетельствуют документы, идея объявления германского протектората над Филиппинами обсуждалась германским правительством весьма серьезно, но в конце концов была отвергнута в основном из-за слабости германского флота [440, 193].

Необходимо отметить, что в то же самое время Германия, выдавая себя за друга Испании, в первый период войны пыталась сколотить нечто вроде блока европейских монархических государств, враждебный США. Однако в Берлине очень скоро убедились, что эта идея не найдет поддержки в Европе.

Германское правительство решило добиваться нейтрализации островов, а если этого достигнуть не удастся, то постараться урвать себе возможно больший кусок из испанского тихоокеанского наследства [440, 193].

С этой целью послу в Лондоне Хотцфельду было поручено выяснить отношение английского правительства к нейтрализации Филиппин. Одновременно сильная эскадра под командованием адмирала фон Дидерихса была послана в филиппинские воды — официально для охраны жизни и имущества германских подданных, а в действительности для наблюдения за событиями и осуществления оперативных мер в изменчивой обстановке войны, вплоть до захвата для Германии морской базы на Филиппинах в случае капитуляции Испании.

Получив информацию о том, что Англия намерена поддержать захват Филиппин Соединенными Штатами, и понимая, что в этих условиях рассчитывать на нейтрализацию островов невозможно, Германия решила сторговаться с США. Она предложила Соединенным Штатам поддержку в захвате Филиппин в обмен на захват Германией Каролинских островов и Самоа, а также получение морской базы на Филиппинах.

Американцы не дали определенного ответа, предложив оставить решение этого вопроса до заключения мира с Испанией.

Тогда уж Германия вспомнила о своем «друге» — Испании — и вступила с ней в переговоры, проходившие в условиях сугубой секретности.

Даже когда договор был подписан, он еще некоторое время не объявлялся. Русский посол в Мадриде Шевич писал графу М. Н. Муравьеву 24 марта 1899 г., что испанский министр иностранных дел Сильвила по секрету сообщил ему о подписании конвенции о продаже островов. «Это строго конфиденциальное сообщение, сделанное мне министром иностранных дел,— писал посол,— явилось для меня тем более интересным, что, выходя из кабинета министра и застав в приемной германского посла, разговаривающего с другими представителями... я слышал, как г-н Радовиц давал им самое положительное заверение в том, что о продаже вышеупомянутых архипелагов не было еще ничего условленного ни даже решенного в принципе... Тождественное заверение было повторено тут же и мне моим германским коллегой» [29, д. 72, л. 62].

Согласно договору от 10 сентября 1898 г. Испания обещала передать Германии Каролинские острова и, кроме того, гарантировала Германии «благожелательное решение в будущем вопроса о передаче прав на свои островные владения» [52, Bd XIV, № 3778]. Более того, 10 декабря 1898 г. Герма-

ния подписала с Испанией второй договор, по которому последняя согласилась передать немцам не только Каролинские, но и Марианские острова, кроме Гуама [52, Bd XV, 94—98].

Эти маневры Германии помогли ей при окончательном решении судьбы испанских тихоокеанских владений на Парижской конференции 1898 г. приобрести Каролинские и Марианские острова (кроме Гуама), уплатив Испании 25 млн. песет.

«Присоединение к германским заокеанским владениям групп островов Каролинских, Марианских и Палоо,— писал русский посол в Берлине Остен-Сакен М. Н. Муравьеву 9 июня 1899 г.,— здешнее общественное мнение встречает крайне сочувственно. Большинство органов печати отмечает сравнительно низкую цену покупки и воздает должное дипломатической личности г-на Бюлова, которому будто бы без шума посчастливилось выполнить то, что не удалось в 1885 году самому князю Бисмарку... Выгода получения новых имперских владений — это их сравнительная близость к германским колониям, архипелагу Бисмарка и Маршальским островам... Социал-демократы и свободомыслящие сочли нужным подвергнуть критике начинание правительства... Так, например, Бебель высчитал, что каждый островитянин обойдется Германии в 340 марок, а Рихтер... исчислил, что при скудности белого населения каждый европеец будет стоить метрополии 170 000 марок» [29, д. 15, лл. 96—97].

Германское правительство объявило об этом событии как о величайшей победе. Канцлер Бюлов, выступая в рейхстаге, сказал: «Теперь приобретение германских владений в южных морях завершено, и этот договор вместе с договором с Китаем относительно Киа-Чао являются вехами на одном и том же пути, пути мировой политики» [440, 197].

Несмотря на заявление Бюлова, история приобретения Германией колоний в Тихом океане на этом не кончилась. Последней по времени территорией, приобретенной Германией в этом районе в конце XIX в., было Западное Самоа.

Раздел Новой Гвинеи предопределил скорый колониальный захват Соломоновых островов.

Британский администратор в Новой Гвинее В. Мак-Грегор еще в самом начале своей деятельности настаивал на аннексии Соломоновых островов, находящихся по соглашению 1875 г. в английской сфере влияния. Он писал об этом в британское министерство колоний и находил там благожелательное отношение к своему предложению: «Если мы так преуспели во внесении некоторой законности и порядка среди дикарей Новой Гвинеи,— писалось в ответе министерства,— трудно представить себе, что мы не сможем дать Соломоновым островам такую возможность...» [376, 343].

Здесь, как мы видим, британское правительство опять-таки толкает на путь территориальных захватов не что другое, как «забота» о «благе» островитян.

По англо-германскому соглашению от 25—29 апреля 1885 г. производился раздел сфер влияния этих двух держав на архипелаге. В сферу влияния Германии вошли острова Шуазель, Изабелла и Бугенвиль, Великобритании — Гуадалканал, Саво, Малаита, Сан-Кристобаль.

Соломоновы острова были местом бойкой торговли людьми. Европейские предприниматели скупали за бесценок, выкрадывали огромное число жителей островов, продавая их плантаторам австралийских колоний, Новой Зеландии, Фиджи, Самоа. Все это осуществлялось ими в самой бесчеловечной, поистине каннибальской форме. Даже британское министерство колоний в своих ежегодных докладах о положении на Соломоновых островах в разделе «История» всякий раз упоминает об этом порочащем колонизаторов факте, правда в весьма изящных и осторожных выражениях: «Заморские плантации нуждались в рабочей силе, и, таким образом, Соломоновы острова, так же как и другие островные группы, были местом ее получения. Некоторые из вербовщиков применяли методы, которые шокировали внешний мир и в свою очередь вызывали ответные действия жителей Соломоновых островов» [44, 76].

Английское правительство выдвинуло в качестве официальной причины установления «протектората» над островами — защиту островитян от работорговцев, а работорговцев от островитян. «Резня европейцев и туземцев, — указывается в тех же докладах министерства колоний, — неуклонно возрастала, пока Великобритания, стремясь задержать растущий поток дикости, не объявила в 1893 г. протекторат над южной частью Соломоновых островов» [44, 76].

В действительности Англия никак не спешила покончить с работорговлей в Океании. В 1885 г. британское правительство дает пятилетний срок для «завершения» этого вида доходного промысла. Работорговцы принимают это всерьез и в 1885—1890 гг. стараются вывезти из островов максимально возможное число людей. Особенно они усердствуют в 1890 г., вывозя даже подростков из миссионерских школ. И в этом случае выдвигается гуманное объяснение, что «это последняя возможность для подрастающего поколения повидать свет» [376, 344]. В 1890 г. работорговля официально была запрещена, но в 1892 г. правительство Англии объявляет о возобновлении этой торговли.

Когда же плантаторы Квинсленда начали опять скупать людей на островах, английское правительство в благородном негодовании посылает военные корабли, чтобы объявить Со-

ломоновы острова своим протекторатом. «Возобновление деятельности Квинслендом,— заявил 10 сентября 1892 г. парламентский заместитель министра колоний Сидней Бикстон,— дает нам благовидное оправдание... для установления „протектората" над Соломоновыми островами» [376, 344].

В декабре 1892 г. английское правительство посылает секретные инструкции командующему английской эскадрой в Тихом океане объявить протекторат над рядом Соломоновых островов.

Выполняя этот приказ, капитан Гибсон на корабле «Кюрасао» в течение июня 1893 г. объявил британский протекторат над южной группой Соломоновых островов, включающей Гуадалканал, Саво, Малаита, Сан-Кристобаль и Нью-Джорджия. В дальнейшем границы протектората были расширены. В июне 1897 г. капитан Поллард объявил английский протекторат над островами Реннелл и Беллона, атоллом Сикаина. В августе 1898 г. к протекторату были присоединены острова Санта-Крус и Токопиа, а в сентябре того же года — острова Дафф, Анита и Фатутана. По англо-германо-американскому договору 1899 г. Великобритания захватывала власть над остальными островами архипелага — Санта-Изабель, Шуазель, Отонг-Ява, Шортленд.

Первый британский уполномоченный, Вудфорд, прибыл на острова в июне 1896 г. На островах в тот период находилось до 50 постоянных европейских резидентов, главным образом англичан, занимающихся торговыми операциями. Скупленный у населения товар сосредоточивался на центральных станциях, а морская перевозка его осуществлялась целиком австралийской фирмой «Бернс, Филп энд Компани», установившей регулярную связь между Сиднеем и Соломоновыми островами. Несколько ранее, в начале 70-х годов, Англия приобрела еще одно владение в Тихом океане, в котором очень были заинтересованы британские колонии в Австралии, и в первую очередь Квинсленд и Новый Южный Уэльс,— острова Фиджи.

История их захвата весьма характерна для действий Великобритании и Австралии в Тихом океане и заслуживает того, чтобы на ней остановиться.

К середине XIX в. острова Фиджийского архипелага были охвачены ожесточенной междоусобной войной, чему немало способствовали находящиеся там английские миссионеры. Своей смелостью, решительностью и военным мастерством выделялся вождь Мбоу Такомбау. Миссионерам долго не удавалось обратить его в христианство. Он крестился лишь в конце 1854 г. На острове сразу же был организован миссионерский центр, и Такомбау начал пользоваться сильной поддержкой английских протестантов в борьбе со своими противниками.

По настоянию английских миссионеров король Тонга — Георг послал 30 каноэ с 2 тыс. воинов в помощь Такомбау.

Объединенные силы Такомбау нанесли 7 апреля 1855 г. в Камба сокрушительное поражение враждебным Такомбау племенам. Но, победив своих внутренних врагов, Такомбау оказался совершенно беззащитным перед внешними врагами.

Незадолго до битвы в Камба, в феврале 1855 г., на Фиджи прибыл американский военный корабль «Джон Адамс». Командир корабля Бутвелл потребовал от Такомбау возмещения убытков, нанесенных американскому торговому агенту Вильямсу на Фиджи жителями острова Рева, которые некоторое время тому назад сожгли его дом. Дело заключалось в следующем. Прибыв на Фиджи в начале 1846 г., Вильямс купил за 30 долл. маленький остров Нукулау и построил там дом. Когда спустя три года он праздновал у себя день 4 июля, взорвалась одна из пушек, и это вызвало пожар.

Когда в 1851 г. на Фиджи пришел американский корабль «Святая Мария», Вильямс передал капитану требование на выплату ему компенсации в сумме 5 тыс. долл. Капитан Магрудер назначил двух арбитров из числа подчиненных Вильямса и распорядился, чтобы они представили свое заключение следующему американскому судну, которое придет на Фиджи. Этим судном и оказался «Джон Адамс», пришедший на острова спустя четыре года. Но теперь американцы требовали уже выплаты 43 531 долл. Ни Такомбау, ни его люди не имели отношения к этому инциденту, так как он произошел до того, как Такомбау распространил свою власть на этот остров.

Тем не менее Бутвелл требовал уплаты этой огромной суммы в течение двух лет. В случае отказа американцы грозили жестокими репрессиями. Такомбау был вынужден согласиться, послав одновременно письмо правительству США с протестом против «несправедливых, тиранических и незаконных» действий Бутвелла [215, 75].

Денег для уплаты Такомбау, конечно, не имел. Используя трудное положение, в котором оказался Такомбау, английские миссионеры добивались все большей власти над ним. Одновременно миссионеры всячески подталкивали английское правительство на прямой захват Фиджи, опасаясь укрепления на островах французских католических миссионеров, которые проявляли все больший интерес к этому архипелагу и к Тонга.

В начале октября 1858 г. на Фиджи прибыл американский корабль «Вандалия». Его капитан Синслер потребовал от Такомбау уплаты суммы, назначенной Бутвеллом. Видя, что Такомбау не в состоянии выплатить эту сумму, Синслер дал ему еще год отсрочки, после чего деньги должны быть уплачены, по его выражению, «или наличными, или кровью»

[376, 133]. Такомбау вынужден был согласиться и с этим требованием.

Через четыре дня (12 октября) после этого Такомбау под нажимом английского консула на Фиджи В. Причарда и миссионеров подписал документ, в котором передавал Фиджи под власть английской короны. Такомбау объяснил свой шаг желанием «обеспечить нашему народу и подданным хорошую и постоянную форму правления... и будучи не в состоянии предоставить нашим подданным должную протекцию и защиту от угрозы, давления и тирании иностранных держав... задолжав большие суммы президенту и правительству Соединенных Штатов Америки, к уплате которых принуждают под страхом суровых мер против нас лично и нашей суверенности и наших островов и территорий».

Предлагая эту цессию, Такомбау выставлял два условия: 1) сохранение за собой титула Туи Вити (т. е. верховный вождь Фиджи) и назначение главой местного правительства, обещая действовать всегда только под руководством и с совета представителей Великобритании, 2) уплата британской казной долга Соединенным Штатам в обмен на передачу 200 тыс. акров фиджийской земли по выбору объединенной англо-фиджийской комиссии [43, vol. LIII, 74—80].

3 ноября 1858 г. Причард, взяв этот документ, направился в Англию. Прибыв в Лондон, Причард всячески пропагандировал идею захвата Фиджи, указывая на широкие возможности создания хлопковых, сахарных и кофейных плантаций, а также на выгодное географическое положение островов, лежащих на важном морском пути из Сиднея в Панаму.

Однако английское правительство окончательного решения не приняло, а послало полковника В. Смейта на Фиджи для сбора дополнительной информации. «Вы должны знать, что выбраны мною для деликатного и важного поручения,— писал В. Смейту герцог Ньюкаслский, — сообщения о том, будет ли желательным, чтобы правительство ее величества приняло сделанное предложение о передаче ее величеству суверенитета над островами Фиджи в Тихом океане» [43, vol. LIII, 87].

Между тем Причард, вернувшись в декабре 1859 г. на Фиджи, собрал совещание наиболее влиятельных вождей островов. На совещании было достигнуто соглашение, по которому все отношения фиджийцев с иностранными державами впредь должны были осуществляться только через английского консула и что ему будет передана верховная власть на островах. Совет вождей будет осуществлять при британском консуле лишь совещательные функции [43, vol. LIII, 97—98].

В июле 1860 г. на Фиджи прибыл полковник Смейт. По поручению английского правительства он должен был выяснить целый ряд практических вопросов: так ли уж выгодно

географическое положение островов? Можно ли будет организовать выращивание на островах хлопка и снабжение им Англии? Возможно ли создание европейских поселений? И т. д.

Проведя на островах 10 месяцев, Смейт ответил на все эти вопросы отрицательно. По его мнению, морской путь через Окленд (Новая Зеландия) был бы и дешевле и короче. Сколько-нибудь серьезного снабжения Англии хлопком ни сами фиджийцы, ни европейские плантаторы организовать, по мнению Смейта, не могли. Смейт считал, что приобретение Фиджи будет обузой для Англии. «Судя по теперешнему состоянию Сандвичевых островов и прошлых условий Таити,— писал он герцогу Ньюкаслскому,— представляется, что ресурсы тихоокеанских островов могут быть лучше использованы и благосостояние их населения обеспечено туземным правительством, руководимым советами, пользующимися уважением европейцев» [43, vol. LIII, 104—106].

Доклад Смейта получил одобрение в Лондоне. Предложение Такомбау было отклонено. Карьера Причарда на Фиджи вскоре закончилась, так как были вскрыты его значительные служебные злоупотребления (присваивание денег, земельные спекуляции и др.). 24 января 1863 г. он был отстранен от должности и покинул Фиджи.

Тем временем вопреки пессимистическим прогнозам Смейта экономическая активность европейцев и получаемые доходы на островах Фиджи продолжали неуклонно возрастать. Экспорт, составлявший в 1863 г. 13 тыс. ф. ст., в 1867 г. поднялся до 39 960 ф. ст. Сначала первое место среди экспортных товаров составляло кокосовое масло, но затем главной статьей экспорта стал хлопок (34 тыс. ф. ст. в 1867 г.). В 1869 г. с островов Фиджи было экспортировано хлопка на сумму 57 тыс. ф. ст. [215, 88—89].

Этому способствовала острая нехватка хлопка на мировом рынке, и рост цен на него — следствие прекращения поставок хлопка в Европу из Южных штатов в период Гражданской войны в США.

Под влиянием нового английского консула Х. Джонса в мае 1865 г. пять фиджийских вождей, собравшись в Левуке, подписали соглашение, по которому создавалась Генеральная ассамблея, обладающая законодательной властью для всех островов Фиджи. Во главе ассамблеи ставился ежегодно избираемый президент. Президентом был избран Такомбау. Каждый из островов, вожди которых подписали соглашение, сохранял самоуправление, а межплеменные войны запрещались.

Однако в самом скором времени межплеменная вражда вновь обострилась. Тогда Такомбау по подсказке своих иностранных советчиков решил объявить себя королем всех

островов Фиджи. 2 мая 1867 г. Такомбау короновался. Но царствование его началось с беспокойств. Уже 11 июля опять появилось американское судно «Тускарора», и его капитан Стенли напомнил Такомбау о старых долгах. Денег у Такомбау по-прежнему не было.

Короля Фиджи неожиданно выручили приехавшие в конце мая в Левука мельбурнские дельцы Эванс и Бревер. Они заявили, что являются представителями создающейся «Полинезийской компании», намеревающейся «вести банковское дело и организовать агентства по всему архипелагу, выращивать сахарный тростник и строить сахарные заводы и для последних ввозить рабочую силу при соблюдении ограничений, установленных имперским правительством» [376, 146].

За разрешение осуществлять такого рода деятельность они предлагали Такомбау выплачивать ежегодно 200 ф. ст., помочь ему сохранить власть над королевством, а также уплатить за него все долги американцам. Окончательный договор был заключен 23 июля 1868 г. Австралийская компания стала полной и неограниченной обладательницей 200 тыс. акров земли, а Такомбау освободился от своих американских долгов.

Этот договор положил начало лихорадочному захвату фиджийских земель европейскими плантаторами. Последние получали значительные барыши от своих предприятий на Фиджи. Так, к 1870 г. плантаторы получали доход не менее 20 ф. ст. с акра. Средний же размер плантации составлял 80 акров. Число европейских, американских и австралийских плантаций быстро растет. Значительно увеличивается европейское население. Если в 1867 г. лиц европейского происхождения на островах было не более 800 человек, то в 1870 г. их насчитывалось свыше 2 тыс. [215, 88]. Усиливается интерес европейских держав, США и особенно австралийских колоний к островам Фиджи.

1 июля 1870 г. на конференции правительств австралийских колоний была принята резолюция, где говорилось, что «весьма важным для британских интересов является то, чтобы эти острова (имелись в виду острова Фиджи.— *К. М.*) не попали в какой бы то ни было форме во власть любой другой страны, кроме Великобритании» [376, 152]. Представители австралийских колоний в Лондоне настойчиво требовали от правительства захвата Фиджи.

Но английское правительство пока не меняло своего отношения к Фиджи. Министр колоний лорд Кимберли был настроен против аннексии островов. В своем письме от 16 марта 1871 г. губернатору австралийской колонии Виктории Кантебери он писал, что, даже если все вожди поддержат акт передачи власти английской королеве, «опыт других колоний показывает, что и после этого споры продолжают расти, осо-

бенно в отношении захвата земли поселенцами». И потому несомненно потребуется применить военные силы, а правительство ее величества не готово ввести их на Фиджи [376, 152].

Правительства австралийских колоний заявили, что рассматривают такую позицию Англии как «весьма огорчительную» [215, 91].

Английские поселенцы на Фиджи пытались создать из своей среды местное правительство и добивались поддержки британского правительства. Но и эти их действия не получили одобрения правительства Англии. Тогда европейские поселенцы решают создать, хотя бы формально, туземное правительство, но в котором решающие позиции оставались бы за ними.

С этой целью 5 июня 1871 г. в Левука Такомбау был вновь провозглашен королем Фиджи и было образовано правительство, состоящее главным образом из европейцев. Был создан также Законодательный совет, состоящий исключительно из европейцев, председателем которого был избран представитель Полинезийской компании на Фиджи Буттерс. Фиджийцы вошли лишь в «Личный совет» короля. Главой правительства стал бывший исполняющий обязанности британского консула на Фиджи Турстон.

Однако новое правительство с самого начала проявило весьма малую способность вершить государственные дела. Оно встретило сильную оппозицию как со стороны фиджийского населения, так и со стороны части европейских переселенцев. Последние даже организовали «Общество британских подданных».

Внутреннее положение на Фиджи крайне обострилось. 13 июня 1873 г. английская палата общин приняла резолюцию, требующую захвата островов и установления над ними протектората.

Австралийские колонии возобновляют настойчивые требования захвата островов. Так, 14 октября губернатор Нового Южного Уэльса Робинзон телеграфирует в Лондон, что Фиджи «находится на грани анархии, министры колонии, поддержанные ведущими предпринимателями, настаивают на аннексии и колонизации». К этим требованиям присоединилось и новозеландское правительство, которое сообщило, что, по его мнению, «положение дел на Фиджи настоятельно требует установления контроля правительством ее величества» [376, 164].

В этих условиях английское правительство начинает действовать более энергично. Оно посылает на Фиджи двух своих уполномоченных — Гуденафа и Лейярда — для выяснения обстановки. Правда, правительство Гладстона по-прежнему успокаивало внешний мир заявлениями, что оно

«далеко от желания расширять британскую территорию» [215, 97].

В феврале 1874 г. британские уполномоченные начали переговоры с Такомбау. 13 апреля они послали свой доклад правительству. В нем они предлагали захват островов. «Мы не видим,— писали уполномоченные,— другой перспективы для этих островов, если правительство ее величества отклонит предложение цессии, кроме как краха для английских плантаторов и разброда в местном правительстве. В качестве же коронной колонии Фиджи, как мы думаем, несомненно станет процветающей страной» [цит. по: 376, 166].

Пока доклад уполномоченных доставлялся в Лондон, в Англии произошла смена кабинетов. Но новое правительство Дизраэли поддержало выводы доклада.

Выступая в палате лордов, министр колоний лорд Карнарвон подробно остановился на значении островов Фиджи: «Посмотрите на расположение этих островов. Они находятся на пути всех кораблей, идущих между новым миром — Америкой и еще более новым миром — Австралией. Они обладают бесспорно прекрасными гаванями, и одна из них была бы желательной промежуточной станцией, снабжающей углем пароходы, плавающие между Америкой и Австралией».

Далее он проанализировал возможные решения судьбы островов. В отношении их передачи австралийским колониям Карнарвон высказался отрицательно.

«Мне представляется, что эти колонии в Австралии еще не достигли такого уровня развития, который позволил бы им взять на себя такую ответственность. Их собственная ноша так тяжела, и, хотя имеется с их стороны добрая воля и они обладают значительной частью политической компетенции, они еще не пришли к такому состоянию, когда могли бы взяться за управление делами молодой зависимой страны». Возможность предоставить Фиджи самим себе совершенно исключалась британским министром колоний. «Трудности настолько возросли, что гражданская война была предотвращена только вследствие присутствия одного из кораблей королевского флота. Там находится такое число английских поселенцев, английский капитал столь велик и английские интересы так сильно требуют мира на островах, что мы не можем убрать наши руки и сказать, что не хотим ничего делать с этими островами». Единственный выход — это передача Фиджи под власть Великобритании, причем без каких-либо условий или оговорок. «С точки зрения правительства ее величества, существует одно-единственное условие, при котором передача островов может быть принята. Это условие состоит в том, что во всех отношениях передача будет абсолютно безоговорочная и что мы получим полную свободу управления делами островов» [53, 182, 183, 185—186].

Губернатору Нового Южного Уэльса Робинзону было поручено окончательно договориться о передаче островов с Такомбау.

10 октября 1874 г. в Левика Робинзон и Такомбау подписали Акт цессии [57, 529].

В письме к королеве Виктории Такомбау писал, что «он полностью доверяет ей и ее детям, которые будут ее преемниками в качестве королей Фиджи, осуществлять бдительный контроль за благополучием его детей и народа, которые... под управлением ее величества подчиняют себя цивилизации» [215, 99].

Робинзон вернулся в Новый Южный Уэльс, куда с визитом выехали Такомбау и два его сына. Там они заразились корью. Не выздоровев окончательно, они вернулись в январе 1875 г. на Фиджи. Завезенная ими корь вызвала опустошительную эпидемию. За февраль — март 1875 г. на островах умерло 40 тыс. человек, или четверть всего населения.

Так зловеще началась эпоха угнетенного колониального существования фиджийцев. Австралийской буржуазии сразу же удалось опередить конкурентов и занять господствующие позиции в экономике Фиджи.

В последнее десятилетие XIX в. Англия распространила свою власть также и на острова Тонга и разделила господство над Новыми Гебридами с Францией. Соединенные Штаты захватили Гавайи и Гуам и поделили с Германией острова Самоа.

Таким образом, к началу XX в. колониальный раздел Океании был завершен.

Англия, которая так часто старалась подчеркнуть свою незаинтересованность в территориальных захватах в Тихом океане, стала и в этом районе земного шара обладательницей наиболее крупных по размерам и по численности населения островов.

Но Англия — классическая колониальная держава, и ее все новые захваты в Океании понятны: они вызывались логикой колониализма. Захватив Австралию и Новую Зеландию, а также территории на Американском материке, она должна была искать опорные базы, лежащие на морских путях к этим владениям.

А что же влекло в эти отдаленные и бедные места молодых, могущественных хищников капиталистического мира — Германию и США?

Идеологи германского колониализма выдвигали два основных положения в оправдание «необходимости» для германской империи приобретения колоний. Одно из них, выдвигавшееся вначале, указывало на необходимость вывоза из Германии избыточного населения, не находящего себе применения на родине. Другое, относящееся к более позднему време-

ни — периоду империализма, подчеркивало важность колоний в торгово-промышленном отношении, как источников сырьевых ресурсов и мест, где можно сбывать продукцию отечественных предприятий.

Что же показала практика? Со времени основания первых германских колоний и почти до конца XIX в. (к 1897 г.) из Германии эмигрировало 1250 тыс. человек. Во всех же имперских колониях в 1898 г. находилось всего около 3580 человек белого населения, в том числе 1778 — негерманского происхождения.

На Маршалловых островах некоренное население составляло в 1896 г. 119 человек, из них 80 взрослых мужчин, в том числе лишь 23 немца. На Земле Кайзера Вильгельма некоренное население составляло в это же время 198 человек, из них 157 немцев [68, 35, 29, 30].

К 1914 г. в тихоокеанских владениях Германии находилось лишь 1334 немца, в их числе чиновники колониальной администрации, купцы и солдаты. Вообще во всех германских колониях к началу первой мировой войны проживало всего около 24 тыс. человек, включая 6 тыс. солдат и чиновников колониальной администрации [292, 135].

Обладание тихоокеанскими колониями не оказало, по существу, никакого влияния на развитие экономики самой Германии (тем более островов, где немцы за все годы своего господства не создали никакой промышленности и не внесли ничего нового в сельскохозяйственное производство — основу экономики островитян).

Достаточно сказать, что если в 1911 г. общий объем германского импорта составлял 10,8 млрд. марок, то на тихоокеанские колонии приходилось 17 млн. марок, или 0,16%, по экспорту — соответственно 8,9 млрд. и 14 млн. марок, или менее 0,2%. В то же время немецкие налогоплательщики платили немалые суммы на покрытие расходов на «управление» этими отдаленными колониями.

В действительности тихоокеанские колонии нужны были германским империалистам главным образом для политических комбинаций, разжигания военного психоза, усиления милитаризации экономики Германии.

Германская милитаристская пропаганда сводилась к следующему. Германия, если хочет быть великой державой и играть ведущую роль в мировой политике, должна иметь колонии. Захват колоний и их удерживание связано с необходимостью иметь могущественную армию и флот, а потому не следует жалеть средств на развитие военной экономики.

Выражая интересы магнатов капитала, германское правительство ратовало за максимальное усиление милитаризации. Так, на заседании рейхстага 21 февраля 1898 г. во время дебатов по внесенному правительством законопроекту об увели-

чении флота военный министр фон Госслер заявил, что Наполеон погиб главным образом вследствие недостатка флота. В войне с Испанией он не мог блокировать берега, и англичане беспрепятственно ввозили материальную часть и людей. Имея флот, Наполеон, по мнению министра, легко бы покорил Испанию, да и войну с Россией, обладая флотом, он повел бы совершенно по другому плану.

Абсурдность подобных рассуждений совершенно очевидна. Наполеон прекрасно понимал значение флота. Но сколько он ни напрягал усилия, доведя страну до полного истощения, он не смог быть одинаково сильным на суше и на море. Но даже не в этом дело. Его планы были построены с самого начала на порочной основе — стремлении к мировой гегемонии. Человеческая история свидетельствует о том, что всем завоевателям, даже обладающим гениальными способностями, жизнь жестоко мстила за попытку захватить мировое господство.

Не избежали этого и германские милитаристы, тем более что и способности и возможности их были ограниченны.

Колониальная политика Германии являлась составной частью Weltpolitik, которая дважды на протяжении полувека приводила страну к тотальному разгрому, а немецкий народ— к неисчислимым потерям и жертвам.

Соединенные Штаты тихоокеанские острова привлекали главным образом своим географическим положением, весьма важным в стратегических планах американской буржуазии. В конце прошлого века государственный секретарь США Джон Хей как-то сказал, что «Средиземное море — это океан прошлого, Атлантика — океан настоящего, Тихий океан — океан будущего» [289, VII].

Еще за несколько лет до первой мировой войны, в 1911 г., известный американский военно-морской теоретик адмирал Мэхэн развивал планы превращения острова Гуам в «Гибралтар Тихого океана» [397, 34]. «Те, кто знакомы с положением,— писал в 1914 г. губернатор Гуама А. Хинде,— знают, что мы не сможем удержать Филиппины, не имея там большого количества сил, содержание которых потребует весьма значительных расходов. Поэтому предлагается, чтобы мы сражались в Гуаме, что будет значительно дешевле. Эта политика получила одобрение военных и морских колледжей, генерального штаба, армейского и морского объединенного штаба, морского министра и президента» [397, 40].

На стратегическое значение тихоокеанских островов как «важнейшую причину их аннексии» указывает и современный американский ученый Д. Оливер [388, 232].

С десятилетиями стратегическая ценность для США тихоокеанских островов не только не уменьшилась, а, напротив того, постоянно росла.

Политика Австралии, так же как и другой британской «белой колонии» — Новой Зеландии, характеризовалась «колониальным джингоизмом» [18, 511]. Для него характерны, как отмечал В. И. Ленин в «Тетрадях по империализму», «Два течения империализма (оба вполне примиримы): 1) великодержавный империализм (участие в империализме Великобритании), 2) „**локальный империализм**" — своя обособленность... замкнутость» [18, 511].

ПУТЬ К ФЕДЕРАЦИИ

Практическое объединение британских колоний в Австралии на федеративной основе совершалось в последние 10 лет XIX в., но идея Австралийского Союза начала распространяться еще на рубеже второй половины прошлого столетия. Мысль о необходимости объединения высказывалась и в Англии и в самих колониях. В конце 40-х годов британский министр колоний Дж. Грей неоднократно, в различной связи, высказывался о целесообразности организации центральной власти, осуществлявшей бы управление всем огромным материком. В 1850 г. он направляет на рассмотрение парламента соответствующий законопроект.

В Австралии У. Уэнтворт и Д. Лэнг развивали идеи слияния колоний в единую нацию. Под влиянием У. Уэнтворта специальный комитет Законодательного совета Нового Южного Уэльса, учрежденный в 1853 г. для разработки конституции, включил в свои рекомендации предложение о создании общеколониального законодательного органа. Аналогичные предложения были сформулированы и соответствующим комитетом законодательного органа Виктории.

Как мы уже отмечали выше, губернатор Нового Южного Уэльса в 50-х годах получил титул генерал-губернатора и формально с этого времени является главой британской колониальной администрации в Австралии. Но центробежные тенденции в жизни колоний в тот период были настолько велики, что практически ни о каком вмешательстве губернатора Нового Южного Уэльса в дела других колоний не могло быть и речи. Не наблюдалось единства колоний и в решении каких-либо конкретных вопросов. Так, Новый Южный Уэльс, Виктория и Южная Австралия заключили между собой торговый договор сроком на три года. Но он был расторгнут почти сразу же после его подписания.

В первые десятилетия XIX в. господствующей идеей в колониях был ярко выраженный сепаратизм. Это объяснялось в первую очередь уровнем их экономического развития. Расположенные на громадном континенте, географически разобщенные, с весьма малым числом населения, сконцентрированного в немногих центрах, отделенных друг от друга сотнями

километров, британские колонии в Австралии развивались, по существу, самостоятельно, постоянно испытывая взаимное недоверие, озабоченность, недоброжелательство, переросшие в подлинную вражду. Складывавшаяся в колониях буржуазия была полностью сосредоточена на решении своих собственных, локальных финансовых и производственных задач. Интересы буржуазии различных колоний были часто прямо противоположны. Так если буржуазия Нового Южного Уэльса отстаивала принцип фритредерства, то буржуазия Виктории твердо стояла на позициях протекционизма.

Пребывание Виктории, так же как Южной Австралии и Тасмании, в течение длительного времени в составе колонии Новый Южный Уэльс не только не привело к их сплочению и возникновению общих интересов, но, напротив, обострило сепаратистские тенденции, нашедшие свое выражение в движении за выход из-под власти сиднейской администрации и достижение полного самоуправления.

Острая напряженность отношений проявлялась в самых различных, подчас смехотворных формах, когда, например, Виктория пыталась «унизить» Новый Южный Уэльс, подчеркивая «благородство» своего происхождения фактом «свободнорожденности» в отличие от каторжного прошлого «Колонии бесчестия».

Когда началось строительство железных дорог, Новый Южный Уэльс и Виктория строили вопреки очевидной экономической целесообразности колеи разной ширины. А ведь именно эти две колонии были и географически и экономически очень тесно связаны. Что же говорить о Тасмании или Западной Австралии, главные центры которых отстояли от Сиднея на тысячи километров нелегкого по тогдашним временам пути! Колонии эти испытывали подлинный страх при мысли о возможности объединения с могущественными в сравнении с ними восточноавстралийскими колониями.

Если у колоний отсутствовал внутриэкономический стимул к объединению, то и внешнеполитическое положение не подталкивало их к консолидации. Военное могущество Британской империи тогда было настолько велико, что ни у одной из западных держав не возникло серьезного желания захватить легкоуязвимые с военной точки зрения ее австралийские владения.

Что же касается азиатских стран, относительно близких соседей Австралии, то в условиях колониальной системы они согласно буржуазному праву юридически не были субъектами международно-правовых отношений, распространявшихся лишь на «цивилизованные страны и народы». До поры до времени австралийская буржуазия могла позволить себе попросту не брать их в расчет.

Но с начала 80-х годов отношение колоний к проблеме

федерализма начало существенно меняться. Логика их экономического развития настойчиво требовала поисков путей к объединению. Стремительное увеличение поголовья овец и крупного рогатого скота, расширение посевных площадей требовали использования земельных ресурсов всего континента. Росли масштабы добычи золота, особенно в Виктории и Западной Австралии, и возникала необходимость использования рабочей силы из других колоний. Быстро развивавшиеся средства транспорта и связи уничтожали обособленность, замкнутость, вели к усилению общения населения колоний.

Сопряженный с экономическим развитием процесс классовой дифференциации общества сплачивал на одном полюсе всю австралийскую буржуазию, а на другом — весь австралийский рабочий класс, ломая границы отдельных колоний. Это, однако, совершенно не означало, что среди различных категорий буржуазии и рабочего класса не было внутренних противоречий, различия интересов и борьбы мнений. Весьма сильное положение в Австралии занимали скотоводы. Ко времени «золотой лихорадки» крупнейшие скотовладельцы представляли собой господствующую группу, пытаясь играть роль элиты австралийского общества. Поэтому эта группа выступала за ограничение власти колониальной администрации, за самоуправление колоний, при котором доминирующие позиции сохранялись бы за владельцами гигантских скотоводческих хозяйств.

«Для обеспечения своих интересов,— отмечал Э. Кемпбелл,— скотоводы создали политическую партию, целью которой была защита права частной собственности. Возглавлял партию аристократический политик либерального толка — Уэнтворт». Партия пыталась бороться с явлениями, связанными с «золотой лихорадкой», появлением новых источников обогащения, угрожавших решающему значению шерсти в экономике и привилегированному положению скотоводов в австралийском обществе. Назревало столкновение интересов скотоводов с группировками развивающейся промышленной буржуазии и растущим городским и сельским пролетариатом.

Рабочее движение развивалось во второй половине XIX в. под знаком объединения пролетариата всех колоний. Мы выше уже говорили о том, что создавшиеся в то время профсоюзы выходили за границы отдельных колоний. В то же время буржуазия для борьбы с рабочим движением должна была объединяться в общеконтинентальные союзы.

Изменились и внешнеполитические обстоятельства. Складывались ситуации, способствовавшие усилению в колониях центростремительных тенденций. В предыдущем параграфе мы отмечали обострение во второй половине XIX в., особенно в последнем тридцатилетии, борьбы европейских держав и

США в процессе колониального раздела Океании. Буржуазия австралийских колоний хотела играть в этом разделе активную роль. Но экспансионистские круги австралийской буржуазии быстро убедились в том, что полагаться только на Великобританию в этом случае нельзя. Англия вела сложную, многогранную мировую политику, в которой Тихий океан был лишь одним из составляющих направлений. Буржуазия австралийских колоний, раздраженная медлительностью действий британского правительства, не могла сдержать нетерпения и жажды колониальных приобретений, рассчитывая на экономические выгоды, связанные с разделом Океании. Так было в фиджийском и новогвинейском вопросах.

Страх, вызываемый ширящейся аннексией великих держав в Тихом океане, и одновременное стремление утвердить себя на тихоокеанской сцене заставляли буржуазию австралийских колоний все большее внимание уделять военным проблемам. К тому же Англия все упорнее пыталась переложить бремя расходов по защите далекой «белой колонии» на нее самое.

В 1870 г. Великобритания полностью вывела свои войска из австралийских колоний. Вместо них были созданы местные военные формирования на милицейской основе.

В 1887 г. на созванной в Лондоне первой общеколониальной конференции военный вопрос был одним из основных. На конференции было достигнуто соглашение о создании специальной военно-морской эскадры для защиты Австралии и Новой Зеландии. Корабли этой эскадры строились за счет австралийских колоний. Шесть австралийских колоний и Новая Зеландия согласились передавать британскому правительству на эти цели ежегодно 126 тыс. ф. ст.

Эскадра должна была постоянно находиться в водах Австралии и Новой Зеландии, но подчиняться имперскому командованию как составная часть британского флота. Колонии брали на себя расходы и по обороне на суше. Для составления общего стратегического плана в Австралию был направлен британским правительством генерал Б. Эдвардс.

Был и еще один специфически австралийский пункт, способствовавший нагнетанию федералистских настроений в колониях— это движение за «Белую Австралию».

Нам приходилось уже упоминать, что открытие золотоносных месторождений сначала в Новом Южном Уэльсе и Виктории, а затем в Квинсленде и Западной Австралии вызвало мощный поток азиатских (главным образом китайских) иммигрантов в Австралию. Дешевых рабочих рук требовало и развернувшееся в последней трети XIX в. железнодорожное строительство и созданные в Квинсленде плантации сахарного тростника. В Австралии постепенно образовалась заметная прослойка китайских рабочих, к которым в дальнейшем

добавились японцы, малайцы и коренные жители тихоокеанских островов.

Австралийские предприниматели, делавшие бизнес в золотодобывающей промышленности, скоро разочаровались в возможностях использования китайской рабочей силы. Большинство прибывавших на континент китайцев направлялись в рудники не как свободные искатели приключений и ловцы удачи, а как служащие соответствующих китайских компаний. Добывавшееся ими золото утекало из Австралии в Китай. Так, в период между июлем 1856 и июнем 1857 г. в Кантон было вывезено 116,9 тыс. унций золота на сумму свыше 500 тыс. ф. ст. [189, 446]. С другой стороны, некоторые группы австралийской буржуазии, занимавшиеся железнодорожным строительством, добычей угля, пароходными сообщениями и т. д., были весьма заинтересованы в использовании китайцев на своих предприятиях. Так, например, в 1878 г. «Оустрелиэн Стим Навигейшн Компани» начала укомплектовывать судовые команды китайскими матросами. При этом им платили 2 ф. 15 шилл., в то время как заработная плата белых матросов составляла в то время 8 ф. ст. Значительное число азиатских рабочих использовалось в Северной территории, где климатические условия были особенно тяжелыми. Понятно поэтому, что отношение к использованию рабочей силы из азиатских стран в различных австралийских колониях было далеко не одинаковым и даже в масштабах одной и той же колонии претерпевало значительные изменения по мере ее экономического развития.

Например, когда Виктория начала вводить строгие ограничительные меры в отношении китайских иммигрантов, последние продолжали появляться в золотоносных районах колонии, проникая туда через Южную Австралию, где таких ограничений еще не существовало. В течение, например, одного только 1857 года в Викторию через Южную Австралию прибыло около 15 тыс. человек. Когда же после 1857 г. Южная Австралия ввела в действие ограничительные законы, подобные действующим в Виктории, китайские иммигранты начали оседать в Новом Южном Уэльсе, где к началу 60-х годов их насчитывалось уже 21 тыс. человек, т. е. на каждые 16 жителей колонии приходился один китаец. В сентябре 1861 г. в Новом Южном Уэльсе также были введены сильные ограничения в отношении китайских иммигрантов, и в 1863 г., например, в колонию иммигрировало лишь 63 китайца. Но начавшаяся в Квинсленде и Западной Австралии «золотая лихорадка» привлекла поток китайских иммигрантов в эти колонии.

Во второй половине 70-х годов в Квинсленде, например, китайские иммигранты составляли 10% белого населения колонии. В 1877 г. строгие ограничения в отношении китайских

иммигрантов были введены и в Квинсленде. Это привело к тому, что в течение последующих десяти лет в колонию прибыло из Китая лишь 500 человек.

В конце 1880 г. по инициативе правительства Нового Южного Уэльса была созвана общеавстралийская конференция по вопросу об отношении к азиатским иммигрантам. Все колонии, кроме Западной Австралии, высказались за необходимость ввода общих жестких ограничительных мер.

Но китайские иммигранты продолжали прибывать на континент через Западную Австралию и Северную территорию. Наконец в начале второй половины 80-х годов и там были введены ограничительные законы. Общая численность китайских иммигрантов в Австралии сократилась с 50 тыс. в 1888 г. до 32 тыс. в 1901 г.

Следует подчеркнуть, что все политические группировки в австралийских колониях поддерживали движение за «Белую Австралию». Профсоюзы и лейбористские партии, как мы уже отмечали, рассматривали это движение в качестве одной из главных своих политических акций.

Однако постепенно достигнутое относительное единство австралийских колоний в вопросе об азиатских иммигрантах обострило их отношения с Великобританией. В своих собственных интересах Англия заключила в тот период договоры о дружбе и торговле с Китаем и Японией, в силу которых формально не допускалась какая-либо дискриминация в отношении подданных этих стран на территориях, входящих в состав Британской империи.

Грубо прямолинейные действия властей австралийских колоний мешали игре британского правительства и вызывали поэтому его недовольство.

Британское правительство сначала просто отказалось санкционировать вводимые в австралийских колониях законы, ограничивавшие въезд азиатских иммигрантов. Лишь в 1880 г. оно согласилось отнести иммиграционные вопросы к компетенции правительств австралийских колоний.

Но когда в мае 1887 г. китайское правительство послало своих уполномоченных в Австралию для ознакомления с положением там китайских иммигрантов и после этого через своего посла в Лондоне направило британскому правительству ноту протеста, отмечавшую, что введенные в Австралии иммиграционные ограничения противоречат нормам международного права и нарушают англо-китайский договор, британский министр колоний лорд Натсфорд обратил внимание правительств австралийских колоний на необходимость действовать по крайней мере более тактично. Он предложил ввести ограничения иммиграции из всех иностранных государств; в ограничениях должен быть пункт о возможности временной приостановки или прекращения их действия.

Правительства колоний отказались выполнить эти рекомендации, заявляя, что никаких ограничений в отношении европейских иммигрантов они вводить не будут, а, напротив, намерены всячески поощрять их приезд на континент.

В июне 1888 г. состоялась вторая общеавстралийская конференция, посвященная вопросу о китайских иммигрантах. Конференция подтвердила единство точек зрения правительств австралийских колоний на необходимость жесткой системы ограничений въезда китайцев в Австралию. Спустя восемь лет, в марте 1896 г., была проведена третья конференция по аналогичному вопросу, где главное внимание было обращено на усиление японской иммиграции в Австралию в связи с англо-японским торговым договором 1894 г. Дело в том, что этот договор предусматривал предоставление подданным обоих государств права пребывания, ведения торговых операций, приобретения земельных участков на территориях, подвластных этим государствам. Послав 31 декабря 1894 г. правительствам австралийских колоний копии договора, британский министр колоний лорд Рипон одновременно сообщал, что если колонии пожелают, то могут прислать свои ноты о присоединении к договору от 25 августа 1896 г. [468, 6]. И опять правительства колоний вопреки настойчивым рекомендациям британского правительства заняли непримиримо отрицательную позицию, отказавшись присоединиться к англо-японскому договору 1894 г. Более того, они приняли новые законы об ограничении иммиграции из стран Азии.

В силу указанных причин и некоторых других обстоятельств с самого начала 80-х годов предпринимаются попытки создать общеавстралийские органы, целью которых являлось бы постепенное сплачивание колоний. В конце 1880 г. премьер Нового Южного Уэльса Генри Паркс предложил создать федеральный совет, который занимался бы делами, имевшими общий для всех колоний интерес, и в то же время содействовал бы распространению идей федерализма среди населения колоний.

В меморандуме, разосланном в январе 1881 г. правительством колоний, Г. Паркс предлагал в связи с этим подвергнуть широкому обсуждению следующий круг вопросов: «1. Что пришло время создания федеральной конституции и австралийского федерального парламента. 2. Что пришло время, когда дела, относящиеся ко всем колониям, могут решаться более эффективно федеральной властью, чем колониями самостоятельно. 3. Что организация, которая заставляла бы людей думать в направлении создания федерации и укрепляла бы в общественном мнении идеи федерации, служила бы лучшим инструментом образования федерального правительства» [70, 451]. Тогда высказанные Парксом идеи не получили практического осуществления.

На созванной в Сиднее в конце 1883 г. общеавстралийской конференции вновь был рассмотрен вопрос о создании федерального совета. В одобренном конференцией законопроекте указывалось, что совет должен быть законодательным органом, к компетенции которого следует отнести такие вопросы, как отношения Австралии с тихоокеанскими островами, недопущение доставки в Австралию уголовных преступников и др. Законы, принятые федеральным советом, должны быть обязательны для тех колоний, которые предварительно рассмотрели и одобрили их проекты. Сам совет мог начать свою деятельность после того, как не менее четырех колоний дадут на это свое согласие.

Принятый конференцией законопроект о создании федерального совета был утвержден британским парламентом в 1885 г. Виктория, Тасмания, Квинсленд, Западная Австралия согласились принять участие в работе совета.

Согласно Акту 1885 г. правительства этих колоний назначали по два представителя в состав федерального совета. Совет должен был собираться раз в два года. Местом пребывания Совета была избрана столица Тасмании г. Хобарт. К компетенции совета формально были отнесены следующие дела: 1) отношения Австралии с тихоокеанскими островами; 2) недопущение транспортировки заключенных в Австралию; 3) рыболовство в пределах австралийских территориальных вод; 4) судебное преследование и обеспечение исполнения судебных приговоров за пределами отдельных колоний. С согласия двух или более колоний к компетенции совета могли быть отнесены также вопросы обороны, введения карантинов, патентного права, авторского права, натурализации, брачно-семейного права и др. [70, 457—461].

Новый Южный Уэльс отказался послать своих представителей в совет на том основании, что считал его лишенным реальных прав и потому неэффективным. «Я считаю, — заявил премьер Нового Южного Уэльса Г. Паркс,—что все это дело построено на негодной основе. Нельзя какому-либо учреждению, конституционно более слабому, чем парламенты колоний, пытаться вводить законы вопреки сильной воле общественности какой-либо из них... Федеральный совет должен обладать высшей властью, которая была бы обязательной для населения нескольких колоний. Но он сможет ее получить лишь после того, как будет избран представителями всего народа» [цит. по: 464, 163]. Автор одной из статей опубликованных в 1885 г. в журнале «Макмилланс Мэгэзин», так охарактеризовал федеральный совет: «Он во всех отношениях слабее правительств колоний. Он не может выносить каких-либо постановлений как орган исполнительной власти; он не имеет права санкционировать введение налогов. Он не может получить и пенни на федеральные расходы; он не обла-

дает никакими правами, которые позволяли бы ему решать конфликты, возникающие между федеральной и местной властью. Таким образом, это правительство без ответственности, без власти и без средств...» [цит. по: 464, 163]. Действительно, деятельность федерального совета, существовавшего до 1899 г., практически не ощущалась в Австралии.

Спустя четыре года после создания федерального совета, 9 июля 1889 г., Г. Паркс обратился к премьер-министру Виктории Д. Гиллису с конфиденциальным письмом, в котором вновь ставил вопрос о необходимости создания «федерального парламента и правительства, наделенных всеми правами по типу доминиона Канады». В ответном письме от 12 августа Д. Гиллис писал, что считает это предложение одновременно и химерическим и ненужным. Химерическим потому, что он «не видит реальной перспективы его осуществления», и ненужным потому, что «федеральный совет уже обладает необходимым механизмом для выполнения таких действий». В своем контрпредложении Д. Гиллис указывал на целесообразность участия Нового Южного Уэльса в работе федерального совета, что придаст последнему «более представительный характер и может привести к наделению его законодательными органами колоний специальной компетенцией в области разработки предложений для расширения федерации» [465, 2].

9 октября 1889 г. в Австралии был опубликован доклад упоминавшегося нами генерала Б. Эдвардса, направленного британским правительством в Австралию для разработки предложений по организации ее обороны. В этом докладе Б. Эдвардс указывал на необходимость создания объединенных вооруженных сил всех австралийских колоний, подчиненных единому командованию; предлагалось начать строительство стратегических дорог и опорных пунктов в различных частях континента. Все это невозможно было осуществить без создания в Австралии централизованной власти.

«Объединенные действия в обороне более экономичны и эффективны, — писал в своем докладе генерал Эдвардс, — чем нынешняя система чисто локальной обороны... Железные дороги являются сейчас таким важным фактором в войне, что никакая объединенная операция, проводимая в широких масштабах, без них невозможна. Разница в колеях железных дорог, существующая в колониях, будет роковым образом отражаться на быстроте маневрирования; разница в ширине колеи практически помешает Виктории и Южной Австралии прийти на помощь Новому Южному Уэльсу и Квинсленду и по тем же причинам не даст возможности двум последним колониям оказать эффективную помощь Виктории и Южной Австралии... Никакой общей обороны Австралии не может быть создано до тех пор, пока отдаленные ее части не будут

соединены с более населенными колониями на юге и востоке континента... Общая система обороны может быть осуществлена только при объединении вооруженных сил колоний... Офицер в ранге генерал-лейтенанта должен быть назначен для инспектирования вооруженных сил в мирное время и командования ими во время войны» [70, 464—466].

Воспользовавшись докладом генерала Эдвардса, Г. Паркс послал 15 октября премьерам всех австралийских колоний телеграммы, в которых приглашал их на конференцию для обсуждения предложений Б. Эдвардса.

От имени всех премьер-министров ответил Д. Гиллис. Ответ его был отрицательным. Д. Гиллис указывал на нецелесообразность создания нового общеавстралийского органа, когда существует федеральный совет, да еще с компетенцией, ограниченной именно вопросами обороны. Он опять обращал внимание на необходимость участия Нового Южного Уэльса в работе федерального совета и не без сарказма отмечал, что если Паркс так заинтересован в развитии австралийского федерализма, то он должен был бы способствовать присоединению колонии к федеральному совету, ибо нынешняя позиция Нового Южного Уэльса ведет к разделению Австралии вместо ее объединения.

Через несколько дней после получения ответа от Д. Гиллиса Г. Паркс предпринял секретную поездку в Брисбен, где провел переговоры с премьер-министром Квинсленда Б. Марухедом и лидером оппозиции С. Гриффитом. И в этом случае Паркс не добился положительных результатов. Он не получил поддержки в Квинсленде.

На обратном пути, 24 октября, Паркс выступил с большой политической речью в городе Тентерфильде, стоящем на границе Нового Южного Уэльса и Квинсленда. В своей речи Г. Паркс вновь выдвинул предложение о создании центрального парламента, законодательная власть которого распространилась бы на всю Австралию. И в этой своей речи и в выступлении на заседании Законодательного совета Нового Южного Уэльса по возвращении из поездки Г. Паркс говорил о слабости федерального совета, который некоторые «колониальные деятели» рассматривают в качестве уже действующего общеавстралийского органа. «Они, должно быть, слышали о федеральном совете, — иронизировал Г. Паркс, — в котором Новый Южный Уэльс до сих пор не принимает участия и который сидит в Тасмании и проводит сессии, никогда не привлекавшие ничьего интереса» [465, 5]. «Этот федеральный совет, — продолжал Паркс, — не является избираемым органом, а органом, назначаемым правительствами отдельных колоний. Поэтому он неизбежно слаб... Он может предлагать, но не может исполнять». Следовательно, важнейший вопрос, требующий немедленного решения, заключается в том, «на-

стало ли время для создания на Австралийском континенте австралийского парламента отдельно от местных парламентов и австралийского правительства отдельно от местных правительств... Это означает самостоятельную исполнительную и самостоятельную парламентскую власть; правительство для всей Австралии... Австралия имеет сейчас население три с половиной миллиона, а американский народ насчитывал только три или четыре миллиона, когда образовал великое содружество — Соединенные Штаты. Численность населения была почти такой же. Но нельзя ли то, чего американцы добились ценой гражданской войны, „получить мирным путем?". Дело должно быть сделано, — заключил Г. Паркс, — и откладывать его — значит увеличивать трудности, стоящие на его пути» [465, 6—8].

Еще до конца октября энергично действовавший Г. Паркс разослал письма одинакового содержания всем премьер-министрам австралийских колоний. Подчеркивая опять крайнюю слабость федерального совета, он выдвигал предложения о создании федеративных органов по типу канадских и американских и предлагал созвать специальную конференцию по этому вопросу. «Схема федеративного правительства, — писал Паркс, — должна неизбежно быть близка к типу правительства доминиона Канады. Она должна предусматривать назначение генерал-губернатора и создание австралийского тайного совета, парламента, состоявшего из сената и палаты общин. При разработке конституции, несомненно, должен быть использован богатый источник политических знаний, заключенный в истории создания конституции Соединенных Штатов, так же как и наиболее важные материалы по сходным предметам, накопленные после этого» [465, 10—13].

Премьер-министры австралийских колоний, получив это письмо, не торопились с ответом. Тогда Г. Паркс направил им 4 ноября новое послание, где еще более конкретизировал свои предложения. Он предлагал парламентам всех австралийских колоний рассмотреть разработанный им проект резолюции о создании федеральной конституции. В проекте резолюции констатировалось, что парламент колонии считает целесообразным и желательным провести конференцию австралийских колоний, целью которой было бы следующее: 1) подготовка законопроекта о федерации колоний, предусматривавшего назначение генерал-губернатора и создание тайного совета, верховного суда, федерального парламента, состоящего из сената и палаты общин; 2) определение функций и прав федеративных органов; 3) установление взаимоотношений между федеральными и местными органами; 4) принятие обращения к британской королеве с просьбой представить разработанный конференцией законопроект о создании федера-

ции австралийских колоний на рассмотрение британского парламента.

На этот раз Г. Паркс получил ответы от правительств австралийских колоний. Но они были неутешительными и свидетельствовали о значительности еще в колониях центробежных сил.

Премьер-министр Виктории Гиллис возражал против проведения конференции представителей парламентов колоний по выработке федеральной конституции, считая нецелесообразным создание федеральной армии, и вновь призывал Новый Южный Уэльс к участию в федеральном совете.

Единственной сделанной им уступкой было предложение о встрече представителей Нового Южного Уэльса с представителями федерального совета для «обсуждения и, если это будет необходимым, разработки соответствующей схемы федерального правительства» [465, 21]. Ответы премьер-министра Квинсленда Маурхэда, премьер-министра Тасмании Фиша, премьер-министра Южной Австралии Кокберна и колониального секретаря Западной Австралии Фрэзера, по существу, были такими же. Так, М. Фрэзер телеграфировал Г. Парксу о своем согласии на сотрудничество в рассмотрении вопроса о федерации и выражал надежду, что Паркс примет тот образ действий, который предлагает правительство Виктории [465, 23].

Казалось, что и эта попытка Г. Паркса кончилась полной неудачей. «Сидней Морнинг Геральд» в номере от 7 ноября 1889 г. писала: «Это невероятно, чтобы конференция, предлагаемая сэром Генри Парксом, состоялась» [465, 23].

Однако потребности экономического и политического развития австралийских колоний все настойчивее требовали их объединения и создания централизованной власти. Движение за федерацию находило поддержку британского правительства, надеявшегося таким образом и укрепить свое отдаленнейшее владение и возложить на него заботы о внутреннем развитии и собственной обороне. Поэтому в поддержку идеи создания федерации выступили в конце 1889 г. губернаторы австралийских колоний, наибольшую активность среди которых проявил губернатор Нового Южного Уэльса лорд Кэррингтон (позднее получивший титул маркиза Линкольншира).

Их энергичное вмешательство привело к тому, что премьер-министры колоний согласились на созыв предлагаемой Г. Парксом конференции. Она открылась в Мельбурне 6 февраля 1890 г.

Ход работы конференции показал, что, согласившись на ее проведение, правительства колоний отнюдь не сняли свои прежние возражения в вопросе о создании федерации. На конференции довольно четко определились три направления. Первое направление составляли такие участники конферен-

ции, как Паркс (Новый Южный Уэльс) и Макроссен (Квинсленд) — сторонники сильной федеральной власти; «федералисты любой ценой», как их называли позднее. Второе — такие участники конференции, как Плейфорд (Южная Австралия) и Кларк (Тасмания), настаивавшие на сохранении у колоний широких прав при объединении их в федерацию. Третье — промежуточное между двумя крайними направлениями. Его выражал, в частности, Гриффит, являвшийся тогда лидером оппозиции в парламенте Квинсленда.

После оживленных дебатов удалось все-таки достичь соглашения, которое было сформулировано в решении о необходимости создать общеавстралийские законодательные и исполнительные органы власти. Конференция обратилась также ко всем парламентам колоний с предложением выделить представителей на австралийскую национальную конференцию, созываемую для выработки проекта федеральной конституции [70, 479—480].

Национальная конференция начала работу в Сиднее 2 марта 1891 г. Председателем ее был избран Г. Паркс. На заседаниях конференции вновь выявились расхождения во взглядах представителей колоний на будущую федерацию. Принятый конференцией проект конституции имел компромиссный характер.

По предложению Г. Паркса и А. Дикина новое федеральное государство получало название Австралийский Союз. Федеральный парламент организовывался на двухпалатной основе: сенат и палата представителей. Сенат должен был состоять из равного числа представителей штатов, избиравшихся парламентами штатов. Члены палаты представителей выбирались на основе всеобщего избирательного права. Парламент наделялся правом избрания федерального Верховного суда. К компетенции федерального парламента были отнесены без особых споров вопросы обороны. Финансовые же вопросы, контроль за таможенными тарифами, налогообложением, торговлей между штатами были отнесены к компетенции федеральной власти в формулировках весьма сложных и противоречивых [70, 481—483].

Принятый конференцией проект конституции должен был получить одобрение парламентов колоний и лишь после этого мог быть передан на рассмотрение британского парламента.

Парламенты Виктории и Южной Австралии одобрили проект конституции, а парламент Нового Южного Уэльса не поддержал его.

Парламент Квинсленда присоединился к позиции парламента Нового Южного Уэльса, а парламент Тасмании отложил рассмотрение проекта до тех пор, пока Новый Южный Уэльс не примет по поводу проекта конституции окончательного решения. Западная Австралия, которая лишь год назад

получила права самоуправления, не была заинтересована в форсировании создания федерации и не поддержала проект федеральной конституции.

Экономическая депрессия, обострение классовой борьбы в начале 90-х годов несколько ослабили движение за образование федерации. Но во второй половине 90-х годов оно получило дальнейшее развитие.

На конференции премьер-министров австралийских колоний, состоявшейся в Хобарте в феврале 1895 г., после довольно острых дебатов было принято решение о созыве новой конференции по выработке федеральной конституции, участники которой не назначались парламентами колоний, а избирались путем всеобщих выборов. Проект конституции, подготовленный конференцией, предполагалось передать на всенародное обсуждение, и в случае его одобрения населением не менее трех колоний он передавался на утверждение британского правительства [70, 501—502]. Решение конференции премьер-министров получило поддержку парламентов всех австралийских колоний, кроме Квинсленда.

Затем последовали выборы представителей колоний на конференцию по выработке федеральной конституции (в четырех колониях они были выбраны всеобщим голосованием, как предусматривалось в решении Хобартской конференции 1895 г., Квинсленд вообще не проводил выборов, а представители Западной Австралии были избраны ее парламентом).

22 марта 1897 г. в Аделаиде первая сессия конференции начала свою работу. Подготовленный ею проект конституции был передан на рассмотрение парламентов колоний, а затем возвращен на новое обсуждение второй сессии конференции, которая проходила в Сиднее в сентябре того же года. Не достигнув согласованных решений, сессия прервала свою работу. Работа конференции возобновилась лишь 20 января 1898 г. в Мельбурне и продолжалась до 12 марта. В июне 1898 г. в Новом Южном Уэльсе, Виктории, Тасмании и Южной Австралии был проведен референдум по поводу проекта федеральной конституции. Квинсленд по-прежнему стоял в стороне от этого движения, а в Западной Австралии проведение референдума было отложено на год.

В результате референдума в Виктории, Тасмании и Южной Австралии проект федеральной конституции получил поддержку подавляющего большинства населения. В Виктории 100 520 человек из 122 619 голосовавших высказались за проект конституции, в Южной Австралии и Тасмании — соответственно 35 803 из 53 123 и 11 706 из 14 422 [238, 427]. В Новом Южном Уэльсе обстановка сложилась иначе. Парламент колонии принял решение о том, что проект конституции будет считаться одобренным, если в процессе референдума он получит поддержку не менее 80 тыс. голосовавших. Когда же

стали известны результаты голосования, проведенного 18 июня 1898 г., то оказалось, что за проект конституции было подано 71 595 голосов, против — 66 228. Представителям колоний пришлось вновь обсуждать проект конституции, вносить поправки, делавшие его приемлемым для Нового Южного Уэльса. Наибольшие споры вызывали вопросы о компетенции федеральных органов власти, бюджетно-финансовые вопросы, тарифная политика, порядок внесения изменений в конституцию.

В 1899 г. был проведен новый референдум, результатом которого явилось одобрение проекта федеральной конституции пятью колониями: Викторией, Новым Южным Уэльсом, Южной Австралией, Тасманией и Квинслендом. Не высказалась по поводу проекта лишь Западная Австралия. Результаты последнего референдума были следующие [238, 432]:

Колония	За проект конституции	Против проекта конституции
Новый Южный Уэльс	107 420	82 741
Виктория	152 635	9 804
Квинсленд	35 181	28 965
Южная Австралия	65 990	17 053
Тасмания	13 437	791
Всего голосов	374 663	139 354

В Англию была направлена делегация представителей австралийских колоний, которая должна была представить проект федеральной конституции на утверждение британского парламента. В ее состав вошли: Э. Бартон (Новый Южный Уэльс), А. Дикин (Виктория), Д. Диксон (Квинсленд), Ч. Кингстон (Южная Австралия) и Ф. Фиш (Тасмания). Западная Австралия послала в Лондон своего представителя С. Паркера, которому было поручено добиваться изменения статьи 95 проекта конституции, в которой предусматривалось право Западной Австралии сохранять существующий тариф на товары, импортируемые из других колоний, лишь в течение одного года после образования Австралийского Союза. В течение следующих четырех лет она должна постепенно сокращать его размер (каждый год на 20%) с тем, чтобы к концу пятого года совсем его отменить. Западная Австралия настаивала на сохранении тарифа полностью в течение первых пяти лет существования федерации.

Однако когда в Западной Австралии убедились в отрицательном отношении остальных колоний к этому требованию, британскому правительству был направлен меморандум от 30 марта 1900 г. [70, 526—527] о том, что парламент Западной Австралии будет немедленно созван для принятия акта об одобрении проекта федеральной конституции. Ровно за три дня до начала рассмотрения проекта федеральной кон-

ституции британским парламентом он был одобрен парламентом Западной Австралии, стремившейся оказаться в числе членов учредителей Австралийского Союза. Проведенный в Западной Австралии в конце июля 1900 г. референдум по поводу проекта федеральной конституции дал следующие результаты: из 64 491 голосовавших «за» высказалось 44 800, «против» — 19 691 человек [70, 517].

Надо сказать, что привезенный в Лондон австралийской делегацией проект конституции встретил серьезные возражения у британского министра колоний Джозефа Чемберлена. Этому стражу интересов Британской империи не понравилась слишком большая, по его мнению, самостоятельность Австралии, предусматривавшаяся проектом конституции. Он внес пять поправок, одна из которых предусматривала сохранение за Великобританией права контроля над законодательной деятельностью федерации и отдельных ее штатов. В результате переговоров была найдена компромиссная формула, после чего проект конституции был передан на рассмотрение британского парламента и получил его одобрение. Королевским указом в июне 1900 г. закон о федеральной конституции Австралии был введен в действие. В конце года было образовано австралийское правительство. Создание же Австралийского Союза было официально провозглашено 1 января 1901 г. В мае того же года в Мельбурне герцог Йоркский от имени британской королевы открыл первую сессию парламента. «Акт о конституции Австралийского Союза», принятый британским парламентом, определял структуру и функции государственного механизма новой федерации.

К компетенции федеральной власти были отнесены вопросы, касающиеся внешних отношений, торговли с иностранными государствами, налогообложения, почтово-телеграфной и телефонной связи, морской и сухопутной обороны, отношений с тихоокеанскими островами, мореплавания, железнодорожного строительства и контроля за существующей сетью железных дорог, имея в виду стратегические интересы федерации, ирригации, иммиграции и эмиграции, деятельности иностранных компаний, рыболовства в территориальных водах Австралии, банковской системы, валюты, мер и весов, страхования, авторских прав, брачно-семейного права, трудовых конфликтов, выходящих за рамки отдельных штатов, пенсий по старости и инвалидности, натурализации и др. В случаях возникновения противоречия между федеральными законами и законами штатов преимущество оставалось за первым.

В течение двух лет после создания Австралийского Союза федеральному правительству вменялось в обязанности ввести единый таможенный закон и тариф и установить абсолютную свободу торговли между штатами.

Австралийская конституция, как и конституция США, например, предусматривала три вида власти: законодательную, исполнительную и судебную. Но в соответствии с британским образцом в австралийской конституции не было четкой грани между первыми двумя видами власти. В преамбуле конституции говорилось о том, что народы австралийских штатов сливаются «в единый нерасторжимый федеральный союз под властью британской короны». Статьей 1 конституции предусматривалось, что «законодательной властью в Союзе будет облечен федеральный парламент, который будет состоять из королевы (во время принятия Акта конституции Австралийского Союза в 1900 г. на британском престоле была королева Виктория. — *К. М.*), сената и палаты представителей». Одновременно в статье говорилось, что «исполнительной властью в Союзе наделена королева и эта власть осуществляется генерал-губернатором как представителем королевы и заключается в применении и защите конституции и законов суда». Таким образом, по конституции формальным главой законодательной и исполнительной власти в Австралийском Союзе являлся британский монарх, действовавший через назначаемого им сроком на пять лет генерал-губернатора как своего представителя.

Генерал-губернатор открывал сессии парламента, имел право роспуска и продления срока его работы, утверждал принятые парламентом законы, имел право аннулировать любой закон в течение одного года после его принятия парламентом, если этот закон противоречил интересам Британской империи. В то же время генерал-губернатор являлся главой Исполнительного совета, в состав которого первоначально входили кроме премьера семь «королевских государственных министров», а именно: министр иностранных дел, финансов, юстиции, внутренних дел, торговли, обороны, почт и телеграфа. В дальнейшем число министров и соответственно число управляемых ими министерств значительно возросло. Формально назначение министров производилось генерал-губернатором (фактически же состав правительства определялся, так же как и в Англии, соотношением сил в нижней палате парламента).

Федеральный парламент состоял из двух палат — сената и палаты представителей. В состав сената входили шесть представителей от каждого штата, избиравшиеся населением штата на шесть лет. Каждые три года половина членов сената переизбиралась.

Право быть избранными в сенат предоставлялось лицам не моложе 21 года, не менее трех лет проживавшим в Австралии и являвшимся британскими подданными по рождению или получившим подданство путем натурализации не менее чем за три года до выборов.

Члены палаты представителей избирались на три года населением Австралийского Союза из расчета 1 представитель от 50 тыс. избирателей. Было предусмотрено, что число членов палаты представителей должно быть вдвое больше, чем сенаторов. Сенат и палата представителей получали одинаковые права законодательной инициативы, с тем лишь исключением, что законопроекты по бюджетно-финансовым вопросам должны были вноситься только нижней палатой. Сенат получал право отвергнуть любой законопроект, принятый палатой представителей. В этом случае законопроект возвращался на новое рассмотрение нижней палаты. Если сенат отказывался одобрить вторично принятый палатой представителей законопроект, то генерал-губернатор распускал обе палаты и назначал новые выборы. После избрания нового состава парламента законопроект передавался в третий раз на рассмотрение сената, и в случае отказа сената одобрить его созывалось совместное заседание обеих палат, которым практически и завершался спор, поскольку число членов палаты представителей вдвое превышало число сенаторов, что давало им подавляющее преимущество при голосовании.

Высшая судебная власть в федерации, согласно ст. 71 конституции, передавалась «федеральному Верховному суду, который будет называться Высшим судом Австралии... Высший суд будет состоять из верховного судьи и такого числа судей, какое определит парламент». Члены Высшего суда назначались пожизненно. К компетенции суда было отнесено право толкования конституционных законов, рассмотрение споров между властями отдельных штатов или их гражданами, касавшихся вопросов, отнесенных к компетенции федеральной власти. Суд являлся также высшей апелляционной инстанцией в решении дел, рассматривавшихся в судебных инстанциях отдельных штатов.

Принятие федеральной конституции и образование Австралийского Союза знаменовали собой завершение лишь первоначального периода долгой и сложной внутриполитической борьбы за создание единого государства на пятом континенте. Некоторые отголоски этой борьбы можно наблюдать и в наши дни.

АВСТРАЛИЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

В ПРЕДДВЕРИИ ВОЙНЫ

Принятие конституции и объединение колоний в федеральный союз открыли австралийской буржуазии путь к созданию уже в 1900-х годах общеавстралийского рынка, стимулировавшего развитие всех отраслей экономики. Общеавстралийский рынок требовал унификации фиска, создания единого тарифа. И это было осуществлено, хотя и не без труда.

Трудность введения единого общеавстралийского тарифа объяснялась различным уровнем в экономическом развитии колоний, ставших штатами объединенного государства, и связанным с этим различием путей формирования статей дохода их бюджетов. Если в Тасмании поступления от таможенных и акцизных сборов составляли почти половину всего ее дохода, то в Новом Южном Уэльсе — лишь $^1/_6$ часть. Общее положение в колониях в этом отношении накануне создания федерации, в 1899 г., характеризуется следующими данными (в ф. ст.) [464, 237]:

Колония	Общий доход	Доход от таможенных и акцизных сборов	В расчете на душу населения
Новый Южный Уэльс	9 973 736	1 650 333	1 ф. 4 шилл. 9 пенсов
Виктория	7 378 842	2 224 811	1 ф. 17 шилл. 6 пенсов
Квинсленд	4 174 086	1 568 744	3 ф. 5 шилл. 10 пенсов
Южная Австралия	2 731 208	641 181	1 ф. 15 шилл. 11 пенсов
Западная Австралия	2 478 811	859 915	5 ф. 1 шилл. 5 пенсов
Тасмания	908 273	447 036	2 ф. 12 шилл. 6 пенсов

Осложняло положение и то обстоятельство, что колонии проводили различную финансовую политику. Так, если Виктория стояла на позициях протекционизма, то Новый Южный Уэльс осуществлял политику фритредерства.

После многомесячных дебатов был выработан и принят парламентом в ноябре 1901 г. закон о тарифе, явившийся

компромиссом между существовавшими в колониях тарифными системами. Законом вводился порядок, по которому федеральное правительство могло расходовать не более 1/4 доходов, получаемых от таможенных и акцизных сборов, остальная сумма должна быть возвращена штатам пропорционально вкладу каждого из них. Сама тарифная шкала была составлена с учетом интересов протекционистской Виктории и фритредерского Нового Южного Уэльса. В целом же тарифы были установлены достаточно высокие, с тем чтобы защитить местные отрасли экономики.

Федеральная тарифная система до начала первой мировой войны дважды пересматривалась — в 1908 и 1914 гг., но существо ее оставалось неизменным.

Образование общеавстралийского рынка и создание единого тарифа вызывали заметное оживление экономической жизни в стране.

Промышленность, хоть и оставалась по-прежнему в эмбриональном состоянии, показала уже в первое десятилетие существования федерации определенную тенденцию развития, что видно из нижеприведенных данных [464, 240]:

Год	Стоимость предприятий и оборудования, ф. ст.	Число работающих	Выплаченная заработная плата, ф. ст.
1903	18 639 778	126 137	10 829 026
1904	22 307 532	203 339	11 966 135
1905	22 696 682	214 589	12 353 840
1906	23 744 298	228 560	13 207 159
1911	28 970 700	286 831	23 874 959

Однако подавляющее большинство предприятий представляло собой небольшие мастерские буквально с несколькими рабочими. Например, сапожная мастерская, где работало хотя бы три человека, рассматривалась статистикой как «фабрика» и в ежегодных данных о развитии австралийской экономики включалась в раздел «обрабатывающая промышленность».

В 1906 г. на федеральной конференции специалистов-статистиков была принята новая классификация, согласно которой понятие «фабрика» относилось лишь к предприятиям, на которых занято не менее 19 рабочих. Но и после 1906 г. маленькие мастерские часто попадали в разряд «фабрик».

Металлообрабатывающие заводы составляли по количеству 14% общего числа промышленных предприятий, на них было занято около 20% общей численности промышленных рабочих Австралии. Общая стоимость зданий и оборудования

этой отрасли промышленности составляла в 1910—1911 гг. 5255 тыс. ф. ст. [464, 151—152].

Остальные предприятия, кроме небольшого числа судостроительных заводов, сосредоточивались на переработке сельскохозяйственного сырья. Общая стоимость продукции австралийской обрабатывающей промышленности составляла в 1910—1911 гг. 120 770 тыс. ф. ст. [464, 152].

Австралия продолжала оставаться аграрной страной, где главную роль по-прежнему играло овцеводство. Количество овец увеличилось с 1901 по 1911 г. с 72 млн. до 97 млн. Производство шерсти выросло за этот же период с 539,4 млн. фунтов до 798,4 млн. фунтов [159, 430]. Ежегодный доход, получаемый Австралией от продажи шерсти, составлял округленно 25—30 млн. ф. ст. Только 1,5% производимой шерсти использовалось на внутренние нужды, все остальное количество экспортировалось.

Второе место после шерсти занимало производство мяса. В 1911 г. в Австралийском Союзе имелось 11 млн. голов крупного рогатого скота, 2 млн. лошадей и 1 млн. свиней. Экспорт мороженого мяса приносил стране 3341 тыс. ф. ст. Кроме того, экспортировались масло и сыр. Общий доход от экспорта шерсти и мясо-молочных продуктов давал Австралии около 40 млн. ф. ст. [464, 146].

Заметное развитие в первое десятилетие после образования федерации получило земледелие, и в первую очередь производство пшеницы. Если в 1900—1901 гг. было произведено 48 353 тыс. бушелей пшеницы, то в 1910—1911 гг.— 95111 тыс. В 1910—1911 гг. Австралия экспортировала 47 761 тыс. бушелей пшеницы и 139 946 *т* муки. Общая картина производства продуктов земледелия в Австралии в 1910—1911 гг. видна из нижеприведенных данных [464, 147]:

Продукты	Общее производство	Площадь под культурой, акры	Стоимость, ф. ст.	Среднее производство на один акр,
Пшеница, бушели	95 111 983	7 382 456	16 458 187	12,90
Рис, бушели	15 428 456	676 688	1 709 378	22,80
Ячмень, бушели	2 226 368	108 424	400 054	20,53
Кукуруза, бушели	13 044 081	414 914	1 805 548	31,44
Фасоль, горох, бушели	931 867	42 239	—	22,06
Рожь, бушели	128 091	10 004	—	12,80
Картофель, *т*	399 851	151 515	1 940 857	2,64
Лук, *т*	41 276	6 846	—	6,01
Другие корнеплоды, *т*	153 667	13 965	—	11,00
Сахарный тростник, *т*	3 175 871	2 258 405	8 502 932	1,41
Вино, галлоны	5 866 049	59 114	—	—

Общая стоимость продуктов земледелия, экспортированных в 1910—1911 гг., составляла 11 884 тыс. ф. ст. [464, 149]. Развивалась, хотя и неравномерно, добыча цветных металлов. В 1910—1911 гг. общая стоимость добытых цветных металлов составила 23 215 тыс. ф. ст. Внутренний и внешний товарооборот Австралии показал в этот период значительный рост.

Если в последнее пятилетие перед образованием федерации (1896—1901) внутриавстралийский товарооборот составлял ежегодно в среднем 26,4 млн. ф. ст., то в 1907 г., например, он достиг 42,3 млн. ф. ст. [464, 152—153].

Если в 1891—1900 гг. ежегодный австралийский внешнеторговый товарооборот составлял в среднем 65,2 млн. ф. ст., то в 1901—1910 гг.— 101,6 млн. ф. ст. [159, 429]. В 1912 г. внешнеторговый товарооборот достиг 146,5 млн. ф. ст. [464, 154]. Все это привело к значительному росту национального дохода Австралии. В 1914 г. он составил 325 млн. ф. ст., тогда как в 1901 г. равнялся 185 млн. ф. ст. Несмотря на то что население страны за это время выросло с 3,8 млн. до 5 млн., национальный доход в расчете на душу населения увеличился с 92 до 104 ф. ст. [159, 432].

По сумме частного капитала на душу населения Австралия заняла второе место в мире (260 ф. ст.), уступив лишь Великобритании (300 ф. ст.) и оставив позади себя такие страны, как США и Канада. Но богатство это распределялось в Австралии уже тогда крайне неравномерно. Так, в Новом Южном Уэльсе, население которого в 1903 г. составляло 1,4 млн., всего 987 человек владели собственностью общей стоимостью 130,5 млн. ф. ст., или 35,4% стоимости всей собственности, находящейся на территории штата. Другие 2086 человек владели собственностью общей стоимостью 168,8 млн. ф. ст., или 45,8% стоимости всей собственности, находящейся на территории штата. Таким образом, около 3 тыс. человек сосредоточили в своих руках более 80% всех частных капиталов штата. «Нет оснований думать, — писал такой осведомленный человек, как Б. Уайз, занимавший пост генерального прокурора Нового Южного Уэльса, — что положение в Новом Южном Уэльсе сильно отличается в отношении распределения богатств от других штатов, и поэтому эти цифры могут быть взяты для показа распределения собственности на всей территории федерации» [464, 143]. Так начинала складываться финансовая олигархия.

Создание федерации позволило быстро довести до логического конца движение за «Белую Австралию». В 1901 г. премьер-министром федерального правительства Э. Бартоном был подготовлен законопроект об ограничении иммиграции. Обсуждение законопроекта в федеральном парламенте показало, что каких-либо принципиальных разногласий по

поводу ограничения иммиграции из азиатских стран не было. Существовали лишь расхождения в вопросе о средствах осуществления этих ограничений. Представители буржуазии и лейбористы выступали в полном согласии. В этом смысле был прав член палаты представителей протекционист У. Соуер, когда в своем выступлении в начале сентября 1901 г. сказал, что не стоит терять время на обсуждение общих положений законопроекта, поскольку «совершенно ясно, что в этом зале нет ни одного представителя, который бы отважился встать и заявить о том, что он возражает против идеи Белой Австралии» [45, vol. 4, 4660].

Следует отметить, что основные доводы в пользу запрещения въезда в Австралию выходцев из Азии были расистского толка и их повторяли опять-таки с одинаковой настойчивостью и буржуазные и лейбористские парламентарии. Протекционист И. Исаакс, уроженец Австралии, впоследствии ставший первым генерал-губернатором Австралии, аргументировал необходимость иммиграционных ограничений «портящим и разлагающим влиянием низших рас» [45, vol. 4, 4845]. Лидер лейбористов, в дальнейшем премьер-министр первого лейбористского федерального правительства, Д. Уотсон заявлял: «Возражения, которые я имею в отношении смешивания цветных народов с белыми людьми Австралии, — хоть я допускаю, что это в значительной степени вызывалось причинами экономического характера, — лежат главным образом в возможности и даже вероятности расовой порчи» [45, vol. 4, 4633].

Характерен диалог, происшедший на заседании сената 14 ноября 1901 г. между сенатором-фритредером Сергудом и сенатором-лейбористом Пирсом:

«Сенатор Сергуд. Вчера вечером сенатор Пирс сказал нам, что эту меру (запрещение иммиграции из Азии.— *К. М.*) нельзя объяснить лишь причиной конкуренции их рабочей силы, но более высокими моральными причинами.

Сенатор Пирс. Обеими причинами, но главная причина расовая» [45, vol. 6, 7249].

Обосновывая необходимость ограничения иммиграции, премьер-министр Э. Бартон также ссылался на расовые причины. «Я не думаю,— говорил он на заседании палаты представителей 26 сентября 1901 г.,— что доктрина равенства людей когда-либо действительно имела в виду и расовое равенство» [45, vol. 4, 5233].

После дебатов, касавшихся частных, а не принципиальных вопросов, закон об ограничении иммиграции был принят федеральным парламентом и 23 декабря 1901 г. введен в действие королевским указом.

Закон устанавливал (в ст. 3) следующие категории лиц, которым запрещался въезд в Австралию:

«1. Любое лицо, которое не смогло по просьбе представителя иммиграционных властей написать под диктовку и подписать текст, состоящий из пятидесяти слов на каком-либо европейском языке;

2. Любое лицо, могущее стать, по мнению иммиграционных властей или министерства внешних дел, опасным для общественного порядка;

3. Идиоты и душевнобольные;

4. Любое лицо, страдающее от инфекционной и заразной болезни, имеющей внешне отталкивающий и опасный характер;

5. Любое лицо, осужденное к тюремному заключению на срок не менее года, не по политическому обвинению, и не получившее амнистии;

6. Проститутки или лица, живущие за счет проституции других;

7. Любое лицо, нанятое по контракту или соглашению для исполнения физического труда на территории Австралийского Союза (предусмотрено, что к этой категории не относятся рабочие, направленные министерством внешних дел на выполнение работ, требующих специальной квалификации, или лица, работающие по контрактам в качестве членов экипажей судов, занятых береговой торговлей в австралийских водах, если их жалованье не ниже уровня, установленного законодательством Австралийского Союза)» [468, Appendix I, 157].

Хотя в тексте закона не содержалось прямых формулировок о запрещении иммиграции в Австралию африканцев, азиатов и жителей Океании, но вся его сущность, конечно, была в этом.

Ответственность за исполнение закона 1901 г. была возложена на министерство внешних дел. Разъясняя иммиграционным властям отдельные статьи закона, министерство, в частности, писало по поводу применения первого параграфа ст. 3 следующее: «Все коренные жители Африки, Азии и Полинезии должны обязательно подвергаться испытанию... В отношении представителей белой расы испытание может быть сделано только при особых обстоятельствах...» [468, 46].

Результаты этих испытаний можно видеть из нижеприведенных данных [468, 46]:

	1902 г.	1903 г.	1904 г.	1905 г.	1907 г.	1908 г.	1909 г.
Число несдавших	618	136	115	104	61	107	107
Число сдавших	33	13	1	3	0	1	1

Вся совокупность мер, ограничивавших въезд в Австралию иммигрантов из афро-азиатских стран, привела уже в первое

десятилетие существования федерации к значительному падению их численности на пятом континенте. Кстати сказать, одной из таких мер было запрещение этим категориям иммигрантов привозить в Австралию свои семьи (исключение делалось лишь сирийцам). Для иллюстрации приведем следующие данные (табл. 8).

Таблица 8

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ ИММИГРАНТОВ*

	1901 г.		1911 г.	
	всего	отношение мужского населения к женскому, %	всего	отношение мужского населения к женскому, %
Китайцы	30 542	98	22 753	96
Индийцы	4 684	99	3 653	96
Японцы	3 554	93	3 489	94
Сирийцы	1 800	62	2 339	55

* [468, 78].

Как видим, только численность сирийцев несколько увеличилась. Это объяснялось, как уже отмечалось, некоторыми поблажками, дававшимися им австралийским правительством. Уже после начала первой мировой войны, в октябре 1914 г., министерство внешних дел в специальном меморандуме так объясняло свою позицию в отношении сирийцев (точнее говоря, это были жители земель, входящих сейчас в состав Ливана): «Вопрос о том, как быть с сирийцами, доставил министерству значительные трудности... В то время как мнение относительно допуска лиц черной, коричневой и желтой рас практически было единодушным, существовало серьезное расхождение в решениях о допуске сирийцев, которое должно было выносить министерство. Люди, которых мы включаем в понятие «сирийцы», происходят из той части Турции и Азии, которая расположена в Северной Палестине и главными городами которой являются Бейрут, Дамаск и Триполи. Они занимают значительную часть береговой линии и заселяют район горного Ливана, где они ведут мирную и умеренно зажиточную жизнь в качестве земледельцев. Они выглядят смуглыми из-за темных волос и желтоватого оттенка кожи, но относительно они гораздо ближе к европейскому типу, чем к индийскому или какому-либо другому азиатскому типу дальше на Восток. По общему виду их нельзя отличить от жителей Южной Италии, Испании и Греции, и они фактически значительно светлее, чем турки. Все они практически христиане и принадлежат либо к греческой церкви, либо к

церкви, примыкающей к римско-католической» [468, 141—142]. Мы привели эту длинную цитату из меморандума для того, чтобы показать распространение и силу расистских настроений в Австралии того времени. Действительно, в выступлениях государственных и общественных деятелей, в газетах и журналах с удивительной откровенностью и беззастенчивостью высказывались чисто расистские концепции и взгляды.

Именно такой характер носили многолетние дебаты по поводу допуска сирийцев в Австралию. Подробно анализировались антропологические данные сирийских мужчин и женщин. Так, сиднейский «Бюллетень», выступавший против допуска сирийцев, писал в январе 1906 г.: «Будучи азиатами, сирийцы действительно белые, похожие на южноевропейцев, имеющих темные волосы и оливковый цвет кожи». Но тут же журнал добавлял к описанию внешности сирийца следующее: «Его физиономия состоит главным образом из хищного носа, двух глаз с тяжелым взглядом и толстой нижней губы» [цит. по: 468, 144].

В конце концов сирийские иммигранты, несмотря на признанное австралийскими расистами внешнее сходство с южноевропейскими народами, так и не получили прав, равных правам европейских иммигрантов. Они третировались как «запрещенные иммигранты» наряду с другими азиатскими народами. Предоставление им небольших льгот объяснялось, на наш взгляд, прежде всего тем, что число их было очень незначительным и невозможно было ожидать сколько-нибудь широкой их иммиграции в Австралию. Никаких проблем пребывание столь малочисленной этнической группы в Австралии не создавало.

Хочется отметить, что дискриминационная иммигрантская политика в отношении азиатских народов не мешала австралийской буржуазии поддерживать торговые отношения со странами Востока. Несмотря на малый удельный вес торговых операций с азиатскими странами по сравнению с Европой, они имели в целом постоянную тенденцию к увеличению, что видно из приведенной таблицы среднегодовых абсолютных цифр австралийских внешнеторговых операций со странами Востока и их процентного отношения к общему объему внешнеторгового товарооборота Австралии (табл. 9).

Расистская внутренняя политика австралийских правящих кругов определяла и внешнюю политику страны. Когда в самом начале нынешнего века Великобритания начала свою позорную войну с бурами, Австралия приняла в ней самое непосредственное участие. В войне с бурами участвовал австралийский корпус — 16 тыс. солдат. Потери австралийцев составили 500 человек. Далеко не все в Австралии считали справедливой войну Англии против буров. Так, мельбурнская газета «Набат» писала: «Те, кто трудятся собственными ру-

Таблица 9

ВНЕШНЕТОРГОВЫЙ БАЛАНС АВСТРАЛИИ*,
ф. ст.

	Экспорт		Импорт	
	1899—1903 гг.	1909 1913 гг.	1899—1903 гг.	1909—1913 гг.
Цейлон	2 223 487 (4,7%)	3 194 757 (4,24%)	481 627 (1,22%)	816 220 (1,21%)
Гонконг	403 776 (0,85%)	741 365 (0,98%)	299 872 (0,76%)	297 127 (0,44%)
Индия	2 348 420 (4,97%)	2 231 306 (2,96%)	998 326 (2,54%)	(2 350 99 3,5(5)
Китай	237 376 (0,50%)	161 527 (0,20%)	249 940 (0,64%)	83 %28 (0,26%)
Япония	198 434 (0,42%)	1 194 271 (1,58%)	290 835 (0,74%)	8014 346 (1,20%)

* [468, 166].

ками, понимают, что рабочая партия в Иоганнесбурге поддерживает Крюгера и страшится Родса, что это не война англичанина против бура, а капиталистов против антикапиталистического правительства Крюгера» [цит. по: 420, 16].

С созданием федерации во внешней политике Австралии стали заметно проявляться милитаристские тенденции. По расходам на военные нужды в расчете на душу населения Австралия к 1912 г. вышла на третье место в мире, уступая лишь Великобритании и Франции. Началом объединения вооруженных сил страны послужило создание в 1901 г. Федерального министерства обороны и назначение генерал-майора Э. Хаттона главнокомандующим австралийской армией.

Генерал Хаттон предложил следующее построение австралийской армии:

1) Постоянные регулярные силы, включающие генеральный штаб, артиллерийское соединение, небольшие инженерные, медицинские, вспомогательные службы.

2) Полевые войска, состоящие из шести бригад легкой кавалерии и трех пехотных бригад, в задачу которых входит защита всей территории Австралийского Союза.

3) Гарнизонные войска, состоящие из добровольцев, которые в соединении с милицией обеспечивают оборону отдельных штатов.

В 1908 г. в первую группу входило 1329 военнослужащих всех рангов, во вторую — 15 445, в третью — 5,5 тыс. В случае необходимости эти войска могли быть усилены за счет членов стрелковых клубов, численность которых к 1908 г. составляла 42 899 [464, 327—328].

Росту милитаристских настроений способствовало создание Австралийской лиги обороны, во главе которой стояли извест-

ный лейбористский деятель У. Хьюз и представитель объединения стрелковых клубов полковник Кемпбелл. Печатный орган лиги — газета «Призыв» пропагандировала идею создания национальной гвардии, с тем чтобы «оборона не была делом правительства или класса, но делом всего народа» [464, 333]. Эту идею поддержал А. Дикин, представивший соответствующий проект на рассмотрение палаты представителей в декабре 1907 г. Однако новая система организации обороны Австралии была принята лишь спустя четыре года Актом об обороне 1911 г.

Этот Акт, сохраняя основные положения схемы генерала Хаттона, вводил одновременно принцип обязательного военного обучения. Каждый житель Австралии, согласно Акту, должен был пройти следующие этапы военного обучения:

1) от 12 до 14 лет — в рядах младших кадетов;
2) от 14 до 18 лет — в рядах старших кадетов;
3) от 18 до 46 лет — в рядах сил гражданской обороны.

Младшие кадеты занимались военной подготовкой 120 часов в год. Старшие кадеты должны были посвящать военной подготовке ежегодно 4 занятия, рассчитанных на весь день, 12 занятий на полдня и 24 ночных занятия. Военная подготовка в составе сил гражданской обороны продолжалась ежегодно 16 занятий, рассчитанных на весь день, из которых не менее восьми должны были проводиться в лагерях.

Принятая система военной подготовки должна была в течение восьми лет дать Австралии 200 тыс. обученных военному делу людей.

Что касается австралийского военно-морского флота, то принципы его организации весьма оживленно дебатировались в федеральном парламенте. Высказывались в общих чертах два мнения. Одни считали, что Австралия должна иметь ограниченные военно-морские силы, лишь дополняющие британский флот, например некоторое число быстроходных «москитных» судов. Другие же высказывались за создание собственного флота, выполняющего самостоятельные задачи по защите страны. При этом ссылались на все бóльшую трудность для Англии в случае войны выделить для обороны Австралии нужные военно-морские силы. «Растущее соперничество со стороны иностранных военно-морских сил, — писал в газете „Призыв" полковник Репингтон,—заставляет Англию концентрировать свой флот дома. Эта вынужденная концентрация британских военно-морских сил коренным образом изменяет положение Австралии в войне, и изменяет его в худшую сторону... Существует лишь одно средство, с помощью которого Австралия может сохранить свою безопасность, и оно состоит в том, чтобы сделать себя настолько сильной, дабы любая попытка напасть на нее могла быть сорвана» [цит. по: 464, 336—337].

В результате всех дискуссий было решено, что Австралия на свои средства должна создать военно-морской флот в составе одного крейсера, двух вспомогательных крейсеров, шести миноносцев и трех подводных лодок. Экипажи всех судов должны быть укомплектованы австралийскими командами.

Внутриполитическая обстановка в Австралии в период между образованием федерации и началом первой мировой войны характеризовалась усилением оппортунизма и мелкобуржуазного реформизма в лейбористском движении, все более тесным сотрудничеством руководства рабочей партии с буржуазными либералами. Между ними, по существу, не было разногласий. Лидеры лейборизма не выработали самостоятельной политической программы, а балансировали между основными направлениями австралийского буржуазного либерализма.

На первых федеральных выборах в парламент лейбористы получили 16 мест в палате представителей и 8 — в сенате. Наиболее актуальным в тот период был вопрос об общеавстралийском тарифе. Лейбористская парламентская фракция не имела никакого собственного мнения на этот счет. Один из современных австралийских историков лейбористской партии, Дж. Хили, пишет по этому поводу: «Члены молодой лейбористской партии имели свободу действий по фискальным вопросам — другими словами, партия в то время не сформулировала свою политику в отношении фискальных дел. Однако большинство новых членов парламента — лейбористов были протекционистами по личным интересам, хотя лишь несколько из них голосовали вместе с оппозицией по первому тарифному вопросу» [310, 30].

Лейбористская партия полностью поддерживала австралийское правительство в узаконении и практическом осуществлении политики «Белой Австралии». В ходе обсуждения законопроекта об ограничении иммиграции лидер лейбористов Уотсон даже настаивал, чтобы в нем были прямо перечислены те районы мира, коренному населению которых запрещался допуск в Австралию. К «запрещенным иммигрантам», по предложению Уотсона, должно было быть отнесено «любое лицо, являющееся аборигеном Африки, Азии или тихоокеанских островов». Это предложение Уотсона не получило поддержки даже в таком реакционном собрании, как австралийский парламент. Оно было отвергнуто голосованием: 36 — против, 31 — за.

На вторых федеральных выборах в парламент, состоявшихся в декабре 1903 г., лейбористская партия добилась значительно более широкого представительства в законодательном органе страны, получив в палате представителей 25 мест, а в сенате — 14.

Главным вопросом, вокруг которого развернулась борьба в период избирательной кампании и после нее, был вопрос о формировании арбитражных судов для урегулирования трудовых конфликтов. И в этом случае никаких принципиальных разногласий между лейбористами и либералами не было. И те и другие были сторонниками арбитражной системы. Расхождение заключалось в том, что лейбористы при рассмотрении соответствующего законопроекта в федеральном парламенте первого созыва настаивали на том, чтобы компетенция арбитражей была распространена также и на государственных служащих. Правительство возражало, ссылаясь, в частности, на то, что коронные чиновники не нуждаются в покровительстве арбитражей, регулирующих трудовые споры.

21 апреля 1904 г. Эндрю Фишер внес на рассмотрение вновь избранного состава палаты представителей законопроект об арбитражных судах с указанным выше дополнением. Правительство, возглавляемое А. Дикином, выступило с возражениями, но не было поддержано большинством палаты и подало в отставку. 27 апреля впервые было сформировано лейбористское федеральное правительство во главе с Д. Уотсоном.

Новый премьер-министр еще раз представил на рассмотрение палаты представителей 24 июня 1904 г. законопроект об арбитражных судах. Тогда оппозиция в свою очередь внесла поправку к законопроекту, против которой правительство возражало. Но поправка была принята большинством голосов. Д. Уотсон заявил, что он настаивает на повторном голосовании поправки, которое и состоялось 10 августа, и опять поправка была принята палатой. Правительству ничего не оставалось, кроме отставки. Таким образом, первое лейбористское правительство просуществовало немногим более трех месяцев. Сформированное через неделю после этого новое правительство Рейда-Маклина также оказалось нежизнеспособным. В июле 1905 г. А. Дикин вновь пришел к власти.

Примерно к этому времени относится любопытный документ — соглашение, заключенное лейбористской партией и либералами, возглавлявшимися А. Дикином.

Соглашение предусматривало согласованные действия в период выборов в федеральный парламент, а также объединенную политическую и экономическую программу.

В ней содержались пункты о необходимости принятия законопроектов об арбитражных судах, о законодательстве, направленном на осуществление принципа «Белой Австралии», законопроекте о торговых знаках, дополнениях к избирательному закону, антитрестовском законодательстве, законопроекте о Папуа, морском законопроекте и т. д. [310, 35—37].

Буквально в тот самый день, когда А. Дикин стал премьер-министром, 5 июля 1905 г., он обратился с письмом к лидеру лейбористов Д. Уотсону, где вновь подчеркивал необходимость совместных действий и выражал надежду на успешное сотрудничество. Перечисленная в письме А. Дикина программа действий правительства полностью совпадала с той, которая содержалась в упомянутом выше соглашении [310, 38—39].

В принятой парламентской фракцией лейбористской партии резолюции по поводу письма А. Дикина говорилось, что «партия, будучи информирована г-ном Уотсоном о мерах, намеченных к осуществлению г-ном Дикином, согласна оказать его правительству общую поддержку...» [цит. по: 310, 39]. Парламентская группа высказалась, таким образом, от имени всей лейбористской партии. Каково же было действительное мнение на этот счет не руководства, а партии, сказать невозможно, ибо за 1900—1905 гг. не было созвано ни одной федеральной конференции лейбористской партии. Надо полагать, что это происходило не случайно. Вожди лейборизма оказывались, таким образом, абсолютно вне контроля партийных масс.

Третья избирательная кампания в Федеральный парламент принесла новый успех лейбористам. На выборах 12 декабря 1906 г. лейбористская партия получила 27 мандатов в палате представителей и 16 — в сенате. В палате представителей она имела по сравнению с другими партийными группировками самое большое число мест. Так, либералы во главе с А. Дикином имели лишь 15 мест, оппозиционные группировки — 21 место. А. Дикин мог удержаться у власти, лишь опираясь на поддержку лейбористов, что он практически и сделал.

Либерально-лейбористский альянс просуществовал почти два года. Но в ноябре 1908 г., используя благоприятную ситуацию, лейбористское руководство нарушило соглашение и выступило против правительства А. Дикина, что привело к его отставке 10 ноября 1908 г. Во главе лейбористской партии теперь стоял Э. Фишер, сменивший Д. Уотсона, ушедшего с этого поста в октябре 1907 г. Э. Фишер и сформировал новое лейбористское федеральное правительство.

В том же, 1908 г. состоялась федеральная конференция лейбористской партии, принявшая ее программу. Знакомясь с этой программой, убеждаешься в том, что лейбористское руководство не сделало ни шагу вперед, оно упорно стояло на старых, в сущности своей буржуазно-либеральных, позициях. В качестве одной из ведущих задач партии в программе провозглашалось «культивирование австралийского патриотизма, основанного на сохранении расовой чистоты, и развитие Австралии как просвещенного и уверенного в себе общества» [цит. по: 410, 45].

Правительство Фишера просуществовало всего семь месяцев. В конце мая 1909 г. к власти вновь пришел кабинет А. Дикина. Но на новых федеральных выборах в парламент в 1910 г. лейбористы получили большинство мест в обеих палатах и в апреле 1910 г. сформировали федеральное правительство во главе с Э. Фишером. Это правительство просуществовало относительно долго — три года. В октябре 1910 г. лейбористы пришли к власти и в Новом Южном Уэльсе.

Однако ничем примечательным, кроме сильнейшего обострения внутрипартийной борьбы (прежде всего между руководством федеральной лейбористской партии и руководством лейбористской партии Нового Южного Уэльса), этот период лейбористского правления не ознаменовался. Попытки осуществить кое-какие программные требования вроде создания федерального банка, принятия закона о земельном налоге, направленном против крупных землевладельцев, практически никакого эффекта не имели. Федеральные выборы в парламент, проходившие в мае 1913 г., принесли лейбористам поражение. Новое федеральное правительство сформировали либералы. Премьер-министром стал Дж. Кук, кстати сказать входивший в 90-х годах XIX в. в лейбористскую партию.

Но спустя год с небольшим на выборах, состоявшихся 5 сентября 1914 г., т. е. через месяц после начала первой мировой войны, лейбористы взяли реванш. Получив значительное большинство в обеих палатах парламента, они сформировали федеральное правительство, во главе которого стал Э. Фишер.

Такая поистине «министерская чехарда» была не случайным явлением. Она объяснялась тем, что две боровшиеся политические группировки имели, по существу, одинаковое политическое лицо. Австралийские избиратели не могли обнаружить разницы в программах боровшихся политических партий, так как разницы не было. Избирательные кампании превращались в своеобразную политическую игру, в которой все средства были хороши.

Замечательный революционер-большевик Ф. А. Сергеев (Артем), находившийся в ту пору в Австралии, писал в одном из писем по этому поводу следующее: «Избирательная кампания проходит тихо. Но настроение далеко не в пользу правительства. Агенты организованной купеческо-плантаторско-кабатчиковой камарильи уже начали избирательную кампанию. Они ходят по отдельным рабочим, выглядывают, кто послабее характером, таскают их по кабакам, бесплатно напаивая пьяными. Перед выборами же опять повторится прежняя картина. Все кабаки с раннего утра начнут бесплатно отпускать спиртные напитки, слабохарактерная публика перепьется и не пойдет голосовать. Это здесь в обычае» [470, 1960, № 1, 61—62].

Лейборизм был господствующим политическим течением в австралийском рабочем движении, но не единственным.

Еще в августе 1887 г. в Сиднее была создана Социалистическая лига. В 1907 г. она приняла новое название — Социалистическая рабочая партия. В том же году отколовшаяся от нее группа образовала Социал-демократическую партию, несколько позднее получившую название Интернациональный социалистический клуб. Существовали и другие социалистические группы, например Викторианская социалистическая партия, Социал-демократический авангард (Квинсленд), Социал-демократическая ассоциация (Западная Австралия) и др. В июле 1907 г. в Сиднее состоялась объединительная конференция различных австралийских социалистических партий и групп, на которой была создана Социалистическая федерация Австралии, ставшая в дальнейшем именоваться Австралийской социалистической партией [223, 108].

В 1908 г. было организовано первое в Австралии отделение организации «Индустриальные рабочие мира», созданной американской социалистической рабочей партией в 1905 г. В 1913 г. другое отделение этой организации возникло в Сиднее. В дальнейшем именно сиднейское отделение стало общеавстралийским центром этого движения.

Программа организации «Индустриальные рабочие мира» имела ярко выраженный анархо-синдикалистский характер. В ней констатировался антагонизм интересов рабочего класса и буржуазии: «Рабочий класс и эксплуатирующий класс не имеют ничего общего». В программе подчеркивалось все ухудшавшееся положение рабочих, причем отмечалось: «Это печальное положение может быть изменено и интересы рабочего класса защищены только организацией, созданной таким путем, что все ее члены, работающие в одной отрасли или во всех отраслях промышленности, если это необходимо, прекратят работу всякий раз, когда объявляется стачка или локаут...».

В программе формулировались задачи движения: «Исторической миссией рабочего класса является уничтожение капитализма. Армия производителей должна быть организована не только для ежедневной борьбы с капиталистами, но также для продолжения производства продукции, когда капитализм будет свергнут. Создавая промышленную организацию, мы формируем структуру нового общества в недрах старого». Программа отвергала самую идею создания политической партии рабочего класса [223, 65—66].

Организация «Индустриальные рабочие мира» была довольно популярна в Австралии. К 1914 г. были открыты еще два ее отделения — в Брокен Хилл и Порт-Пири, на следующий год — в Мельбурне и Брисбене, еще через год — во Фримантле и на западноавстралийских золотых приисках. В на-

чале 1914 г. организация начала выпускать свой печатный орган — газету «Прямое действие», которая распространялась тиражом в 14 тыс. экземпляров.

Организация «Индустриальные рабочие мира» вела борьбу против тред-юнионизма, выступала против арбитражной системы рассмотрения трудовых конфликтов и участия в парламентах, обрушивалась на лейбористскую партию. Но, отвергая лейборизм и парламентарную борьбу, организация «Индустриальные рабочие мира» выступала вообще за отказ от каких-либо политических акций в борьбе рабочего класса, будь то реформистские или революционные действия. «Впервые за всю историю рабочего движения в Австралии,— писалось в передовой статье первого номера газеты „Прямое действие", — газета заявляет, что отстаивает принципы прямых действий, осуществлению которых препятствуют благопристойные теории парламентаризма, как революционные, так и всякие другие...» [цит. по: 223, 70].

Рост влияния в Австралии организации «Индустриальные рабочие мира» объяснялся ее борьбой с оппортунистическими доктринами лейборизма, а после начала первой мировой войны — антивоенными выступлениями. Однако анархо-синдикализм сам по себе является изнанкой буржуазного реформизма. «Буржуазные идеологи, либералы и демократы,—писал в декабре 1910 г. В. И. Ленин, — не понимая марксизма, не понимая современного рабочего движения, постоянно перескакивают от одной беспомощной крайности к другой... Прямым продуктом этого буржуазного миросозерцания и его влияния надо считать и анархо-синдикализм и реформизм, хватающиеся за *одну* сторону рабочего движения, возводящие односторонность в теорию, объявляющие взаимно исключающими такие тенденции или такие черты этого движения, которые составляют специфическую особенность того или иного периода, тех или иных условий деятельности рабочего класса... И те и другие тормозят самое важное, самое насущное дело: сплочение рабочих в крупные, сильные, хорошо функционирующие, умеющие при *всяких* условиях хорошо функционировать, организации, проникнутые духом классовой борьбы, ясно сознающие свои цели, воспитываемые в действительно марксистском миросозерцании» [15, 66—67].

Распространяясь вширь, анархо-синдикализм не имел глубоких корней в австралийском рабочем движении.

После ареста руководителей австралийской организации «Индустриальные рабочие мира» в 1916 г. в ее деятельности начинается резкий упадок, а в 1917 г. организация прекратила свое существование.

Анализируя деятельность австралийской организации «Индустриальные рабочие мира», Л. Шарки писал: «Организация „Индустриальные рабочие мира" быстро выросла на

базе оппозиции войне и осуждения реформизма. Но вследствие своей односторонности и сектантства, вследствие своей теоретической и организационной слабости она оказалась неспособной повести массы социалистическим путем против войны и не сумела дать удовлетворительной альтернативы реформизму. Будучи атакована правительством, организация „Индустриальные рабочие мира" обнаружила неспособность вести политическую борьбу и погибла» [416, 13].

Характеризуя австралийское рабочее движение перед первой мировой войной, нельзя не остановиться на революционной деятельности русских рабочих, волею судеб оказавшихся на далеком пятом континенте.

Русскую иммиграцию в Австралии составляли рабочие, крестьяне, учащаяся молодежь, бежавшие из России после подавления революции 1905 г. от преследования царской охранки или прибывшие в Австралию в поисках лучшей доли. Селились русские эмигранты главным образом в Квинсленде. В столице штата — Брисбене в 1911 г. была создана первая организация русских пролетариев — Союз российских рабочих в Австралии. В течение 1912—1913 гг. организация, принявшая название «Союз русских эмигрантов», окончательно сформировалась. С июня 1912 г. начала издаваться газета «Эхо Австралии» на русском языке [469, 1960, № 1, 168], была основана библиотека. В конце 1912 г. выпуск газеты пришлось прекратить. Но через год появилась новая русская газета — «Известия союза русских эмигрантов». Когда же в конце 1915 г. была закрыта и эта газета, то вместо нее очень скоро начала выходить новая — «Рабочий путь».

Признанным руководителем русских рабочих в Австралии был Ф. А. Сергеев (Артем). Стойкий большевик, член РСДРП с 1901 г., имевший большой опыт партийной работы, он оказал значительное положительное влияние на политическую деятельность организации русских рабочих. Деятельность союза не ограничилась жизнью русской эмигрантской колонии. «С не меньшим интересом, — писал в своих воспоминаниях один из активных участников союза, В. И. Пикунов, — Союз относился к вопросам австралийской жизни, отстаивая интересы международной пролетарской солидарности и ведя пропаганду в духе идей международного социализма» [469, 1960, № 1, 171]. Союз собирал деньги в помощь забастовщикам на сахарных плантациях Квинсленда, принял активное участие в борьбе за свободу слова, причем Ф. А. Сергеев и двое других членов Союза (Иван Грей и Павел Иордан) за участие в этой кампании были брошены в тюрьму. Союз участвовал в 1915—1916 гг. в кампании, направленной против призыва в армию.

«У меня ведь тьма дел... никогда не имею свободного времени. То работа, то деловые собрания, то агитационные,—

писал в марте 1913 г. Ф. А. Сергеев.— Три деловых собрания в неделю...» [470, 1960, № 1, 67].

Артем очень тонко разбирался во внутриполитической обстановке в Австралии. За показным демократизмом «страны всеобщего благоденствия» он видел сущность классовых отношений в австралийском обществе. «В искусстве убивать в человеке его независимость, волю и стремление к познанию,— писал Артем в декабре 1912 г.,— Новый свет далеко опередил Старый» [470, 1960, № 1, 66]. Ф. А. Сергеев дал объективный анализ ситуации, сложившейся в этот период в Австралии.

«Капитализм в Австралии развивается по форме довольно своеобразно. Но при всей прихотливости и разнообразии и своеобразии форм в каждом отдельном случае содержание процесса то же: опираясь на силу и поддержку рабочих, используя материальные силы власти, созданные до капитализма, капитализм стремится форсировать свое развитие, превращая рабочих в рабов класса капиталистов, а другие классы в их данников. Искуснее всего это проделывается здесь, в Австралии» [470, 1960, № 1, 68].

Организация, руководимая Артемом, боролась против оппортунизма лейбористской партии. «Мы боролись против местной рабочей партии, которая была у власти,— писал Ф. А. Сергеев в июне 1913 г.— ...Все было против нас. Патриоты из рабочей партии едва не объявили нам бойкот. Нас в нашем профессиональном союзе всего два активных социалиста. Да человека три-четыре нас молчаливо поддерживают. Президент нашего юниона, министр юстиции Австралии вот-вот готовится стать председателем междуштатной комиссии и получать жалованье около 100 руб. в день. Как видите, недурной оклад для человека, в России называемого крючником... Рабочая партия у власти, а рабочим живется хуже, чем раньше. Но они знают хорошо свою игру. Прежде всего, пока рабочие в их более развитой части имеют выход в высший класс, социализм — их враг. Их положение как рабочих является переходным,— они смотрят вперед, где им видятся депутатские и чиновничьи места, хорошая ферма, положение мастера или хозяина мастерской. А чтобы этим „рабочим" придать необходимую энергию и создать благоприятную атмосферу, выдвинули лозунг борьбы с трестами и монополиями, которые необходимо создались под покровом запретительных пошлин» [470, 1960, № 1, 70].

В борьбе с лейборизмом Артем и его последователи всячески содействовали развитию социалистического движения в Австралии, деятельности Австралийской социалистической партии, поддерживали социалистические группы в отдельных штатах. В письме к Е. Ф. Мечниковой от 12 апреля 1912 г. Артем сообщал о создании в Брисбене местной организации Социалистической рабочей партии. «Это немного скромнее,

чем я предполагал для нас, — писал он. — Но это показало, что элементы социалистической партии здесь созрели... важно, что это выступление новой группы даст решительность и моим приятелям» [470, 1960, № 1, 62—63].

Русская рабочая организация действовала в интересах австралийских рабочих организаций. «Центр социалистических организаций и движения Новый Южный Уэльс сумел выставить кандидатов и собрать больше 20 000 голосов... Мы поддерживали, как могли, Новый Южный Уэльс», — писал Артем в июне 1913 г. [470, 1960, № 1, 70]. И поддержка русских рабочих была, видимо, существенной.

«Английская конституция разрешает, а начальник полиции не разрешает, — писал Артем из Брисбена 14 октября 1913 г. — И раз дело идет о социалистах, суд и полиция заодно. Мы решаем вести борьбу до конца. Каждое воскресенье наши ораторы выходят говорить; говорят всегда на том же месте; их арестовывают. Но симпатии масс, очевидно, уже на нашей стороне. Тысячи народа собираются слушать наших ораторов. И с каждым воскресеньем народу прибывает все больше. Мы ожидаем каждый момент, что полиция от отдельных ораторов перейдет к организаторам этой борьбы и арестует Комитет борьбы за свободу слова... Мы думаем, что мы выиграем в этой борьбе очень много; нас здесь почти не знали раньше. Нам очень многие сочувствуют сейчас... Нас здесь, в городе, русских какая-нибудь сотня, а шуму и суеты больше, чем от десяти тысяч англичан» [470, 1960, № 1, 72—73].

И правительственные власти и руководители тред-юнионов обрушились с жесточайшими гонениями на выходцев из России. «Так, еще в начале 1913 г., — свидетельствует В. И. Пикунов, — Австралийский рабочий союз хотел применить к татарам, приехавшим из России на заработки, так называемый „азиатский" закон и лишить их работы на одной из вновь строившихся железных дорог, куда они были посланы. Эта затея, однако, не удалась благодаря вмешательству русской организации при содействии главным образом тов. Артема» [469, 1960, № 1, 171].

В реакционной печати велась травля руководителей Союза российских рабочих, которые назывались «преступниками, бежавшими из Сибири», а печатный орган союза — «Известия» обвинялся в «проповедовании германской культуры» и получении денежных субсидий от германского правительства [469, 1960, № 1, 171].

Передовые прогрессивные силы в Австралии горячо приветствовали деятельность русских революционеров на пятом континенте. Она навсегда запечатлелась в их памяти. «В день 25-й годовщины Коммунистической партии Австралии, — писала газета „Гардиан" 19 октября 1945 г., — мы от-

даем должное работе русских иммигрантов в Австралии, чье участие в австралийском рабочем движении помогло расширить интернациональный кругозор австралийских рабочих» [470, 1960, № 1, 74].

Образование федерации штатов привело уже в первое десятилетие к известным изменениям и в культурной жизни австралийского общества.

Рассмотрим прежде всего вопросы просвещения.

Начальное школьное образование в Австралии прошло три периода в своем развитии. В первый период оно формировалось на основе ирландской национальной системы, которая предусматривала независимое существование двух видов школ: светских и религиозных, финансировавшихся государственной казной. В дальнейшем все начальные школы были поставлены под единый контроль. В третьем периоде все штаты получили одинаковую систему начального школьного образования, руководство которой осуществлялось соответствующими министерствами.

В Новом Южном Уэльсе к 1848 г. все начальное школьное образование находилось в руках четырех церквей: англиканской, римско-католической, пресвитерианской и методистской. В религиозных школах обучалось всего 12 тыс. человек; 6 тыс. обучалось в частных школах. 14 тыс. детей школьного возраста, проживавших в то время в колонии, вообще не получали никакого образования [464, 74].

В 1848 г. в Новом Южном Уэльсе был организован Совет национального образования и созданы государственные школы, которые работали под руководством этого совета.

«С того времени и до 1867 г., — писал Борд, крупный правительственный чиновник, занимавшийся вопросами образования, — существовало две системы образования, созданные одной и той же властью и снабжавшиеся средствами из одного и того же источника — государственного казначейства. Развитие одной системы происходило за счет другой, и вместо взаимопомощи и сотрудничества неизбежным результатом была зависть к успехам, разобщенность и стремление нанести ущерб друг другу с помощью недозволенных средств» [цит. по: 464, 74].

В 1867 г. был создан новый орган — Совет просвещения, которому было поручено руководить всеми школами, находившимися на территории Нового Южного Уэльса, и распределять между ними средства, выделяемые ежегодно парламентом на нужды школьного образования. В то время в колонии было 259 государственных школ с общим числом учащихся 19 461 и 310 религиозных школ, где обучалось 27 986 человек [464, 74]. В 1880 г. в Новом Южном Уэльсе было создано министерство просвещения. Посещение детьми в возрасте от 6 до 14 лет школы не менее 70 дней в году стало

обязательным. В 1906 г. в Новом Южном Уэльсе начальные школы посещало 101 534 человека, из которых 22 716 были учениками религиозных школ [464, 75].

В Виктории ирландская система школьного образования существовала до 1862 г., когда был образован Совет просвещения, взявший в свои руки контроль над всеми школами, финансируемыми государством. В 1905 г. было создано министерство просвещения. Примерно так же (разница только во времени) складывалась школьная система и в других австралийских колониях.

В 1910 г. в Австралии было 7908 школ, находившихся на государственном бюджете. В них преподавало 16 507 учителей, а общее число учащихся достигало 627 910. В частных школах обучалось 158 694 человека. Не получило образования около 14% детей школьного возраста [464, 79]. В начале 20-х годов нынешнего столетия в начальных школах Австралии обучалось уже свыше 800 тыс. человек.

Среднее и специальное, техническое и сельскохозяйственное образование развивалось в Австралии значительно медленнее. В начале 20-х годов XX в. общее число учащихся школ второй ступени, а также технических и сельскохозяйственных школ не превышало 100 тыс.

Первый австралийский университет был открыт в Сиднее в августе 1852 г. В то время там обучалось лишь 24 студента. Через пятьдесят лет число студентов достигло 730, а в середине 20-х годов текущего столетия — 2611 [174, vol. II, 605].

Виктория, всегда ревниво следящая за успехами Нового Южного Уэльса, не хотела отставать от своего соседа. Через 18 месяцев после отделения от Нового Южного Уэльса и получения прав самоуправления, в январе 1853 г., ее парламент принял акт о создании университета в Мельбурне. Мельбурнский университет начал работу в 1855 г., имея в своем составе 17 студентов. К началу XX в. их стало 531, в 1910 г. — 1237, а в середине 20-х годов — 2600 [174, vol. II, 606].

В 1876 г. начал свою работу Аделаидский университет. В первый год существования он имел 52 студента. Через пятьдесят лет число студентов выросло до 732 [174, vol. II, 607].

Квинслендский университет в г. Брисбене был создан в 1910 г. В нем обучалось 80 студентов. Уже на следующий учебный год их число возросло вдвое. К середине 20-х годов Квинслендский университет насчитывал 457 студентов [174, vol. II, 607].

Накануне первой мировой войны, в 1913 г., начал работу Западноавстралийский университет в г. Перте. К середине 20-х годов число студентов университета достигло 357 [174, vol. II, 608].

Известное развитие получает в этот период австралийская

национальная литература, развитие которой началось в последние десятилетия XIX в. и было связано с именами Д. Ферфи, Э. Брэди, В. Дейли, М. Гилмор, П. Уорунга и Г. Лоусона. Творчество последнего имело особенно важное значение для становления и развития «австралийского варианта» критического реализма. Некоторые тенденции творчества Г. Лоусона прослеживаются в работах В. Палмера, Р. Дэвисона, Г. Кейси, Д. Моррисона, А. Маршалла, К. Причард и других современных прогрессивных писателей Австралии [125, 3].

Складывается и развивается музыкальная культура страны. В 1908 г. создается сиднейский симфонический оркестр. Примерно в это же время организуется симфонический оркестр в Мельбурне. В 1916 г. в Новом Южном Уэльсе открывается первая в Австралии консерватория.

ОТ ГАЛЛИПОЛИ К АМЬЕНУ

В последние дни июля 1914 г. австралийские газеты, так же как и вся мировая пресса, были полны сообщений о сараевских событиях и прогнозов относительно связанных с ними действий великих держав. 27 июля газета «Сидней Морнинг Геральд» вышла с передовой статьей под тревожным заголовком: «Это война?».

29 июля австралийское правительство, как и правительства других британских доминионов, получило телеграмму от правительства Великобритании, предупреждавшую, что война неизбежна и что необходимо сделать соответствующие приготовления.

Первым откликнулось новозеландское правительство, сообщив 30 июля о своей готовности в случае необходимости послать войска для участия в боевых операциях. На следующий день аналогичный ответ был послан правительством Канады.

В Австралии в это время был разгар избирательной кампании в федеральный парламент, и члены правительства разъехались по стране. Поэтому собрать сразу заседание правительства для обсуждения телеграммы от британского правительства не удалось. Тем не менее министр обороны Э. Д. Миллен поспешил заверить Великобританию, что Австралия «не будет ненадежным партнером». Но гораздо больший верноподданнический пыл проявил лидер лейбористов Э. Фишер, который, даже не зная об обращении британского правительства, заявил, что Австралия будет с Великобританией «до последнего солдата и последнего шиллинга» [194, 23]. Через месяц он стал во главе федерального правительства.

Тем временем страна готовилась к войне. Австралийский флот был сосредоточен в гавани Сиднея. 2 августа была объявлена «первая стадия» мобилизации.

На состоявшемся 3 августа заседании правительства задачи Австралии в надвигавшейся войне были сформулированы следующим образом: 1) передать свой флот под командование британского адмиралтейства; 2) послать 20 тыс. солдат в любое место, указанное британским правительством [194, 25].

4 августа Великобритания официально объявила войну Германии, а 6 августа правительство Англии послало телеграмму австралийскому правительству с просьбой как можно быстрее послать войска в Европу.

Австралийское правительство назначило генерала Уильяма Бриджса командующим экспедиционным корпусом. 10 августа была объявлена вербовка в ряды этого корпуса, получившего, по предложению У. Бриджса, название Австралийские имперские силы. Отплытие корпуса в Европу назначалось на 12 сентября.

Однако первые выстрелы по врагу австралийская армия сделала, не покидая своей родины. Перед самым началом войны немецкий корабль «Пфальц» вошел в гавань Мельбурна. В день отплытия корабля война была объявлена, и австралийские власти запретили ему покидать порт. Но капитан «Пфальца», несмотря на приказ властей, попытался вывести корабль в океан. Тогда по нему был открыт артиллерийский огонь. Корабль был остановлен и интернирован.

Скомплектовать экспедиционный корпус для действий вне территории страны было делом нелегким, поскольку австралийская армия строилась по территориальному признаку и состояла из местных формирований. Экспедиционный же корпус должен был представлять «всю Австралию». В конце концов первая австралийская дивизия Австралийских имперских сил была скомплектована следующим образом. Два наиболее богатых штата — Новый Южный Уэльс и Виктория — обеспечивали формирование первой и второй бригад (четырехбатальонного состава по 1017 человек в каждом), а остальные четыре штата — третьей бригады, причем каждый штат обеспечивал формирование одного батальона.

Дивизии были приданы три артиллерийские бригады, каждая в составе трех четырехорудийных батарей (всего 36 орудий), полк легкой кавалерии в составе 546 всадников (формировавшийся штатом Виктория), а также инженерные и санитарные подразделения. Всего дивизия имела в своем составе 18 тыс. солдат.

Кроме того, была сформирована первая бригада легкой кавалерии в составе трех полков (первый полк сформировал

Новый Южный Уэльс, второй — Квинсленд, третий — Южная Австралия и Тасмания).

Отплытие транспортов с войсками состоялось на полтора месяца позже первоначально намеченного срока — в самом начале ноября 1914 г. Причиной такой задержки были активные действия германской эскадры в Тихом океане.

К началу войны в водах Тихого океана находилась германская эскадра в составе тяжелых крейсеров «Шарнгорст» и «Гнейзенау» и нескольких легких крейсеров. Командовал эскадрой адмирал фон Шпее.

Как мы уже отмечали, в последние дни перед объявлением войны австралийские военно-морские суда были сконцентрированы в сиднейской гавани. Когда же война была объявлена, перед австралийской эскадрой, которой командовал адмирал Пети, командованием была поставлена задача уничтожить германскую эскадру, которая, как предполагалось, была сосредоточена в гавани Рабаула. Поэтому австралийская эскадра направилась к Новой Гвинее и с наступлением темноты 11 августа подошла к Рабаулу. Но германского флота там не оказалось. Высадившиеся на берег австралийские матросы не нашли даже следов угольной станции и не могли пополнить подходившие к концу запасы угля и нефти на своих кораблях. Австралийский флот вынужден был вернуться в Порт-Морсби. Германская эскадра находилась в это время в районе Марианских островов, в 1600 милях от Рабаула.

Пока австралийская эскадра двигалась к Новой Гвинее, австралийское правительство получило телеграмму от правительства Великобритании, в которой в качестве «важного и неотложного дела» ставилась задача захвата германских владений в юго-западной части Тихого океана (на Новой Гвинее, Науру и Марианских, Каролинских и Маршалловых островах).

В телеграмме из Лондона австралийское правительство уведомлялось о том, что другим доминионам поручено действовать в том же направлении, в частности Новая Зеландия должна была захватить Самоа [194, 31].

Австралийское правительство немедленно вступило в контакт с правительством Новой Зеландии и договорилось о совместных действиях в бассейне Тихого океана. Одновременно австралийское командование поручило полковнику Леггу сформировать специальные войска для осуществления задач, поставленных британским правительством. Такие формирования, получившие название Австралийский военно-морской экспедиционный корпус, вскоре были созданы.

Тем временем новозеландские войска под охраной двух австралийских и одного французского крейсера 30 августа высадились на островах Самоа и оккупировали их. Вступив-

шая за неделю до этого в войну Япония блокировала Киа-Чао и послала свой флот на поиски германской эскадры.

11 сентября основные части Австралийского военно-морского экспедиционного корпуса были доставлены к восточному побережью острова Новая Гвинея, в Бленч-бей, и высадились на берег. Через десять дней, понеся незначительные потери, австралийские войска оккупировали территорию германской колонии в Новой Гвинее.

Военные суда, экскортировавшие транспорты с солдатами корпуса в Новую Гвинею, были посланы на розыски германской эскадры, которая, как стало известно, 22 сентября появилась у берегов Таити.

Видя, что германская эскадра уходит в восточном направлении все дальше от берегов Австралии (в середине октября она была уже у острова Пасхи), австралийское правительство сочло возможным начать транспортировку частей первой австралийской пехотной дивизии, которые к тому времени были сосредоточены в порту Олбани, на юго-западном побережье Австралии.

1 ноября 1914 г. 28 австралийских и 10 новозеландских транспортных судов под охраной смешанной эскадры английских, австралийских и японских военных кораблей покинули порт, направляясь к Суэцу.

3 декабря 1914 г. транспорты достигли Александрии. Высадившиеся на берег части австралийской пехотной дивизии были доставлены по железной дороге в район Каира, где и начали совместно с новозеландскими войсками подготовку к боевым операциям.

По предложению английского военного министра лорда Китченера войска двух этих доминионов были объединены под общим командованием британского генерала Бридвуда и получили название Австралийско-новозеландского корпуса (сокращенно АНЗАК).

В феврале 1915 г. в Египет прибыл второй контингент австралийских войск. К этому времени британское правительство приняло решение о нападении на Турцию, вступившую в войну на стороне Германии в октябре 1914 г. Было решено форсировать Дарданеллы и захватить Галлипольский полуостров.

Для осуществления этой операции была создана смешанная армия, куда вошли наряду с англичанами и французами австралийцы и новозеландцы.

В этих условиях турецкая армия, верховное командование которой осуществлял немецкий генерал фон Сандерс, приступила к строительству укреплений на полуострове. В укрепленных районах побережья и завязли союзные войска, высадившиеся на Галлипольском полуострове 25 апреля 1915 г.

Тяжелые, кровопролитные бои продолжались до декабря 1915 г. Союзное командование, убедившись в бессмысленности продолжения операции, приняло решение об эвакуации войск с Галлипольского полуострова. В ходе боев союзные войска потеряли убитыми 35 тыс. человек, из них австралийцев было 8,5 тыс.; число раненых достигло 78,5 тыс., среди которых австралийцев было 19 тыс. [406, 53]. Так посланцы далекой «белой колонии», которую до тех пор обходили грозы европейских и азиатских войн, впервые испытали на себе весь ужас войны.

Австралийско-новозеландские войска были переброшены во Францию, где приняли участие в тяжелейших боях на реке Сомме. За несколько недель в июле — августе 1916 г. австралийцы потеряли 20 тыс. человек в безрезультатных боях [406, 55].

Кровавые события войны получили громадный резонанс в Австралии. Шовинистический угар первых дней войны сменился сильными антивоенными настроениями, охватывавшими все более широкие слои австралийского общества. Это особенно проявилось в движении против введения обязательной воинской повинности с отбыванием ее за границей, или, проще говоря, против принудительной отправки солдат на фронты мировой войны.

Как мы отмечали выше, в Австралии в 1911 г. была введена лишь обязательная военная подготовка и войска могли быть использованы только внутри страны. Отправлять же военнослужащих для участия в боевых операциях вне территории страны правительство могло только на добровольной основе, в порядке вербовки волонтеров.

Акт 1911 г. сам по себе вызывал известное недовольство населения. В период 1911—1915 гг. было не менее 34 тыс. случаев судебных преследований за отказ от прохождения обязательной военной подготовки [223, 72].

Против Акта 1911 г. решительно выступали и социалистические и пацифистские организации.

Большие потери, которые несли австралийские войска, все труднее было восполнять за счет волонтеров. А британское правительство настойчиво требовало увеличения числа австралийских войск, участвовавших в боевых операциях. В феврале 1915 г. реакционная буржуазная организация Австралийская лига обороны потребовала от правительства «призвать мужчин нации для войны и обороны» [223, 72]. В июле того же года к этому требованию присоединились торговая и промышленная палаты.

Такая политика привела к активизации антивоенных сил. В Мельбурне были организованы Австралийский альянс мира и Товарищество против принудительной отправки солдат за границу, причем первый выступал также и за прекращение

войны вообще и разрешение межгосударственных конфликтов с помощью международного арбитража. Вся страна была охвачена острой борьбой, развернувшейся между сторонниками и противниками введения принудительной отправки войск за границу.

Против введения закона о принудительной отправке войск за границу выступили и крупные профсоюзы. Так, в июле 1915 г. резолюция протеста была принята Объединенной ассоциацией шахтеров. В этих условиях вожди лейборизма поспешили заявить о своей солидарности с мнением трудовой Австралии.

У. Хьюз в августе заявил в палате представителей, что «ни при каких обстоятельствах не согласится с отправкой людей из страны для участия в боях против их воли». 24 сентября премьер Э. Фишер сказал посетившей его депутации тред-юнионистов, что он и его министры «неизменно возражают против принудительной отправки солдат за границу» [310, 58].

В то же самое время федеральное лейбористское правительство принимает (в июле 1915 г.) Акт об учете военнообязанных, являвшийся подготовительной мерой к введению закона о принудительной отправке военнообязанных за границу для участия в войне.

В октябре 1915 г. Э. Фишер ушел с поста премьер-министра. Его заменил У. Хьюз. По приглашению британского правительства он в ноябре выехал в Англию, где дал обещание послать на фронты мировой войны 50 тыс. австралийских солдат. Сразу же вслед за заявлением У. Хьюза в стране были распространены военно-учетные карточки. Но 180 тыс. рабочих по призыву своих профсоюзов отказались их заполнять, что привело к срыву этой акции правительства и стало поводом для еще большей активизации антивоенных настроений.

В мае 1916 г. в Мельбурне специальная конференция профсоюзов Виктории принимает решение о всеобщей оппозиции введению закона об обязательной отправке военнослужащих за границу. Аналогичное решение принимает и конференция лейбористской партии этого штата. Конференция лейбористов Нового Южного Уэльса принимает в этот же период резолюцию, которая «торжественно провозглашала борьбу против принудительной отправки военнослужащих за границу всеми законными средствами» [310, 60].

У. Хьюз вернулся из Англии в августе 1916 г. и немедленно собрал заседание представителей лейбористских партий почти всех штатов. После этого заседания, 30 августа, он сделал следующее заявление: «После срочных и важных переговоров с Военным советом Великобритании правительство пришло к заключению, что добровольная система набо-

ра армии не может обеспечить такого притока пополнений, который необходим для того, чтобы Австралийский экспедиционный корпус сохранял всю свою силу» [310, 60].

Через день, 1 сентября, У. Хьюз присутствовал на заседании исполкома лейбористской партии Виктории и в течение трех часов пытался склонить комитет к поддержке позиции федерального правительства, но потерпел полную неудачу. Тогда Хьюз попытался добиться своей цели, действуя через исполком лейбористской партии Нового Южного Уэльса, но опять неудачно. Голосованием (21 против 5) предложение Хьюза о поддержке правительства было отвергнуто. Такую же позицию заняло руководство лейбористской партии Квинсленда [223, 75].

Однако это не остановило У. Хьюза. Он надеялся получить поддержку населения страны на референдуме, о проведении которого было объявлено федеральным правительством уже 30 августа. Премьер-министра энергично поддержал У. Хольман, ставший в это время лидером лейбористской партии и главой правительства Нового Южного Уэльса.

15 сентября исполком лейбористской партии исключил У. Хьюза из рядов партии и принял решение о приостановлении действия полномочий У. Хольмана и трех других членов лейбористской фракции парламента штата до проведения новых выборов. Одновременно члены партии были предупреждены, что в случае если кто-либо из них выступит в поддержку правительства, то с ним поступят таким же образом.

Хольман и поддерживавшее его большинство членов правительства Нового Южного Уэльса отказались подчиниться решению исполкома и были исключены из партии. Лидером лейбористской партии штата стал Дюрек, а Хольман и его коллеги присоединились к либералам.

Подготовка к референдуму, который был назначен на конец октября, приняла характер острой политической борьбы. Милитаристские силы получали широкую финансовую помощь австралийской буржуазии, заинтересованной в более широком участии страны в мировой войне. Полную поддержку оказала милитаристам и вся буржуазная пресса Австралии. Тем не менее референдум, состоявшийся 28 октября 1916 г., принес победу антивоенным силам страны. 1 160 033 голоса было подано против принудительной отправки военнослужащих за границу для участия в войне, 1 087 557 человек высказалось в поддержку предложения правительства.

Оценивая результаты референдума, Э. Кемпбелл писал: «Если рассмотреть все обстоятельства, то поражение сторонников принудительной отправки военнослужащих за границу означало выдающуюся победу демократических сил в Ав-

стралии, и в первую очередь рабочего движения. Результаты референдума показали, что, хотя рабочие и средние классы были обмануты относительно действительного характера войны и большинство их не выступало активно против нее, они не были столь глубоко увлечены шовинизмом, чтобы позволить принести в жертву на алтарь милитаризма остатки демократических прав» [223, 76—77].

В буржуазных кругах и Австралии и Великобритании результаты референдума вызвали сильное раздражение. Даже в вышедшей почти через полстолетия книге об Австралии английский буржуазный ученый Трэвор Рис раздраженно писал по этому поводу: «Референдум бросил тень на усилия Австралии в войне; ее политика становится вульгарной и беспорядочной, и, несмотря на Галлиполи, она потеряла возможность разжечь дух общества, чего старые нации достигли коллективной дисциплиной и жертвами, требующимися в дни национального бедствия» [406, 59].

Когда федеральный парламент возобновил свою работу, прерванную референдумом, состоялось заседание парламентской фракции лейбористской партии. На нем начались острые дебаты по поводу политики правительства, причем большинство членов фракции выступало против правительственного курса.

В такой обстановке Хьюз призвал своих сторонников покинуть заседание. 25 человек последовало за ним, но сорок парламентариев осталось в зале. Они приняли для своей организации название «Австралийская рабочая партия», выбрали лидером Фрэнка Тюдора и перешли на положение парламентской оппозиции.

Не считаясь с волей большинства в парламентской фракции и самой партии, Хьюз сформировал новое правительство, в которое вошли такие ренегаты, как Хольман и ему подобные. Объединившись с либералами, Хьюз и его сторонники образовали новую политическую организацию, получившую название Национальной партии. Опираясь на эту партию, Хьюз добился победы на парламентских выборах в мае 1917 г., получив большинство мандатов как в палате представителей, так и в сенате.

Тем временем сражения в далекой Европе приобретали все более кровопролитный характер. Австралийский экспедиционный корпус, продолжавший сражаться во Франции, нес большие потери, восполнить которые путем отправки волонтеров не удавалось.

Весной 1917 г. в боях в районе Белькур австралийские войска потеряли 10 тыс. человек, а в боях в Мессине в июле 1917 г. потери объединенных австрало-новозеландских войск достигли почти 14 тыс. человек. В боях под Ипром австралийцы потеряли еще 38 тыс. человек [194, 344, 356, 376].

Австралийское правительство приняло решение провести новый референдум, чтобы добиться получения права принудительной отправки солдат на фронты мировой войны.

17 ноября 1917 г. население страны должно было ответить на поставленный правительством вопрос: «Одобряете ли вы предложения правительства по пополнению Австралийских имперских сил за границей?» Результаты референдума опять оказались не в пользу правительства. Более того, число голосовавших против увеличилось по сравнению с первым референдумом почти на 100 тыс.: отрицательно ответили на вопрос 1 187 474 человека, положительно — 1 015 159.

У. Хьюз до начала референдума заявил, что он покинет пост премьер-министра, если результаты референдума будут не в пользу правительства. Когда в январе 1918 г. парламент возобновил свою работу, он действительно заявил о своей отставке. Но немедленно вслед за этим по предложению генерал-губернатора Австралии Рональда Мунро Фергюсона было проведено совещание лидеров различных партий, которое попросило «досточтимого У. М. Хьюза» продолжать управлять государством. Вся затея с отставкой была, несомненно, со стороны Хьюза хорошо рассчитанной политической игрой. Такой опытный в политических махинациях человек, как Эватт, писал впоследствии: «Нельзя допустить, что Хьюз также не использовал обстановки в парламенте, и он знал превосходно, что его формальное заявление об отставке будет чисто техническим» [310, 68—69]. Хьюз думал таким путем укрепить свое положение главы федерального правительства.

Но обстановка в стране продолжала осложняться. Уменьшалась заработная плата, увеличивался рабочий день, росла стоимость жизни в стране. К июлю 1917 г. стоимость жизни выросла в Австралии по сравнению с довоенным уровнем более чем на 30%. Цены на мясо увеличились на 62,5%, а на другие продукты питания в среднем на 22,6%. Общее увеличение цен произошло в среднем на 32,6% [223, 79].

В то же время австралийские предприниматели весьма значительно увеличивали свои доходы. Так, например, дивиденды «Брокен Хилл Норт» возросли с 5 до 40%, а «Брокен Хилл Саут» — с 15 до 120%.

Из месяца в месяц росло и ширилось забастовочное движение. Приведенная таблица дает представление о росте забастовочного движения в Австралии в первые три года мировой войны.

В течение первой половины 1917 г. забастовочное движение продолжало нарастать, и наконец с первых чисел августа в стране началась всеобщая забастовка. Решение об этом было принято на заседании представителей ряда профсоюзов 2 августа. Через 5 дней, 7 августа, решение о проведении забастовки приняли 18 профсоюзов и 30 тыс. рабочих прекра-

Таблица 10

ЗАБАСТОВОЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ В АВСТРАЛИИ *

Год	Число забастовок			Число участвовавших в них рабочих, тыс.		
	горнорудная промышленность	другие отрасли промышленности	во всей промышленности	горнорудная промышленность	другие отрасли промышленности	во всей промышленности
1913	91	69	160	29	13	42
1914	220	93	313	56	19	75
1915	225	89	314	66	28	94
1916	209	135	344	130	27	157

* [223, 81].

тили работу. 9 августа число бастовавших увеличилось до 45 тыс. Наибольшим число бастовавших было в начале сентября — 68 тыс. [223, 95].

Для борьбы с забастовкой правительство применило испытанный прием — наем штрейкбрехеров, на что были истрачены значительные суммы из государственных средств. Вся буржуазная пресса начала травлю бастующих. Воскресные газеты 12 августа опубликовали правительственное заявление следующего содержания:

«Врагам Британии и ее союзников удалось развернуть в Австралии всеобщую забастовку. В настоящее время они парализовали усилия нашей страны помочь в великой войне. За кулисами стачки скрываются организации „Индустриальные рабочие мира“ и „Организация прямых действий“. Не поняв этого, профсоюзы стали орудием нелояльных и революционных элементов. В течение двух последних лет был организован широкий заговор, имеющий целью не дать Австралии возможности оказывать дальнейшую помощь Великобритании и ее союзникам. Каждый бастующий действует в пользу нелояльных элементов. Каждый бастующий изо дня в день поет гимн организации „Индустриальные рабочие мира“ и марширует под их музыку. Правительство не против профсоюзов. Члены профсоюзов, которые добровольно выйдут на работу, будут признаны членами новых профсоюзов, зарегистрированных согласно Акту о профсоюзах. Кто за Австралию и ее союзников?» [223, 93].

14 и 17 августа были произведены первые аресты профсоюзных активистов, причем им было предъявлено обвинение именно в тайном заговоре. Правительство отказалось вести дальнейшие переговоры со стачечным комитетом, объявив его 24 августа нелегальной организацией. В это важнейшее

для судьбы забастовки время комитет проявил очевидные признаки слабости и готовность сдать позиции. В выпущенном им манифесте, написанном, по справедливому замечанию Э. Кемпбелла, «в подхалимском тоне», говорилось о согласии прекратить забастовку и начать переговоры с уполномоченными правительства. «Эта забастовка навязана нам. Мы действуем только в порядке самообороны», — сетовал и одновременно оправдывался стачечный комитет в своем манифесте [223, 98].

Подобное поведение руководителей забастовки вызывало понятную растерянность, падение дисциплины в рядах бастующих, неуверенность в своих действиях. В то же время в борьбе с бастующими правительство действовало целеустремленно и четко.

6 сентября руководителям забастовки было предложено в двухдневный срок принять правительственные условия капитуляции. Поговорив для порядка о «борьбе до мученического конца», комитет принял эти условия, что означало поражение забастовки. Рабочие массы выразили резкий протест против этого решения комитета и продолжали борьбу. Фактически возобновить работу промышленности и транспорта удалось только через месяц. Так, шахтеры вышли на работу 3 октября, а моряки и докеры — 18 октября [223, 102].

Поражение всеобщей забастовки, показавшее очевидные слабости в профсоюзном движении, заставило профсоюзы вновь вернуться к обсуждению вопроса о создании единой профсоюзной организации страны. Это была не новая идея. Еще в 1891 г. на межколониальной конференции австралийских профсоюзов в Балларате был одобрен разработанный У. Лейном проект создания общеавстралийской рабочей федерации.

В августе 1918 г. в Сиднее конгресс профсоюзов Нового Южного Уэльса, на котором присутствовали представители 150 организаций, рассмотрел и одобрил план создания «Единого большого союза». Так же поступили конгрессы профсоюзов, состоявшиеся в других штатах. После этого всеавстралийский конгресс профсоюзов, созванный в Мельбурне, утвердил план создания «Единого большого союза».

Однако этот план так и не был осуществлен. Лишь одна организация — Федерация шахтеров, одобрив план, изменила свое название и стала именоваться «Союз индустриальных рабочих Австралии; отдел шахтеров». Все другие профсоюзы под воздействием бюрократической верхушки либо выразили несогласие с этим планом, либо, формально одобрив его, положили под сукно [223, 105]. Однако в Австралии в годы первой мировой войны консолидировались и левые, прогрессивные силы. На их укрепление и развитие оказала боль-

шое влияние Великая Октябрьская социалистическая революция.

«Великая Октябрьская социалистическая революция, — писал Э. Кемпбелл,— оказала глубокое и плодотворное влияние на рабочее движение в Австралии... Влияние Октябрьской революции и начавшееся вслед за ней распространение в Австралии ленинского учения помогли австралийскому рабочему классу сделать этот решительный и огромный, исторической важности шаг. 30 октября 1920 года была основана Коммунистическая партия Австралии» [89, 5].

В этот день в Сиднее была созвана Австралийской социалистической партией конференция левых и социалистических групп. Конференция приняла решение о создании новой партии и избрала временный исполнительный комитет в составе 12 человек, включая трех представителей АСП, для управления делами партии на период, пока представители участвовавших в конференции групп ознакомят своих членов с ее решениями и получат их поддержку.

Конференция возобновила работу 6 ноября. Однако теперь представители АСП заняли иную позицию. Они заявили о необходимости отложить окончательное формирование партии на два года. Под их давлением конференция и приняла такое решение. Поэтому фактически Коммунистическая партия Австралии начала свою деятельность с июня 1922 г.

Война наложила свою печать на развитие австралийской экономики в 1914—1919 гг. Как мы уже подчеркивали выше, Австралия, несмотря на некоторое развитие ее промышленности, продолжала оставаться аграрной страной, где производство шерсти занимало господствующее положение.

Германия являлась третьим после Великобритании и Франции покупателем австралийской шерсти. Одновременно она занимала весьма важное место в австралийском импорте. Начавшаяся мировая война положила конец германо-австралийским торговым отношениям. Однако вызванное войной увеличение потребления шерсти как в самой Австралии, так и в Великобритании и Франции, а также значительный рост цен на нее (на 55%) [189, 497] компенсировали австралийской буржуазии потерю германского рынка. Правительством был создан Центральный комитет по шерсти, состоящий из представителей овцеводческих хозяйств, промышленности и торговых предприятий. Комитет действовал до 1921 г. и занимался всеми вопросами, связанными с производством и торговлей шерстью.

Значительные сложности возникли в период войны с экспортом пшеницы. Ее транспортировка требовала большого количества судов. «Чтобы доставить 500 000 тонн австралийской пшеницы в Великобританию, — говорится в „Официальной истории Австралии в войне 1914—1918 гг.“, — требовалось

100 судов в течение шести месяцев, курсировавших по маршруту, в три раза превышавшему путь из Канады» [195, vol. XI, 583].

Когда немцы развернули подводную войну, то вместе с командами многочисленных потопленных кораблей союзников австралийские фермеры также «были в определенном смысле торпедированы» [195, vol. XI, 583].

Контроль за производством и торговлей зерном осуществлял в годы войны Совет по пшенице, председателем которого был сам премьер-министр Австралии. Каждый штат был представлен в совете посланцами четырех крупнейших зерновых фирм. Необходимые для деятельности совета средства в размере 15 млн. ф. ст. были выделены в его распоряжение австралийскими банками. Вопросы транспортировки входили в компетенцию Комитета по морскому транспорту. Комитет имел два подкомитета: по заморским перевозкам (с местопребыванием в Сиднее) и по перевозкам между штатами (с местопребыванием в Мельбурне).

Для того чтобы облегчить транспортировку грузов из Австралии в Европу, премьер-министр У. Хьюз в 1916 г., находясь в Англии, купил 15 судов, заплатив за них 2 млн. ф. ст. Следует заметить, что эта операция была весьма выгодна для австралийского правительства, ибо уже через два года эти суда полностью окупили себя [189, 500].

Очень строгий правительственный контроль был установлен за производством, а главное — продажей цветных металлов. Созданный правительством Комитет по торговле металлами следил за тем, чтобы они продавались только в Англию и союзные державы. Цинк и медь продавались только Великобритании. Члены комитета тщательно отбирались. Сюда не допускались иностранцы, даже натурализовавшиеся. В 1915 г. наиболее важные предприятия по производству металлов были поставлены под прямой контроль правительства. К их числу относились «Брокен Хилл Ассошиейтид Смелтерс Проприетери», «Цинк Ассошиейшн», «Коппер Ассошиейшн». Советы директоров этих компаний состояли только из правительственных чиновников.

Значительное сокращение импорта товаров в Австралию в годы войны повлекло за собой некоторое развитие местной промышленности. Но оно не было сколько-нибудь значительным. Так если в 1913 г. в промышленности было занято 337 тыс. рабочих, то в 1918 г.— 376 тыс. [189, 501].

Гораздо сильнее сказалась война на географии внешней торговли Австралии. Доля британских товаров в общеавстралийском импорте снизилась к концу войны с 60 до 41%. В то же время импорт из США за это время вырос с 11 до 25%. Развивались торговые отношения с Японией и Италией [189, 501].

Участие в войне требовало от Австралии значительных денежных средств. Как мы отмечали выше, развитие австралийской экономики было связано с использованием в больших размерах иностранного капитала. Война вызвала резкое сокращение иностранных инвестиций в австралийскую экономику.

Эти два обстоятельства (большие военные расходы и сокращение иностранных инвестиций) значительно осложнили финансовое положение страны, особенно в первые два года войны. Правительство искало выход из положения путем увеличения размеров внешних и внутренних займов и налогообложения. К июню 1918 г. Австралия заняла у британского правительства 49 млн. ф. ст., а размер внутренних займов достиг 188,5 млн. ф. ст. [189, 503].

Доля налогообложения в финансировании военных расходов неуклонно увеличивалась из года в год. Так, в 1914—1915 гг. за счет налогов было покрыто 640 218 ф. ст., а займы дали 14 млн. ф. ст.; в 1915—1916 гг. эти цифры составили 3,8 млн. и 37,4 млн. ф. ст.; а в 1916—1917, 1917—1918 и 1918—1919 гг.— соответственно 11,8 млн. и 53,1 млн. ф. ст.; 11,9 млн. и 55 млн.; 21,2 млн. и 62,2 млн. ф. ст. [189, 504].

Такая финансовая политика приводила к стремительному росту цен, резкому удорожанию стоимости жизни в Австралии. В 1914—1918 гг. стоимость строительных материалов увеличилась на 144%, угля и металлов — на 119, текстиля — на 131, мяса — на 47, бакалейных товаров — на 37, зерновых продуктов — на 35, молочных продуктов — на 21%. В среднем стоимость жизни увеличилась почти на 50% [189, 504].

Заключительный этап мировой войны стоил австралийской армии новых больших жертв. В течение двух месяцев — с 8 августа до 5 октября 1918 г.— Австралийский экспедиционный корпус участвовал в кровопролитных боях под Амьеном.

Участие в первой мировой войне дорого обошлось австралийскому народу. По числу жертв (в процентном отношении к общей численности войск, участвовавших в боях) Австралия заняла первое место среди стран Британской империи. В подтверждение этого мы приведем таблицу австралийского ученого Бина, написавшего официальную историю участия Австралии в войне 1914—1918 гг. (см. табл. 11).

Общие военные расходы Австралии за 1914—1919 гг. составили 364 млн. ф. ст. [194, 533].

ВЕРСАЛЬСКИЙ МИР И АВСТРАЛИЯ

Принеся тяжелые жертвы на алтарь победы союзных войск, Австралия твердо намеревалась получить свою долю военной добычи. Поэтому в период подготовки мирного до-

	Население	Призвано в армию	Участвовало в боях	Убито или умерло от ран
Великобритания	48 089 249	5 704 416	539 563	702 410
Канада	8 361 000	624 964	422 405	56 625
Австралия	4 875 325	416 809	331 781	59 342
Новая Зеландия	1 099 449	128 525	98 950	16 664
Южная Африка	6 685 827	136 070	136 070	6 928
Индия	315 200 000	1 440 437	1 388 620	53 486

* [194, 533].

говора австралийское правительство проявило особую заинтересованность в решении вопросов компенсации ущерба, нанесенного действиями врага.

Премьер-министр У. Хьюз постарался войти в число членов Комитета по репарациям. Когда стал решаться вопрос о судьбе германских колоний, то Хьюз, имея в виду получение Австралией подвластных Германии территорий в Тихом океане, категорически настаивал на проведении в отношении всех германских и турецких владений единого принципа — аннексии. В этом отношении он шел впереди правительства Великобритании.

Дело в том, что перед странами — участницами Версальской конференции было три возможных варианта решения вопроса: 1) вернуть эти территории прежним владельцам; 2) предоставить им независимость; 3) аннексировать их. Но ни один из этих вариантов не нашел поддержки всех колониальных держав.

Победители были единодушны в отказе вернуть Германии и Турции их колонии. Президент США В. Вильсон заявил об этом в декабре 1918 г. [369, vol. 1, 41].

Такое же единодушие было проявлено в отказе предоставить этим территориям независимость. По старой колонизаторской традиции выдвигались «чисто» альтруистические мотивы: бесчеловечно бросать туземцев на произвол судьбы, которой они не научились управлять самостоятельно [380, 10].

Сами же народы не разделяли подобную тревогу колонизаторов, чему есть прямые доказательства. Например, Фейсал, второй сын короля Хусейна, обратился к участникам Версальской конференции с просьбой о предоставлении независимости всем арабским странам [380, 9].

При обсуждении третьего варианта решения вопроса единодушие нарушилось. США выступили против прямой аннексии. Франция, Бельгия, Япония, Южно-Африканский Союз,

Таблица 11

В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ *

Ранено	Попало в плен	Общие потери	Процентное отношение	
			войск, участвовавших в боях, к численности населения	потерь к общему числу войск, участвовавших в боях
1 662 625	170 389	2 535 424	11,2	47,1
149 732	3 729	210 086	5,0	49,7
152 171	4 084	215 045	6,8	64,8
41 317	530	58 501	8,9	58,6
11 444	228	18 600	2,0	13,6
64 350	3 762	121 598	0,4	9,1

Австралия и Новая Зеландия предъявили территориальные требования на бывшие германские и турецкие владения. Италия и Англия занимали промежуточную позицию.

В качестве компромиссного выхода из создавшегося положения президент Вильсон выдвинул идею предоставления мандатов на управление территориями [369, vol. XIV, 42]. Это было развитием положения, содержащегося в пункте пятом известного послания Вильсона от 8 января 1918 г., в котором провозглашалось, что при разрешении колониальных претензий «интересы местного населения будут иметь одинаковый вес со справедливыми требованиями правительства, чьи права должны быть определены» [439, 9].

Сама идея мандата на управление территорией или выполнение каких-либо действий на определенной территории одним государством от имени других государств была не нова. Она родилась еще в XIX в. Так, Берлинским актом 1885 г. был выдан мандат от имени великих держав на управление государством Конго бельгийскому королю Леопольду; по соглашению, достигнутому на Вашингтонской конференции 1887 г., три державы — США, Англия, Германия установили мандат на совместное управление островами Самоа; в 1898 г. был выдан мандат от имени великих держав на управление островом Крит греческому принцу Георгию.

В 1860 г. Франция по поручению нескольких держав вторглась в Ливан под предлогом охраны христианского населения страны; по Алжесирасскому акту 1906 г. страны — участники конференции передали руководство марокканской полицией в ведение швейцарского офицера [144, 28].

Конкретный план мандатной системы представил на рассмотрение Версальской конференции убежденный колонизатор генерал Сметс

Сначала было предложено создать два типа подмандатных территорий: 1) территории, которые передавались под опеку государствам с целью «обеспечить их жителям мир,

порядок и доброе управление», и 2) государства, которые «должны достигнуть независимости и которые вправе получить всю желаемую ими помощь для обеспечения мира, порядка и доброго управления» [цит. по: 380, 10—11].

Но Австралия и Новая Зеландия отказывались включить в эти категории острова Тихого океана, а Южно-Африканский Союз — германскую Юго-Западную Африку. В качестве компромиссного выхода была придумана по предложению того же генерала Сметса третья категория подмандатных территорий (следует отметить, что на всех заседаниях конференции, обсуждающих судьбу бывших германских и турецких владений, Сметс получал неизменную и активную поддержку со стороны Хьюза).

К этой категории были отнесены территории, управление которыми должно было выражаться в «распространении на них законов государства-мандатария как на составную часть этого государства» [380, 11].

Так возникли три вида подмандатных территорий в зависимости «от степени их развития», которые были обозначены соответственно «А», «В», «С».

Юридическое оформление новая система нашла в ст. 22 Устава Лиги наций.

К категории «А» были отнесены бывшие турецкие колонии — Ирак, Палестина (в 1921 г. из состава Палестины была выделена в отдельную мандатную территорию Трансиордания), Сирия и Ливан, чье существование как независимых наций могло быть временно признано при условии, что государства-мандатарии будут оказывать им помощь и давать советы в области административного управления.

К категории «В» были отнесены бывшие германские колонии в Африке, за исключением Юго-Западной Африки, т. е. Того, Камерун, Танганьика, Руанда-Урунди, в которых управление осуществлялось мандатариями на следующих условиях: а) предоставление населению свободы совести и религии; б) запрещение торговли рабами, а также оружием и спиртными напитками; в) запрещение сооружения укреплений, военных или морских баз, а также военного обучения местных жителей для других целей, кроме полицейской службы и защиты территории; г) обеспечение политики «открытых дверей» для всех членов Лиги наций.

К категории «С» были отнесены бывшие германские колонии в Тихом океане: Новая Гвинея (мандатарий — Австралия), Науру (мандатарии — Австралия, Новая Зеландия и Великобритания), Западное Самоа (мандатарий — Новая Зеландия), Марианские, Маршалловы и Каролинские острова (мандатарий — Япония), а также Юго-Западная Африка (мандатарий — Южно-Африканский Союз). На эти территории распространялись законы государств-мандатариев при

условии соблюдения гарантий, предусмотренных для подмандатных территорий типа «В» [см.: 380, 13—14].

Нетрудно обнаружить, в чем существо компромисса, создавшего мандатную систему. США — поборники этой системы — добились распространения принципа «открытых дверей» на основную массу подмандатных территорий («А» и «В»).

Несмотря на то что сенат США не ратифицировал Версальский договор и США не вошли в Лигу наций, они добились равных прав с членами Лиги наций на подмандатных территориях. По договору с Францией от 13 февраля 1923 г. США приобрели равные права в Того и Камеруне, а по договору от 4 апреля 1924 г. — в Сирии и Ливане. По договору с Бельгией от 18 апреля 1923 г. США добились аналогичных прав в отношении Руанда-Урунди. По договору от 3 декабря 1924 г. Англия предоставила США эти права в Палестине, а по договору от 10 февраля 1925 г.— в Того, Камеруне и Танганьике [138, 136]. Более того, по договору 1922 г. США получили равные с Японией права на островах Тихого океана к северу от экватора; таких прав не имели даже члены Лиги наций [144, 31].

Что касается старых колониальных держав, то они использовали мандатную систему как удобную ширму для расширения подвластных им владений. В уставе Лиги наций ничего, по существу, не говорилось о сроках действия мандата, о времени предоставления независимости подмандатной территории, об ответственности мандатария в отношении его действий на подмандатной территории.

Созданная Советом Лиги наций 29 ноября 1920 г. Постоянная мандатная комиссия являлась лишь комитетом экспертов, не наделенным какой-либо административной властью. Комиссия лишь получала ежегодные доклады мандатариев и давала заключения по ним. Характерно, что по ст. 22 Устава мандатарии были подотчетны не Генеральной Ассамблее Лиги наций, а Совету Лиги, в котором большинство голосов принадлежало колониальным державам. Таким образом, колонизаторы гарантировали себя даже от самого минимального риска быть разоблаченными.

Вместе с тем тот факт, что управление территориями формально осуществлялось от имени Лиги наций, в ст. 22 Устава которой цель опеки над подмандатными территориями определялась как «благосостояние и развитие этих народов», давал возможность рядить скомпрометировавший себя колониальный режим в более привлекательные одежды, что было весьма важно в условиях усиления в послевоенный период национально-освободительного движения.

Анализ текстов соглашений о предоставлении мандатов со всей очевидностью показывал, что действительное положение народов при переводе их стран из колониального в под-

мандатное состояние не должно было претерпеть никаких изменений. Жизнь это наглядно подтвердила. Мандатная система просуществовала 20 лет. За это время ни одна подмандатная территория не получила независимости.

В ходе дальнейшего изложения мы еще будем подробно останавливаться на положении на подвластных Австралии тихоокеанских островах. Здесь же лишь отметим, что передача Новой Гвинеи и Науру под управление Австралии не внесла, по существу, ничего нового, положительного в жизнь народов этих территорий.

Единственным государством, выступавшим против мандатной системы на всем протяжении ее существования, был Советский Союз, постоянно разоблачавший ее империалистическую, колонизаторскую сущность.

Еще в ноте, направленной 18 мая 1923 г. Англии, Франции и Италии, Советское правительство заявило, что оно не признает «так называемого мандатного состояния» и относится отрицательно «к положению, создавшемуся в Палестине, Сирии и других мандатных территориях».

При вступлении в 1934 г. в Лигу наций Советский Союз вновь подчеркнул свое отрицательное отношение к мандатной системе. В речи на пленарном заседании Ассамблеи Лиги 18 сентября 1934 г. представитель СССР заявил, что, не участвуя в разработке Устава Лиги наций, Советский Союз не может взять на себя ответственность за ряд его органических пороков, в частности за ст. 22 о системе мандатов. СССР, став постоянным членом Совета Лиги, отказался делегировать своего представителя в Мандатную комиссию.

В гигантском пожаре второй мировой войны сгорели и сама Лига наций и ее мандатная система. Большинство бывших подмандатных территорий (в том числе тихоокеанских) стали независимыми государствами. Это произошло не вследствие политики стран-мандатариев, а вопреки ей. Не мандатная система подготовила этот переход, он произошел после второй мировой войны благодаря могучему подъему национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах.

АВСТРАЛИЯ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ

Победоносное для Антанты окончание первой мировой войны не означало разрешения вызванных ею внутренних социально-классовых конфликтов ни в самих странах «блестящего содружества», ни в их заморских землях. Австралия встретила Версальский мир в условиях резкого обострения внутриполитической обстановки.

Возникшая в 1920 г. Австралийская коммунистическая партия, несмотря на все внутрипартийные разногласия и трудности, способствовала распространению марксистского учения в австралийском рабочем движении. В этой ситуации, для того чтобы сохранить в своих руках власть над профсоюзами, лейбористское руководство должно было пойти на значительную революционизацию программы Австралийской лейбористской партии.

В начале 1921 г. федеральный исполком лейбористской партии принял решение о проведении всеавстралийского Конгресса профсоюзов для выработки новой программы рабочего движения в Австралии.

В июне 1921 г. в Мельбурне состоялось открытие этого конгресса, на котором были представлены профсоюзы, объединяющие 700 тыс. австралийских рабочих. Открывая заседание, председатель конгресса Э. Холлоуэй, являвшийся в то время председателем исполкома Австралийской лейбористской партии, заявил, что основная задача конгресса заключается в обсуждении целей рабочего движения в Австралии, создании новой программы, поскольку существующая не соответствует изменившейся политической обстановке [310, 79].

В ходе дискуссии, развернувшейся на конгрессе, представители ряда профсоюзов весьма резко критиковали существовавшие институты и требовали коренного изменения программы лейбористской партии.

Так, представитель шахтеров М. Консидайн назвал федеральный парламент «инструментом, с помощью которого

господствующее капиталистическое меньшинство держит в руках несведущее и апатичное большинство» [310, 79].

Представитель профсоюзов Виктории Э. Расселл предложил зафиксировать в программе, что «социализация промышленного производства, распределения и обмена является конечной целью лейбористской партии». После оживленного обсуждения это предложение было принято и председательствующий заявил, что оно будет представлено на рассмотрение предстоящей конференции лейбористской партии [310, 79].

На конгрессе были обсуждены также вопросы национализации банков, отмены обязательной военной подготовки, создания «Одного большого союза» и др. Конгресс закончился, как говорилось в официальном отчете, исполнением песни «Красный флаг».

10 октября 1921 г. в Брисбене начала работу девятая федеральная Конференция лейбористских партий. Главной задачей конференции было обсуждение решений всеавстралийского Конгресса профсоюзов, прежде всего вопроса о программе партии.

Следует сказать, что действовавшая программа, принятая на восьмой Конференции Австралийской лейбористской партии, состоявшейся в июне 1919 г., так определяла главную цель партии: «Культивирование австралийского чувства. Сохранение политики „Белой Австралии“ и развитие просвещенного и уверенного в себе общества. Освобождение общественного труда от всех форм эксплуатации и получение всеми рабочими полного вознаграждения за их труд путем коллективного владения и демократического контроля коллектива, использующего агентства по производству, распределению и обмену. Сохранение и развитие братских отношений с рабочими организациями всех стран. Предотвращение войны посредством разрешения международных споров трибуналом, облеченным властью, достаточной, чтобы добиться выполнения своего решения» [310, 81].

Уже на второй день работы конференции У. Риордин (из Квинсленда) без всяких комментариев выдвинул предложение о том, чтобы в соответствии с постановлением австралийского Конгресса профсоюзов «социализация производства, распределения и обмена являлась конечной целью лейбористской партии» [310, 82].

Это предложение встретило резкие возражения со стороны одного из лидеров лейборизма — Э. Теодора. Если такая программа будет одобрена, заявил он, лейбористская партия может изменить свое название на Коммунистическую партию [223, 112].

Одновременно с этим Э. Теодор, чтобы вызвать обструкцию, сказал: «Нет и двух делегатов, которые имели бы одинаковое представление о том, что означает социализация про-

изводства. Одни могли бы заявить, что социализация означает то, что партия уже определила как коллективную собственность; другие могли бы придерживаться иного мнения». И тут же Э. Теодор предложил следующую редакцию определения главной цели партии: «Освобождение труда от всех форм капиталистической эксплуатации и получение всеми рабочими и производителями полного вознаграждения за свой труд с помощью: а) национализации тех объединений в области производства, распределения и обмена, которые используются при капитализме для ограбления общества; б) совместных действий в области финансирования производства, продажи и распределения продуктов сельского хозяйства» [310, 82]. Но более чем двойным большинством голосов эта поправка Э. Теодора была отвергнута.

В тот же день, 11 октября 1921 г., конференция приняла предложение У. Риордина о «конечной цели» Австралийской лейбористской партии.

Вслед за этим был предложен пункт о «социализации производства, распределения и обмена» — один из центральных в программе партии в соответствии с рекомендациями. Но в этом случае Теодору удалось взять реванш. Он добился принятия решения о создании специального подкомитета для рассмотрения указанного предложения и избрания его самого в состав этого подкомитета.

На заседаниях подкомитета Теодор убеждал его членов принять пункт о социализации в качестве «конечной» (читай: «практически недостижимой!») цели, но не включать его в программу действий партии. Несмотря на возражения ряда членов подкомитета, считавших, что этот пункт должен быть в числе центральных вопросов программы деятельности партии, Теодору удалось добиться отклонения конференцией (20 голосами против 11) предложения о включении пункта о борьбе за «социализацию производства, распределения и обмена» в качестве центрального пункта программы действий партии. Пункт о социализации был ослаблен еще и принятием ряда оговорок оппортунистического характера. Так, по предложению Теодора в программе было подчеркнуто, «что для достижения поставленной цели должны быть использованы конституционные методы экономических и парламентских действий».

Конференция близилась к завершению, когда по предложению другого лидера лейборизма, будущего федерального премьер-министра Д. Скеллина, в программу в качестве одного из главных принципов деятельности партии была включена старая формула о «культивировании австралийского чувства, сохранении политики „Белой Австралии“ и развитии Австралии в просвещенное и уверенное в себе общество» [310, 83].

Не было достигнуто соглашения и о создании единого профсоюзного центра — «Одного большого союза». В последующие годы был, правда, создан Австралийский совет профсоюзов, но он имел довольно расплывчатую организационную форму и ограниченную компетенцию. Так, все выносимые советом рекомендации до их принятия должны были получить одобрение профсоюзов большинства штатов.

На 10-й (1924 г.) и 11-й (1927 г.) конференциях Австралийской лейбористской партии основным вопросом было обсуждение ее конституции. При этом вновь рассматривались формулировки, определяющие цели партии.

В окончательной редакции, принятой на 11-й федеральной Конференции лейбористской партии в Канберре, состоявшейся в мае 1927 г., определение цели партии и методов ее достижения выглядело следующим образом:

«Цель: социализация производства, распределения и обмена.

Методы: а) конституционное использование федерального парламента, парламентов штатов, муниципальных органов и всей административной системы;

б) расширение компетенции федерального банка до такой степени, пока полный контроль за банками страны не будет в руках народа;

в) организация кооперативной деятельности, которая позволит рабочим и другим производителям получить опыт управления, ответственности и контроля над производством;

г) культивирование идей и принципов лейборизма и развитие духа социальной полезности;

д) создание лейбористских исследовательских и информационных бюро;

е) прогрессивное осуществление реформ, определенных лейбористской платформой» [цит. по: 310, 90—91].

Принятие такой формулировки означало, что буржуазно-оппортунистическим силам в Австралийской лейбористской партии в конце концов удалось пресечь попытки прогрессивной ее части вытащить партию из трясины реформизма.

Сложное положение возникло и в правительственной коалиции. Созданная Хьюзом в период войны Национальная партия разваливалась под давлением внутренних противоречий. Сильным ударом по Национальной партии оказалось создание в 1919 г. Аграрной партии, объединившей сельскохозяйственную буржуазию страны. Лидером Аграрной партии стал Э. Пейдж. Новая партия смогла в короткие сроки многого добиться. Уже на федеральных выборах 1922 г. Аграрная партия получила 14 мест в парламенте. Теперь от нее зависело, останется ли у власти Национальная партия.

Пейдж заявил, что его партия поддержит националистов при условии, что Хьюз уйдет с поста премьер-министра. Пе-

реговоры продолжались несколько недель, в течение которых Хьюз продолжал выполнять обязанности премьера. Наконец он сдался и, 2 февраля 1923 г. подав в отставку, рекомендовал генерал-губернатору Австралии на пост федерального премьер-министра С. Бруса, занимавшего в его правительстве пост министра финансов. Во вновь созданном правительстве Аграрная партия была представлена, по существу, на равных правах с либералами (пять министерских постов из одиннадцати). В состав правительства вошел и лидер Аграрной партии — Э. Пейдж. В истории этот кабинет известен под названием правительство Бруса-Пейджа.

Правительство Бруса-Пейджа находилось у власти шесть лет. На выборах в федеральный парламент в октябре 1929 г. либерало-аграрная коалиция потерпела серьезное поражение, потеряв в общей сложности 18 депутатских мандатов. В то же время лейбористы увеличили свое представительство в федеральном парламенте до 47 мест (из 66). Лейбористская партия опять пришла к власти. Вновь сформированное правительство возглавил Д. Скеллин, а Э. Теодор стал министром финансов.

Это было трудное для страны время. Экономический бум первой половины 20-х годов начал сменяться явными признаками депрессии. Над Австралией уже распростерлась гигантская тень невиданного в истории капитализма мирового экономического кризиса.

20-е годы начались для Австралии весьма благоприятно. Цены на основные экспортные товары стремительно росли. Так, в 1925 г. экспортные цены на шерсть, зерно, масло и мясо в сравнении с 1913 г. увеличились соответственно на 163, 50, 60 и 60% [463, 290, 292].

В страну хлынул мощный поток людей и капиталов. За 1921—1927 гг. в Австралию прибыло 263 тыс. иммигрантов, а за 20 предшествующих лет — 248 тыс. К началу 30-х годов общая численность населения страны достигла 6,5 млн. К этому времени объем иностранного капитала, ввезенного в страну, в стоимостном выражении оценивался в 1188 млн. ф. ст., из которых британские инвестиции составляли 554 млн. [315, 109].

Выгодная экономическая конъюнктура способствовала развитию главных отраслей австралийской экономики. Производство шерсти выросло за 1920—1929 гг. с 625 млн. до 968 млн. фунтов, а число овец — с 86,1 млн. до 106,2 млн. голов [463, 50].

Соответственно выросли экспортные возможности Австралии. Так, экспорт шерсти за 1920—1929 гг. увеличился с 542 млн. до 763 млн. фунтов, а стоимость его — с 42,1 млн. до 55,9 млн. ф. ст. Экспорт мороженого мяса к середине 20-х годов по количеству более чем вдвое превысил довоен-

ный уровень (284 млн. фунтов против 130 млн.), а по стоимости — в три раза (4140 тыс. ф. ст. против 1460 тыс.) [463, 290—291].

Нельзя не учитывать известное изменение в географии австралийской внешней торговли. Хотя Великобритания и являлась по-прежнему основным торговым партнером Австралии, ее доля в австралийском внешнем товарообороте сократилась. Зато заметно выросла доля США и Японии. Если к началу первой мировой войны доля Англии в экспорте Австралии составляла 45,1%, то к 1929 г. она снизилась до 38%, а в импорте — с 59,7 до 39,7%. В то же время доля США увеличилась соответственно с 2,7 до 4% и с 1,3 до 3,4%, а Японии — с 1,6 до 7,9% и с 1,2 до 3,3% [463, 303—304].

Особенно заметно изменилось направление грузопотока главного австралийского экспортного товара — шерсти. За 1921—1931 гг. доля Великобритании в экспорте австралийской шерсти снизилась с 47,5 до 29,7%, в то время как доля стран континентальной Европы и Японии возросла соответственно с 38,1 до 47,7% и с 7,1 до 19,7% [463, 54].

Все изменилось после печально знаменитого дня 24 октября 1929 г., когда на нью-йоркской бирже начали стремительно падать курсы акций. В течение месяца они упали в среднем на 40% ниже их прежней стоимости. Гигантская волна невиданного кризиса захлестнула прежде всего Соединенные Штаты. Тысячи промышленных, торговых и финансовых предприятий обанкротились. Миллионы людей остались без работы. В этих условиях с особой иронией звучали слова, незадолго до этого сказанные президентом США Гувером: «Мы в Америке стали ближе к окончательному триумфу над бедностью, чем когда-либо в истории этой страны» [315, 109—110].

Очень быстро экономический кризис распространился на страны Европы и Японии. В 1932 г. общее число безработных в США, Японии и странах Западной Европы составило 30 млн.

Мировой экономический кризис тяжело ударил и по Австралии. Цены на ее главные экспортные товары резко упали. Если в 1928 г. фунт шерсти стоил 15 пенсов, а бушель пшеницы — 5 шилл., то к концу 1930 г. эти цифры составили соответственно 8 пенсов и 2 шилл. 6 пенсов [315, 109—110]. Стоимость австралийского экспорта в 1930 г. равнялась лишь половине его стоимости в 1928 г. Национальный доход страны в 1930/31 г. уменьшился на $^1/_3$. К 1933 г. почти третья часть австралийских трудящихся не имела работы. Заработная плата работавших сократилась на 20% [463, 8].

В 1930 г., в разгар экономического кризиса, когда десятки тысяч австралийских трудящихся дошли до полного обни-

щания, лейбористская партия, проводя свою 12-ю конференцию, упорствуя в политической слепоте, в качестве основного решения подтвердила свое отрицательное отношение к коммунистическому движению в Австралии. Подчеркивалось, что «ни коммунистическая партия, ни ее отделения не могут объединиться с Австралийской лейбористской партией. Ни один член коммунистической партии не может стать членом Австралийской лейбористской партии; членам Австралийской лейбористской партии запрещается защищать политику коммунистической партии» [цит. по: 310, 97].

В то же время лейбористская партия оказалась неспособной решать сложные вопросы руководства страной в условиях экономического кризиса. В рядах партии начался разброд. Так, Д. Лайнс к концу 1931 г. в преддверии федеральных выборов создал свою группу, получившую название Объединенная австралийская партия. На выборах, состоявшихся в декабре 1931 г., эта партия пришла к власти и в федеральном парламенте и во всех парламентах штатов, кроме Квинсленда. Ее лидер Д. Лайнс сформировал новое правительство Австралийского Союза, главой которого он являлся до своей смерти в апреле 1939 г. Но и после смерти Лайнса созданная им Объединенная австралийская партия оставалась у власти. Ее лидером и федеральным премьер-министром стал Роберт Мензис.

С 1934 г. экономическое положение Австралии начало улучшаться. Кризис отступил, но его последствия продолжали ощущаться еще долго. Развитие экономики страны существенно замедлилось. Приведем в этой связи следующую таблицу.

Таблица 12

ОБЪЕМ ПРОДУКЦИИ ОСНОВНЫХ ОТРАСЛЕЙ АВСТРАЛИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ В СТОИМОСТНОМ ВЫРАЖЕНИИ *, тыс. ф. ст.

Отрасль	1933/34 г.	1934/35 г.	1935/36 г.
Земледелие	70 731	68 587	75 200
Скотоводство	95 613	74 556	89 700
Мясо-молочное производство	40 306	44 763	48 500
Мясная промышленность и рыболовство	9 605	10 856	11 000
Горнорудная промышленность	17 608	19 949	23 500
Обрабатывающая промышленность	123 355	137 638	155 900
Всего	357 218	356 349	403 800

* [67,29].

Данные о поголовье скота в эти годы можно свести в следующий вывод (тыс. голов) [65, 35]:

Дата	Число овец	Число крупного рогатого скота	Число лошадей	Число свиней
31 декабря 1933 г.	109 921	13 512	1763	1047
31 декабря 1934 г.	113 048	14 049	1768	1158
31 декабря 1935 г.	110 886	13 912	1764	1294

Производство шерсти, составлявшее в 1931 г. 1 007 455 фунтов, несколько увеличилось и к 1941 г. равнялось 1 167 158 фунтам. Количество овец за это время увеличилось с 110 618 893 до 125 189 129 голов [159, 430].

Производство масла характеризовалось следующими данными: в 1933/34 г.— 450 936 тыс. фунтов, в 1934/35 г.— 469 079 тыс., в 1935/36 г.— 433 722 тыс. фунтов, а сыра — соответственно 38 476 тыс. фунтов, 39 975 тыс., 38 599 тыс. фунтов [67, 45].

Такое же положение было с производством пшеницы, что видно из приведенных ниже данных [67, 49]:

Год	Размер посевных площадей	Общее производство пшеницы, тыс. бушелей	Производство пшеницы с акра, бушели
1933/34	14 901	177 338	11,90
1934/35	12 544	133 393	10,63
1935/36	11 957	144 217	12,06
1936/37	12 342	150 559	12,19

Изменения в производстве сахарного тростника характеризуются следующими данными [67, 53]:

Год	Общая площадь под сахарным тростником, тыс. акров	Общее производство сахарного тростника, тыс. т
1933/34	329	4898
1934/35	322	4499
1935/36	335	4501

Австралийское хлопководство характеризуется в этот период довольно сильными колебаниями в своем развитии, о чем свидетельствуют приведенные ниже данные [67, 61]:

Год	Общая площадь под хлопком, акры	Годовой сбор хлопка, фунты
1933	87 096	17 718 000
1934	77 747	26 924 000
1935	57 017	20 766 209
1936	62 514	19 198 600
1937	55 133	11 792 828

Данные о производстве риса показывают незначительный рост [67, 62]:

Год	Общая площадь под рисом, акры	Годовой урожай риса, тыс. бушелей
1933/34	20 226	2172
1934/35	21 746	1888
1935/36	21 705	2164
1936/37	23 572	2240

Промышленность Австралии развивалась по сравнению с сельским хозяйством несколько более быстрыми темпами, занимая, правда, по-прежнему подчиненное положение в экономике страны.

Стоимость продукции горнорудной промышленности увеличилась с 1933 по 1936 г. с 17 608 тыс. до 27 562 тыс. ф. ст. Добыча золота за тот же период выросла с 714 135 унций до 1 169 301 унции; серебра — с 10 817 тыс. до 12 288 тыс. унций; меди — с 14 413 тыс. до 18 561 тыс. *т*; олова — с 2810 до 3361 *т*; свинца — с 222 тыс. до 224 тыс. *т*; цинка — со 124 тыс. до 172 тыс. *т*; чугуна — с 336 тыс. до 783 тыс. *т*; стали — с 393 тыс. до 820 тыс. *т*; угля — с 9092 тыс. до 11 370 тыс. *т* [67, 65, 68—71; 316, 73].

Общее число предприятий обрабатывающей промышленности увеличилось за 1934—1936 гг. с 23 297 до 24 894, а число занятых на них рабочих — с 405 909 до 492 775. Продукция обрабатывающей промышленности выросла в стоимостном выражении за тот же период с 330 134 тыс. до 414 688 тыс. ф. ст. [67, 73].

Объем внешней торговли Австралии в этот период увеличивается медленно. Приведем общие данные австралийского

экспорта и импорта за период 1933/34—1936/37 гг. (в тыс. ф. ст.) [67, 84]:

Год	Экспорт	Импорт
1933/34	98 572	60 713
1934/35	90 225	74 119
1935/36	108 907	85 252
1936/37	128 191	95 534

Таким образом, австралийский внешний товарооборот в конце второй половины 30-х годов оставался ниже уровня конца 20-х годов, когда экспорт достигал 141 633 тыс. ф. ст., а импорт — 143 648 тыс. ф. ст. (1928/29 г.) [67, 84].

Главными экспортными товарами по-прежнему оставались шерсть, зерно, мясо, масло. В 1936/37 г. выручка от их продажи составила соответственно: 62 526 тыс. австрал. ф., 24 362 тыс., 8261 тыс., 7716 тыс. австрал. ф.

Основными покупателями австралийских товаров продолжали оставаться Великобритания, США и Япония. На долю Великобритании приходилось почти 50% всего австралийского экспорта, на долю США — более 10%, а Японии — более 6%. Эти же страны занимали ведущее место в австралийском импорте — соответственно 42, 14 и 4,3% [67, 86—88].

В Австралии в рассматриваемый нами период получают развитие новые отрасли промышленности и средства транспорта. Растет производство электроэнергии, автомобиле- и самолетостроение, автомобильный и авиационный транспорт. Если в 1922 г. в стране было всего 136 848 автомобилей, то в 1939 г.— 899 533. Крупнейшие в мире автомобильные предприятия открывали свои филиалы в Австралии (в 1925 г.— «Форд», в 1931 г.— «Дженерал Моторс», в 1939 г.— «Крайслер»). В 1923 г. начало свою деятельность крупнейшее в стране автомобильное предприятие «Холден». Подавляющее большинство машин изготовлялось непосредственно в Австралии. Так, уже в 1928/29 г. в стране машиностроительными и автосборочными предприятиями было выпущено более 72 тыс. автомобилей, а импортировано — менее 14 тыс. [315, 124—125].

Первый воздушный перелет из Европы в Австралию был совершен еще в 1919 г. братьями Россом и Кейтом Смитами, которые за 28 дней пролетели расстояние от Лондона до Дарвина. Несколько подобных перелетов состоялось затем во второй половине 20-х годов (в 1926 г.— А. Кобхэм, в 1928 г.— Б. Хинклер). Следует отметить, что Б. Хинклер покрыл расстояние между Англией и Австралией уже за 16 дней. Австралийский авиатор К. Смит, отправившийся в

1929 г. в полет из Австралии в Англию, пролетел это расстояние за 12 дней и 18 часов. В 1934 г., когда отмечалось столетие со дня основания Мельбурна, туда из Англии прилетели британские авиаторы К. Скотт и К. Блек, затратив на это 71 час.

В 20-е годы создаются и первые австралийские коммерческие авиакомпании, крупнейшими из которых стали «Квонтас» («Квинсленд энд Нортрен Территори Айр Сервис») и АНА («Аустралиэн Нейшнл Айрауэйз»).

В 20—30-е годы можно уже наблюдать некоторое развитие австралийского самолетостроения, правда в самой зачаточной форме.

Ухудшение экономического положения в Австралии в 30-х годах имело следствием заметное уменьшение прироста населения за счет как снижения рождаемости, так и сокращения иммиграции. Если в 1921—1930 гг. население страны увеличилось с 5 411 297 до 6 500 751 человека, т. е. ежегодно увеличивалось в среднем на 1,65%, в том числе за счет прибытия иммигрантов на 0,56%, то в 1931—1940 гг. оно увеличивалось ежегодно менее чем на 0,85%, в том числе за счет иммиграции лишь на 0,05%. К 1941 г. население Австралии составило 7 077 586 человек [159, 428].

Внешняя политика Австралии в годы, предшествовавшие второй мировой войне, характеризовалась верноподданнической поддержкой внешнеполитического курса Великобритании.

До второй мировой войны Австралия не имела даже своих дипломатических представительств за границей, хотя по Вестминстерскому статусу 1931 г. получила, как и другие британские доминионы, право на осуществление самостоятельной внешней политики.

Министерство иностранных дел формально существовало в Австралии с 1901 г. с многочисленными модификациями. В его функции входило осуществление контактов между Австралией и Великобританией, ведение дел, связанных с интересами Австралии в районе Тихого океана, включая управление территорией Папуа, а также иммиграционные дела.

Узость компетенции министерства иностранных дел привела в 1916 г. к его ликвидации как самостоятельного ведомства. Его функции были переданы сначала Канцелярии премьер-министра, а затем министру территорий. Восстановление министерства иностранных дел как самостоятельного государственного органа произошло лишь в середине 30-х годов. В это время австралийское правительство начало внедрять так называемую службу связи: австралийские представители направлялись в британские посольства и миссии в странах, где Австралия имела особые интересы.

В разгар мюнхенского кризиса, в октябре 1938 г., выступая на заседании парламента, Р. Мензис отвергал самую воз-

можность для британских доминионов проводить независимый внешнеполитический курс, не согласованный с внешней политикой Великобритании. «Принять такую линию поведения,— восклицал он,— было бы самоубийством... Австралии невозможно оставаться нейтральной в войне, которую ведет Британия» [45, 429, 431].

Все основные интересы, надежды и тревоги австралийцев были связаны в те годы с развитием событий в далекой Европе. Тем не менее Австралия не могла не чувствовать растущую опасность со стороны Японии, которая уже откровенно приступила к реализации своих гегемонистских замыслов в бассейне Тихого океана.

Еще в конце первой мировой войны в Австралии были известны японские материалы, свидетельствовавшие о вынашиваемых в Японии планах мирового господства. Так, например, в парламенте Южной Австралии на заседании 31 июля 1918 г. приводились отрывки из опубликованной в Японии работы «Третья империя». В ней, в частности, говорилось: «Мы должны ясно сказать нашему народу, что его великой миссией является создание мировой империи. Наша национальная политика должна быть обращена на юг, но юг означает не крошечные острова Южных морей... Сфера экспансии Японии лежит за экватором — в Австралии, Новой Зеландии и Тасмании. Они (эти территории.— *К. М.*) являются необходимыми для новой японской империи и дают легкое решение вопроса перенаселения японских островов и низкого уровня жизни... Австралия, конечно, является страной, предназначенной богом для японцев, но украденной англичанами многие годы тому назад. Не должны иметь место никакие колебания в нашем стремлении в Австралию. То, что туда не пускают японцев, является верхом несправедливости. Это в интересах и Японии и мировой экономики — дать Японии львиную долю при разделе Британской империи великими державами» [59, 51].

Не могли пройти в Австралии незамеченными и такие относящиеся к середине 30-х годов выступления государственных деятелей Японии, как заявление военного министра генерала Араки о том, что «миссией Японии является установление господства в Азии, Южных морях и в конце концов во всех четырех сторонах мира» [цит. по: 324, 15].

В Австралии все больше публиковалось выступлений о возможной «японской угрозе», о том, что Япония не простит австралийцам проведение политики «Белой Австралии», и т. п.

Отношения с Японией осложнились еще и тем, что в конце мая 1936 г. австралийское правительство неожиданно для Японии изменило в угоду Великобритании свою тарифную и лицензионную систему, облегчив ее для Англии, с тем чтобы

еще больше стимулировать англо-австралийскую торговлю, и введя ограничения для торговли с Японией.

Надо сказать, что к середине 30-х годов Япония занимала уже важное место во внешнеторговых отношениях Австралии. Она была вторым после Великобритании покупателем австралийской шерсти. В то же время Австралия закупала значительное количество японского текстиля. Так что баланс японо-австралийской торговли был лишь очень немногим в пользу Австралии. В 1935 г. состоялись даже австралийско-японские переговоры о расширении торгово-экономических отношений.

После принятых правительством Австралии дискриминационных тарифных мер доля Японии в австралийском экспорте снизилась в 1936/37 г. до 4,3% против 6,3% в 1932/33 г. [67, 88].

Чтобы как-то «задобрить» Японию, австралийское правительство решило занять благожелательную позицию после японского нападения на Китай в июле 1937 г. и «критиковать Японию не больше, чем это строго необходимо» [406, 122]. Более того, австралийское правительство постаралось быстро пресечь забастовку докеров, отказавшихся грузить металлолом на корабли, шедшие в Японию. При этом правительство заявило, что не частные лица, а оно само решает, какова должна быть реакция страны на действия Японии. «Вопрос не в том, правы или не правы докеры в их взглядах на то, какова должна быть международная политика Австралии, — говорил от имени правительства Р. Мензис, являвшийся тогда генеральным прокурором Австралии, — а в том, определяется ли эта политика конституционным правительством или какой-либо производственной группой» [406, 103]. После этого корабли, груженные металлоломом, направились в Японию, а австралийское правительство продолжало придерживаться определенной им позиции в отношении японской агрессии в Китае.

Отношение правящих кругов Австралии к внешней политике Японии в Китае хорошо характеризуется также в сообщениях американского генерального консула в Сиднее Д. П. Моффета своему правительству. Так, в письме к государственному секретарю Хеллу от 12 октября 1935 г. Моффет писал: «Я до сих пор не встретил ни одного австралийца, который был бы против политики Японии в Маньчжурии и желал бы ухода Японии из Маньчжурии» [274, 11]. В феврале 1936 г. Моффет передавал Хеллу слова, сказанные ему Дж. Пирсом, занимавшим в то время пост министра иностранных дел, о том, что хотя Австралия и относится с подозрением к политике Японии, но сократившаяся мощь британского флота и отсутствие надежды на получение помощи от США не оставляют Австралии никакой другой возможности,

кроме проведения дружественной по отношению к Японии политики, чтобы не дать последней оснований для осуществления агрессивной политики в отношении Австралии, а также заставляют Австралию радоваться японскому продвижению в глубь Маньчжурии [274, 11].

Что касается защиты страны от внешнего нападения, то австралийское правительство, несмотря на наличие некоторого скепсиса в отношении возможностей британского флота, все-таки продолжало полностью полагаться на мощь Великобритании. Выступая в Сиднее в сентябре 1933 г., Дж. Пирс, бывший тогда министром обороны, подчеркивал, что главной задачей обороны Австралии должно быть создание эскадры военно-морского флота, которая действовала бы под командованием британского адмиралтейства. «Первоочередной задачей Австралии, — заявил Пирс, — должно быть создание отряда кораблей, способного эффективно кооперироваться с королевским военно-морским флотом». И Пирс и его преемник на посту министра обороны А. Паркхилл считали, что действия Австралии в будущей войне должны сводиться только к участию в морских сражениях, осуществляемых совместно с британским флотом и имеющих цель не допустить морской блокады страны. «Если морские коммуникации Австралии будут прерваны, — заявлял Дж. Пирс, — и ее импорт и экспорт остановлены действиями врага, она может быть принуждена к поискам мира до того, как хоть один вражеский солдат появится у ее берегов» [406, 100].

Правда, в Австралии звучали голоса, возражавшие против официального курса в вопросе об обороне страны. В качестве примера можно привести статью полковника Г. Д. Уинтера, опубликованную в британском военном журнале «Арми Квортерли», в которой автор, соглашаясь с тем, что «важнейшей ролью австралийского военно-морского флота является кооперация с британским флотом, а не выполнение задач местной обороны», в то же время настаивал на том, что главными средствами местной обороны Австралии, учитывая условия, которые существуют, и несмотря на островное положение Австралии, которое, казалось бы, требует другого решения, являются сухопутная армия и военно-воздушный флот. Полковник Уинтер подчеркивал важность этих родов войск и необходимость их развития [472, vol. XXVI, April 1927, 33].

Такую же позицию занимал полковник Л. Бивс, выступавший с аналогичными заявлениями. Следует сказать, что оба этих офицера пострадали за свои высказывания. Они были переведены на низшие должности. Лишь после того, как в апреле 1937 г. министр обороны Паркхилл покинул свой пост, Уинтер и Бивс вновь заняли ответственные должности в австралийской армии [346, vol. I, 19—20].

События в Европе приобретали угрожающий характер, война надвигалась неотвратимо, чему в немалой степени способствовала политика «умиротворения» фашистских агрессоров, проводимая британским правительством и получившая полное одобрение и поддержку со стороны правительства Австралии. Так, выступая 5 октября 1938 г. в парламенте от имени австралийского правительства в связи с заключением в Мюнхене соглашения с Гитлером, заместитель премьер-министра и лидер Аграрной партии Э. Пейдж восторженно заявил: «Весь мир приветствует с облегчением завершение переговоров в Мюнхене, которые устранили реальную угрозу всеобщей войны, породили глубокое чувство признательности к тем, кто сделал возможным успех переговоров... можно надеяться, что Мюнхенское соглашение... откроет новую эру в международных отношениях, когда противоречия, неизбежно возникающие время от времени между нациями, будут разрешаться путем мирных переговоров на основе разума и справедливости» [45, vol. 157, 388, 391].

Вступив на пост премьер-министра, Р. Мензис в своем первом обращении к австралийскому народу от 26 апреля 1939 г. поспешил подчеркнуть, что в своей внешней политике возглавляемое им правительство будет по-прежнему целиком ориентироваться на Великобританию. Правда, при этом он сказал об «особой роли» Австралии на Тихом океане (что несколько лет спустя, после второй мировой войны, стало одним из главных принципов австралийской внешней политики).

«Это правда, что мы немногочисленны, — говорил Мензис, — но у нас есть энергия, знания и ресурсы, и я не вижу причины, по которой мы не могли бы играть не только самостоятельную, но и эффективную роль в делах на Тихом океане» [503, 27.IV. 1939; 451, 24]. Мензис вновь повторил уже известные положения о том, что Австралия не будет нейтральной в войне, в которой будет участвовать Великобритания: «Ее мир — наш мир; если она воюет, то воюем и мы...».

Но надо заметить, что, несмотря на всю ортодоксальность своей верноподданнической в отношении Англии позиции, австралийское правительство предпринимало некоторые шаги, имевшие целью приобрести в лице Соединенных Штатов дополнительного гаранта безопасности Австралии. Однако шаги эти были очень неуверенными. Делая их, австралийское правительство все время оглядывалось на своего британского патрона и потому сбивалось с пути и возвращалось на исходные позиции.

В начале 30-х годов австрало-американские отношения приобрели даже довольно натянутый характер. Основания к этому были.

В июле 1931 г. американская пароходная компания «Мэтсон Навигейшн Компани», обслуживавшая линию Сан-Франциско — Сидней, продолжила ее до Окленда. Британской компании «Юнион Ройал Мейл», которая и раньше сильно страдала от конкуренции американцев, был нанесен дополнительный удар. Британскую компанию поддержали профсоюзы моряков и докеров Австралии и Новой Зеландии, потребовавшие от своих правительств запрещения американской компании осуществлять морские перевозки между двумя доминионами. Характерным выражением австралийского общественного мнения того времени была статья, опубликованная в мельбурнской газете «Эйдж». В ней, в частности, говорилось: «Тщательно организованное американское вмешательство в морские перевозки между доминионами вызывает необходимость немедленных совместных оборонительных действий Австралии и Новой Зеландии... Поскольку американцев бесполезно уговаривать, главной обязанностью страны является защита своего собственного благополучия. Благосостояние Австралии и Новой Зеландии, конечно, не будет поднято смиренной передачей американцам монополии на осуществление пароходного движения в Тихом океане» [цит. по: 274, 9].

Под нажимом Великобритании австралийское правительство несколько лет откладывало принятие решения по этому делу. Не возымел действия даже вызов торгового консула британского посольства в Вашингтоне Г. Чокли в государственный департамент, где ему было заявлено, что действия Англии и ее доминионов против «Мэтсон Навигейшн Компани» могут заставить американское правительство внести на рассмотрение конгресса ограничительный закон в отношении британских пароходных компаний [49, 1936, vol. I, 708—711].

Более того, в июне 1937 г. в государственный департамент США был передан меморандум австралийского правительства, подтверждавший его отрицательную позицию в отношении деятельности «Мэтсон Навигейшн Компани». Но теперь реакция американского правительства была вялой, ибо, как сообщил Хеллу председатель морской комиссии конгресса Джозеф Кеннеди, по новому закону о торговом мореходстве 1936 г. субсидирование «Мэтсон Навигейшн Компани» прекратилось 30 июня 1937 г. и не будет возобновлено. Длившийся семь лет спор сам по себе угас [49, 1937, vol. II, 106].

Другим фактором, омрачавшим австрало-американские отношения, был постоянный дефицит в торговых отношениях Австралии с США. Так, за 1921/22 — 1929/30 гг. Австралия экспортировала в США товаров на сумму 85 756 тыс. ф. ст., а импортировала — на 296 215 тыс. ф. ст. [463, 306].

Торговые отношения Австралии с США затрудняло отсутствие торгового договора. Дело в том, что торговые отноше-

ния Британской империи с США основывались на торговом соглашении 1815 г., где говорилось о том, что его действие распространяется на «все территории его британского величества в Европе». Из-за отсутствия австрало-американского торгового договора австралийские дельцы не имели права пребывания и ведения коммерческих операций на территории Соединенных Штатов. Когда в 1924 г. США ввели у себя законодательство, ограничившее иммиграцию, австралийские бизнесмены могли въезжать в страну только в пределах квоты, установленной для всех австралийских иммигрантов (121 человек в год), или как временные посетители. Использование последней возможности, понятно, крайне затрудняло деятельность австралийских деловых людей в США.

Время от времени между Австралией и США начинались переговоры о заключении торгового договора, но всякий раз они заканчивались неудачей. Это объяснялось тем, что американцы требовали от австралийского правительства отмены высоких тарифных барьеров для американских товаров в обмен на улучшение условий деятельности австралийских бизнесменов в США. Так, например, помощник государственного секретаря США Дж. Коттон в меморандуме от 12 января 1930 г. указывал на то, что статус австралийских бизнесменов в Соединенных Штатах «не так неудовлетворителен, как нынешний статус американских бизнесменов в Австралии, чьи торговые операции являются предметом тарифной дискриминации едва ли не самого жестокого рода» [цит. по: 274, 8—9].

Третьим обстоятельством, ухудшавшим австралийско-американские отношения, было принятие в США в 1932 г. закона о предоставлении Филиппинам независимости в течение десятилетнего срока, вызвавшее в Австралии сильное раздражение, ибо это рассматривалось австралийцами как желание Соединенных Штатов вообще уйти из западной части Тихого океана и тем значительно усложнить военно-стратегическое положение Австралии в этом районе.

В одном из сообщений государственному секретарю Хеллу, относящемуся к февралю 1936 г., американский генеральный консул в Сиднее Моффет писал о «растущем возмущении нашей политикой ухода с Филиппин» [цит. по: 274, 11].

Решение США было тем более неприятно австралийцам, что за два года до этого, в 1930 г., на Лондонской конференции о программах военно-морского строительства Соединенные Штаты отказались дать согласие на значительное увеличение численности легких крейсеров британского флота и австралийское правительство рассматривало эти действия США как серьезный ущерб интересам обороны пятого континента.

Во второй половине 30-х годов австрало-американские торгово-экономические отношения продолжали ухудшаться.

Правда, в феврале 1938 г. была сделана попытка их улучшить — начались прямые австрало-американские переговоры о заключении торгового договора между США и Австралией. Но после весьма длительного и часто открыто неприязненного обмена мнений они были практически прерваны в июне 1939 г. В сентябре уже началась вторая мировая война, а государственный департамент США все еще ожидал ответа из Канберры на свое июньское послание австралийскому правительству по поводу дальнейшего хода переговоров.

Еще более вяло развивались в годы, предшествовавшие второй мировой войне, австрало-американские политические отношения. Несмотря на весьма недвусмысленные намеки американского правительства еще в 1938 г. о готовности установить прямые дипломатические отношения с Австралией, австралийское правительство направило в Вашингтон своего посланника лишь спустя полгода после начала второй мировой войны. Австралийское правительство, несмотря на известные сомнения в военной мощи Великобритании и реальных ее возможностях оказать Австралии эффективную военную помощь, все-таки в конце концов уповало только на нее и связывало судьбу своей страны с судьбой Альбиона. Поэтому когда Великобритания объявила войну Германии, Мензис поступил в полном соответствии со своей программой, обнародованной 26 апреля 1939 г. В заявлении по радио, сделанном 3 сентября 1939 г., он сообщил австралийцам, что «Англия объявила войну Германии и следствием этого явилось то, что Австралия тоже вступила в войну» [307, 152].

ОТ БЕНГАЗИ ДО БАЛИКПАПАНА

В январе 1940 г. первые подразделения австралийских войск покинули родные берега. Они направлялись туда, откуда австралийский экспедиционный корпус в период первой мировой войны начинал свои боевые операции, — на Ближний Восток.

Когда караван судов с австралийскими солдатами был еще в водах Австралии, двигаясь от Сиднея к Фримантлу, и находившиеся на судах люди сами толком не знали, куда посылает их командование, германское радио уже оповестило мир о том, что подразделения австралийской армии находятся на пути в Суэц.

12 февраля 1940 г. корабли достигли Исмаилии, где высадившихся на берег австралийских солдат приветствовали Антони Иден, занимавший в то время пост британского министра по делам доминионов, а также главнокомандующий британскими вооруженными силами на Ближнем Востоке генерал А. Уейвелл. Австралийские части были направлены

в район Газы, где находились уже два батальона британских войск.

В это время летчики австралийского военно-воздушного флота прибыли в Англию и были переданы в распоряжение британского авиационного командования. В дальнейшем они приняли участие в знаменитой воздушной «битве за Англию».

Задачей австралийского военно-морского флота было совместное с британским флотом конвоирование транспортных судов и проведение боевых операций в районе Средиземного моря.

Поначалу казалось, что австралийской армии суждено повторить опыт своего участия в войне 1914—1918 гг., осуществляя боевые операции на ближневосточных и европейских фронтах.

В январе — феврале 1941 г. австралийские войска участвовали в боях с итальянцами на территории Киренаики. 7 февраля 1941 г. англо-австралийские войска вошли в ее столицу — Бенгази. Но на следующий день, 8 февраля, греческое правительство обратилось за военной помощью к Великобритании, и последняя приняла решение направить туда экспедиционный корпус, части которого успешно действовали против итальянцев в Киренаике.

12 февраля У. Черчилль послал телеграмму генералу Уейвеллу, в которой поздравлял его с победой в Киренаике и добавлял, «что ваша главная задача теперь — помочь Греции и Турции... Вы должны поэтому обеспечить себе безопасность в Бенгази и сконцентрировать все наличные силы в дельте Нила для приготовления к переброске в Европу». Далее Черчилль продолжал: «Мы должны любой ценой удержать Крит и захватить все греческие острова, которые должны быть использованы в качестве баз для военно-воздушных сил» [231, vol. III, 58—59].

Когда британское правительство обсуждало просьбу правительства Греции, в Лондон прибыл Р. Мензис. Он согласился на участие австралийских войск в боях в Греции, но все-таки запросил мнение своего кабинета. Члены австралийского военного кабинета ответили, что у них нет другого выхода, кроме как одобрить это решение британского правительства, но что они надеются на тщательную подготовку этой операции, в особенности сосредоточение заранее средств немедленной эвакуации экспедиционного корпуса в случае необходимости.

Озабоченность австралийского кабинета оказалась пророческой. 7 марта экспедиционный корпус, насчитывавший более 57 тыс. солдат, высадился в Пирее. Но никакой помощи Греции он оказать не смог. Вторгшиеся в Грецию в апреле германские войска еще до конца месяца захватили Афины и вынудили экспедиционный корпус к беспорядочному бегству,

при котором англо-австралийские войска потеряли пленными 15 тыс. солдат, а также оставили врагу все тяжелое вооружение.

Это поражение вызвало известную отчужденность в отношениях между британским и австралийским правительствами. Последнее было недовольно тем, что его, по сути дела, постфактум поставили в известность о готовящейся операции с использованием австралийских войск. Германо-японская пропаганда старалась максимально использовать этот факт и поторопилась объявить о том, что Австралия прекратит дальнейшее участие в войне. Поэтому австралийское правительство вынуждено было публично заявить о неизменности союза Австралии с Великобританией, но в то же время подчеркнуть, что всякое участие австралийских войск в новых операциях должно происходить только после подробных консультаций с правительством Австралии.

Часть эвакуированных из Греции англо-австралийских войск была размещена на острове Крит, оборона которого была поручена новозеландскому генералу Фрейбергу. 20 мая германские войска атаковали Крит с воздуха. Выброшенным десантным частям удалось захватить аэродромы, а к концу месяца и всю территорию острова, вынудив союзные войска к новой эвакуации.

Горечь этого нового поражения англосаксов была несколько сглажена успешным вторжением 8 июня на территорию Сирии и последующим захватом ее. В этой операции наряду с британскими, индийскими и деголлевскими войсками принимали участие и австралийские подразделения.

Но главные сражения развернулись опять на североафриканском берегу. Встревоженное разгромом своих союзников— итальянцев, германское командование начало с февраля 1941 г. посылать свои войска в Ливию, и уже в марте генерал Э. Роммель был готов к ведению боевых операций. Использовав то обстоятельство, что часть англо-австралийских войск была направлена в Грецию, Роммель начал наступление и в начале апреля захватил Бенгази, а 11 апреля, преследуя британские войска, подошел к Тобруку. В Тобруке кроме английских войск находились четыре австралийские пехотные бригады. Положение этих частей было критическим.

В июле командующий австралийскими войсками генерал Блеми обратился к Мензису с просьбой разрешить ему вывести австралийские части из Тобрука ввиду крайне тяжелой обстановки и направить их в Сирию, сконцентрировав таким образом все австралийские войска в одном месте. Австралийское правительство согласилось с просьбой Блеми и поставило об этом в известность британское правительство. Последнее было крайне недовольно таким оборотом дела, но настойчивость австралийского правительства привела к тому,

что Черчилль вынужден был согласиться на вывод австралийских войск. В августе одна из австралийских бригад была заменена польскими войсками, а в сентябре — октябре и остальные подразделения австралийских войск уступили свои позиции в Тобруке прибывшей туда 70-й британской дивизии. Надо сказать, что уже в следующем после вывода австралийских войск месяце британские части начали успешное контрнаступление в районе Тобрука.

Последний месяц 1941 г. принес с собой резкое изменение военной обстановки на Тихоокеанском театре военных действий. В войну вступила Япония, неожиданно 7 декабря атаковав американский флот в Пирл-Харборе. Австралия оказалась в непривычной обстановке. Война впервые в истории Австралии подошла к берегам пятого материка, а его щит и меч — Британия сама была в положении страны, находившейся, по существу, накануне вторжения на ее территорию могущественнейшего врага. На помощь Англии австралийцы рассчитывать не могли.

Это вызвало обострение и без того сложной внутриполитической обстановки в Австралии.

Австралийская лейбористская партия не выразила сразу же свое отношение к решению правительства участвовать в мировой войне потому, что ее очередная 15-я федеральная Конференция состоялась за четыре месяца до вступления Австралии в войну, а созвать новую конференцию сразу же после этого события было невозможно. Правда, в решениях лейбористской партии было записано, «что конференция представителей труда всей Австралии, учитывая ныне существующую угрожающую международную обстановку, заявляет о своей верности принципам демократии и необходимости защиты наших свободных институтов против всех форм нападения и требует, чтобы:

1) мы отстаивали сохранение Австралии как составной части Британского содружества наций;

2) мы отстаивали политику полной национальной и экономической безопасности;

3) мы защищали весь наш народ во всех штатах против агрессии любого рода» [310, 116].

Наконец в июне 1940 г. в Мельбурне была созвана чрезвычайная федеральная Конференция лейбористской партии по вопросу войны и отношения к ней лейбористов. После двухдневных дебатов при довольно напряженном голосовании (24 за, 12 против) была принята декларация следующего содержания:

«Учитывая угрожающую международную обстановку и опасность для Австралийского Союза, империи, союзников, Конференция Австралийской лейбористской партии отчетливо заявляет о том, что ее политикой являются:

1) Полное и нерасторжимое единство с союзниками в войне.

2) Контроль федерального правительства над всеми внутренними ресурсами Австралии (которые включают все производственные и финансовые организации) в целях использования их для национальных нужд, срочной и эффективной защиты Австралии и ведения войны.

3) В целях обеспечения максимума продуктивных усилий все неработающие трудоспособные люди должны быть заняты на производстве.

4) Усиление наших военных и других отраслей на плановой основе, имея в виду наивысшую эффективность и наиболее экономичное использование ресурсов, имеющихся в нашем распоряжении.

5) Национальное военное обучение на условиях существующего Акта об обороне... Осуществление необходимых мер для укрепления дивизий Австралийских имперских сил, расширение участия в европейских операциях, определяемого возникающими обстоятельствами, путем посылки добровольческой армии, учитывая первостепенную необходимость защиты самой Австралии...» [310, 117—118].

Одновременно лейбористское руководство сделало недвусмысленную заявку о желании войти в федеральное правительство.

По предложению Кэртина была принята резолюция, в которой говорилось, «что национальный военный кабинет, включающий представителей лейбористской партии, должен быть создан, чтобы советовать правительству в отношении ведения войны и подготовки к послевоенной реконструкции» [310, 119].

Следует отметить, что до этого Кэртин неоднократно публично высказывался против создания коалиционного правительства. Так, в одном из выступлений в парламенте в 1939 г. Кэртин заявлял: «Если что-нибудь может быть хуже, чем правительство двух партий (Объединенной австралийской партии и Аграрной партии), то это правительство трех партий. Никогда нельзя будет принять никаких решений...» [310, 119].

На федеральных выборах, состоявшихся в сентябре 1940 г., лейбористы несколько расширили свое представительство в парламенте и почувствовали себя увереннее. В то же время они видели, что в правящей коалиции все более усиливаются расхождения. При этом Мензиса критиковали не только члены Аграрной партии, но и члены руководимой им Объединенной австралийской партии. Критика Мензиса особенно усиливалась в период его выездов в Англию, когда исполнять обязанности премьер-министра оставался его заместитель А. Федден, лидер аграриев.

Правительство Мензиса восстановило против себя широкие массы австралийских трудящихся принятием в связи с военной обстановкой ряда законов, грубо попиравших политические и экономические права рабочего класса. В июне 1940 г. австралийское правительство объявило Коммунистическую партию Австралии «незаконной ассоциацией». На помещения организаций партии, ее издательства и книжные магазины были совершены полицейские налеты. Были проведены обыски на квартирах членов партии, конфискованы их личные библиотеки, причем наряду с произведениями классиков марксизма-ленинизма изымались книги Шекспира, Мильтона, Бернса, Гёте, Шелли и Лоусона [223, 155—156]. Начались аресты коммунистов.

Правительство Мензиса не смогло понять, что характер мировой войны после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз в июне 1941 г. коренным образом изменился: война из империалистической превратилась в антифашистскую, освободительную. Даже буржуазная пресса выражала недовольство косностью Мензиса. Так, в июне 1941 г. «Сидней Морнинг Геральд» в передовой статье писала, что Мензис не может больше находиться на посту, «который требует от человека принятия быстрых решений, распределения ответственности и стремительных импровизаций» [цит. по: 406, 120].

Наконец понял это и сам Мензис. 28 августа 1941 г., выступая на заседании правительства, он заявил о своей отставке с поста премьер-министра. «Откровенная дискуссия с коллегами по кабинету показала,— заявил Мензис,— что, хотя они и выражают мне личную симпатию, многие из них чувствуют, что я непопулярен у большой части прессы и народа и эта непопулярность мешает эффективной работе правительства, позволяя расти сопротивлению его действиям, и что имеющееся расхождение во взглядах внутри самих правящих партий не будет существовать при другом лидере» [цит. по: 406, 121].

Отставка Мензиса была принята, и на следующий день, 29 августа, во главе австралийского правительства стал Артур Федден. Но власть его оказалась недолгой. По саркастическому выражению лейбористов, «Федден правил 40 дней и 40 ночей».

7 октября 1941 г. к управлению страной пришло лейбористское правительство во главе с Кэртином.

Положение нового правительства осложнялось тем, что лейбористы были в меньшинстве в обеих палатах парламента. Тем не менее оно продержалось у власти до новых федеральных выборов, состоявшихся 21 августа 1943 г., в результате которых лейбористская партия получила уже подавляющее большинство мест и в палате представителей и в сенате.

Первые месяцы работы правительства Кэртина совпали с наиболее драматическим для Австралии периодом войны. Вступившая в войну Япония одерживала одну победу за другой. В короткий срок она захватила Гонконг, Манилу, Рабаул. 15 февраля 1942 г. пал казавшийся неприступным Сингапур.

Австралийские войска несли тяжелые потери. В Сингапуре японцы захватили в плен 15 тыс. австралийских солдат. Незадолго до этого, 3 февраля, японцы пленили австралийский гарнизон на острове Амбоина (Молуккские острова). В конце февраля японцы захватили в плен свыше 100 австралийских солдат на острове Тимор, а в марте — около 3 тыс. на Яве.

Я. Моррисон, тогдашний корреспондент британской газеты «Таймс» на Тихоокеанском театре войны, справедливо отмечал: «В течение шести месяцев Япония захватила богатейшую колониальную область в мире и обеспечила себе неограниченный доступ к источникам снабжения теми видами сырья, отсутствие которых составляло главную слабость ее экономики» [377, 58].

Грозный и неумолимый враг подходил к берегам Австралии. Впервые за всю свою историю Австралия на себе почувствовала страшное дыхание войны. 19 февраля 1942 г. японцы бомбардировали Дарвин. Становилось очевидным, что Австралия была крайне плохо подготовлена к обороне. Правда, за время, прошедшее с начала войны, ее военно-экономический потенциал несколько увеличился. Так, производство чугуна и стали, составлявшее в 1939 г. 1105 тыс. и 1170 тыс. *т*, увеличилось в 1941 г. соответственно до 1476 тыс. и 1647 тыс. *т*. Кульминационной точки, однако, производство чугуна и стали достигло в 1942 г. (1558 тыс. и 1700 тыс. *т*). Все последующие годы войны показали постоянное снижение производства чугуна и стали, составившее в 1945 г. 1118 тыс. и 1357 тыс. *т*. Этот процесс, кстати сказать, продолжался и в первые послевоенные годы. Лишь в 1953 г. был превышен уровень 1942 г. по производству чугуна и стали [316, 195—198]. Аналогичный процесс происходил и в угольной промышленности, где лишь в 1942 г. удалось близко подойти к необходимому для австралийской экономики уровню добычи угля — 15 млн. *т* (было добыто 14 950 тыс. *т*). Затем добыча угля неуклонно снижалась [419, 53].

Было построено 35 новых военных предприятий и переоборудованы для военных нужд еще 77 предприятий. Непосредственно в военной промышленности было занято к началу третьего года войны 50 тыс. рабочих, и около 150 тыс. человек работало на предприятиях, связанных с военной промышленностью [307, 560].

Однако этого было совершенно недостаточно. В стране не было проведено серьезной мобилизации сил и средств для создания эффективной обороны. Ко времени вступления в войну Японии в Австралии насчитывалось 2780 тыс. мужчин в возрасте от 14 лет и старше. Из них находилось в армии и работало в военной промышленности лишь 554 тыс. человек, или 20%. Женщин в возрасте от 14 лет и старше было в то время 2755 тыс., из них в армии находилось 3,6 тыс. человек, в военной промышленности и связанных с нею отраслях работало 71,2 тыс. человек. Всего, таким образом, непосредственно в обороне страны участвовало 74,8 тыс. женщин, или немногим более 2% общей их численности [217, 401].

Ассигнования на военные нужды хотя и выросли за этот период, но не шли ни в какое сравнение с военными расходами Великобритании (имеются в виду, естественно, не абсолютные цифры, а их процентное отношение к общенациональным расходам). Так, военные расходы Австралии, составлявшие в 1939/40 г. 50 млн. ф. ст., достигли 150 млн. ф. ст. в 1940/41 г. и 308 млн. ф. ст.— в 1941/42 г., что составило соответственно 4,9, 15,3, 24% к общенациональным расходам. В Англии же военные расходы в 1939 г. составили 15%, в 1940 г.— 43, в 1941 г.— 52% к общенациональным расходам [217, 489].

«В целом австралийцы экономически не страдали в первые два года войны,— пишется в австралийской официальной истории второй мировой войны,— и для многих из них она означала существенный рост жизненного уровня» [217, 501]. Действительно, расходы на личное потребление в первые годы войны изменились незначительно. Если в 1939/40 г. они составляли 696 млн. ф. ст., то в 1941/42 г.— 787 млн. ф. ст., а в процентном выражении к общенациональным расходам — соответственно 67,9 и 61,3% [217, 489].

Что касается австралийских вооруженных сил, то во время нападения Японии на Пирл-Харбор они в основном находились за много тысяч километров от родных берегов, на Арабском Востоке. К началу декабря 1941 г. Австралийские имперские силы насчитывали всего 151 240 человек, из которых в военных действиях против Германии и Италии участвовало 120 569 человек [307, 559].

В этих условиях австралийское правительство было вынуждено обратиться к Соединенным Штатам с откровенной просьбой о спасении. Просьба эта была выражена в весьма эмоциональной форме в конце декабря 1941 г. премьер-министром Кэртином. «Не колеблясь,— говорил он в обращении к австралийскому народу,— я ясно заявляю, что Австралия смотрит на Америку без каких-либо угрызений совести относительно наших традиционных связей с Соединенным Коро-

левством. Мы знаем проблемы, которые встали перед Соединенным Королевством. Мы знаем о постоянном страхе вторжения. Мы осознаем опасность, связанную с рассредоточением сил. Но мы знаем также, что Австралия может уйти, а Британия в состоянии еще держаться. Поэтому мы заявляем, что Австралия не уйдет, и мы мобилизуем всю нашу энергию, чтобы осуществить план, краеугольным камнем которого станут Соединенные Штаты, который даст нашей стране уверенность в том, что она будет в состоянии продержаться до тех пор, пока ход войны обернется против врага» [цит. по: 189, 558—559].

Одновременно с этим австралийское правительство обратилось к правительству Великобритании с просьбой разрешить ему вернуть австралийские дивизии на родину. Черчилль дал на это согласие, и австралийские части при первой же возможности погрузились на суда и отбыли в Австралию. Но когда они еще находились в пути, 20 февраля 1942 г. Черчилль попросил австралийское правительство одну из эвакуируемых дивизий направить в Бирму, где успешные действия японских войск поставили англичан в крайне тяжелое положение. Но Кэртин категорически отказался это сделать, подчеркнув в своем ответе, что его правительство имеет «прежде всего обязанность спасти Австралию не только ради нее самой, но и для сохранения ее как базы для развития войны против Японии» [цит. по: 406, 124].

Американцы быстро откликнулись на обращение Кэртина. На территории Австралии был размещен штаб главнокомандующего американскими силами в юго-западной части Тихого океана генерала Д. Маккартура. Американский флот вошел в австралийские воды. В начале мая 1942 г. в морском и воздушном сражениях в Коралловом море, а через месяц в районе острова Мидуэй американские военно-морские и военно-воздушные силы нанесли японцам сильный удар.

Однако японцы не отказались от попыток захватить Новую Гвинею. Тяжелые бои с высадившимися на острове в июле 1942 г. японскими войсками австрало-американские части вели до января 1943 г. Японцы и здесь были разгромлены, но эта победа стоила австралийцам шести тысяч, а американцам — трех тысяч убитых. Однако непосредственная угроза японского вторжения в Австралию миновала.

Следует отметить, что Соединенные Штаты в этот тяжелый период войны, используя зависимость от них всех членов Британского содружества наций, стремились укрепить в этих странах свои экономические позиции, расшатать, максимально ослабить, а если представилась бы возможность —

совсем уничтожить систему преференций, расчистить на будущее дорогу туда своим товарам и капиталам.

Уже в преамбулу Атлантической хартии 1941 г. Соединенные Штаты внесли пункт о том, что подписавшие ее державы будут стремиться к тому, чтобы «все государства, великие или малые, победители или побежденные, получили возможность на одинаковых условиях торговать и получать сырье, необходимое для их экономического процветания» [55, vol. 204, 384].

Эта идея получила дальнейшее развитие в договоре о взаимной помощи против агрессии, заключенном между США и Великобританией 23 февраля 1941 г. В ст. 7 договора опять подчеркивалась необходимость развития торгово-экономических отношений между всеми странами и уничтожения в этих целях «всех форм дискриминационных правил в мировой торговле, тарифов и других торговых барьеров...» [55, vol. 204, 389].

Великобритания шла на включение подобных пунктов в договоры с США, понуждаемая тяжелыми обстоятельствами военного времени. Об этом У. Черчилль прямо заявил еще в ходе войны. Выступая в палате общин 21 апреля 1944 г., он отметил, что «в феврале 1942 г., когда Соединенные Штаты были нашим ближайшим союзником, я не соглашался со ст. 7 договора о взаимной помощи, пока не получил от президента ясное заверение, что это не заставит нас упразднить имперские преференции, так же как американское правительство отменить их высокие протекционные тарифы» [51, vol. 399, 580].

Об этом же подробно говорил уже в послевоенное время австралийский премьер-министр Дж. Чифли. Выступая в палате представителей 26 февраля 1948 г., он рассказал членам парламента об обстоятельствах заключения с США договора о взаимной помощи, включавшего в себя так напугавшую австралийских бизнесменов ст. 7, о причинах, побудивших британское правительство подписать этот договор, а австралийское правительство — к нему присоединиться. Чифли напомнил парламентариям об обстановке того времени, «сохранение которой привело бы только к одному концу — Британия не смогла бы вынести тягот войны».

«Несомненно,— говорил Чифли,— что Черчилль был вынужден принять эту статью». Хотя он «знал, что Соединенные Штаты всегда смотрели с большим недовольством на имперские преференции...». «В то же время,— продолжал Чифли,— Австралия находилась в самом отчаянном положении и не имела другой альтернативы, кроме как присоединиться к действиям, предпринятым Соединенными Штатами и Соединенным Королевством. В то время Соединенное Королевство не могло помочь нам, потому что физически не

в состоянии было это сделать, и только помощь Соединенных Штатов солдатами, самолетами, военными материалами спасла Австралию от вражеского вторжения... Австралийское правительство полностью понимало положение Британии, и вследствие этого, а также вследствие наших договорных обязательств, я бы сказал — моральных обязательств, мы согласились с положениями статьи 7...» [45, vol. 196, 253—256].

Забегая вперед, отметим, что, ссылаясь на договоры и соглашения военного времени, Соединенные Штаты в послевоенное время пытались сломить систему преференций, добиться снижения тарифов, в частности, в торговле с Австралией. Но теперь уже члены Британского содружества наций стояли твердо. «Австралийская делегация в Женеве,— заявлял, например, в октябре 1947 г. австралийский министр по делам послевоенной реконструкции Д. Дедман,— отвергла все попытки Соединенных Штатов добиться сокращения тарифов и преференций...» [цит. по: 243, 14].

Развертывание боевых операций потребовало от Австралии больших усилий и жертв. Военные ассигнования увеличились в 1942/43 г. до 537 млн. ф. ст. [217, 488]. Требовались все новые и новые контингенты войск. Опять, как и в дни первой мировой войны, перед австралийцами встал вопрос о введении всеобщей воинской повинности с использованием мобилизованных солдат в боевых операциях вне пределов австралийской территории. Кэртин заявил, что успех обороны Австралии зависит от изгнания японцев с Тимора и Молуккских островов, а также из Папуа и Новой Гвинеи. В начале 1943 г. он внес на рассмотрение парламента законопроект о возможности использования армейских соединений в операциях в юго-западной части Тихого океана, ограниченной на западе 110-м меридианом восточной долготы, на севере — линией экватора, на востоке — 159-м меридианом восточной долготы. В эти границы попадали остров Новая Гвинея с прилегающими к нему островами Новая Британия, Новая Ирландия, части Соломоновых островов, а также островов Тимор, но в этот район не входили Малайя, Филиппины, Суматра, часть Борнео и Явы, Новая Каледония.

Такая ограниченность предполагаемого района использования австралийских войск объяснялась тем, что Кэртин, помня опыт первой мировой войны, боялся недовольства австралийской общественности, боялся подорвать шансы своей партии на предстоявших в том же, 1943 г. федеральных выборах. Однако настроения австралийцев в то время резко отличались от их отношения к мировым событиям в период войны 1914—1918 гг. Теперь враг угрожал непосредственно их родине, сам характер войны приобрел совершенно иное качество. Оппозиция, учитывая это обстоятельство, демаго-

гически начала выступать за расширение границ возможного использования мобилизованных солдат вне территории Австралии. Дебаты затянулись до августа 1943 г., когда произошли выборы в федеральный парламент. Как мы уже отмечали, лейбористы добились на них большого успеха и нанесли Объединенной австралийской партии такое поражение, от которого она уже никогда не могла оправиться. Разбитая наголову, она была реорганизована Мензисом в конце 1944 г. и вновь возобновила свою деятельность уже как Либеральная партия.

Война на Тихом океане теперь складывалась явно в пользу союзников. За битвами в Коралловом море и на острове Мидуей последовало сражение на Соломоновых островах, длившееся с августа 1942 до февраля 1943 г. и закончившееся также жестоким поражением японской армии.

С ноября 1942 г. американо-австралийские войска начали операцию по захвату острова Новая Гвинея. Тяжелые, кровопролитные бои затянулись до 1944 г. Новая Гвинея и прилегающие к ней острова были очищены от японских войск. Война уходила на север. В январе 1945 г. американские войска вместе с австралийскими частями были уже на Филиппинах и Молуккских островах. Штаб-квартира американского главнокомандования в районе юго-западной части Тихого океана была перенесена из Брисбена в город Голландия (Западный Ириан). Захватив Марианские острова и Гуам, американцы начали регулярные бомбардировки Японии. К концу июня 1945 г. японцы были полностью вытеснены с Окинавы. Последним крупным сражением на Тихом океане, в котором приняли участие австралийские войска, был захват порта Баликпапан на острове Борнео.

Война на Тихом океане вступила в завершающую стадию в начале августа 1945 г., когда Советская армия начала боевые операции против Японии, молниеносно разгромив сильнейшую группировку японских войск — Квантунскую армию. Япония капитулировала. 2 сентября в Токийском заливе на борту американского корабля «Миссури» был подписан акт о безоговорочной капитуляции Японии.

Участие во второй мировой войне потребовало от Австралии бо́льших усилий, чем в период первой мировой войны 1914—1918 гг. Так, в 1939—1945 гг. в австралийскую армию, флот и авиацию было мобилизовано (цифры даются округленно) 728 тыс. человек против 417 тыс. в период 1914—1918 гг. Из них за пределами страны находилось 558 тыс. человек, а в период первой мировой войны — 337 тыс. Правда, потери австралийской армии во второй мировой войне были значительно меньшими, чем в первой мировой войне. Если общее число убитых и умерших от ран и болезней (в боях и небоевой обстановке) составило в 1939—1945 гг. 25 тыс., то

в 1914—1918 гг. — 60 тыс. Число раненых было соответственно 23 тыс. и 155 тыс., в том числе отравленных газами 16,5 тыс. Только число пленных в 1939—1945 гг. было в пять раз больше, чем в 1914—1918 гг.— 21 тыс. и 4 тыс. Причем в войне против Германии австралийцы потеряли пленными 8 тыс. человек, а против Японии — 14 тыс. человек (347, 633—636).

Характерной чертой развития Австралии в последние три года войны было постепенное наращивание военно-экономического потенциала. Число рабочих, занятых в военном производстве, удвоилось в сравнении с концом первого военного трехлетия. Быстро развивалось станкостроение, самолетостроение, судостроение. На фронтах второй мировой войны сражалось почти 560 тыс. солдат, и австралийская военная промышленность удовлетворяла их нужды.

В целях консолидации всех сил страны правительство Кэртина должно было разрешить деятельность компартии. Вышедшая из подполья КПА имела в своих рядах больше членов, чем до запрещения, и продолжала быстро расти, достигнув к концу 1943 г. численности в 20 тыс. человек [130, 120].

Растущая мощь страны, а также укрепление политических позиций партии (в 1943 г. лейбористы не только сформировали федеральное правительство, опиравшееся на большинство в обеих палатах парламента, но и находились у власти во всех штатах, кроме Южной Австралии) придали уверенность лейбористским лидерам, начавшим открыто высказываться за пересмотр положения Австралии внутри Британского содружества наций и переоценку общей направленности австралийской внешнеполитической линии.

В декабре 1943 г., выступая на общеавстралийской Конференции лейбористской партии, Кэртин подчеркивал, что мир в предстоящие годы никогда не станет таким, каким он был перед войной. Австралия должна иметь свободу действий. «То, что было хорошо двадцать лет тому назад, не может быть хорошо сейчас». Он особенно подчеркивал роль Австралии в тихоокеанских делах. «Географическое положение Австралии определяет ее предназначение тихоокеанской державы. Поэтому наряду с участием в решении общемировых проблем во вновь созданной всемирной организации типа Лиги наций Австралия должна теснее сотрудничать с державами, имеющими интересы на Тихом океане, и прежде всего с Новой Зеландией».

Курс на политическую эмансипацию Австралии явно проявился в начале 1944 г., когда в Канберре 21 января было заключено австралийско-новозеландское соглашение. Соглашение предусматривало «полный обмен информацией о взглядах обоих правительств и фактах, имеющихся в их распоряжении, относительно дел, представляющих общий интерес», и создание постоянного секретариата «для осуществле-

ния непрерывного сотрудничества» [406, 130]. Несмотря на то что соглашение было подписано в разгар военных действий, акцент в нем делался на проблемах послевоенного устройства стран Тихого океана.

В соглашении декларировалось намерение обоих доминионов тесно сотрудничать в решении политических проблем в бассейне Тихого океана, подчеркивалась необходимость создания оборонительной зоны, ядром которой должны были стать Австралия и Новая Зеландия, охватывающей цепь островов к северу и северо-востоку от Австралии до Западного Самоа и островов Кука.

Специальный пункт соглашения (ст. 16) касался тихоокеанских островов. Опасаясь за судьбу своих владений в Тихом океане, Австралия и Новая Зеландия записали в соглашении: оба правительства считают общепринятым принципом в международной практике, что сооружение и использование во время войны какой-либо державой морских, сухопутных или военно-воздушных баз на территориях, находящихся под суверенитетом или контролем другой державы, не создают сами по себе основания для территориальных претензий или возникновения права на суверенитет или контроль над этими территориями после прекращения военных действий.

В то же время, стремясь обеспечить территориальные интересы в бассейне Тихого океана, оба доминиона объявили в соглашении, что использование вражеских тихоокеанских территорий является «жизненно важным» для обеих стран и потому передача кому-либо суверенных прав на эти территории какой-либо третьей державе будет действительной «только с их согласия».

В соглашении Австралия и Новая Зеландия объявляли также о намерении создать специальную международную организацию стран бассейна Тихого океана, приглашая все заинтересованные державы принять в ней участие. Пока доминионы договорились о создании действующего аппарата из представителей обеих стран для сотрудничества во всех вопросах, касавшихся Тихоокеанского бассейна.

Международная организация экономического характера была создана уже после окончания войны, 6 февраля 1947 г. Австралия, Новая Зеландия, Англия, Франция, США и Голландия подписали соглашение о создании Южнотихоокеанской комиссии.

Следует сказать, что австралийско-новозеландское соглашение, и особенно его ст. 16, вызвало озабоченность в США. Официальная реакция была довольно сдержанной. Государственный секретарь К. Хелл лишь подчеркнул, что «было бы желательно договориться об условиях общей международной системы безопасности — до того, как пытаться разрешить проблемы региональной безопасности» [467, 318].

Американские военные деятели и конгрессмены высказывались более откровенно, толкуя это соглашение как попытку вытеснить США из южной части Тихого океана [467, 317].

Великобритания же, усмотрев в соглашении тенденцию отхода Австралии и Новой Зеландии от тесного сотрудничества с США, заняла благожелательную к соглашению позицию. Но в дальнейшем эти призрачные антиамериканские настроения в Австралии не получили развития.

Австралия и Новая Зеландия в период войны вели согласованную политику в отношении создания всемирной организации, призванной заменить Лигу наций. На Веллингтонской конференции была выработана совместная платформа, одобренная австралийским правительством 10 ноября 1944 г. и ставшая основой позиции Австралии на Сан-Францисской конференции 1945 г. В первом пункте решений Веллингтонской конференции обе страны отчетливо выражали большую заинтересованность в создании всемирной организации.

На конференции в Сан-Франциско, принявшей Устав Организации Объединенных Наций, австралийская делегация и ее глава Г. Эватт действовали очень активно, стремясь продемонстрировать перед всем миром свою политическую самостоятельность. Особенно энергично Эватт выступал против четкого проведения в Уставе ООН принципа единогласия «великих держав» при решении вопросов в Совете Безопасности, взяв на себя роль защитника интересов «второстепенных держав». Лейбористское правительство продержалось у власти до 1949 г. Правда, состав руководства его изменился еще до окончания войны с Японией. 5 июля 1945 г. умер Д. Кэртин, и премьер-министром Австралии был назначен Джозеф Бенедикт Чифли, занимавший до этого пост министра финансов. Он же стал лидером лейбористской партии. Но политика австралийского правительства от этого не изменилась. Стремление к политической эмансипации продолжало усиливаться.

В конце войны Австралия имела уже сеть своих дипломатических представительств за границей. К образованным в 1940 г. дипломатическим представительствам в США, Японии, Канаде и Новой Каледонии добавились миссии в Тиморе, Малайе, Китае, Нидерландах, СССР, Индии и Новой Зеландии. В середине нынешнего века Австралия имела свои дипломатические представительства уже в 24 странах. Численный состав министерства иностранных дел возрос с 28 человек (из них 3 — за границей) в 1939 г. до 393 (из них 118 — за границей) — в 1952 г. [228, 118].

Министр иностранных дел Г. Эватт в первые годы существования ООН поражал дипломатический мир своей необычайно активной деятельностью. Вспоминая об этом, нынешний генерал-губернатор Австралии П. Хэзлак в статье «Авст-

ралия и создание Организации Объединенных Наций» не без иронии назвал его «первым и последним удачливым политиканом» [410, vol. LX, pt III, 176].

СИСТЕМА ОПЕКИ И АВСТРАЛИЯ

Немало усилий затратило лейбористское правительство на то, чтобы сохранить свои колониальные владения. Еще в период войны правительство Австралии внимательно наблюдало за ходом обсуждения великими державами вопросов послевоенного устройства мира, и особенно проблем колониальных и зависимых стран.

Впервые эти проблемы обсуждались на Московской конференции 1943 г. С предложениями по колониальному вопросу выступили Соединенные Штаты Америки. Почему инициативу в постановке этого вопроса взяли на себя именно США, понятно. Так же как и после первой мировой войны, Соединенные Штаты стремились к переделу колоний, к созданию в колониальных странах режима, благоприятного для интересов американского капитала.

Внешне же это выглядело вполне добропорядочно. 24 октября 1943 г. делегация США представила проект Декларации Объединенных Наций по вопросу о национальной независимости. В ней говорилось, что «долг и цель Объединенных Наций, которые благодаря событиям прошлого стали ответственными за будущее колониальных стран, состоят в том, чтобы тесно сотрудничать с народами этих стран, подготовляя их к тому, чтобы они были способны получить статут национальной независимости...» [цит. по: 97, 22]. С этой целью предлагалось создать Международную администрацию попечительства, состоящую из представителей Объединенных Наций и всех других наций, которые сейчас сотрудничают или могут сотрудничать впоследствии в развитии и осуществлении постановлений Атлантической хартии. Эта администрация будет действовать через региональные советы, составленные из представителей стран, имеющих значительные интересы в соответствующих районах» [цит. по: 97, 23].

Предложения США вызвали упорные возражения со стороны делегации Англии, и проект Декларации был снят с обсуждения. Таким образом, уже первая попытка рассмотреть колониальный вопрос показала резкое расхождение во взглядах, предвещающее острую борьбу в дальнейшем.

К рассмотрению колониальной проблемы заинтересованные державы вернулись лишь на Сан-Францисской конференции 1945 г. Положение осложнялось тем, что ни на конференциях в Крыму и Думбартон-Окс, ни на совещании министров иностранных дел четырех великих держав 23 апреля — 4 мая

1945 г. эта проблема не обсуждалась. Если по другим вопросам послевоенного мирового устройства были выработаны согласованные предложения великих держав, то по колониальному вопросу государства представили свои индивидуальные проекты решения. Проекты были подготовлены США, Англией, Францией, Китаем, Австралией.

Необходимо, хотя бы коротко, проанализировать представленные проекты, ибо это покажет существо позиций империалистических держав в колониальном вопросе.

Целью опеки все проекты, за исключением английского, называли политическое, экономическое и социальное развитие народов подопечных территорий (ст. 2а в каждом из проектов). В английском проекте слово «политическое» было опущено (ст. 1/I). В проектах США (ст. 2б) и Англии (ст. 1/II) было указано, что задача международной опеки — достижение самоуправления территорией, проекты Франции и Австралии не упоминали об этом, в китайском проекте содержалась фраза «независимость и самоуправление» (ст. 2б). Проекты Франции (ст. 2с), Китая (ст. 2с) и США (ст. 2с) заявляли в той или иной форме о политике «открытых дверей» на подопечных территориях, в проекте же Англии (ст. 1) упоминалось лишь о том, что должны быть учтены интересы других держав в экономической, социальной, коммерческой областях, а также в вопросах безопасности.

Что касается сферы действия системы международной опеки, то проекты США (ст. 3), Англии (ст. 2) и Китая (ст. 3) включали три категории территорий: а) бывшие мандаты Лиги наций; б) территории, отторгнутые от вражеских государств в результате второй мировой войны; в) территории, добровольно переданные государствам, ответственным за их управление. Французский проект (ст. 3) предусматривал передачу только бывших мандатов и территорий, отторгнутых у врага. Наиболее неопределенным был австралийский проект, который в ст. 3 устанавливал, что в систему опеки должны передаваться территории по добровольному решению управляющей власти и по решению Генеральной Ассамблеи ООН, основанному на рекомендациях, принятых на Конференции колониальных держав.

Проекты США (ст. 4), Франции (ст. 4), Китая (ст. 5) предусматривали, что передача территорий под опеку должна производиться каждый раз на основе соглашения об опеке, заключенного между прямо заинтересованными в этом государствами. США и Франция предлагали, чтобы они, эти соглашения, утверждались Генеральной Ассамблеей или Советом Безопасности. По австралийскому проекту территории передавались под опеку на основании соглашения между управляющей властью и Генеральной Ассамблеей ООН, без упоминания о «других заинтересованных государствах».

В английском проекте вообще не указывался порядок передачи территорий под опеку.

Ни американский, ни французский проекты не содержали статей, устанавливающих, по какому принципу должна выбираться управляющая власть. Английский проект (ст. 3) содержал положение о том, что управление территорией должно осуществляться развитой нацией от имени Генеральной Ассамблеи ООН; австралийский (ст. 4) — определенным членом ООН; китайский (ст. 4) — либо самой ООН, либо одним или более ее членов.

Все проекты содержали положение, обязывающее управляющую власть представлять ежегодные отчеты о положении на управляемой территории, но высказывались различные мнения о том, куда эти отчеты должны направляться. Американский (ст. 11) и французский (ст. 11) проекты предлагали направлять отчеты Генеральной Ассамблее, китайский (ст. 14) — Генеральной Ассамблее и Совету Безопасности, австралийский (ст. 2) — в Консультативную экспертную комиссию, английский (ст. 7) — в Экономический и социальный совет.

Проекты США, Франции и Китая определяли в качестве основной задачи опеки сохранение международного мира и безопасности, но не устанавливали каких-либо конкретных обязательств управляющей власти в этом отношении. В ст. 5 английского проекта упоминалось, что управляющая власть должна добиваться, чтобы подопечная территория играла свою роль в сохранении международного мира и безопасности. Для выполнения этой задачи управляющая власть получала право использовать местные силы и возможности для защиты и сохранения порядка на подопечной территории, а также для выполнения обязательств перед Советом Безопасности.

Все проекты содержали положения о создании специального органа в опеке. Но в определении правового характера этого органа были серьезные различия.

Австралийский (ст. 2) и английский (ст. 8) проекты предлагали создать комиссию экспертов с чисто консультативными функциями, подобно Постоянной международной комиссии Лиги наций. Американский (ст. 9), французский (ст. 9) и китайский (ст. 12) проекты предусматривали создание совета, состоящего из представителей государств, причем число представителей от государств-опекунов и государств-неопекунов должно быть равным.

В американском, французском и китайском проектах устанавливалось, что Совет по опеке должен получать и рассматривать доклады о положении в подопечных территориях, проводить необходимые расследования, принимать петиции от населения территорий.

Американский (ст. 6, 7), французский (ст. 6, 7) и китайский (ст. 8, 10) проекты устанавливали две основные с точки зрения проблемы безопасности категории подопечных территорий: стратегические и нестратегические. Предусматривалось, что все функции в отношении стратегических территорий берет на себя Совет Безопасности.

Что касается английского проекта, то он не содержал подобного разделения. В нем, как мы уже отмечали (ст. 5 и 6), говорилось, что обязанностью управляющей власти является определение того, как территория выполняет свою роль в сохранении международного мира и безопасности.

Весьма характерно, что во всех проектах не упоминалось о сроках окончания опеки.

Таким образом, империалистические государства в тот период проявляли два различных подхода к разрешению вопроса об опеке, которые можно назвать американским и английским.

Существо английского подхода состояло в том, чтобы максимально сохранить, насколько это возможно, старую мандатную систему. Отсюда стремление изъять из компетенции системы опеки социально-политические вопросы, создать Совет по опеке в виде консультативного органа при Экономическом и социальном совете, исключить участие заинтересованных держав в разработке и заключении соглашения об опеке и т. д.

Позиция США определялась интересами американского капитала, стремлением его к мировому господству. Отсюда предложение установить на подопечных территориях режим «открытых дверей», изъять из ведения Генеральной Ассамблеи важные в военно-стратегическом отношении территории и т. д.

Меньше всего империалистические государства думали об интересах народов подопечных территорий. Действительно, кроме общих, трескучих фраз, в проектах не содержалось никаких положений, конкретно определявших задачи и ответственность государств-опекунов, пути и методы политического, социального, экономического и культурного развития населения подопечных территорий; даже не ставился вопрос о сроках окончания опеки. Не упоминалось также о том, что целью опеки являются достижения народами подопечных территорий независимости.

Советская делегация на Сан-Францисской конференции не выступила с отдельным проектом, а внесла 11 мая 1945 г. ряд поправок к американскому проекту. Делегация СССР предлагала определить целью опеки не только самоуправление, но и самоопределение с активным участием народов колониальных территорий «в целях быстрейшего достижения полной государственной независимости». Советская делега-

ция предлагала: определить последующим соглашением государства, которым будет поручено осуществлять опеку; дополнить состав Совета по опеке представителями всех постоянных членов Совета Безопасности, хотя бы и не управляющих подопечными территориями; предоставить Генеральной Ассамблее (и Совету по опеке) право посылать своих представителей и инспекторов для контроля над исполнением ее указаний [97, 157—158]. Совершенно очевидно, что советские предложения давали возможность для действительно прогрессивного решения колониального вопроса.

Однако империалистические державы не пошли по предлагаемому СССР пути. Стремясь преодолеть выявившиеся у них разногласия и достигнуть выгодного колонизаторам решения, они начали срочные поиски компромисса.

Представитель США Гарольд Стассен представил в Комитет II/4 «Рабочий проект». Этот проект состоял из двух частей. Первая часть, посвященная вопросам общей политики в отношении зависимых территорий, была взята из англо-австралийского проекта, а вторая, озаглавленная «Система территориальной опеки», основывалась на американском проекте.

«Рабочий проект» лег в основу дискуссии в Комитете II/4 и был одобрен с рядом поправок для представления в Комитет II.

К наиболее существенным поправкам, улучшавшим проект, следует отнести включение слова «независимость» наряду со словом «самоуправление» при определении целей опеки, включение в состав Совета по опеке постоянных членов Совета Безопасности ООН, включение пункта о периодических инспекционных посещениях территорий. Все эти поправки были внесены делегацией СССР.

В ходе дискуссии капиталистические государства показали свое действительное отношение к народам колониальных стран. Они ожесточенно выступали против любой поправки, носящей прогрессивный характер. Так, они добились отклонения поправок, внесенных делегацией Египта о предоставлении Генеральной Ассамблее ООН права прекращать действие статуса опеки и объявлять территорию независимой, о передаче подопечной территории другой управляющей власти при нарушении прежней властью условий соглашения об опеке или при выбывании страны-опекуна из числа членов ООН. Была отклонена также поправка о принятии во внимание желания населения подопечной территории при выборе управляющей власти.

Предоставленные в Комитет II предложения были приняты и стали составной частью Устава ООН, вошедшего в силу 24 октября 1945 г.

Положения, относящиеся непосредственно к системе международной опеки, вошли в XII и XIII гл. Устава ООН.

В XI гл. вошли общие положения о принципах политики Объединенных Наций в отношении несамоуправляющихся территорий.

Для того чтобы яснее понять, что представляет собой в окончательном виде система международной опеки, прежде всего сравним ее с мандатной системой Лиги наций.

При таком сравнении нельзя не видеть некоторых, хотя бы формальных, преимуществ новой системы. Если мандатной системе была посвящена только одна статья Устава Лиги (ст. 22), то системе опеки посвящены 16 статей, заключенных в две главы. Система опеки по Уставу ООН, опять-таки формально, шире мандатной системы. Статья 77 Устава ООН говорит о том, что она распространяется на: а) территории, находящиеся под мандатом; в) территории, которые могут быть отторгнуты от вражеских государств в результате второй мировой войны; с) территории, добровольно включенные в систему опеки государствами, ответственными за их управление.

Создаваемый ст. 85 Устава ООН Совет по опеке по своей правовой природе — более правомочный и ответственный орган, чем Постоянная мандатная комиссия. Если последняя была лишь консультативным органом, состоящим из экспертов, не являющихся представителями государств — членов Лиги наций, то Совет по опеке состоит из членов ООН, в него входят также представители государств — постоянных членов Совета Безопасности. Статья 87 Устава дает совету право: а) рассматривать отчеты, представленные управляющей властью: б) принимать петиции и рассматривать их; в) организовывать периодические посещения соответствующих территорий, находящихся под опекой.

Увеличивались возможности контролировать выработку соглашений об опеке, поскольку ст. 79 было предусмотрено, что условия опеки для каждой территории, подлежащей включению в систему опеки, определяются соглашениями непосредственно заинтересованных государств и утверждаются либо Советом Безопасности (стратегические районы), либо Генеральной Ассамблеей (нестратегические районы). Не было деления территории на категории по степени развития.

Эти положения, имеющие прогрессивный характер, были приняты по решительному требованию Советского Союза.

Но буржуазные государства, пользуясь подавляющим большинством при разработке Устава ООН, смогли добиться включения и в разделы, относящиеся к международной опеке, такого рода расплывчатых формулировок, которые дали возможность в дальнейшем практически свести на нет все положительное, содержащееся в этих разделах.

Важное место в системе опеки должны были занять индивидуальные соглашения. Так, в ст. 76 говорилось, что разви-

тие территорий к самоуправлению или независимости предусматривается условиями каждого соглашения об опеке. Но в Уставе не было сформулировано понятие «непосредственно заинтересованные государства», которые, согласно ст. 79, должны были разрабатывать эти соглашения. Это не случайно. Хорошо известно, с каким единодушием империалистические державы отвергли соответствующие предложения советской делегации в Комитете II/4 [439, 29]. Практически введение принципа индивидуальных соглашений об опеке явилось не шагом вперед в сравнении с мандатами, а в известном смысле даже шагом назад.

В разделах Устава ООН, посвященных опеке, не было предусмотрено сроков, в течение которых должны были заключаться соглашения об опеке. Более того, сам принцип обязательности включения в систему опеки первых двух категорий территорий не был выражен с непреклонной твердостью и определенностью. Дважды в ст. 75 и 77 повторяется, что в систему опеки «могут быть» включены территории первых двух категорий. Это дало Южно-Африканскому Союзу повод бесконечно уклоняться от передачи под опеку Юго-Западной Африки и для весьма двусмысленного решения Международного суда ООН.

Что же касается пункта 1с ст. 77 о добровольной передаче под опеку территорий государствами, ответственными за их управление, которым так гордятся буржуазные юристы, рассматривая его как одно из ярчайших достижений новой системы, то он не был применен на практике. Ни одно из колониальных государств не воспользовалось предоставляемой ему возможностью.

Это было ясно еще на первых обсуждениях системы опеки. Так, например, выступая в Оксфорде в марте 1943 г., английский министр колоний Стэнли заявил, что «управление британскими колониями должно продолжать оставаться целиком в руках Великобритании» [505, 6. III. 1943]. Черчилль подтвердил, выступая в парламенте, что данная точка зрения является позицией английского правительства [505, 18.III. 1943].

Широко известны также слова Черчилля, сказанные в разговоре со Сталиным и Рузвельтом на Крымской конференции: «Я стал первым министром его величества не для того, чтобы способствовать ликвидации Британской империи» [380, 27]. Такой же была позиция и А. Идена на Московской конференции 1943 г.

Французские представители заявляли, что они откажутся принять какое-либо изменение мандатной системы, которое «нарушило бы существующее равновесие национального и международного контроля... к ущербу мандатария» [505, 4.IV. 1945].

В Уставе ООН нет твердого указания о том, что целью опеки является достижение подопечными территориями независимости.

Ст. 76в, родившаяся в результате компромисса, определяла цель опеки как содействие «политическому, экономическому и социальному прогрессу населения территории под опекой, его прогрессу в области образования и его прогрессивному развитию в направлении к *самоуправлению или независимости, как это может оказаться подходящим для специфических условий каждой территории и ее народов, и имела в виду свободно выраженное желание этих народов, и как это может быть предусмотрено условиями каждого соглашения об опеке...*» (курсив наш.— *К. М.*).

В такой формулировке указание о достижении независимости как цели опеки превращается в пустую фразу.

Ни в одном индивидуальном соглашении об опеке не было сказано о том, что целью опеки является достижение независимости. Во всех соглашениях была повторена (или содержалась ссылка) ст. 76в с ее неопределенным выражением «самоуправление или независимость».

Таким образом, положение народов подопечных территорий практически ничем не отличается от положения народов территорий, деликатно называемых в Уставе ООН несамоуправляющимися, иначе говоря — колоний. Ведь в ст. 73в государства, «которые несут или принимают на себя ответственность за управление этими территориями», также обязываются «развивать самоуправление». Юридически их положение хуже, чем положение народов подмандатных территорий типа А, поскольку последние временно признавались в качестве независимых наций.

Выполнение функций международной системы опеки осуществляется Генеральной Ассамблеей ООН, Советом Безопасности, Советом по опеке и управляющими властями.

Компетенция этих четырех органов определена в гл. XII Устава ООН. На Генеральную Ассамблею возложено осуществление функций ООН в отношении соглашений об опеке над территориями, не отнесенными к числу стратегических (ст. 55, п. 1). С этой целью Генеральная Ассамблея уполномочивается: а) принимать отчеты, представляемые управляющей властью; б) принимать петиции и рассматривать их, консультируясь с управляющей властью; в) устраивать периодические посещения соответствующих территорий под опекой в согласованные с управляющей властью сроки; г) предпринимать упомянутые и другие действия в соответствии с условиями соглашения об опеке (ст. 87).

На Совет Безопасности возлагаются все функции ООН в отношении соглашений по опеке над территориями, имеющими стратегическое значение (ст. 83, п. 1).

Совет по опеке определяется Уставом ООН как орган, действующий под руководством Генеральной Ассамблеи и помогающий ей в выполнении возложенных на нее обязанностей в отношении подопечных территорий (ст. 85, п. 2). Для выполнения этих задач ст. 87 наделяет совет теми же полномочиями, что и Генеральную Ассамблею, но подчеркивает вновь подчиненный по отношению к последней характер Совета по опеке. В ней говорится: «Генеральная Ассамблея *и находящийся под ее руководством Совет по опеке* при выполнении своих функций уполномочивается...» (курсив наш.— *К. М.)*.

Единственным действием, которое по Уставу совет осуществляет самостоятельно,— это разработка анкеты относительно политического, экономического и социального прогресса населения подопечной территории, а также его прогресса в области образования; на основе анкеты управляющие власти предоставляют ежегодные доклады Генеральной Ассамблее» (ст. 88).

Таким образом, по духу и букве Устава осуществление функций ООН в отношении подопечных территорий передано Генеральной Ассамблее и Совету Безопасности. Совет по опеке, несмотря на то что относится к числу основных органов ООН, занимает подчиненное положение.

На основании ст. 22 Устава, разрешающей Генеральной Ассамблее образовывать такие вспомогательные органы, которые она сочтет необходимым для осуществления своих функций, был создан Комитет по опеке, или так называемый Четвертый комитет Генеральной Ассамблеи. Этот орган обсуждает все вопросы, относящиеся к несамоуправляющимся территориям, которые выносятся на рассмотрение Генеральной Ассамблеи. Рекомендации его не имеют, естественно, самостоятельного значения и, для того чтобы обрести таковое, нуждаются в утверждении Генеральной Ассамблеей. Состав Четвертого комитета такой же, как и Генеральной Ассамблеи: в нем представлены все члены ООН, и может показаться, что решения, принятые комитетом, автоматически будут приняты Ассамблеей. Это, однако, не так. В комитете решения принимаются простым большинством голосов, а на Генеральной Ассамблее для принятия решений, относящихся к делам опеки, требуется квалифицированное большинство в $^2/_3$ голосов. Таким образом, решение, принятое в комитете, вполне может быть отвергнуто при рассмотрении его на Генеральной Ассамблее, что в практике и наблюдалось.

Необходимо остановиться на структуре Совета по опеке, являющегося в этой области единственным самостоятельным специализированным органом ООН.

Совет по опеке состоит только из членов ООН. В него входят: а) члены ООН, управляющие территорией под опекой,

б) постоянные члены Совета Безопасности, не управляющие территориями под опекой, в) такое число других членов ООН, избранных Генеральной Ассамблеей на трехгодичный срок, которое может оказаться необходимым для обеспечения того, чтобы общее число членов Совета распределялось поровну между членами ООН, управляющими и не управляющими территориями под опекой.

Наблюдение ООН за выполнением соглашений об опеке осуществляется следующими средствами: 1) рассмотрением ежегодных докладов управляющих властей, 2) рассмотрением петиций, 3) посылкой инспекционных миссий.

Если руководящими и контролирующими органами международной системы опеки являются Генеральная Ассамблея, Совет Безопасности и Совет по опеке, то практическое осуществление опеки возложено на управляющую власть. Поэтому естественно было бы ожидать, что Устав ООН определит основные обязанности управляющей власти. Однако этого в Уставе нет.

Статья 84 Устава указывает лишь на то, что «обязанностью управляющей власти является обеспечение того, чтобы территория под опекой играла свою роль в поддержании международного мира и безопасности». Дважды (в ст. 79 и 81) Устав ссылается в этом отношении на индивидуальные соглашения об опеке. Но в индивидуальных соглашениях, как мы уже отмечали, обязанности управляющих властей были сформулированы в самой неопределенной форме.

Мы изложили столь подробно принципы организации системы опеки ООН потому, что бывшая британская колония Австралия иронией судьбы превратилась в послевоенное время в крупнейшую колониальную державу в бассейне Тихого океана, крупнейшего в мире и почти единственного в наши дни «опекуна» *. 13 декабря 1946 г. Австралия получила от ООН управление бывшей своей подмандатной территорией Новая Гвинея. Вместе с Англией и Новой Зеландией Австралия стала также «опекать» остров Науру.

О том, как Австралия практически осуществляла свои опекунские обязанности в период пребывания у власти лейбористов и сменивших их в 1949 г. либералов, мы расскажем в соответствующем разделе следующей главы.

---

* Кроме Австралии, только США являются еще страной-«опекуном», управляя Марианскими, Каролинскими и Маршалловыми островами.

АВСТРАЛИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ АВСТРАЛИИ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

За последние четверть века австралийская экономика претерпела серьезные, глубокие изменения. Из страны преимущественно аграрной Австралия за послевоенные годы превратилась в индустриально-аграрное государство.

Этот процесс начался, как мы уже говорили, еще в период второй мировой войны.

Если к началу войны в Австралии насчитывалось 27,3 тыс. предприятий обрабатывающей промышленности с общим числом рабочих 650 тыс., то к 1946 г. существовало уже более 31 тыс. предприятий, на которых было занято 750 тыс. рабочих.

В последующие годы этот процесс не только не замедлился, но продолжался еще более ускоренными темпами. Сейчас в Австралии на долю обрабатывающей промышленности приходится более 60% общей стоимости выпускаемой продукции, а на долю сельского хозяйства — менее 30%. В 1967 г. число предприятий обрабатывающей промышленности достигло 62,5 тыс., а число работающих на них — 1309 тыс. Стоимость продукции обрабатывающей промышленности достигла в 1966/67 г. 6,9 млрд. австрал. долл., тогда как в 1940/41 г. она составляла лишь 515,8 млн. [60, 1968, № 54, 1077]. Весьма заметно выросли активы предприятий обрабатывающей промышленности. Если в 1940/41 г. стоимость занимаемых ими земельных участков и зданий составляла 288,2 млн. австрал. долл., а стоимость машин и оборудования — 322,7 млн., то в 1966/67 г. эти цифры увеличились соответственно до 4064 млн. и 4708 млн. австрал. долл. [60, 1968, № 54, 1077].

Наибольшее число предприятий обрабатывающей промышленности составляют металлообрабатывающие и машиностроительные заводы, причем число их неуклонно растет из года в год. Так, с 1962/63 по 1966/67 г. число предприятий этой отрасли выросло с 24,9 тыс. до 28,4 тыс. Число работаю-

щих увеличилось за этот период с 525,3 тыс. до 611,6 тыс. [60, 1968, № 54, 1078, 1083].

Однако до сих пор, как видно из официальных данных, в австралийской обрабатывающей промышленности численно преобладают мелкие предприятия. Это объясняется особенностями австралийской статистики, которая дает весьма широкое толкование понятия «обрабатывающая промышленность», включая в него наряду с металлургическими и нефтеочистительными предприятиями авторемонтные мастерские и даже мастерские по окраске и чистке одежды и починке обуви. «И поэтому не должно вызывать удивления, — пишет известный австралийский ученый О. Спейт, — что из общего (на 1963—1964 гг.) числа предприятий 59 тыс. почти 43 тыс. имели до 10 рабочих; многие из них являются, например, гаражами, которые обслуживают один взрослый рабочий и один подросток» [426, 139]. В 1966/67 г. число предприятий обрабатывающей промышленности с числом рабочих до 10 человек увеличилось до 44,4 тыс., на них работало 167 тыс. человек [60, 196, № 54, 1080].

В то же время нельзя не видеть значительную концентрацию производства в ведущих отраслях обрабатывающей промышленности: «Впечатление распыленности предприятий, — подчеркивает О. Спейт, — обманчиво: если гигантских предприятий и мало — имеется лишь 81 предприятие с числом рабочих более 1000 человек, — фактом является высокая степень концентрации в наиболее важных отраслях промышленности. Мы можем обнаружить действительные монополии в сталелитейной, металлообрабатывающей промышленности, в производстве сахара, стекла, цемента, бумаги...». Концентрация капитала в Австралии в два раза выше, чем в Соединенных Штатах [426, 139]. В 1966/67 г. количество предприятий с числом рабочих более 1000 увеличилось до 91. На них работала уже 191 тыс. человек [60, 1968, № 54, 1080].

Географическое размещение предприятий обрабатывающей промышленности также очень неравномерно. Наибольшая их часть расположена в штатах Новый Южный Уэльс и Виктория, соответственно 24,9 тыс. и 18,1 тыс., в том числе с числом рабочих более 1000 человек — 44 и 26 [60, 1968, № 54, 1080].

Еще более быстрыми темпами развивалась австралийская горнодобывающая промышленность, особенно в последние полтора десятка лет. В Австралии были обнаружены богатейшие месторождения бокситов, меди, нефти, железной руды. Получила развитие добыча урана.

Открытие в Уэйпа, Гоув и Дарлинг Рандж запасов бокситовых руд исчисляется почти в 3 млрд. *т*, а запасов меди в Моунт Иса — в 43,5 млрд. *т*. После открытия в последние годы железорудных месторождений в Хемерсли и Офтальмиа

Рандж разведанные в Австралии запасы железных руд составили 16 млрд. *т* [60, 1968, № 54, 1029—1030]. Весьма перспективны открытые в Квинсленде и Западной Австралии месторождения нефти.

Наряду с этим в Австралии продолжали действовать и старые отрасли горнорудной промышленности — добыча золота, серебра, угля, марганца, свинца, олова и др.

О количественном росте продукции основных отраслей горнорудной промышленности дают представление следующие данные [60, 1968, № 54, 1053—1054]:

	1962 г.	1963 г.	1964 г.	1965 г.	1966 г.
Бокситы, *т*	29 547	354 206	783 900	1 167 671	1 798 261
Медные концентраты, *т*	395 427	434 368	427 258	389 398	477 987
Железная руда, тыс. *т*	4 843	5 515	5 669	6 695	11 553
Свинцовые концентраты, *т*	522 278	584 462	536 213	503 356	515 573
Марганцевая руда, *т*	71 646	36 061	61 109	100 369	312 540
Оловянные концентраты, *т*	3 842	4 132	5 314	6 237	7 604
Цинковые концентраты, *т*	572 900	594 861	588 840	604 211	638 788
Каменный уголь, *т*	24 469	24 817	27 401	31 438	33 333
Бурый уголь, тыс. *т*	17 137	18 456	19 035	20 659	21 783
Сырая нефть, тыс. баррелей	—	—	1 491	2 621	3 389
Золото, тыс. унций	—	1 231	1 150	1 119	1 079

За десять лет (1954—1964) стоимость продукции горнорудной промышленности увеличилась на 60% и составила почти 500 млн. австрал. долл. В 1967 г. эта цифра поднялась до 700 млн. австрал. долл. Число шахт и карьеров за пятилетие (1962—1966) увеличилось с 2,9 тыс. до 3,2 тыс., а число работающих — с 45,2 тыс. до 47,8 тыс. [60, 1968, № 54, 1045—1047]. В металлургической промышленности объем выпускаемой продукции рос значительно быстрее, чем в других отраслях обрабатывающей промышленности. Быстро увеличивалось число работающих. Так, в 1952—1962 гг. производство стали выросло с 1,5 млн. до 4,1 млн. *т*. В среднем ежегодно производство стали увеличивалось, таким образом, на 17%. Число работающих в этой отрасли увеличилось за то же время с 26,7 тыс. до 43 тыс., т. е. возрастало ежегодно в среднем на 5%.

Совокупный национальный продукт страны в 1952—1962 гг. увеличивался ежегодно в среднем на 5,3%, а рабочая сила в целом по стране — на 2,3% (в обрабатывающей промышленности — на 1,1%). В послевоенное 20-летие производство стали на душу населения росло ежегодно в среднем на

5%, в то время как в 20-летие между мировыми войнами — только на 2% [270, 230, 233].

В 1962/63—1966/67 гг. производство стали показало дальнейший рост — с 4260 тыс. до 6065 тыс. *т*. Производство чугуна за это время увеличилось с 3400 тыс. до 4893 тыс. *т* [60, 1968, № 54, 1067].

Примерно в таких же пропорциях росло в этот период и производство нефтепродуктов: с 8527 тыс. до 10 587 тыс. Особенно быстрыми темпами росло производство алюминия. Если в 1962/63 г. его производилось 38 519 *т*, то в 1966/67 г. — уже 474 716 *т* [60, 1968, № 54, 1067].

Что касается добычи золота, то в последние годы она неуклонно снижается: с 1006 тыс. унций в 1962/63 г. до 726 тыс. унций в 1966/67 г. [60, 1968, № 54, 1067].

Транспорт Австралии в послевоенное время развивался неравномерно. Протяженность линий государственных железных дорог даже сократилась (с 27 234 *км* в 1941 г. до 25 059 *км* в 1967 г.). Сократилось и число перевозимых железными дорогами пассажиров (с 503,2 млн. в 1947 г. до 454,7 млн. в 1967 г.). Но количество перевозимых грузов значительно увеличилось (с 37,8 млн. *т* в 1947 г. до 68,5 млн. *т* в 1967 году, или на 81,2%) [60, 1968, № 54, 412].

Сокращаются из года в год перевозки населения средствами городского транспорта (трамваи, автобусы, троллейбусы). Если в 1962/63 г. ими было перевезено всего 712 млн. человек, то в 1966/67 г. — 621 млн. [60, 1968, № 54, 425].

В то же время воздушный и автомобильный транспорт показывает быстрый рост. На внутренних авиационных линиях перевозки пассажиров и грузов увеличились за 1962/63—1966/67 гг. соответственно с 2,8 млн. человек и 59,4 тыс. *т* до 4,4 млн. человек и 82,1 тыс. *т* [60, 1968, № 54, 432]. На международных линиях за этот период число пассажиров и грузов, перевезенных австралийскими авиакомпаниями, выросло с 295 тыс. человек и 6,8 тыс. *т* до 467 тыс. человек и 12,3 тыс. *т* [60, 1968, № 54, 434].

На 30 июня 1967 г. общее число самолетов гражданской авиации в Австралии достигало почти 3 тыс. [60, 1968, № 54, 436].

Количество автомашин увеличилось за 1962—1967 гг. с 3,2 млн. до 4,2 млн., т. е. с 296 машин на каждую тысячу человек населения страны до 354 [60, 1968, № 54, 426].

Значительно вырос объем международных морских перевозок Австралии. Если в 1962/63 г. число иностранных судов, зашедших в австралийские порты, было 6762, а их тоннаж 37,6 млн. *т*, то в 1966/67 г. — соответственно 7994 и 55,1 млн. *т* [60, 1968, № 54, 394].

Продолжало развиваться и австралийское сельское хозяйство. Посевные площади за послевоенное время были

увеличены почти вдвое: с 21,1 млн. до 39,6 млн. акров; 52,6% посевных площадей засеяно пшеницей. Производство зерна благодаря механизации труда (количество тракторов, например, увеличилось в пять раз) и применению в широких масштабах химических удобрений возросло в два раза по сравнению с 1938/39 г. К середине 60-х годов Австралия производила 9 млн. *т* пшеницы. Однако главной отраслью сельского хозяйства осталось овцеводство. Ежегодное производство шерсти также удвоилось и составляет 800 тыс. *т*. Количество овец достигло 164 млн. голов. По производству шерсти Австралия занимает первое место среди капиталистических стран. Число же работающих в сельском хозяйстве за послевоенное время значительно снизилось, составив в 1967 г. 387 тыс.

«Обычно за границей представляют, — пишет проф. О. Спейт, — что Австралия — это обожженная солнцем страна огромных пустынных пространств — что в действительности так и есть — и что австралийцы долговязые, крепкие, загорелые сельские жители, хотя таких среди них мало. Обычный австралиец в подавляющем большинстве случаев предпочитает быть служащим и фабричным рабочим. Основным демографическим фактом страны является высокий процент концентрации населения в столицах; в шести столицах штатов живет около 60% населения страны; в радиусе 50 миль около Сиднея и Мельбурна, что составляет лишь 0,34% всей территории страны, сосредоточено 43% ее населения» [426, 101]. При этом столичное население неуклонно растет. Так если в 1947 г. оно составляло 53,94% общего числа населения страны, то в 1954 г.—54,21%, в 1961 г. — 59,9, а в 1966 г. — 61,5% [426, 110].

Очень быстро развивалась в Австралии «сфера услуг». Именно здесь сейчас занято больше всего работающих — почти 60% общего числа рабочей силы в стране [426, 110].

В целом совокупный национальный продукт страны вырос за 1962/63—1967/68 гг. с 16,2 млрд. до 24 млрд. австрал. долл. [60, 1968, № 54, 621; 499, 2. IX. 1969].

Понятно, что столь значительный рост экономики вызвал соответственное увеличение экспортных возможностей Австралии.

Главными экспортными товарами Австралии, одной из самых крупных торговых стран мира, экспортирующей 18% своего валового национального продукта, являются и сейчас сельскохозяйственные товары. «В течение 16 лет — с 1948/49 по 1963/64 г., — пишет О. Спейт, — только одна шерсть давала не менее 30% общего дохода от экспорта и, более того, за первое послевоенное десятилетие лишь дважды давала менее 45%. Доля всех сельскохозяйственных товаров составляла от 80 до 90% экспортной выручки в первое послевоенное

десятилетие и от 75 до 80% — во второе, а товары обрабатывающей промышленности — лишь 12%» [426, 110].

Но в то же время сельскохозяйственное производство, оставаясь основой экспортной торговли, играет все меньшую роль в австралийской экономике в целом. Сейчас стоимость продукции обрабатывающей промышленности почти в два раза выше стоимости продукции сельскохозяйственной. С 1949 по 1962 г. доля сельскохозяйственного производства в валовом национальном продукте снизилась с 21,3 до 12,6%, доля же обрабатывающей промышленности поднялась с 26,3 до 28,2%. «Парадоксальность положения еще более усиливается, — замечает О. Спейт, — при рассмотрении распределения рабочей силы. Громадное количество сельскохозяйственных продуктов, являющихся основой экспорта, никогда не составлявших менее $^2/_3$ его, а временами свыше $^4/_5$, производится лишь 9% общего числа работающих, и число людей, непосредственно занятых в сельском хозяйстве, сокращается в абсолютных цифрах — от наивысшего числа 596 тыс. в 1933 г. до 457 тыс. в 1966 г., или на 23%; и эта армия из полумиллиона человек рассеяна на пространстве по крайней мере в 2 млн. кв. миль». О. Спейт справедливо отмечает, что для высокоразвитых капиталистических стран в послевоенное время характерны, хотя и не в таких масштабах, аналогичные явления, но «это редко сопровождается тем, что продукты сельскохозяйственного производства так значительно преобладают в экспорте страны» [426, 110—111].

В 1966/67 г. свыше 77% общей стоимости экспорта составляли продукты сельского хозяйства [60, 1968, № 54, 344]. В 1968 г. из общей стоимости австралийского экспорта 3150 млн. австрал. долл. только на долю шерсти и пшеницы приходилось 1026 млн. австрал. долл. [499, 2.IX.1969, 10]. Стоимость экспорта всех сельскохозяйственных продуктов превышает 2 млрд. австрал. долл. Однако, несмотря на то что Австралия все еще выступает на внешних рынках как поставщик сельскохозяйственных продуктов, экспорт промышленных изделий за последние годы увеличился почти в три раза.

Увеличился объем экспорта угля и металлов. Лишь за три года (1964—1966) стоимость экспорта продукции горнорудной промышленности увеличилась с 226,6 млн. до 331,2 млн. австрал. долл., в том числе угля — с 41 млн. до 66,5 млн. австрал. долл., железной руды — с 7,6 млн. до 16,9 млн., медной руды и концентратов — с 6,5 млн. до 9,6 млн. австрал. долл. [60, 1968, № 54, 1068].

В 1968 г. Австралия продала железной руды уже на 46 млн. долл. Есть все основания считать, что металлы займут в недалеком будущем ведущее место в австралийском экспорте. Контракты с одной лишь Японией предусматрива-

ют поставку 375 млн. *т.* железной руды в ближайшие 20 лет [48, vol. 40, April 1969, № 4, 167].

В заявлении, сделанном 22 апреля 1969 г. министром национального развития Д. Фейрбейрном, говорится, что в 1970/71 финансовом году стоимость экспорта руд и металлов превысит 1 млрд. австрал. долл., а в 1973/74 финансовом году составит 1285 млн. австрал. долл. [179, 7]. Австралийские специалисты считают, что к концу 70-х годов экспорт руд и металлов по стоимости может приблизиться к 2 млрд. австрал. долл.

Сдвиги в экономике Австралии привели к изменениям в структуре занятости.

В начале 60-х годов в сельском хозяйстве работало, как уже отмечалось, менее 12% общего числа занятых (перед войной — 20%), а в обрабатывающей промышленности — 30% (перед войной — 20%) [99, 29].

В отраслях хозяйства с наиболее тяжелыми условиями труда шире всего используются иммигранты, которые в послевоенные годы являются значительным источником пополнения населения и рабочей силы страны. В 1947—1961 гг. за счет иммигрантов население Австралии возросло почти на 1,5 млн., что составляет 54% роста мужского и 47% женского населения [179, 7].

Статистика показывает, что, хотя наибольшее число иммигрантов по-прежнему составляют англичане, их удельный вес в общей массе иммигрантов постоянно снижается. Если между 1901—1921 гг. англичане составляли 89% иммигрантов, то среди иммигрантов 1947—1961 гг. их было всего 32%; 27% составили жители стран Южной Европы, 20% — Восточной Европы, 18% — Северной Европы.

Если в довоенное время население Австралии почти целиком состояло из выходцев с Британских островов, то сейчас это далеко не так. «В 1947 г., — пишет О. Спейт, — родившиеся в Австралии составляли 90% населения, а из $^3/_4$ миллиона родившихся за границей лишь около 110 тыс. составляли выходцы из континентальной Европы. К 1961 г. родившиеся в Австралии составляли лишь 83% населения, родившихся за пределами страны было 1779 тыс. человек, из них свыше 840 тыс. составляли выходцы с Европейского континента...» [426, 284].

В числе иммигрантов в Австралию было доставлено значительное число так называемых перемещенных лиц: 167 тыс. в 1948—1951 гг. Основания, по которым они были допущены в страну, объяснялись чисто экономическими причинами. Все иммигранты, независимо от их специальности и желания, использовались «на фермах, шахтах и общественных работах — тех видах труда, которых избегают австралийцы... Это было находкой для австралийской экономики...» [179, 12].

Так, на строительных работах в Западной Австралии в 1953 г. было занято 36% проживающих в штате «перемещенных» лиц и только 6% австралийцев.

Австралия охотно принимала иммигрантов из стран Центральной, Восточной, Южной и Юго-Восточной Европы. Эта позиция также диктовалась отнюдь не альтруистскими настроениями австралийского правительства. В большинстве своем «новоавстралийцы» направлялись в горнодобывающую и обрабатывающую промышленность. «В 1952 г. они составляли, — пишет О. Спейт, — 20% общего числа рабочих сталелитейных предприятий Ньюкасла и Порт-Кэмбла. Иммигранты... составляют значительный процент рабочих в строительной промышленности. До сих пор существует тенденция использовать иммигрантов с Европейского континента в качестве лесорубов и ирригаторов, вынужденных делать тяжелую, неприятную работу, которая является непривлекательной для австралийцев» [426, 290].

По официальным данным 1954 г., в обрабатывающей промышленности страны работало 37% иммигрантов из стран Центральной и Восточной Европы, 31% — из стран Южной Европы, 23% — из стран Северной Европы и лишь 15,8% — австралийцев; в строительстве — соответственно 12, 12, 15 и 6% [179, 13].

Приток иммигрантов в Австралию увеличивается из года в год. Так, в 1964/65 г. в страну прибыло 140 тыс. человек, в 1965/66 г. — 144 тыс., в 1966/67 г. — 148 тыс., а в 1968 г. — 175 тыс. человек.

Австралийское правительство планирует дальнейшее увеличение иммиграции.

Если в 1947—1961 гг. население Австралии увеличилось всего на 2929 тыс. человек, в том числе за счет иммиграции — на 1472 тыс., то в 1961—1976 гг., по предположениям, оно должно увеличиться на 4295 тыс. человек, в том числе за счет иммиграции — на 1755 тыс. [206, 17, 58].

Приток иммигрантов дает Австралии большую экономию средств. В настоящее время в числе рабочих насчитывается более 1 млн. иммигрантов. Западноевропейские специалисты считают, что обучение одного рабочего обходится от 7 тыс. до 10 тыс. долл. Таким образом, заявил в марте 1969 г. министр иммиграции Б. Снидден, работающие в Австралии иммигранты дали стране в 1968/69 финансовом году экономию в 500 млн. австрал. долл. Выступая в Мельбурне в сентябре 1969 г., он сообщил, что в ближайшие пять лет ежегодное число иммигрантов увеличится до 200 тыс. человек. В 1968/69 г. численность рабочей силы в стране увеличилась на 150 тыс. человек, из них 60 тыс. составляли иммигранты.

Ясно виден в послевоенное время значительный рост чис-

ла женщин, занятых в производстве. В 1961 г. число женщин, работающих на предприятиях и в учреждениях, выросло на 47,7% в сравнении с 1947 г. и составляет сейчас 20,4% к общему числу женщин в стране. В 1962—1967 гг. число женщин, работающих на предприятиях обрабатывающей промышленности, увеличилось с 278,8 тыс. до 326,3 тыс., что составляет 33% общего числа занятых в этой отрасли австралийской экономики [179, 25, 26].

В 1961 г. 11,1% врачей, 4,1% архитекторов, 10,3% низших технических специалистов составляли женщины (в 1947 г.— соответственно 8,7, 8,7, 3,6% [60, 1968, № 54, 1086—1087].

Как и во всех капиталистических странах, в Австралии труд женщин оплачивается ниже труда мужчины. Проходивший в августе 1967 г. Конгресс Австралийского совета профсоюзов принял специальную резолюцию с требованием введения равной оплаты за женский труд.

Развитие экономики вызвало увеличение потребности в квалифицированных кадрах. В послевоенные годы в Австралии наблюдается значительное увеличение числа учащихся школ и университетов.

В начальных и средних школах численность учащихся увеличилась с 1178 тыс. в 1939 г. до 2589 тыс. в 1967 г., т. е. более чем на 100%, в то время как общая численность населения увеличилась на 60%. Число учащихся в технических школах и колледжах за это же время увеличилось с 90 тыс. до 375 тыс., а студентов университетов — с 14,2 тыс. до 95 тыс. [179; 27, 60, 1968, № 54, 511, 523, 532].

В настоящее время в стране имеется довольно широкая сеть школ, как государственных, так и негосударственных, главным образом религиозных. Последние до сих пор составляют существенный процент (около 25) общего количества школ. 80% школьников, занимающихся в негосударственных школах, посещает католические школы. Большинство остальных негосударственных школ, называемых частными или независимыми, связаны с англиканской, лютеранской, методистской, пресвитерианской церковью. В крупных городах имеются и еврейские школы.

Обучение в государственных школах, как правило, совместное, в религиозных школах — раздельное. Обязательным является обучение в школе от 6 до 15 лет (только в Тасмании — до 16 лет).

Обращает на себя внимание систематическое в течение последних лет снижение при одновременном росте числа учащихся общего количества школ в результате значительного сокращения числа правительственных школ (табл. 13).

Австралийские школы, особенно второй ступени, испытывают нехватку учителей. Важнейшей проблемой является ост-

Таблица 13

ЧИСЛО ШКОЛ И УЧАЩИХСЯ В 1961—1967 гг. *

Год	Государственные школы		Негосударственные школы		Всего	
	число школ	число учащихся	число школ	число учащихся	школ	учащихся
1961	7965	1 664 062	2149	527 197	10 114	2 191 259
1962	7941	1 713 265	2178	539 887	10 119	2 253 152
1963	7910	1 756 538	2193	552 759	10 103	2 309 297
1964	7872	1 801 364	2205	565 415	10 077	2 366 779
1965	7844	1 857 120	2221	580 557	10 065	2 437 677
1966	7826	1 921 263	2194	583 067	10 020	2 504 330
1967	7756	1 993 552	2188	554 787	9 944	2 548 339

* [60, 1968, № 54, 511].

рый недостаток преподавателей математики, а также физики, химии и других естественных наук.

Так же как и школьное, университетское образование в Австралии в последние годы показывает систематический количественный рост. Увеличивается число университетов, быстро растет число студентов: в 1961 г. — 57 672, в 1962 г. — 63 317, в 1963 г. — 69 074, в 1964 г. — 76 188, в 1965 г. — 83 320, в 1966 г. — 91 291, в 1967 г. — 95 380.

В настоящее время в стране имеется 14 университетов, на всех отделениях которых обучается более 95 тыс. студентов (1967 г.) [60, 1968, № 54, 5325, 534].

Университет	Дневные	Вечерние	Заочные	Всего
Австралийский национальный	1 825	1 591	—	3 416
Сиднейский	12 526	3 850	—	16 376
Нового Южного Уэльса	6 506	6 177	129	12 812
Новой Англии	1 286	215	2901	4 402
Ньюкаслский	5 861	1 041	—	1 902
Мельбурнский	9 707	4 023	421	14 151
Монаша	581	1 316	—	7 197
Квинслендский	7 299	5 245	2709	15 253
Аделаидский	5 560	2 874	394	8 828
Западноавстралийский	3 796	1 926	305	6 027
Тасманский	1 623	643	177	2 443
Маккоури	349	701	221	1 271
Ла Троб	448	104	—	552
Флиндерский	738	92	—	830
Всего	58 325	29 798	7257	95 360

Период обучения в университете продолжается от 3 до 6 лет в зависимости от факультета.

Буржуазные идеологи обычно указывают на Австралию как на пример капиталистического государства «всеобщего

благоденствия». Однако, хотя и редко, раздаются трезвые голоса и в стане буржуазных экономистов. В этой связи целесообразно сослаться на статью об австралийской экономике, помещенную в сборнике «Австралийское общество». Она принадлежит перу М. Ньютона, бывшего редактора «Аустралиан Файненшл Ревью» [179]. Он пишет, что существуют и имеют широкое распространение три мифа об австралийской экономике: во-первых, что это быстрорастущая экономика; во-вторых, что получаемый доход распределяется равномерно; в-третьих, что господствующее положение в экономике занимает свободное предпринимательство [179, 230].

Разоблачая эти мифы, М. Ньютон отмечает, что в 50-х годах для австралийской экономики характерны относительно скромные темпы роста в сравнении с другими государствами. Сравнительные данные о темпах экономического развития ведущих держав капиталистического мира за этот период показывают, что Австралия занимает лишь шестое место (4,3%) после Японии (9,1%), Германии (7,5), Австрии (5,7), Италии (5,7) и Голландии (4,6%). Положение не изменилось, по существу, и в 60-е годы. В 1960—1965 гг. ежегодный прирост национального продукта составлял в среднем 4—4,5%, а во второй половине 50-х годов — немногим более 5% [499, 2.IX.1969, 10].

По росту же продукции на душу населения (учитывая, что увеличение населения в стране составляет более 2,5% в год) Австралия среди тех же держав занимает десятое место (1,5—2%). Отмечается также крайняя неравномерность экономического развития страны по годам. Так, в 1949/50 г. наблюдался рост на 7,3%, в 1951/52 г. — на 2,9, в 1952/53 г. было падение на 1,1%, в 1953/54 г. — рост на 6,4%, в 1956/57 г. — рост на 1,8%, в 1959/60 г. — рост на 4%, в 1961/62 г. — падение на 0,6% [179, 233, 234]. Прирост национального продукта в 1965/66 г. составил 3%.

Опровергая второй миф о том, что «Австралия является страной равноправия и что это проявляется в более равномерном распределении дохода, чем в других развитых странах», М. Ньютон приводит статистическую таблицу из официального доклада налогового управления за 1960/61 финансовый год. Доклад показывает, что 92,6% всех налогоплательщиков имеют доход менее 2 тыс. фунтов в год, но на их долю приходится лишь 78,7% национального дохода; в то же время на 7,4% налогоплательщиков, чей доход превышает 2 тыс. фунтов, приходится 21,8% национального дохода. «Но налоговые данные, — пишет М. Ньютон, — говорят лишь часть правды». В действительности неравномерность распределения доходов в стране «значительно бóльшая по сравнению с тем, что показано в таблице». «Это правда, — продолжает он, — что сравнительно с Британией, Соединенными Штатами и

Западной Европой масштабы различий в доходах в Австралии меньшие, но пропорциональное распределение крупных и мелких доходов такое же» [179, 236].

М. Ньютон опровергает утверждение о господстве в Австралии свободного предпринимательства. «Это правда, — пишет он, — что несколько важных видов частного бизнеса в Австралии действуют с меньшими ограничениями и с меньшими обязательствами отчитываться перед обществом за свои действия, чем в других странах с развитой экономикой. Так, в Австралии нет эффективного антитрестовского законодательства... Однако... ясно, что функционирование „нормально соревнующихся рыночных сил" ограничено действиями самого бизнеса. Об этом свидетельствуют высокая степень концентрации австралийской промышленности и широкое распространение ограничительной практики» [179, 236, 237].

В подтверждение своих выводов Ньютон ссылается на показатели концентрации капитала в обрабатывающей промышленности. Например, контроль над производством в стальной промышленности находится в руках одной компании (B.H.P. CO, Ltd), сахарная промышленность также сосредоточена в руках одной компании (C.S.R., Ltd), алюминиевая — в руках двух компаний (Comalco Industries Pty. Ltd, Alcoa of Australia Pty. Ltd).

М. Ньютон показывает далее, что важнейшие отрасли австралийской машиностроительной, обрабатывающей и легкой промышленности находятся в руках иностранных компаний. Такой же точки зрения придерживается проф. Спейт, отмечающий, что, «возможно, треть предприятий обрабатывающей промышленности полностью принадлежит иностранцам, 40% — находится под эффективным иностранным контролем...» [426, 142].

Так, иностранный капитал господствует в тракторной, автомобильной, химической, нефтеперерабатывающей, алюминиевой, кабельной, парфюмерной промышленности, в производстве телефонного оборудования, а также в производстве мыла и спичек.

В этой связи сошлемся на официальные данные австралийского министерства торговли и промышленности, опубликованные в марте 1966 г. Из них следует, что из 872 предприятий в обрабатывающей промышленности с общим капиталом 6087 млн. австрал. долл. 506 предприятий с капиталом 3355 млн. австрал. долл. находятся полностью в руках австралийцев. В остальных предприятиях сумма иностранного капитала составляет 1376 млн. австрал. долл., причем на те предприятия, где доля иностранного капитала от 50% и выше, приходится 1160 млн. австрал. долл.

В металлургической промышленности иностранный капитал господствует в 207 компаниях из 240, в нефтепераба-

тывающей и химической — в 106 из 168, в пищевой — в 71 из 76.

О громадном росте позиций иностранного капитала в экономике страны свидетельствует тот факт, что ежегодные инвестиции иностранного частного капитала в австралийские предприятия увеличились в 1948/49 г. — 1964/65 г. с 95 млн. до 600 млн. ам. долл. [149, 129].

В 60-е годы иностранные инвестиции направляются в гигантских размерах в австралийскую горнорудную промышленность, неуклонно увеличиваясь по объему из года в год. Так, в 1963 г. они составляли 69,7 млн. ам. долл., в 1964 г. — 96,1 млн., в 1965 г. — 120,9 млн. ам. долл., что составило соответственно 26,7; 29,8; 33,7% ко всему капиталу, вложенному в австралийскую горнодобывающую промышленность [60, 1968, № 54, 1060].

В послевоенное время мощным потоком устремился в страну американский капитал.

По официальным данным министерства торговли США, на начало ноября 1968 г. общая сумма американских инвестиций в Австралии достигла 2354 млн. ам. долл. Только за один 1967 год американские компании инвестировали в экономику Австралии 324 млн. долл. В том же году американские прибыли в Австралии достигали 151 млн. долл., из которых 119 млн. составили поступления различных отраслей обрабатывающей промышленности.

Получаемые американскими предпринимателями в Австралии огромные прибыли не дают покоя дельцам из других стран. Так, в начале ноября 1968 г. Австралию посетила весьма представительная делегация французских бизнесменов в составе 40 человек. Представитель французской торговой палаты в Сиднее заявил, что этот визит имеет огромное значение и, возможно, явится поворотным пунктом в экономических отношениях между Францией и Австралией.

Большую активность проявляют японские дельцы.

Приводимые ниже данные показывают динамику ежегодных иностранных частных инвестиций в экономику Австралии на протяжении десятилетия (1957—1966) (в млн. австрал. долл.) [391, 68]:

Год	Английский капитал	Новозеландский капитал	Американский и канадский капиталы	Капиталы других стран	Всего
1957	123	8	55	23	209
1958	122	9	55	21	207
1959	129	—1	94	26	248
1960	209	16	126	36	387
1961	224	6	176	64	470

Год	Английский капитал	Новозеландский капитал	Американский и канадский капиталы	Капиталы других стран	Всего
1962	125	10	142	19	296
1963	207	5	184	65	461
1964	184	9	193	45	431
1965	255	14	234	62	565
1966	258	2	305	98	663

На 1965 г. иностранные инвестиции в австралийскую обрабатывающую промышленность составили [391, 68]:

	Сумма, тыс. ам. долл.
Великобритания	2 575 300
США	2 297 600
Канада	84 600
Швейцария	75 400
ФРГ	75 000
Нидерланды	60 500
Швеция	43 500
Франция	35 100
Новая Зеландия	11 100
Япония	1 100
Другие страны	39 600
Всего	5 298 800

Как видим, первое место продолжает занимать британский капитал. Но важно отметить, что в ряде важнейших отраслей австралийской экономики господствующее место занял американский капитал. Так, американские инвестиции только в австралийской машиностроительной промышленности составили на 1965 г. 438,8 млн. ам. долл., в то время как британские инвестиции — 153,8 ам. долл., в химической и нефтеперерабатывающей — соответственно 871,4 млн. и 849,4 млн. ам. долл. [391, 70].

Тревожным свидетельством того, что далеко не все благополучно в австралийской экономике, является неизменный дефицит государственного бюджета. 1968/69 финансовый год был закончен с дефицитом в 357 млн. австрал. долл. Для частичного погашения дефицита правительство прибегло к иностранным займам на сумму 142 млн. долл.

Значительная часть внешних займов связана с милитаризацией страны. В частности, по признанию министерства финансов, правительство Австралии получило заем у американского Экспортно-импортного банка (6% годовых!) на оплату поставки Вашингтоном военных самолетов «F-111». В заявлении министерства финансов подчеркивалось, что и впредь военные расходы будут покрываться за счет внешних займов. Так, австралийское правительство вынуждено было согласиться на 6,5% годовых, чтобы получить очередной заем у Западной Германии.

Этим обстоятельством, а также тем, что Австралия экспортирует преимущественно сельскохозяйственные продукты,

объясняются бесконечные споры австралийских экономистов о том, к какой группе стран, развитых или развивающихся, следует отнести Австралию. Наконец в официальных кругах была выработана формула, определяющая Австралию как страну, «занимающую срединную позицию между развитыми и развивающимися странами» [цит. по: 156, 12].

Выступая в Канберре с публичной лекцией в январе 1964 г., тогдашний министр иностранных дел Г. Барвик подчеркнул: «Австралия занимает исключительное положение в районе Юго-Восточной Азии. Мы стоим посредине между „имущими" и „неимущими" как развивающаяся страна. Наш национальный доход... наш уровень грамотности и возможностей получения образования ставит нас впереди менее развитых стран среди „имущих". Но по европейским и американским понятиям и особенно в отношении к нашим нетронутым ресурсам мы являемся слаборазвитой страной, до сих пор нуждающейся в постоянном притоке иностранного капитала для своего развития. Совершенно отличные от наших соседей, мы находимся на отличной от них стадии развития, где-то посредине между „имущими" и „неимущими"» [182, 23].

В последние годы положение австралийских трудящихся заметно ухудшилось. В 1964/65 г. еженедельный прожиточный минимум возрос в столицах штатов в следующих размерах: в Мельбурне — на 15 шилл. 3 пенса, в Брисбене — на 13 шилл. 9 пенсов, в Аделаиде — на 12 шилл., в Перте — на 10 шилл., в Канберре — на 10 шилл., в Сиднее — на 11 шилл. 3 пенса. «Рост цен, — заявил в середине 1965 г. лидер лейбористов А. Колуэлл, — уже в три раза опередил незначительное повышение зарплаты, проведенное в прошлом году».

По данным Статистического управления Австралии, цены на основные виды продуктов в течение 1965 г. возросли на 5,5%. Во второй половине 1966 г. в крупнейшем штате Австралии — Новом Южном Уэльсе, на территории которого проживает около 40% населения страны, были значительно повышены прямые и косвенные налоги на доходы трудящихся. Стоимость медицинского обслуживания увеличилась на 36%, проезд в автобусах и по железной дороге — до 12%, различного рода страховые сборы, земельная рента, отчисления от продажи и перевозки имущества, процентные сборы с кредитов и др. — до 30%. Понятно, что эти действия властей неизбежно влекут за собой рост цен на продукты питания и товары широкого потребления, повышение квартплаты и т. д. Недаром газета «Сан Геральд» (Сидней) называла эти меры «самой черной страницей в истории штата».

Повышение поборов и налогов затронуло население и других штатов — Виктории, Западной Австралии, где стоимость медицинского обслуживания, стоимость проезда в автобусах

и поездах увеличена на 15—30%. При этом руководители штатов твердят о предстоящем расширении подобных мер. «Я не вижу иного выхода, кроме повышения налогов во всех сферах жизни», — заявил премьер штата Виктория Г. Болт. «Немедленным результатом вступления в силу нового подготовленного правительством бюджета, — вторил ему премьер штата Новый Южный Уэльс Эскин, — явится резкое повышение налогов в нашем штате».

Премьер Западной Австралии Брэнд также заявил, что для покрытия «самого рекордного за всю историю штата» дефицита потребуется введение дополнительных налогов.

1967—1969 годы не принесли улучшений. По данным Статистического управления Австралии, в 1967 г. в стране продолжалось падение реальной заработной платы. Только за второй квартал 1967 г. прожиточный минимум возрос на 1,2%. Проходивший в августе 1967 г. в Мельбурне Конгресс Австралийского совета профсоюзов принял решение о проведении национальной кампании за установление контроля над ценами, ибо, как отмечалось на конгрессе, за 1966—1967 гг. цены в стране повышались не менее 30 раз. Выступая 13 сентября 1968 г. перед членами Торговой палаты г. Аделаида, тогдашний министр сельского хозяйства Антони заявил, что доходы австралийских фермеров на протяжении последних 15 лет находятся на одном и том же уровне, в то время как стоимость жизни в Австралии за этот же период возросла на 40%. Газета «Острэлиен» в конце ноября 1969 г. сообщила, что в 1968/69 финансовом году долги фермеров выросли на 91% главным образом в результате непрерывного падения цен на сельскохозяйственную продукцию. Газета отмечала, что это ставит многих фермеров перед необходимостью бросать свои фермы.

Действия властей вызывают серьезное недовольство австралийских трудящихся. Даже из официальных данных видно, как стремительно растет забастовочное движение в стране. Так если в 1962 г. в результате забастовок было потеряно 508 755 рабочих дней, а в 1963 г. — 581 518, то в 1964 г. это число достигло 911 358. В 1965 г. только в первом полугодии в результате забастовок было потеряно 560 096 рабочих дней.

В июле 1965 г. проводилась одна из крупнейших забастовок транспортников Австралии. В ней участвовало 56 тыс. машинистов поездов, водителей автобусов, кондукторов, входящих в 26 профсоюзов. В ноябре 1965 г. бастовали портовые рабочие Мельбурна, Джилонга, Портленда. В феврале 1966 г. проводилась забастовка 100 тыс. рабочих городского, железнодорожного транспорта и коммунального хозяйства штата Виктория. «История штата, — писала газета „Сан“, — вряд ли может припомнить что-либо подобное за последние десятилетия».

После решения правительства штата Виктория о повышении налогов и сборов рабочие Мельбурна и его пригородов провели в сентябре 1966 г. многолюдный митинг протеста. Участники митинга призвали трудящихся к организации массовой демонстрации протеста. Такое же решение приняли рабочие Бендиго — другого промышленного города штата. 21 сентября 1966 г. забастовку объявили рабочие трех крупных электростанций штата. На организованном ими митинге забастовщики обратились к рабочим всех электростанций штата с призывом присоединиться к их борьбе.

В середине сентября 1966 г. забастовали рабочие одной из крупнейших австралийских скотоводческих ферм — Веир-Хилл. Они требовали повышения заработной платы и «создания человеческих условий существования». К ним присоединились рабочие других ферм Северной территории. Рабочие скотобоен столицы территории — г. Дарвина и других городов заявили, что не будут принимать скот от хозяев Веир-Хилла. Такое же решение приняли рабочие молочных предприятий. Хозяева фермы вынуждены были уступить и заявили о повышении с 1 ноября 1966 г. заработной платы скотоводам, а также об улучшении условий их труда. В июле 1967 г. бастовали все водители бензовозов Австралии, а в январе 1968 г. состоялась всеобщая забастовка почтовых работников. В октябре 1968 г. бастовали служащие всех австралийских станций слежения за полетами космических ракет.

По данным австралийского Статистического управления, за девять месяцев 1968 г. в стране бастовало более 527 тыс. человек.

30 января 1969 г. 74 тыс. железнодорожников Австралии объявили забастовку с требованием повысить заработную плату. В конце ноября 1969 г. проводилась общенациональная забастовка моряков торгового флота.

Ухудшение жизненного уровня трудящихся страны в значительной степени связано, как и рост внешнего долга, с усилением военных расходов, вызванных авантюристической политикой австралийского правительства, в первую очередь участием Австралии в войне во Вьетнаме. С 1963/64 г. ежегодные военные расходы Австралии возросли на 90%. В 1966/67 г. они достигли 1150 млн., а в 1968/69 г. — 1164 млн. австрал. долл.

Отвечая в начале сентября 1967 г. в палате представителей на запрос относительно военных расходов в исчислении на душу населения, тогдашний военный министр обороны Фейрхолл сообщил, что каждый взрослый австралиец тратил на оборону в 1949/50 финансовом году 14 долл. 23 цента, ко времени же посылки во Вьетнам в 1962 г. первой группы австралийских советников эта сумма удвоилась. В 1965/66 финансовом году, когда в Сайгон отправились первые пехот-

ные батальоны, она возросла до 65 долл., а в настоящее время составляет более 100 австрал. долл. на душу населения. Кроме того, как уже отмечалось, австралийское правительство производит значительные закупки вооружений за границей, главным образом в США, на что тратятся сотни миллионов долларов.

Анализ послевоенной экономики Австралии показывает, что сущность капиталистического хозяйства с неравномерностью его развития, ведущей к кризисам и безработице, не может измениться, несмотря на заметное оживление деловой активности, чему способствовали в последние годы так называемый минеральный бум, получение промышленностью крупных военных заказов, рост поступлений от экспорта и др.

ЭВОЛЮЦИЯ АВСТРАЛИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Одним из новых явлений в послевоенном мире стала заметная активизация Австралии в межгосударственных отношениях. Именно в этот период можно всерьез говорить о внешней политике Австралии, ибо до того пятый континент в международных делах оставался в тени, отбрасываемой Британской империей.

Мы уже отмечали, что процесс политической эмансипации Австралии начался еще в период второй мировой войны и объяснялся рядом объективных причин.

«Ни одна нация не может убежать от своего географического положения... и мы с этим ничего не можем сделать», — говорил в марте 1950 г. Перси Спендер, в то время являвшийся австралийским министром иностранных дел [48, vol. 21, 1950, 160].

Взятая сама по себе, эта мысль, конечно, бесспорна. Но дело в том, что в процессе развития человеческого общества меняется оценка географического положения того или иного государства.

Именно Австралия — великолепный тому пример.

Австралийский материк все 200 лет, в течение которых он заселяется европейцами, естественно оставался в определенном ему природой месте на земном шаре. Но как по-разному понималось его географическое положение даже за последние 50 лет!

В начале нынешнего века Австралия воспринималась как страна, находящаяся вдали от мировых событий, как глухая провинция Британской империи, расположенная в неблизком окружении народов, выключенных стараниями европейских колонизаторов из общего исторического процесса. Казалось, ничто не могло нарушить спокойствия и неуязвимости ее по-

ложения. Географическая удаленность Австралии и мощь Британской империи надежно это гарантировали.

Когда разразилась первая мировая война, то ее фронты находились во многих тысячах километров от Австралии. Правда, это не спасло австралийский народ от необходимости принести кровавые жертвы во славу империи.

Два десятилетия, разделявшие первую и вторую мировые войны, существенно изменили представления человечества о расстояниях.

Во время второй мировой войны Австралия непосредственно попала в зону военных действий и над страной нависла реальная угроза вражеского вторжения.

Австралия оказалась в совершенно новых условиях и вынуждена была действовать в непривычной для себя чрезвычайно сложной обстановке. Она поняла, что впредь должна будет самостоятельно принимать решения, касающиеся самого ее существования. После окончания войны Австралия уже не хотела, да и просто не могла вернуться к прежнему состоянию. Самоутверждая себя на международной политической сцене, Австралия проявила необычайную активность на Сан-Францисской конференции 1945 г., внеся, в частности, 38 поправок к проекту Устава Организации Объединенных Наций [48, vol. XVI, 1945, № 6, 187].

Однако в первые послевоенные годы претензии Австралии были еще достаточно скромны. Выступая по британскому радио 10 мая 1946 г., австралийский министр иностранных дел Эватт говорил: «Необходимо понять, что должны быть выбраны новые методы, чтобы встретить новую ситуацию... Мы достигли той стадии в отношениях внутри Британского содружества, на которой существует разделение функций на региональной основе для выполнения определенных задач. Стало возможным для доминиона действовать не только ради самого себя, но также и для Соединенного Королевства и других доминионов» [275, 189].

Через два десятилетия голоса руководящих австралийских политических деятелей окрепли и в них звучали уже иные ноты. «Мы развиваемся своим собственным путем... и это существенно для нас и для наших соседей, которые должны ясно себе это представить... — говорил в 1964 г. тогдашний австралийский министр иностранных дел Г. Барвик. — Будет существовать австралийская точка зрения, австралийская философия, австралийская внешняя политика, в которой мы можем быть уверены» [182, 25].

Во второй половине 60-х годов Австралия имела уже довольно широкую сеть своих дипломатических представительств за границей (59 посольств, миссий, генеральных консульств и других представительств) [60, 1968, № 54, 111—112]. Количественный состав австралийского министерства ино-

странных дел (центральный аппарат и представительства за границей) превысил 1,5 тыс. человек [48, vol. 38, 1967, № 1, 3].

Австралийские политические деятели и сейчас с большой эмоциональностью говорят при случае о традиционных родственных связях Австралии с Великобританией. «Австралия также имеет традиционные и неизменные интересы особого рода с Соединенным Королевством», — отмечал, например, в феврале 1967 г. в своем докладе о внешней политике Австралии в палате представителей П. Хэзлак, являвшийся тогда министром иностранных дел [48, vol. 38, 1967, № 2, 51].

Но австралийское правительство убедилось уже в период второй мировой войны, что прежнее положение Великобритании в мире утрачено навсегда, что надо искать нового могущественного покровителя. И таковым были выбраны Соединенные Штаты.

Кончилась война, но забота о необходимости иметь покровителя не оставляла австралийское правительство. Выражая эти настроения, мельбурнская газета «Аргус» в передовой статье 16 октября 1953 г. писала: «Географическое положение Австралии как слабо заселенного белого аванпоста в Тихом океане вводит ее в орбиту американской мощи... С Британией, ослабленной и обедневшей в результате второй мировой войны, Австралия более, чем когда-либо, зависит от американской поддержки...».

Говоря в 1955 г. об основных принципах австралийской внешней политики, премьер-министр Р. Мензис особо подчеркивал, что «если мы будем вовлечены в войну, то мы должны понимать, что в такой войне необходимо иметь сильных и готовых оказать помощь друзей» [391, 9].

Спустя десять лет точно такая же внешнеполитическая концепция была сформулирована австралийским министром иностранных дел Г. Барвиком: «Вывод о том, что наша способность защищаться не столь велика, чтобы мы могли стоять на собственных ногах... заставляет создавать военные союзы дополнительно к существующим традиционным отношениям с Британией и Содружеством» [182, 9].

Ослабление политических связей с Великобританией влекло и снижение уровня австрало-британских торгово-экономических отношений. Мы отмечали в предыдущем разделе, что, хотя британский капитал занимает все еще первое место в экономике Австралии, американские инвестиции в целом лишь немногим уступают ему, а в ряде важнейших отраслей занимают господствующее положение. Резко снизилось значение Великобритании как торгового партнера Австралии. Если в 1947/48 г. Великобритания поглощала 34,8% австралийского экспорта шерсти, 36,4% — пшеницы, 74,1% — мяса, 78% — сахара, то в 1963/64 г. эти цифры изменились соответственно на 16, 10,7, 11,8, 31,6% [243, 574—575].

В австралийском импорте Великобритания уступила первое место США, а размер британского экспорта в Австралию абсолютно и относительно падает из года в год. В 1964/65—1966/67 гг. стоимость британского экспорта в Австралию снизилась с 761,4 млн. до 723,8 млн. австрал. долл., а в процентном отношении его доля в общеавстралийском импорте сократилась с 26,2 до 23,7 [60, 1968, № 54, 347—348].

Место Великобритании в политической и экономической жизни Австралии прочно заняли Соединенные Штаты. Товарооборот между США и Австралией растет из года в год. В 1964/65 г. он составлял 956,5 млн., а в 1966/67 г. — 1140,7 млн. австрал. долл. [60, 1968, № 54, 347]. Необходимо, однако, отметить, что торговый баланс Австралии с США завершается ежегодно с большим дефицитом для Австралии. Если доля США в австралийском экспорте составляет 13%, то в австралийском импорте — 26%. Ежегодный дефицит торгового баланса Австралии с Соединенными Штатами составляет более 400 млн. долл.

Для Австралии наряду с необходимостью определить свое место в послевоенном мире, свои позиции в отношении Англии и США в послевоенные годы возникла, по сути дела, совершенно новая проблема — отношения со странами Азии, в первую очередь со странами Тихоокеанского бассейна. Более того, в Австралии сумели понять, что ее жизненные интересы находятся именно в этом районе земного шара.

Новизна проблемы заключалась в том, что гигантский подъем национально-освободительной борьбы приводил к возникновению в этом районе суверенных государств на месте бесправных колониальных территорий.

«Если раньше мы жили в спокойном углу планеты, — сказал, выступая в парламенте в октябре 1954 г., тогдашний министр иностранных дел Австралии Р. Кэзи, — то теперь мы находимся на краю самого беспокойного района в мире» [45, vol. 5, 27.X.1954, 2382].

Крупнейший австралийский политический деятель послевоенного периода Р. Мензис в лекции, прочитанной в июне 1950 г., подчеркивал: «Мы в Австралии имеем особые интересы в Юго-Восточной Азии и юго-восточной части Тихого океана...» [367, 14].

С другой стороны, новые условия диктовали новый подход к международным проблемам. «Нам необходимо понимать и быть понятыми странами Южной и Юго-Восточной Азии, и мы хотим им помочь всем, чем можем, — подчеркивал в 1952 г. Р. Кэзи. — Огромные перемены, происшедшие на Востоке, изменили наши идеи безопасности, основывающиеся на нашей географической изоляции. Фактом является то, что бушующий мир пришел прямо к нашим берегам» [228, 3].

В этих условиях Австралия начинает претендовать на «особую роль» в жизни Азии.

«Совершенно очевидно, что мы обладаем личными достоинствами, которые помогают нам служить более приемлемыми истолкователями европейских идей, чем сами европейцы, — заявлял в 1960 г. министр иммиграции А. Доунер. — Существует взаимный интерес между странами Азии и нами во многих областях, есть также черты в соответствующих отраслях нашей экономики, которые делают их привлекательными для стран Азии. Эти вещи могут заставить Австралию действовать в качестве моста между Востоком и Западом. Я думаю, мы можем это сделать, и если мы осуществим эту задачу, то это будет самым замечательным достижением на всем протяжении нашей истории» [261, 7]. Подобные высказывания австралийских политических деятелей можно было бы продолжать без конца.

Эта тенденция в австралийской внешней политике находит полное одобрение у нынешних покровителей Австралии — Соединенных Штатов Америки. Помощник государственного секретаря США Р. Хилсман, выступая в австралийском институте политических наук в 1964 г., весьма пространно говорил о все увеличивающейся роли Австралии в мировых делах. «Вы поставили вопрос об австралийской стратегической позиции, — заявил он. — Ответ неумолим: сейчас и до скончания мира Австралия располагается в Азии. Не может быть ошибки в значении этого факта: проблемы Азии не маленькие. Это большие, сложные и трудные проблемы... Именно здесь интересы Австралии и всего свободного мира являются наиболее значительными. И именно здесь Австралия больше всего нуждается в эффективной стратегии для встречи с гигантскими проблемами этого района... Одним из обнадеживающих факторов в сегодняшней Азии является фактор австралийской стратегической позиции: вы не имеете другого выбора, кроме использования вашей силы... и использования ее в Азии» [182, 48—49, 58].

Австралия охотно берет на себя роль «ассистента» США по части подавления национально-освободительных движений в странах Азии. Это, конечно, наиболее заметная линия ее азиатской политики.

В книге, выпущенной в 1968 г. в Мельбурне австралийско-американской ассоциацией с предисловием Линдона Джонсона, прямо говорится, что «антикоммунизм является центральной темой в австралийской внешней политике после 1950 года» [391, 8]. Но было бы неправильно все действия Австралии на Азиатском континенте сводить лишь к участию в американских военных авантюрах на Дальнем Востоке и Юго-Восточной Азии.

Существует и вторая линия австралийской политики в

Азии. Это — укрепление и расширение своих собственных позиций в столь важном для Австралии районе земного шара.

Австралийское правительство не может не понимать, что в силу географического положения страны австралийцы связаны с азиатскими народами, и в первую очередь с народами Юго-Восточной Азии, гораздо сильнее, чем их заокеанские покровители. Приходится думать о том неизбежном времени, когда громадные по численности населения страны этого района, уже сейчас насчитывающие миллиард, несмотря на переживаемые ими трудности, в конце концов превратятся в столь мощные государства, что Австралии уже не под силу будет диктовать им свою волю. Поэтому уже сейчас надо не только вооруженной рукой вмешиваться во внутренние дела азиатских государств, чтобы направить их развитие в благоприятном для себя направлении, но в качестве «благодетелей» постараться возможно солиднее обосноваться в этих странах, взять даже на себя «посредничество» в отношениях с Европой и Америкой — так формулируют задачи политики Австралии в Азии ее лидеры.

Австралия за два послевоенных десятилетия весьма значительно расширила свои экономические и торговые отношения с азиатскими странами, в первую очередь со странами Юго-Восточной Азии и Тихоокеанского бассейна.

Австралия активизируется и как страна, оказывающая экономическую «помощь» развивающимся странам Азии.

«Руководители европейских государств отворачиваются от нас, — пишет в этой связи лидер лейбористов Е. Уитлем. — Британия становится все ближе и ближе к Европе. Япония уже сейчас является (для Австралии.— *К. М.*) более важным рынком, чем Британия. Силы, не зависящие от нашего контроля, заставляют нас коренным образом пересмотреть нашу позицию изолированной европейской общины. Мы быстро отходим от знакомого европейского мира и приближаемся к незнакомому афро-азиатскому миру» [456, 4].

Австралийский профессор Фитцджеральд пытался определить отношение Австралии к послевоенной Азии. «Официальное австралийское отношение к новой Азии, — писал он, — может быть определено как состоящее из одной надежды и двух страхов; надежда в том, что национализм, которому большинство австралийцев симпатизируют, принесет порядок и мир новым независимым нациям Азии; новый страх от того, что коммунизм сможет завоевать бóльшие, чем национализм, симпатии этих народов, и старый страх перед Японией, который противоречит развитию событий и не может быть легко преодолен, чтобы соответствовать политике, определяемой как „сдерживание коммунизма“» [167, 201]. Именно страх перед революционными процессами, сотрясающими гигантский Азиатский материк, в значительной мере

определяет курс австралийского правительства в отношении азиатских стран.

«Нашим ближайшим соседом,— пишет австралийский ученый Т. Миллар, — является Индонезия с населением почти в сто миллионов человек. В районе, обычно называемом Юго-Восточная Азия, — Вьетнаме, Лаосе, Камбодже, Таиланде, Малайзии, Бирме, Филиппинах проживает еще 140 млн. человек; в Китае — 700 млн.; в Японии — 100 млн.; в Индии — 470 млн.; в Пакистане — свыше 100 млн. Таким образом, ближе, чем к какой-либо „европейской" стране, здесь проживает почти 2 миллиарда азиатов, ежегодный прирост которых в несколько раз превышает население Австралии. Стратегически важным обстоятельством для нас является не только их численность, но и политические и экономические условия их существования, их идеология и их отношения друг с другом, к нам и к нашим друзьям и союзникам» [368, 31].

Гипноз страха толкал Австралию на все более тесное сближение с США, начало которому было положено в период второй мировой войны. Нельзя не согласиться, однако, с Т. Милларом, который пишет в этой связи: «Соединенные Штаты пришли на помощь Австралии в период второй мировой войны не потому, что г-н Кэртин обратился к ним с призывом, а потому, что Австралия была удобной и безопасной базой для операций против Японии. Уместно сказать о том, что вопрос о возможной базе для морских операций против Советского Союза или трамплине для наземных операций в Юго-Восточной Азии может также возникнуть. Мы уже предоставляем место для американских станций наблюдения за космическими полетами, а также для испытаний определенного ракетного оборудования» [368, 40].

Соединенные Штаты требовали от Австралии все более весомых доказательств «верности» союзническому долгу. И австралийское правительство старалось не оставить сомнений на этот счет. Австралия была первой страной из числа государств, союзных США, пославшей военные контингенты в Корею. Уже через четыре дня после начала военных действий, 29 июня 1950 г., австралийское правительство передало в распоряжение военного командования США в Корее два военных корабля, а на следующий день — эскадрилью боевых самолетов. Через месяц, 26 июля 1950 г., австралийское правительство приняло решение о посылке в Корею сухопутных частей. Всего в боевых операциях в Корее участвовало девять австралийских военных кораблей и 4,5 тыс. солдат. Активное участие в военной авантюре Соединенных Штатов в Корее стоило Австралии сотен убитых солдат.

Старания австралийского правительства были замечены в Вашингтоне. Когда в июле 1950 г. австралийский премьер Р. Мензис прибыл в США, его приняли значительно сердеч-

нее, чем требуется по официальному этикету. Конгрессмены встретили его появление в Капитолии овацией, а американское правительство согласилось на предоставлении займа в 250 млн. долл.

Пришло подходящее время для юридического оформления фактически существующего союза. После соответствующих переговоров, 12 июля 1951 г., в Вашингтоне был подписан Тихоокеанский пакт безопасности, называемый также договором АНЗЮС, поскольку его участниками явились Австралия, Новая Зеландия и США. Договор вступил в силу 29 апреля 1952 г.

Тихоокеанский пакт был заключен почти в то же время, что и мирный договор с Японией. Так как договор вызвал резко отрицательную реакцию в Австралии, прежде всего из-за отсутствия специальных статей, ограничивающих возможности милитаризации Японии, австралийское правительство представляло дело таким образом, будто Тихоокеанский пакт служит дополнением к мирному договору с Японией, обеспечивая Австралии необходимые гарантии безопасности в случае возможного возрождения японского милитаризма.

Лейбористская оппозиция утверждала, однако, что американцы согласились на заключение Тихоокеанского пакта, чтобы добиться согласия австралийского правительства на мирный договор с Японией, нужный США и невыгодный Австралии. В то же время Соединенные Штаты, по мнению лейбористов, взяли на себя по Тихоокеанскому пакту ограниченные обязательства. Выступая в парламенте, лидер лейбористской партии Эватт утверждал, что мирный договор с Японией «слишком высокая цена» за пакт АНЗЮС [451, 131]. А. Колуэлл, в то время заместитель лидера лейбористской партии, сравнил основные статьи договора АНЗЮС и договора НАТО. В ст. IV договора АНЗЮС говорилось, что в случае опасности договаривающиеся стороны предпримут действия, соответствующие «их конституционным правам». В ст. V договора НАТО подчеркивалось, что участвующие в нем государства предпримут действия, какие будут необходимы; включая использование вооруженных сил. На этом основании А. Колуэлл утверждал, что «реальных обязательств для кого-либо в Тихоокеанском пакте не существует и потому было бы лучше не иметь договора вообще» [45, vol. 216, 741].

И нападки оппозиции и увертки правительства не отражают, однако, подлинного значения пакта для страны. Действительно, в целом АНЗЮС достаточно прочно связывал договаривавшиеся державы. Достаточно для этого процитировать главные статьи пакта.

«Стороны будут консультироваться,— говорится в ст. III,— когда, по мнению кого-либо из них, на Тихом океане возник-

нет угроза территориальной целостности, политической независимости и безопасности любой из договаривающихся сторон».

«Каждая из сторон определяет, — продолжает ст. IV, — создает ли вооруженное нападение в бассейне Тихого океана на какую-либо из договаривающихся держав угрозу ее собственному спокойствию и безопасности, и заявляет, что встретит общую опасность действиями, соответствующими ее конституционным правам...»

И наконец, ст. V: «Для целей статьи IV под вооруженным нападением на любую из договаривающихся сторон понимается вооруженное нападение на территорию метрополии любой из сторон, или на островные территории под ее юрисдикцией в Тихом океане, или на ее вооруженные силы, государственные суда, или самолеты в Тихом океане».

Все эти статьи Тихоокеанского пакта формулировали обязательства для участвующих в нем государств.

Что же касается существа пакта, то его острие направлено было не против японского милитаризма, а против национально-освободительного движения азиатских народов, и в первую очередь народов Юго-Восточной Азии. Ни одна азиатская страна не была приглашена участвовать в пакте. Наиболее дальновидные из числа австралийских деятелей понимали всю опасность Тихоокеанского пакта, крепко привязавшего Австралию к военной колеснице Соединенных Штатов.

Так, Д. Бартон, являвшийся одно время секретарем министерства иностранных дел Австралии, писал, что АНЗЮС «расширяет области возможных конфликтов, вызывает враждебное отношение всех азиатских соседей, которые были исключены из него, и вовлекает Австралию в каждый конфликт в бассейне Тихого океана, участником которого может стать Америка... У Австралии остается не больше свободы действий, чем у любого штата Америки...» [192, 74—76].

Укрепляя и расширяя союз с Соединенными Штатами, Австралия тем не менее не намерена была рвать традиционные связи с Великобританией, хотя значение Великобритании на тихоокеанской сцене катастрофически упало. «По правде говоря, — пишет А. Уотт, — Австралия и Новая Зеландия стали союзниками Соединенных Штатов в АНЗЮС не потому, что они любят Америку больше, а Великобританию меньше, а потому, что расстановка сил на Тихом океане изменилась в течение второй мировой войны и после нее» [451, 140].

Англия не попала в число участников Тихоокеанского пакта по воле США, а не по желанию «белых доминионов». Об этом откровенно сказал Р. Мензис: «Астралия сочувствовала стремлению Великобритании участвовать в пакте, но, поскольку Соединенные Штаты не желали включения Великобритании, Австралии или Новой Зеландии не оставалось

ничего другого, как денонсировать договор, чего ни сама Австралия не хотела делать, ни Великобритания не желала, чтобы она так поступила» [451, 140]. Поэтому, стремясь сохранить традиционные связи с Англией, Австралия и Новая Зеландия, обсуждая с США договор АНЗЮС, параллельно вели неофициальные переговоры с Лондоном по поводу направления военных контингентов в район Малайи. Формально договор заключен не был, но было достигнуто соглашение о совместном проведении военных мероприятий в указанном районе. Это соглашение получило название АНЗАМ, поскольку в нем участвовали Англия, Австралия, Новая Зеландия и Малайя (впоследствии — Малайзия).

В 1955 г. на основе пакта, подготовленного Комитетом обороны АНЗАМ, был создан Дальневосточный стратегический резерв, состоящий из сухопутных, морских и воздушных частей Великобритании, Австралии и Новой Зеландии.

Главными задачами частей резерва были: защита Малайи от внутренних беспорядков; оборона Малайи от внешнего нападения; выделение сил, постоянно готовых объединиться с вооруженными силами других государств в военных акциях в районе действий пакта СЕАТО [368, 71].

После образования Малайзии в 1957 г. Англия юридически оформила договор о внешней обороне и взаимной помощи, к которому присоединились Австралия и Новая Зеландия. Но ни пакт АНЗЮС, ни АНЗАМ не были признаны австралийским правительством достаточными гарантиями от «коммунистической угрозы». Выступая в парламенте в октябре 1954 г., министр иностранных дел Р. Кэзи говорил, что австралийское правительство никогда не рассматривало договор АНЗЮС как «полный и окончательный ответ на проблемы безопасности на Тихом океане», но лишь как «значительный шаг на пути к безопасности на Тихом океане» [цит. по: 451, 143]. Поэтому австралийское правительство активно участвовало в создании нового договора, значительно более широкого, чем два предыдущих военных пакта. 8 сентября 1954 г. в Маниле представители Австралии, Франции, Новой Зеландии, Пакистана, Филиппин, Таиланда, Великобритании и США подписали Договор коллективной безопасности Юго-Восточной Азии (СЕАТО).

Важнейшей статьей договора явилась статья IV, составленная в выражениях, сходных с соответствующей статьей договора АНЗЮС, но дающая более широкое толкование договору:

«1. Каждая из договаривающихся сторон считает, что агрессия средствами вооруженного нападения в зоне действия договора на любую из сторон или на любое государство или территорию, которые стороны по единодушному соглашению могут определить позднее, будет угрожать их соб-

ственному спокойствию и безопасности, и соглашаются в этом случае действовать, чтобы встретить общую опасность в соответствии с их конституционными правами...

2. Если, по мнению любой из сторон, неприкосновенности или целостности территории, или суверенитету, или политической независимости любой из сторон в зоне действия договора, или какого-либо другого государства, или территории, которые, согласно постановлению § 1 настоящей статьи, время от времени включаются в зону действия договора, будет угрожать какая-либо другая опасность, а не вооруженное нападение или будет нанесен ущерб каким-либо событием или ситуацией, которые могут угрожать спокойствию в зоне действия договора, стороны незамедлительно проведут консультации, чтобы договориться о средствах, которые должны быть предприняты для общей обороны».

Интересно отметить, что Соединенные Штаты, главный вдохновитель создания СЕАТО, постарались в этом договоре в отличие от Тихоокеанского пакта (АНЗЮС) прямо подчеркнуть его политическую направленность. В сделанном США специальном дополнении к договору подчеркивалось, что механизм договора приводится в действие именно в случае «коммунистической агрессии» [цит. по: 368, 82].

Втягивание Австралии в военные блоки вызвало серьезные протесты прогрессивной общественности страны, а также резко отрицательное отношение крупнейших держав Азиатского континента. Вот что пишет, например, хорошо информированный на этот счет А. Уотт: «Со времени своего создания СЕАТО является предметом серьезной критики. Неприсоединившиеся страны, такие, как Индия, выступают против его основных положений, и их позиция используется некоторыми австралийцами для доказательств того, что участие Австралии в военных союзах сделает невозможным установление хороших отношений с азиатскими странами...» [451, 158].

К числу упомянутых А. Уоттом «некоторых австралийцев» можно отнести, например, крупного австралийского ученого проф. У. М. Болла, руководившего отделением политических наук Мельбурнского университета, который в лекции, прочитанной в Мельбурне 1 ноября 1967 г., так определял задачи Австралии в Азии, имея в виду интересы страны: «Я уверен, что безопасность и процветание Австралии должны зависеть от нашей способности создать прочные деловые дружественные отношения с новыми государствами в Азии, а не от присутствия вооруженных сил Запада, держащих Азию вдалеке от нас» [187, 16].

Австралийские исследователи международных отношений не могут не видеть, что политика правительства Австралии вызывает у большинства азиатских стран постоянный протест. Так, проф. Г. Гринвуд, руководитель отделения исто-

рии Квинслендского университета, в 1963 г. писал, что курс австралийского правительства создает большие трудности «в установлении искренних взаимоотношений, особенно с неприсоединившимися странами Азии, такими, как Индия и Индонезия, потому, что взгляд этих стран на многое или расходится с нашим, или диаметрально противоположен нашему. Австралийское правительство оказалось в оппозиции почти ко всем азиатским странам... Создание СЕАТО и участие Австралии в этой организации порождает резкую критику тех азиатских лидеров, которые видят в распространении таких союзов в Азии угрозу их усилиям не допустить присоединения континента к какому-либо из двух блоков» [168, 93—94].

Подобных оценок встречается все больше на страницах печати. Критика внутри страны азиатского аспекта внешней политики Австралии за послевоенные годы все время нарастала, о чем мы подробнее будем говорить ниже. Но австралийское правительство игнорировало эту критику, выполняя взятые по договорам обязательства.

Так, в 1955 г. австралийские части были посланы в Малайю, как того требовало соглашение АНЗЮС. Большую активность проявила Австралия и в СЕАТО. В течение семи лет (1957—1964) австралийский представитель У. Уорт являлся заместителем генерального секретаря СЕАТО. Австралия широко представлена во всех органах, созданных договором. Она покрывает около 14% расходов СЕАТО.

Австралийское правительство не смогло остаться в стороне от преступной войны Соединенных Штатов с вьетнамским народом вопреки широкому движению протеста общественности всей страны. Однако Соединенные Штаты недовольны недостаточными, по их мнению, австралийскими усилиями в этом направлении.

США оказывают откровенный нажим на австралийское правительство, чтобы заставить Австралию более широко участвовать в агрессии во Вьетнаме. Эта тема была важнейшей в переговорах вице-президента США Г. Хэмфри и президента Л. Джонсона с австралийским правительством при посещении ими Австралии в 1966 г., а затем в ходе поездки в июле 1967 г. специальных представителей президента Джонсона — М. Тейлора и К. Клиффорда.

Во время пребывания Г. Хэмфри в феврале 1966 г. в Австралии число австралийских войск в Южном Вьетнаме составляло 1,5 тыс. Чтобы не раздражать австралийское общественное мнение, и без того обеспокоенное и недовольное военными акциями своего правительства, Г. Хэмфри дважды публично заявил, что он не обращался к австралийскому правительству с просьбой об отправке дополнительных войск во Вьетнам.

Однако тогдашний австралийский премьер Г. Холт вынужден был признать на пресс-конференции 19 февраля 1966 г., что на протяжении некоторого времени его правительство обсуждает вопрос о том, что еще может сделать Австралия во Вьетнаме. А 8 марта он объявил в австралийском парламенте, что численность войск во Вьетнаме будет утроена. Еще 3 тыс. австралийских солдат были вскоре переброшены в Южный Вьетнам. Был принят закон о введении в стране обязательной частичной воинской повинности.

По закону все австралийские граждане, достигшие 20 лет, а также принявшие австралийское гражданство иностранцы должны быть зарегистрированы для несения службы в армии. После этого должна проводиться жеребьевка, в результате которой ежегодно отбирается около 10 тыс. призывников.

Одновременно были объявлены решения правительства о том, что призывники могут быть использованы для несения службы за границей в мирное время, и о распространении воинской повинности на иммигрантов, прибывших в Австралию на постоянное жительство, но еще не натурализовавшихся.

Оба эти правительственных решения находятся в резком противоречии с действующим законодательством.

Решение об использовании призывников за границей может быть принято лишь после проведения в стране соответствующего референдума. Такие референдумы дважды проводились в период первой мировой войны, и австралийский народ большинством голосов высказался против предоставления правительству права использовать призывников для службы за границей. И вот австралийское правительство принимает такое решение в мирное время!

Решение правительства о призыве на военную службу иммигрантов нарушает и общепризнанные нормы международного права. Этим объяснялись протесты ряда стран, граждане которых иммигрировали в Австралию (Италия, Греция, Кипр, Голландия и др.).

Но Г. Холт не только вновь заявил о полной поддержке войны во Вьетнаме, но и вылетел в Лондон, чтобы попытаться убедить английское правительство послать войска в Южный Вьетнам. Однако Англия не вняла советам премьера своей бывшей «белой колонии». Может быть, в Лондоне произвело впечатление горделивое заявление Г. Холта в конце августа 1966 г. в Сиднее, накануне нового посещения Англии, об австралийской политике в Азии: «По мере того как Австралия будет расти по численности населения и как государство, она будет брать на себя все большую ответственность в этом беспокойном, тревожном, смятенном и часто воинственном районе».

Дипломатическая сдержанность часто изменяла министру иностранных дел П. Хэзлаку, когда речь шла о политике Австралии во Вьетнаме. Чтобы кто-нибудь не подумал, что австралийские части находятся во Вьетнаме только в силу обязательств, вытекающих из договора СЕАТО, П. Хэзлак специально разъяснил: «Было бы ошибочным сказать, будто бы австралийское правительство действует сегодня во Вьетнаме только потому, что оно обязано это делать по договору СЕАТО. Даже если б СЕАТО не существовало, Австралия хотела бы видеть коммунистическую агрессию остановленной в районе Южной и Юго-Восточной Азии» [494, 30.V.1966].

С поразительной настойчивостью П. Хэзлак повторял, что Австралия выполняет во Вьетнаме великую миссию, ибо «война во Вьетнаме является борьбой за будущее Азии» [503, 12.X.1966].

Понятно, что такая политика получает одобрение в Вашингтоне. «За более чем 25-летний срок, — сказал в 1966 г. М. Банди, в то время специальный советник президента США, — в Вашингтоне прониклись большим уважением к политической проницательности и морали государственных деятелей Австралии» [496, 11.V.1966].

Но безоговорочная поддержка политики США правительством Австралии шокирует даже австралийских конгрессменов. «Сегодняшние новости о внутренней борьбе во Вьетнаме, — заявил, например, 15 мая 1966 г. сенатор Торнбалл, — должны открыть глаза всем в Австралии, кто сомневается в абсурдности нашей политики во Вьетнаме... Я призывал премьер-министра сказать Австралии правду. Мы имеем достаточно вводящих в заблуждение, неточных, если не сознательно лживых заявлений нашего министра иностранных дел (г-на Хэзлака), который... сознательно вторит голосу своего хозяина — г-на Дина Раска. Фактически в том, что касается Вьетнама, мы вполне можем пригласить г-на Раска быть нашим министром иностранных дел» [493, 16.V.1966].

Участие в американских военных авантюрах в Азии дорого обходится австралийцам. С 1963/64 г. ежегодные военные расходы Австралии возросли на 90%. В 1966 г. они были доведены до 1 млрд. австрал. долл.

По соглашению с США Австралия в течение трех лет должна закупить американское вооружение на сумму 350 млн. ам. долл.

И Соединенные Штаты и Англия стараются все теснее связать Австралию со своим военными приготовлениями. В феврале 1965 г. в Тидбинбилле (в 45 *км* от Канберры) была введена в эксплуатацию американская станция наблюдения за космическими ракетами. 16 сентября 1967 г. на пустынном западе побережья Австралии премьер-министр Г. Холт открыл самую большую в мире радиостанцию, рабо-

тающую на очень низких частотах, которую использует командование военно-морских сил США.

Австралийское правительство позволяет также американскому правительству размещать в стране на отдых солдат, воюющих во Вьетнаме. Когда вопрос об этом обсуждался в парламенте, один из депутатов сильно смутил министра обороны, спросив, какие меры принимает правительство против возможного распространения венерических заболеваний в стране в связи с организацией в районе Сиднея и Брисбена центров отдыха солдат американской армии, в том числе тех, кто участвует в войне во Вьетнаме.

В конце января 1966 г. Австралию посетил английский министр обороны Д. Хили. Его задачей было добиться более широкого участия Австралии в планах обороны к «востоку от Суэца». Местные газеты писали, что переговоры касались создания в Дарвине крупной военно-воздушной базы, превращения ряда портов Австралии в базы для атомных и подводных лодок, атомных бомбардировщиков, десантных соединений английской и американской армий.

Австралийское правительство с августа 1967 г. обсуждает вопрос об усилении своего военно-стратегического положения в Юго-Восточной Азии. Планируется, в частности, активизация работ по созданию крупной военно-морской базы во Фримантле, в Западной Австралии, расширение взлетно-посадочной полосы аэродромов на Кокосовых островах, отправка дополнительных воинских контингентов в Малайзию и Сингапур.

Подобные акции внешней политики австралийского правительства не могут не вызывать серьезную оппозицию в стране. В движении протеста участвуют представители самых различных слоев населения: рабочие, фермеры, учащиеся, священники.

Весьма активно выступают против посылки австралийских войск в Южный Вьетнам профсоюзы моряков и докеров. В мае 1965 г. профсоюз моряков Мельбурна принял решение об отказе буксировать военные корабли США, прибывшие с «визитом вежливости». В июле 1965 г. группа австралийских священнослужителей обратилась с открытым письмом к правительству, в котором резко критиковала его действия во Вьетнаме. Священники заявляли, что намерены продолжать организацию митингов «и вынести действия премьер-министра и его правительства на суд общественного мнения». В августе 1965 г. 513 виднейших австралийских ученых, профессоров и преподавателей 11 университетов страны подписали петицию протеста, адресованную премьер-министру, в которой требовали немедленного вывода австралийских войск из Вьетнама, прекращения войны в Юго-Восточной Азии.

Шумный скандал разразился 28 ноября 1965 г. на митинге в Сиднее, где выступал премьер-министр Г. Холт. Оратора никто не слушал, в зале стоял страшный шум. Когда Холт сошел с трибуны, его окружила толпа, собравшиеся выкрикивали антивоенные лозунги. Лишь с помощью полиции Г. Холту удалось добраться до машины и уехать. Когда в марте 1966 г. Г. Холт прибыл для выступления в Мельбурнский университет, его уже при входе окружили сотни студентов, кричавших: «Убийца! Мы не хотим умирать во Вьетнаме! Ни одного австралийца для грязной войны!»

Премьер-министру так и не дали выступить. В зале его встретили антивоенными лозунгами, свистом, топотом. Не помогло и вмешательство полиции. Окруженный охранниками, Г. Холт покинул зал и направился к машине, которую студенты успели со всех сторон обклеить антивоенными лозунгами.

В марте 1966 г. совет профсоюзов штата Квинсленд направил протест правительству Австралии в связи с его решением послать новые контингенты войск в Южный Вьетнам. Одновременно совет штата обратился к Австралийскому совету профсоюзов и руководству лейбористской партии с призывом начать национальную кампанию протеста. Аналогичные обращения были приняты многими другими профсоюзами страны.

В августе 1966 г. исполком Австралийского совета профсоюзов принял специальное решение против войны во Вьетнаме, осудил отправку призывников в Южный Вьетнам и потребовал от правительства проведения референдума по вопросу о посылке призывников за пределы страны.

В апреле 1966 г. Австралийский совет церквей опубликовал обращение с призывом прекратить огонь во Вьетнаме и начать переговоры.

Более ста руководителей протестантских церквей штата Виктория направили письмо премьер-министру Холту с требованием немедленно прекратить отправку призывников во Вьетнам.

Характеризуя отношение австралийского народа к войне во Вьетнаме, известный лейбористский деятель А. Колуэлл сказал: «Вьетнамская война непопулярна в Австралии, фактически никто не хочет участвовать в ней».

Прогрессивная общественность Австралии резко выступает и против правящих кругов США, организаторов агрессии во Вьетнаме. Когда в феврале 1966 г. в Австралии находился Г. Хэмфри, в стране состоялись митинги и демонстрации протеста. В них принимали участие представители профсоюзных, женских, молодежных, студенческих и церковных организаций Сиднея, Мельбурна, Брисбена и других городов. Демонстранты вручили Хэмфри открытое письмо, в котором

говорилось, в частности, следующее: «Мы хотим спросить вас, господин вице-президент, как долго еще будет продолжаться эта резня на земле Вьетнама.

Мы предупреждаем вас, господин вице-президент, пока ваша страна не зашла в тупик, пока ваше государство не до конца вовлечено в пучину варварства и бедствий, прислушайтесь к голосу разума вашей страны и всего мира... Мы требуем прекращения бомбардировок Северного Вьетнама, признания за Национальным фронтом освобождения Южного Вьетнама права равноправного участника будущих переговоров, признания Женевских соглашений 1954 года».

Демонстрации проходили в Австралии в период пребывания в стране президента США Л. Джонсона. Прибыв на американском бомбардировщике в Канберру 20 ноября 1966 г., Джонсон поторопился заявить: «Я чувствую себя в Австралии, как дома». На следующий день все газеты страны иронически прокомментировали любезность гостя. Дело в том, что Джонсона встретила в Канберре массовая антивоенная демонстрация. В отведенный ему отель заокеанский гость вынужден был пробираться черным ходом.

В организации массового антивоенного движения в стране значительную роль играет Коммунистическая партия Австралии. Австралийские коммунисты мужественно борются против реакционной внешней и внутренней политики правительства.

В мае 1965 г. политбюро КПА опубликовало заявление, в котором призывало всех австралийцев-патриотов действовать, чтобы спасти страну от серьезной угрозы ее безопасности. «Кризис, с которым мы сталкиваемся, — говорилось в заявлении, — вызван не агрессией извне, а безрассудным решением полностью связать Австралию с несправедливой войной американского империализма против Вьетнама».

Политика австралийского правительства вызывает недовольство даже в правящей либеральной партии. Это недовольство привело к расколу партии. 5 ноября 1966 г. группа членов либеральной партии, именовавшаяся сначала «Движением за реформу либеральной партии», провозгласила себя «Независимой либеральной партией (НЛП)».

В состав новой партии вошли в основном представители деловых кругов страны. Лидер партии, директор компании «Ипек Иншуренс, Лимитед» Гордон Бартон в заявлении о политической платформе партии подчеркнул необходимость проведения независимого внешнеполитического курса правительства, отвечающего интересам страны, потребовал прекращения войны во Вьетнаме и вывода оттуда австралийских войск.

На состоявшихся 26 ноября 1966 г. выборах в парламент правительственная коалиция (Либеральная и Аграрная пар-

тии) победила. Она даже несколько расширила свое представительство в палате представителей.

Это произошло, как отмечала и местная и иностранная пресса, в значительной степени вследствие противоречивой, путаной политики лейбористской партии, в частности во вьетнамском вопросе, чем легко воспользовались либералы и аграрии.

Свою роль сыграла и развернутая в предвыборный период в весьма широких масштабах антикоммунистическая кампания, имевшая целью запугать австралийского обывателя угрозой «вторжения коммунизма из Азии».

Но тем не менее 42% избирателей голосовало против кандидатов правительственной коалиции. Это необходимо иметь в виду при анализе внутриполитической обстановки в стране. Орган австралийской компартии газета «Трибюн» в редакционной статье от 30 ноября 1966 г., посвященной итогам парламентских выборов, подчеркивала, что эти 42% избирателей являются достаточно широкой базой, на основе которой может быть создано мощное движение за проведение Австралией независимой политики, за подлинное национальное развитие.

В последнее время можно наблюдать дальнейшее усиление движения широких слоев общественности против политики правительства в Азии, прежде всего против участия в войне во Вьетнаме.

На происходившей в Аделаиде (столице Южной Австралии) в августе 1967 г. национальной Конференции Австралийской лейбористской партии была принята «Декларация по Вьетнаму», осуждавшая империалистическую агрессию против вьетнамского народа. В резолюции указывалось, что лейбористская партия ищет пути к прекращению войны во Вьетнаме и с этой целью выдвигает свою программу. В программе в качестве основных пунктов содержались требования немедленного прекращения бомбардировок ДРВ, признания Национального фронта освобождения Южного Вьетнама равноправной стороной в переговорах, немедленного прекращения использования напалма и других запрещенных средств войны. Говорилось также о том, что, если союзники не осуществят этих шагов, австралийское правительство должно рассмотреть вопрос о выводе своих войск из Вьетнама. Лейбористская партия подчеркивала, что, придя к власти, она окажет вьетнамскому народу помощь для скорейшего восстановления экономики страны, ее политического, экономического и социального прогресса.

По инициативе студентов Австралийского национального, Мельбурнского и Монашского университетов были созданы комитеты и фонды помощи Национальному фронту освобождения Южного Вьетнама.

Правительство резко выступило против этих действий студентов. С трибуны парламента в августе 1967 г. Г. Холт назвал их предательскими и сказал, что власти предпримут против них решительные действия.

Но студенческие комитеты продолжали действовать. В ответ на заявление премьер-министра руководитель Канберрского комитета К. Мортон сказал: «Мы не предатели. Мы любим нашу страну, но не меньше любим и справедливость. Глубокое изучение положения, сложившегося в Южном Вьетнаме, дает нам право считать, что интересы вьетнамского народа представляет не группа Ки, а Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама. Без поддержки полумиллионной американской армии сайгонский режим не просуществовал бы и одного дня».

Представитель Мельбурнского студенческого комитета Д. Кришнер сказал, что австралийское правительство использует тактику Маккарти: «Вначале приговор, а потом суд». Но студенты Мельбурна будут продолжать свою работу. «Наша помощь гуманна, — подчеркнул Д. Кришнер. — Мы посылаем медикаменты, а не оружие».

Оппозиционное отношение к политике правительства проявилось, в частности, в таком факте.

В конце апреля 1967 г. в штате Виктория происходили выборы в местный законодательный орган власти. Вечером 29 апреля, когда выборы подходили к концу, в помещении, где работала центральная счетная комиссия, можно было наблюдать такую картину. В огромном зале была поставлена большая доска, на которой указывались избирательные округа, фамилии кандидатов и число поданных за них голосов. В ряде округов было выдвинуто необычно большое число кандидатов, 8—10 человек, причем число голосов, поданных за каждого из них, не превышало четырех.

Дело в том, что почти все кандидаты этих округов были военнослужащими, находившимися в Южном Вьетнаме. По закону военнослужащий, зарегистрированный в качестве кандидата в законодательный орган власти, получает право немедленно выехать в свой избирательный округ. Вот родители и постарались вернуть своих детей из опасных вьетнамских джунглей хотя бы на период избирательной кампании, выставив их в качестве кандидатов в депутаты.

Этот случай характерен для отношения простых австралийцев к вьетнамской авантюре своего правительства.

Тем не менее австралийское правительство продолжало проводить свою политическую линию. Изменение в руководстве правительством (вместо погибшего в конце 1967 г. Г. Холта премьер-министром был избран Д. Гортон) не отразилось на внешней политике страны.

Выступая в Сиднее 5 февраля 1968 г. с программным

заявлением, Д. Гортон подтвердил «безоговорочную поддержку Соединенных Штатов во Вьетнаме», которая, по его словам, должна продолжаться «до тех пор, пока это необходимо».

В последнее время австралийское правительство весьма активно разрабатывает программу расширения своих военных мероприятий в Юго-Восточной Азии. В феврале 1968 г. министр иностранных дел П. Хэзлак обсудил в Веллингтоне с новозеландским правительством проекты военного сотрудничества в этом районе. В Малайзию была направлена группа австралийских и новозеландских технических специалистов для изучения на месте возможных последствий вывода британских войск. Выступая после двухчасовой встречи с новозеландским премьер-министром К. Холиоком, П. Хэзлак сообщил: достигнута договоренность о том, что «Австралия будет арсеналом обороны для Юго-Восточной Азии».

В марте — апреле 1968 г. в Веллингтоне проходило совещание министров иностранных дел СЕАТО. В опубликованном 4 апреля 1968 г. коммюнике вновь был подтвержден агрессивный курс политики участвующих в СЕАТО государств.

Своего рода «научное обоснование» политике австралийского правительства в Азии должна была дать сессия Летней школы Австралийского института политических наук, проводившаяся в Канберре 28—30 января 1967 г. Тема сессии — «Коммунизм в Азии. Угрожает ли он Австралии?». Присутствовало рекордное для такого рода собраний число участников — более 600. Для придания наибольшего авторитета сессии на нее были приглашены наряду с австралийскими учеными крупнейшие американские и английские «специалисты по коммунизму», а также политические деятели из «лояльных» стран Юго-Восточной Азии.

Открывая сессию, профессор Калифорнийского университета Р. Скалапино заявил, что главная угроза азиатского коммунизма состоит не в агрессии «старого типа, а в неоагрессии, в форме поощряемого извне национально-освободительного движения» [496, 30.I.1967].

Характерным было выступление преподавателя отделения политических наук университета Нового Южного Уэльса О. Харриса. Он многословно обосновал выдвинутый в начале выступления тезис о том, что «господство коммунизма в Юго-Восточной Азии создало бы серьезную угрозу Австралии и аргументы, доказывающие противное, являются совершенно необоснованными» [503, 30.I.1967].

О. Харрис, пытаясь запугать аудиторию, утверждал, что «коммунистическое господство в Юго-Восточной Азии придет через десятилетие или два десятилетия» [503, 30.I.1967]. Гарантией от подобных бед, по его мнению, является «сейчас

и в ближайшем будущем американское присутствие в Юго-Восточной Азии» [503, 30.I.1967]. Выступивший последним вице-канцлер университета Нового Южного Уэльса проф. З. Коувен старался оправдать политику австралийского правительства во Вьетнаме, заявив, что пребывание там австралийских войск является «хорошо продуманным политическим актом» [503, 31.I.1967].

Это заявление, а также домыслы, содержавшиеся в выступлении О. Харриса, вызвали особенно резкие протесты присутствовавших на сессии студентов. Так, студентка Монашского университета Д. Бедфорд сказала, что заявление проф. Коувена «опасная и коварная форма цинизма». Студент Аделаидского университета П. Весли-Смит назвал выступления З. Коувена и О. Харриса «совершенно аморальными» [503, 31.I.1967].

В начале ноября 1967 г. на научной сессии в Мельбурне выступил с большим и интересным докладом «Роль Австралии в Азии» известный австралийский ученый проф. Болл. Он критически проанализировал политику австралийского правительства в Азии, подчеркнув, что она глубоко ошибочна и вызывает недовольство подавляющего большинства азиатских государств. «Австралийская политика военной поддержки Соединенных Штатов во Вьетнаме, — сказал Болл, — не находит сочувствия в Азии. Наиболее крупные страны Азии — Индия, Пакистан, Бирма, Индонезия и Япония не согласны с австралийским диагнозом положения в Азии и определенно не желают участвовать каким-либо путем в американских военных усилиях во Вьетнаме» [187, 10—11].

Отвечая тем австралийским ученым, которые считают, что военная поддержка Австралией Соединенных Штатов во Вьетнаме является своего рода страховым полисом на тот случай, если Австралии в будущем будет угрожать «какая-либо опасность», проф. Болл говорил: «Захочет ли Америка помочь Австралии в период опасности в будущем, будет зависеть не столько от той благодарности, которую США испытывают к нам за то, что мы делаем сейчас во Вьетнаме, сколько от их оценки глобального стратегического положения в то время, когда Австралии будет угрожать опасность» [187, 14]. С этим трудно не согласиться.

Необходимо подчеркнуть, что линия максимальной поддержки азиатской политики США продолжает оставаться ведущей во внешней политике Австралии. В 1968—1970 гг. эта тенденция проявилась еще ярче.

После поездки в начале июня 1968 г. в США и встречи с президентом Джонсоном австралийский премьер-министр Гортон откровенно заявил, что правительство Австралии воздержится от разработки на длительный период собственной военной политики в Юго-Восточной Азии, во всяком случае

до окончания президентских выборов в Соединенных Штатах.

Нужно ли более яркое свидетельство зависимости Австралии от США в области внешней политики!

Австралийское правительство полностью поддержало «гуамскую доктрину» Никсона и военную интервенцию США в Камбодже.

Одновременно австралийское правительство все время увеличивает военные статьи национального бюджета. В 1968/69 финансовом году фактические расходы на военные нужды составили 1164 млн. австрал. долл. Военные расходы правительства за границей увеличились на 31 млн. австрал. долл. и достигли 375 млн. Австралийское правительство усиливает милитаристский курс.

У народов Азии это не может не вызывать чувство недоверия, тревоги и протеста. Широко декларируя свое намерение заложить основы длительных, устойчивых и дружественных отношений с государствами Азии, австралийское правительство в действительности ведет политику, враждебную азиатским народам, усиливающую напряженность, расширяющую сферу военных конфликтов на Азиатском континенте, так остро нуждающемся в мире.

Министр иностранных дел Австралии Г. Фрит сразу же по вступлении в эту должность в феврале 1969 г. поспешил заявить о готовности своей страны взять на себя полицейские функции в районе Юго-Восточной Азии. Тогда же, в феврале 1969 г., австралийское правительство заявило о выходе из Комитета 24-х, учрежденного в 1961 г. решением Генеральной Ассамблеи ООН для наблюдения за выполнением Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Тогда же Австралия заявила об отказе подписать Договор о нераспространении ядерного оружия.

Действия австралийского правительства и в этом случае получили полное одобрение и поддержку со стороны новой администрации США, возглавляемой президентом Никсоном. Когда в мае 1969 г. премьер-министр Гортон находился с официальным визитом в США, Никсон в сделанном им заявлении подчеркнул, что Австралия продолжает являться «одним из наших ближайших друзей и союзников в мире». «Австралия, — продолжал президент США, — является членом АНЗЮС и СЕАТО, двух союзов, являющихся основой нашей стратегии и позиции в Юго-Восточной Азии». Решение австралийского правительства сохранить свои войска в Малайзии и Сингапуре после ухода оттуда английских войск в 1971 г. Никсон назвал «историческим и прозорливым решением», которое несомненно встретит «наше полное понимание и поддержку» [48, vol. 40, 1969, № 5, 217].

В конце мая 1969 г. на 14-й конференции Совета СЕАТО, состоявшейся в Бангкоке, министр иностранных дел Австралии Г. Фрит подтвердил верность Австралии целям этого союза и неизменность ее политики в отношении Вьетнама. «Мы в Австралии,— заявил он,— испытываем особое доверие к СЕАТО. Мы продолжаем оказывать ей нашу большую поддержку...» [48, vol. 40, 1969, № 5, 226].

Но приверженность к СЕАТО не уменьшает стремлений австралийского правительства к более тесному союзу с США— АНЗЮС. Это полностью подтвердила 19-я сессия Совета АНЗЮС, состоявшаяся в Канберре в начале августа 1969 г. С этим договором австралийское правительство связывает особые надежды на американское покровительство и потому не хочет и думать о каких-либо в нем изменениях.

Г. Фрит на пресс-конференции, устроенной по окончании сессии, отвечая на вопрос о том, одобрило бы австралийское правительство какие-либо оговорки к договору или его пересмотр, решительно заявил, что «мы довольны договором АНЗЮС. Таким, каким он является, мы рассматриваем его чрезвычайно ценным, и с нашей стороны не будет никаких попыток выйти за его пределы» [48, vol. 40, 1969, № 8, 440].

Проводимая австралийским правительством политика участия в военных авантюрах США в Азии дорого обходится народу Австралии. Согласно официальным данным, сообщенным министром обороны А. Фейрхоллом в начале сентября 1969 г. в палате представителей, потери австралийской армии и флота во вьетнамской войне составили 314 человек убитыми и 1640 — ранеными. Понятно, что протесты против внешнеполитических акций правительства продолжают нарастать. Это нашло свое отражение в ходе последних выборов в федеральный парламент. Правительственная коалиция удержалась у власти буквально на волоске, и только благодаря поддержке реакционной Демократической лейбористской партии. Если в прежнем составе парламента коалиция либеральной и Аграрной партий имела в палате представителей большинство в 36 мест, то после выборов, состоявшихся 25 октября 1969 г., оно снизилось до 7. Лейбористская партия получила 59 мест, в то время как либеральная и Аграрная соответственно 46 и 20.

Что касается отношений Австралии с Советским Союзом и другими странами социалистического лагеря, то австралийское правительство не стремилось их развивать.

До 1966 г. СССР был единственным социалистическим государством, имеющим дипломатические отношения с Австралией. Они были установлены в трудное время второй мировой войны — в 1942 г. В этом же году было основано Общество австралийско-советской дружбы. Возникшие в период войны союзнические отношения между странами в борьбе

с общим врагом были в последние годы омрачены резким антисоветским курсом австралийского правительства. Дело дошло до фактического разрыва в 1954 г., когда послы и составы представительств обеих стран выехали на родину. Дипломатические отношения были нормализованы лишь в 1959 г.

В последние годы связи между социалистическими странами и Австралией, главным образом торговые и культурные, получили некоторое развитие. В конце октября — начале ноября 1964 г. Советский Союз посетил министр иностранных дел Австралии П. Хэзлак. В апреле 1966 г. в Канберре делегация Верховного Совета СССР участвовала в работе сессии Межпарламентского союза. В 1967 г. Австралия заключила торговые соглашения с Социалистической Республикой Румынией и Венгерской Народной Республикой, установила дипломатические отношения с Монгольской Народной Республикой.

Среди австралийской общественности все сильнее слышны требования о расширении связей с Советским Союзом и другими социалистическими государствами. К сожалению, австралийское правительство не прислушивается к этим выступлениям и продолжает осуществлять внешнеполитический курс, чрезвычайно затрудняющий развитие отношений Австралии со странами социалистической системы. Особенной реакционностью, как мы видим, отличается азиатский аспект австралийской внешней политики.

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ АВСТРАЛИИ СО СТРАНАМИ ЮЖНОЙ, ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Австралийское правительство старается бороться с «коммунистической угрозой» в Азии не только военными средствами. Для «стабилизации» положения на Азиатском континенте, создания там лояльных по отношению к капиталистическому миру режимов Австралия использует и экономические средства.

Австралийские буржуазные ученые откровенно говорят о прямой связи внешней политики с внешней торговлей и внешнеэкономической помощью. Так, проф. Д. Миллер, глава отделения международных отношений в Австралийском национальном университете, пишет: «Торговля — сложный фактор в общей сфере внешней политики. Это становится еще более очевидным, если принять в расчет экономическую помощь, которая ныне является частью и предпосылкой дипломатии» [370, 39].

Учитывая особенности развития страны, австралийские экономисты стараются определить наиболее эффективные пути экономических отношений со странами Азии. Характерным в этой связи являются предложения одного из крупнейших экономистов, проф. Г. Арндта.

Выступая с публичной лекцией в Аделаидском университете в сентябре 1964 г., он говорил о том, что Австралия должна сократить размеры своей помощи Папуа — Новой Гвинее и добиться, чтобы значительная часть этой помощи шла по линии ООН, а также максимально привлекать частный капитал.

В то же время Австралия должна увеличить свое участие в оказании помощи развивающимся странам Азии на основе многосторонних договоров, особенно через Специальный фонд ООН, а также присоединиться к Индийскому и Пакистанскому консорциумам.

Профессор Арндт призывал также к развитию широких торговых отношений, расширению и совершенствованию по американскому образцу технической помощи и системы подготовки национальных кадров для развивающихся стран Азии [156, 16—18]. При этом за счет сокращения помощи Папуа — Новой Гвинее предлагалось увеличить экономическую помощь развивающимся странам.

В структуре австралийской внешнеэкономической помощи и сейчас доля Папуа — Новой Гвинеи продолжает оставаться преобладающей. За все послевоенные годы (до 1966 г.) внешнеэкономическая помощь Австралии в целом составила 880 млн. австрал. долл. Доля Папуа — Новой Гвинеи равнялась 537 млн. австрал. долл. [181, 5].

177 млн. австрал. долл. было израсходовано по двусторонним программам. Здесь основным каналом был «План Коломбо», в котором Австралия с самого его создания в 1950 г. играет весьма заметную роль. «План Коломбо», как известно, составляется на пятилетие и при согласии участников может продлеваться на новый срок Членами консультативного комитета являются: Австралия, Афганистан, Бирма, Бутан, Великобритания, Индия, Индонезия, Камбоджа, Канада, Лаос, Малайзия, Мальдивские острова, Непал, Новая Зеландия, Пакистан, Сингапур, Соединенные Штаты, Таиланд, Филиппины, Цейлон, Южный Вьетнам, Южная Корея, Япония.

До 30 июня 1966 г. Австралия израсходовала по «Плану Коломбо» 129 038 тыс. австрал. долл., из которых 89 411 тыс.— на программы экономического развития, в том числе создание предприятий перерабатывающей промышленности, строительство ирригационных систем, дорог и т. п. На техническую помощь было израсходовано 39 572 тыс. австрал. долл. [181, 5—6]. Часть этих средств пошла на оплату стипендий для студентов из развивающихся стран, посылаемых на учебу в

австралийские университеты. В середине 1966 г. в Австралии по «Плану Коломбо» обучалось 1454 малайца, 1038 индонезийцев, 751 индиец, 488 пакистанцев, 502 тайца, 453 бирманца, 469 филиппинцев. По «Плану Коломбо» Австралия за указанный период отправила в азиатские страны около 1000 экспертов. Техническое оборудование поставлено на 7944 тыс. австрал. долл. [181, 6].

Другим значительным каналом, по которому направляется помощь на основе двусторонних программ, является пакт СЕАТО, согласно ст. 111 которого участвующие стороны должны сотрудничать друг с другом в области экономического развития. До 30 июня 1966 г. по этой линии Австралией было израсходовано 14 234 тыс. австрал. долл., в том числе для Пакистана — 3366 тыс., Таиланда — 434,5 тыс., Филиппин — 1613 тыс., Южного Вьетнама — 4418 тыс. [181, 6]. Помимо этого Австралия является участником многосторонних программ помощи. До 30 июня 1966 г. Австралия внесла в Международный банк реконструкции и развития 47,6 млн. австрал. долл., в Международную финансовую корпорацию — 1996 тыс., в Международную ассоциацию развития — 14 774 тыс., в Азиатский банк развития — 85 млн. (на конец 1966 г.), по программам ООН — 89 308 тыс., по программам военной помощи Малайзии и Индии — 12 867 тыс. [181, 7—8].

На 1969/70 г. программа австралийской экономической помощи предусматривалась в следующем объеме (в тыс. австрал. долл.) [48, vol. 40, 1969, № 8, 458—459]:

1. Папуа — Новая Гвинея	108 334
2. Двусторонние программы помощи:	
а) Экономическое развитие	8 135
б) Техническая помощь	8 000
в) Специальная помощь Индонезии	7 365
г) Продовольственная помощь	11 800
д) Помощь по программе СЕАТО	2 400
е) Помощь Лаосу	643
ж) Помощь по программе АЗПАК	64
з) Специальный план Содружества для оказания помощи странам Африки	500
и) Специальный план Содружества по развитию образования	800
к) Другие виды двусторонней помощи	1 420
3. Многосторонние программы помощи:	
а) Международная ассоциация помощи	5 510
б) Азиатский банк развития	3 795
в) Программы помощи ООН	3 200
г) Южнотихоокеанские комиссии	283
д) Региональные проекты экономического сотрудничества в Азии	75
е) Международный Красный Крест	15
ж) Международная метеорологическая организация	50
Всего	162 389

Если исходить из абсолютных цифр внешнеэкономической помощи Австралии в пересчете на душу населения и в процентах к национальному доходу, то она занимает соответственно четвертое (10,9 ам. долл.) и пятое (0,64%) место в западном мире [181,3].

Необходимо особо подчеркнуть, что Австралия придает большое значение подготовке в своих учебных заведениях научно-технических кадров из азиатских стран. В Австралии обучается не менее 15 тыс. студентов из стран Азии. «За последние несколько лет, — заявил в своей речи в парламенте 6 января 1967 г. Г. Холт, — более 50 тыс. студентов из Азии окончили наши различные учебные учреждения, и они могут стать, во всяком случае многие из них, хорошими послами Австралии в своих странах» [48, vol. 38, 1967, № 1, 5].

Значительные изменения произошли и в области торговых отношений Австралии с азиатскими странами, прежде всего странами Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока. Уже в первое послевоенное десятилетие австралийский экспорт в страны Южной и Юго-Восточной Азии вырос более чем в 10 раз по сравнению с довоенным уровнем (1938/39 г. — 15 млн. австрал. фунтов, в 1955/56 г. — 1621 млн.) [480, 5. III. 1959, 317]. Доля азиатских стран в общем объеме австралийского экспорта составила в 1957/58 г. 23% против 12,7% в 1938/39 г. [480, 5.III. 1959, 317]. С начала 60-х годов она уже превысила 30%. Правда, значительная часть австралийского экспорта приходится на торговлю с Японией, а не со слаборазвитыми странами, но и торговля с другими странами этого района показывает в целом заметный рост, что видно из табл. 14.

Стремление основного торгового партнера Австралии — Великобритании вступить в «общий рынок» вызвало в последние годы заметную активизацию Австралии в Юго-Восточной Азии и Тихоокеанском бассейне. Она стала членом Экономической комиссии ООН для стран Азии и Дальнего Востока, вступила в Азиатский банк развития, участвует во всех заседаниях стран — кредиторов Индонезии, ведет переговоры о создании «Тихоокеанского сообщества».

Рассмотрим теперь, как развивались отношения Австралии с ее главными азиатскими партнерами.

Начнем с ближайшего к Австралии азиатского соседа — Индонезии, с которой с 1962 г. Австралия имеет даже сухопутную границу на острове Новая Гвинея.

В отношениях с Индонезией особенно ярко проявляются отмеченные нами два основных направления австралийской политики в Азии. С одной стороны, Австралия всячески поддерживала Голландию в ее борьбе с Индонезией и в период борьбы индонезийского народа за независимость и в вопросе

Таблица 14

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ АВСТРАЛИИ СО СТРАНАМИ И РАЙОНАМИ ЮЖНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА*, ТЫС. АВСТРАЛ. ДОЛЛ.

	Экспорт			Импорт		
	1964/65 г.	1965/66 г.	1966/67 г.	1964/65 г.	1965/66 г.	1966/67 г.
Бруней	125	213	252	7 232	9 353	11 484
Бирма	5 114	4 165	4 491	72	91	258
Камбоджа	296	134	436	2	30	23
Цейлон	18 671	17 408	15 787	17 277	17 563	15 535
КНР	135 633	106 541	128 613	22 862	23 460	26 148
Тайвань	3 137	16 227	18 842	4 355	4 270	4 801
Гонконг	54 757	58 774	64 260	24 414	25 358	34 193
Индия	55 400	28 001	58 339	40 909	35 012	33 889
Индонезия	7 431	5 359	6 938	64 034	61 763	56 629
Япония	440 740	470 410	586 437	258 574	280 173	296 044
КНДР	2 305	5 446	6 378	86	...	...
Южная Корея	3 972	4 849	8 088	774	1 761	1 428
Лаос	2	127	70	16	...	...
Макао	18	11	193	85	55	49
Малайзия	82 917	49 770	61 781	52 322	31 924	27 985
Непал	2	3	77	14	1	1
Пакистан	9 274	7 383	53 143	13 188	16 390	17 999
Филиппины	20 920	23 990	32 801	3 242	2 518	2 793
Сингапур	...	34 004	56 486	...	3 699	8 708
Таиланд	13 855	15 573	23 722	1 139	1 150	1 666
Тимор	208	300	217	...	55	...
ДРВ	155	65	...	1	...	...
Южный Вьетнам	2 617	6 520	11 837	49	41	101
Всего	862 549	855 273	1 139 18	510 6478	514 667	534 739

* [60, 1968, № 54, 372].

о Западном Ириане. Она послала свои регулярные части в Малайзию и практически участвовала в военных действиях против Индонезийской Республики.

С другой стороны, Австралия твердо сохраняла дипломатические отношения с Индонезией, вела торговлю и предоставляла Индонезии определенные средства по «Плану Коломбо». За все время существования Индонезийской Республики Австралия предоставила ей по «Плану Коломбо» 15 млн. долл. [498, 22.XI.1966]. Эти средства пошли на осуществление проектов дорожного строительства, учебных центров и т. д.

«Австралийская политика в отношении Индонезии во время трудного периода „конфронтации", — писала газета „Острэлиэн", — неизменно состояла из комбинаций сдержанного, но вполне определенного военного ответа на индонезийскую агрессию и спокойных средств, убеждающих, что суще-

ствующие связи между Австралией и Индонезией не должны быть уничтожены» [494, 20.IX. 1966]. В переводе на язык фактов это означало, что Австралия старалась всеми средствами содействовать тому, чтобы Индонезия не пошла по пути некапиталистического развития. Поэтому с таким удовлетворением было воспринято австралийским правительством то направление во внешней и внутренней политике Индонезии, которое определилось после событий 30 сентября 1965 г.

Сразу после сентябрьских событий австралийский министр иностранных дел П. Хэзлак заявил, что Австралия «держит открытой дверь для сотрудничества с нашим соседом... существует много путей, используя которые мы сможем работать для взаимной пользы» [494, 19.IX.1966]. Мгновенно переменила тон и австралийская пресса. «Новому правительству, — писала, например, сиднейская газета „Дейли Телеграф", — будет значительно легче добиться доверия западных наций, которые стремятся помочь Индонезии выбраться из экономической трясины» [497, 27.VII. 1966].

В начале июля 1966 г. П. Хэзлак посетил Индонезию с официальным визитом. Несмотря на сделанные ранее широковещательные заявления о намерении расширить экономические отношения с Индонезией, представитель расчетливой австралийской буржуазии уже в аэропорту поспешил разъяснить индонезийцам, что он «приехал сюда не в качестве рождественского деда-мороза... Индонезийцы — гордый народ. Я прибыл сюда, чтобы постараться понять его позицию и доложить об этом австралийскому правительству» [494, 9.VIII. 1966].

По возвращении из Индонезии П. Хэзлак заявил, что «Австралия сможет сыграть умеренную, но полезную роль» в оказании экономической помощи Индонезии. В частности, Австралия продолжит помощь по «Плану Коломбо» в трех направлениях: в создании аэронавигационной системы, дорожном строительстве и подготовке индонезийских студентов в австралийских университетах [494, 19.VIII. 1966].

В то же время австралийские деловые круги стремились к значительно более широкому участию в экономической жизни Индонезии. Отражая эти настроения, крупнейшая австралийская газета «Острэлиэн» поместила статью «План дружбы из 9 пунктов», в которой предлагались следующие основные направления развития отношений с Индонезией: 1) максимально широкое распространение в Индонезии знаний об Австралии с помощью индонезийской прессы, радио и телевидения; 2) расширение взаимных посещений представителями деловых кругов, учеными, студентами, деятелями культуры, спортсменами; 3) значительное увеличение помощи Индонезии по «Плану Коломбо»; 4) заключение соглашения о

воздушном сообщении, оказание помощи в развитии гражданской авиации Индонезии; 5) использование всех возможностей для развития торговых отношений, а также участие в восстановлении экспортных отраслей индонезийской экономики, особенно на Суматре; 6) развитие сотрудничества с Индонезией в Новой Гвинее; 7) установление прямых контактов с индонезийской армией, особенно в форме обмена преподавателями и слушателями военных учебных заведений; 8) оказание помощи в экономическом развитии индонезийских островов к востоку от Явы; 9) регулярное проведение консультаций на правительственном уровне по наиболее важным политическим и экономическим проблемам, имеющим взаимный интерес [494, 22.IX.1966].

25 января 1967 г. П. Хэзлак вновь посетил Индонезию. Предлогом для этого визита было открытие нового здания австралийского посольства в Джакарте. Официальная церемония открытия здания состоялась 26 января, в день национального праздника Австралии. Солидное здание стоимостью 1,5 млн. долл. должно было свидетельствовать о серьезности намерений Австралии в Индонезии. Эту же мысль подчеркнул Хэзлак в своем выступлении, сказав, что австралийско-индонезийские отношения «на протяжении последних месяцев постоянно улучшались, и мы надеемся, что они будут улучшаться и в дальнейшем» [494, 26.I. 1967].

Во время своего двухдневного визита П. Хэзлак вел интенсивные переговоры с руководящими деятелями индонезийского правительства. Но по окончании переговоров в печати появилось лишь короткое коммюнике, составленное из общих фраз. Вернувшись в Австралию, П. Хэзлак более подробно сообщил о содержании переговоров. Он сказал, что важное место занимал вопрос о предстоящей в Голландии встрече представителей стран — кредиторов Индонезии. Индонезийскому правительству были даны заверения, что участие Австралии в этой встрече «будет носить активный характер и основываться на интересах Индонезии», что «экономическое восстановление и развитие Индонезии весьма важно не только для самой Индонезии, но и для будущей стабильности во всех районах Юго-Восточной Азии». Рассматривались также вопросы австралийско-индонезийских торговых и экономических отношений, пути расширения взаимного обмена визитами и информацией [493, 1.II. 1967]. Действительно, на переговорах представителей стран — кредиторов Индонезии в Амстердаме австралийские представители активно поддерживали индонезийских делегатов.

Австрало-индонезийский товарооборот имеет в последние годы постоянную тенденцию к повышению. В 1966/67 г. он составил 65,1 млн. австрал. долл., в 1967/68 г. — 70,6 млн., за десять месяцев 1968/69 г. — 70,6 млн. австрал. долл.

Размер австралийской экономической помощи Индонезии в 1968/69 финансовом году увеличился вдвое по сравнению с 1967/68 финансовым годом и составил 12,7 млн. австрал. долл. [48, vol. 39, 1968, № 3, 105]. Кроме того, австралийское правительство предоставило в 1968/69 г. Индонезии кредит в 10,7 млн. австрал. долл. на оплату ее импорта из Австралии [48, vol. 39, 1968, № 8, 347].

В 1967 г. наметились контакты между австралийской и индонезийской армиями. Так, в конце февраля 1967 г. австралийский военный министр А. Фэйрхолл сообщил, что подполковник Лири в марте будет направлен в военный колледж в Бандунге, а в 1968 г. индонезийский офицер прибудет в австралийскую военную школу в Квинсклиффе.

Весьма широкие размеры получила в Австралии подготовка специалистов в Индонезии. Индонезийские отделения существуют теперь практически во всех австралийских университетах, и на них учится большое число студентов. Лишь на индонезийском отделении Сиднейского университета (очное отделение) обучается 400 человек.

В июне 1968 г. было заключено австралийско-индонезийское культурное соглашение, предусматривавшее дальнейшее развитие обмена студентами и научными работниками.

С Малайей Австралия имела устойчивые торговые связи с начала нынешнего века, закупая там необходимые ей каучук, олово и лес, экспортируя зерно и муку, мороженое мясо, масло, фрукты и овощи, а в послевоенные годы — автомобили, машинное оборудование, химикаты, медикаменты, различного рода промышленные товары.

После получения независимости Малайей ее торговля и экономические связи с Австралией еще более расширились. В 1958 г. было подписано торговое соглашение, причем переговоры по этому поводу были завершены в рекордно короткий срок — десять дней, в то время как переговоры по поводу заключения австралийско-японского торгового соглашения длились пять месяцев, а для заключения австралийско-цейлонского торгового соглашения потребовалось три месяца.

Причины такого интереса к Малайе точно сформулировал директор одной из крупнейших австралийских строительных компаний Д. Льюис: «Малайя имеет лучший в Юго-Восточной Азии климат для капиталовложений» [480, 5.III. 1959, 327].

Австралийцы постарались занять важные позиции в государственном аппарате и деловом мире Малайзии. В частности, управляющим Центральным банком стал У. Уилкок. Товарооборот между этими двумя странами за первое пятилетие 60-х годов вырос более чем в три раза и достиг суммы 135 239 тыс. австрал. долл. [60, 1966, № 52, 416].

Быстро развиваются торговые отношения Австралии с Филиппинами. За 1950—1965 гг. товарооборот между ними,

по данным Центрального банка Филиппин, увеличился в 18 раз (с 1770 тыс. до 31 844 тыс. ам. долл.) [480, 15.IX.1966].

Австралийско-филиппинская торговля характеризуется значительным преобладанием австралийского экспорта над филиппинским. Долгое время сохранялось соотношение примерно 10 : 1. Стремясь еще более увеличить объем товарооборота между странами, австралийское правительство и деловые круги тщательно изучали филиппинский рынок, посылая на Филиппины многочисленные торговые делегации. Так, после проведения на Филиппинах денежной реформы в 1962 г. и до начала 1966 г. Австралия послала туда шесть торговых миссий [480, 4.XI. 1965]. В начале 1966 г. было заключено торговое соглашение, способствующее некоторому расширению филиппинского экспорта в Австралию. Если в 1962/63 г. австралийский экспорт на Филиппины составлял 12 486 тыс. австрал. долл., а импорт — 1518 тыс., то в 1964/65 г. объем экспорта достиг суммы 20 920 тыс., а импорта — 12 486 тыс. австрал. долл. [60, 1966, № 52, 264].

Из года в год на Филиппинах увеличиваются австралийские капиталовложения. В настоящее время в различных отраслях филиппинской промышленности работает 12 предприятий со смешанным филиппино-австралийским капиталом. Установлено регулярное воздушное сообщение между Австралией и Филиппинами, также способствующее развитию деловых контактов.

Австралия старается расширять торговые и экономические отношения с Бирмой. В июне 1962 г. Бирму с визитом доброй воли посетил Г. Барвик, занимавший в то время пост австралийского министра иностранных дел. После трехдневного пребывания в стране он заявил, что между Австралией и Бирмой не существует спорных проблем, напротив, эти страны имеют много общего [480, 30.I. 1964].

На следующий год в Бирму приехала австралийская парламентская миссия в составе 13 человек, возглавлявшаяся Дэвидсоном, целью которой было изучение путей расширения австралийско-бирманских экономических отношений. Сразу же по приезде в страну Дэвидсон сообщил, что Австралия поставит Бирме 100 автобусов и 300 ирригационных насосов в дополнение к 500 насосам, уже полученным. Еще через два года, в мае 1965 г., Бирму посетил австралийский министр иностранных дел П. Хэзлак. К этому времени австралийско-бирманский товарооборот достиг суммы 5186 тыс. австрал. долл. [60, 1966, № 52, 416]. Австралийская помощь Бирме по «Плану Коломбо» достигла 5200 тыс. австрал. долл. [480, 4.XI. 1965, 256]. Более 400 бирманских студентов прошли подготовку в австралийских университетах [480, 4.XI. 1965, 256]. Около 20 австралийских экспертов работали в бирман-

ской промышленности, сельском хозяйстве, в области науки и культуры [480, 30.I. 1964, 264].

Экономические и торговые отношения Австралии с другими странами Юго-Восточной Азии — Таиландом, Лаосом, Камбоджей, Южным Вьетнамом — имеют до сих пор ограниченный характер. Наиболее крупным партнером из них является Таиланд, товарооборот с которым с 1962 по 1965 г. увеличился почти вдвое: с 8276 тыс. австрал. долл. до 14 994 тыс. [60, 1966, № 52, 416].

Известное развитие получили в последние годы торгово-экономические отношения Австралии со странами Южной Азии, и прежде всего с Индией.

За первое пятилетие 60-х годов товарооборот между Австралией и Индией увеличился с 68,8 млн. австрал. долл. до 96,3 млн. [480, 29.VI. 1961, 648—649; 60, 1966, № 52, 416]. Австралийская помощь Индии по «Плану Коломбо» составила к концу 1965 г. 28 млн. австрал. долл. [480, 4.XI. 1965]. К этому времени в австралийских университетах прошли подготовку 1000 индийских студентов различных специальностей [480, 4.XI. 1965].

Торговые отношения Австралии с Цейлоном регулируются соглашением 1958 г. За это время товарооборот между странами почти удвоился: с 29 422 тыс. австрал. долл. в 1958 г. до 53 890 тыс. в 1965 г. [480, 5.III. 1959, 324—325; 60, 1966, № 52, 416]. Цейлон импортирует из Австралии более половины необходимой ему муки и значительную часть молочных продуктов. Австралия же является одним из крупнейших импортеров цейлонского чая. Более 90% цейлонского экспорта в Австралию составляет чай.

Среди стран Дальнего Востока (исключая Японию) первое место по объему торговли с Австралией занимает КНР. Австралийское правительство, отказываясь признать КНР и установить с ней дипломатические отношения, развивая одновременно политические связи с чанкайшистским режимом на Тайване, в коммерческой области стремилось расширять отношения с КНР с самого начала существования республики. Если в 1952/53 г. австралийско-китайский товарооборот составлял 4178 тыс. австрал. долл., то в 1964/65 г. — 158 495 тыс. [480, 29.VI. 1961, 655; 60, 1966, № 52, 416].

Из года в год расширялись не только общий объем торговли, но и номенклатура товаров. Кроме пшеницы и шерсти Австралия продает КНР уголь, цинк, стальной лист, машины, химикаты и т. д. КНР также увеличивает объем экспорта и расширяет его номенклатуру. Так, общий объем китайского экспорта в Австралию увеличился с 2816 тыс. австрал. долл. в 1952/53 г. до 23 454 тыс. в 1965/66 г., т. е. почти в 10 раз [480, 29.VI. 1961, 655; 15.IX. 1966, 522]. В 1968/69 г. он составил 29,7 млн. австрал. долл.

Характерно, что китайское руководство неоднократно угрожало порвать торговые отношения с Австралией, если последняя не выведет свои войска из Вьетнама. В частности, в 1965 г. Чжоу Энь-лай заявил, что Австралия должна вывести войска из Вьетнама, если она хочет, чтобы КНР продолжала закупки пшеницы [480, 4.XI. 1965, 249]. После этого Австралия не только не вывела войска из Вьетнама, но увеличила их численность, а объем австралийско-китайской торговли продолжал расти.

Что же касается политики Австралии в отношении КНР, то ее достаточно определенно характеризует следующее высказывание П. Хэзлака: «В конце дороги всегда находится Китай, и для нас было бы нереалистично думать, что мы сможем что-либо основательно уладить в азиатской ситуации и в то же время игнорировать существование и политику Китая» [480, 15.IX. 1966, 225].

Объем торговых отношений Австралии с Гонконгом довольно значительный и имеет общую тенденцию к увеличению, несмотря на колебания в отдельные годы. Если в 1954/55 г. товарооборот между Австралией и Гонконгом составлял 39 368 тыс. австрал. долл., то в 1964/65 г. он равнялся 61 027 тыс. [480, 5.III.1959, 329; 60, 1966, № 52, 416]. В 1966/67 г. объем австралийско-гонконгского товарооборота увеличился до 98,5 млн. ам. долл. Главными товарами, которые Австралия вывозит в Гонконг, являются шерсть, текстиль, зерно, мясо, сахар, кожа, фрукты и овощи, машины, металлы. Гонконг в свою очередь вывозит в Австралию текстильные товары, готовую одежду, мебель, металлоизделия, рыбу. Австралийские компании все более проникают в Гонконг, действуя в области торговли, страхования, строительной, текстильной и пищевой промышленности. Ежегодно Гонконг посещают многие тысячи австралийских туристов. Так, в 1965 г. их число достигло 23 792. В 1966 г. эта цифра увеличилась более чем на 15% [480, 15.IX. 1966, 522].

Торговые отношения Австралии с Тайванем по своему объему значительно уступают австралийско-гонконгским. Тем не менее и они имеют устойчивую тенденцию к росту. За десять лет (1955 — 1965) объем австралийско-тайваньского товарооборота увеличился в 10 раз. Особенно быстро развивалась торговля после 1962 г., когда тайваньская торговая делегация посетила Австралию со специальной целью изучить возможности расширения торговых отношений. Если в 1962/63 г. объем товарооборота составлял 5194 тыс. австрал. долл., то в 1964/65 г. он увеличился до 12 492 тыс. [60, 1966, № 52, 416]. Австралия является одним из главных поставщиков на Тайвань шерсти, кож, руд, металлов, молочных продуктов. Тайвань же экспортирует в Австралию текстильные товары, лес, парфюмерию, химикаты. В 1968 г. австралийско-тайваньский

товарооборот превысил 27 млн. австрал. долл., а за первое полугодие 1969 г. составил более 23 млн.

Торговые отношения Австралии с КНДР и Южной Кореей до сих пор носят весьма ограниченный характер, хотя нельзя не заметить их неуклонный рост в последние годы. Так если австралийский импорт из КНДР в 1954/55 г. составлял 194 тыс. австрал. долл., а экспорт в эту страну вообще отсутствовал, то в 1964/65 г. импорт хотя и упал до 86 тыс. австрал. долл., но экспорт уже составил 2305 тыс. [480, 5.III. 1959, 329; 60, 1966, № 52, 416].

В австралийско-южнокорейской торговле имели место сходные явления. В 1954/55 г. австралийский экспорт составлял всего 8 тыс. австрал. долл., а импорта не было совсем; в 1964/65 г. австралийский экспорт поднялся до 3972 тыс. австрал. долл., а импорт составил 774 тыс. [480, 5.III. 1959, 329; 60, 1966, № 52, 416].

После заключения в 1965 г. торгового соглашения товарооборот между странами стал увеличиваться еще заметнее. По данным Корейского банка, Южная Корея в 1965, 1966, 1967, 1968 гг. экспортировала в Австралию товаров соответственно на 1242 тыс., 1306 тыс., 2249 тыс., 1625 тыс. ам. долл. Австралийский же экспорт в Южную Корею в эти годы составил 3365 тыс., 6378 тыс., 8915 тыс., 11 050 тыс. ам. долл.

Расширение политических, экономических, торговых и культурных отношений Австралии со странами Азии неизбежно повлекло за собой значительные изменения в подготовке соответствующих кадров. Можно сказать, что в этой области произошли коренные изменения.

Востоковедные отделения имеются во всех австралийских университетах. История и современное положение азиатских стран изучаются в отделениях истории и политических наук, языки и литература — в отдельных языковых департаментах (японском, индонезийском, китайском). Наибольшей популярностью в настоящее время пользуются японское и индонезийское отделения. Так, на японском отделении Квинслендского университета — более 200 студентов и т. д. Японский и индонезийский языки преподаются (факультативно) уже в десятках австралийских средних школ.

Администрация австралийских университетов явно ощущает потребность в координации научной и учебной работы в области востоковедения. Центр исследований Юго-Восточной Азии создан в Монашском университете. Его возглавляет проф. Д. Д. Легге, являющийся одновременно главой отделения истории. В состав руководства центром входят представители отделений экономики, антропологии и социологии, политических наук, географии, современных языков.

Главная задача центра — развитие научной работы в университете в области изучения стран Юго-Восточной Азии.

Центр должен также координировать подготовку студентов-востоковедов на различных отделениях и даже факультетах университета, следить за выработкой программ обучения, проводить межотдельские и межфакультетские семинары и конференции. наблюдать за ходом подготовки аспирантов.

Центр азиатских исследований создан при Западноавстралийском университете (в г. Перте).

В Австралийском национальном университете (г. Канберра) исследовательская работа в области востоковедения ведется в Ориенталистическом центре, состоящем из двух организаций — Отделение истории Дальнего Востока Исследовательской школы по изучению Тихого океана и факультета ориенталистики.

Отделение истории Дальнего Востока изучает главным образом средневековую и новую историю Китая, Японии и Монголии. Группа сотрудников отдела ведет работу по дешифровке древних китайских надписей. Небольшие работы ведутся в лингвистической области.

Факультет ориенталистики состоит из отделений азиатской цивилизации, китайского, индонезийского языка и литературы, японского, Южной Азии, буддизма. Главным направлением деятельности факультета, естественно, является учебная работа. Следует сказать, что именно этот факультет дает наиболее подготовленные кадры востоковедов. Там существует более сложная по сравнению с другими университетами система приема в аспирантуру.

При Австралийском национальном университете существует Центр стратегических и оборонных исследований. Основная задача центра — координация работ в области изучения стратегических проблем, преимущественно в районе Индийского и Тихого океанов, Юго-Восточной Азии и Австралии. Работы ведутся не только в чисто военном, но и в политико-экономическом плане (например, исследование проблем региональных политических и экономических межгосударственных объединений). Центр старается установить контакты с соответствующими научными учреждениями в других странах. Он связан, например, с Отделом военных исследований Кингс Колледжа и Институтом стратегических исследований в Лондоне, Центром исследования проблем национальной обороны Калифорнийского университета и рядом других американских научно-исследовательских организаций, работающих в области изучения военно-стратегических проблем.

Определенный интерес представляет деятельность общеавстралийских научных организаций — Института международных отношений и Института политических наук, особенно последнего, который занимается изучением и востоковедных проблем.

Институт политических наук был создан в 1932 г. Его главной задачей является изучение политических, экономических и социальных проблем как внутри Австралии, так и за ее пределами, в частности в Азии. С этой целью институт проводит семинары, научные конференции, выпускает журнал «Острэлиэн Куотерли» и публикует серии монографических исследований. Среди востоковедных работ, изданных институтом, следует упомянуть книгу Т. Миллара «Политика Китая», сборники статей «Азия и Австралия», «Австралийская политика в области обороны и внешних сношений» и др. Эти сборники включают в себя доклады и материалы прений на научных сессиях, ежегодно проводимых Летней школой института. Эти сессии собирают значительное число участников. На сессиях 1961—1966 гг. присутствовало, например, от 450 до 600 человек.

Институт международных отношений был организован в 1933 г. с целью способствовать развитию исследовательских работ в этой области, проведению научных конференций и дискуссий. Институт имеет свои отделения во всех столицах штатов, выпускает три журнала: «Острэлиэн Аутлук», «Уорлд Ревью» и «Острэлиэн Нейбоурз».

Среди изданных этим институтом работ, касающихся востоковедных тем, могут быть отмечены: сборник «Австралия в международных делах», «Австралийская колониальная политика» (автор — Д. Легге), «Страны Южных морей в переходный период» (автор — У. Стеннер) и др.

Оценивая в целом политику австралийского правительства в отношении развивающихся стран Азии, можно сказать, что она до сих пор определяется прежде всего страхом перед азиатскими народами. Действительно, в 1967/68 г. Австралия на цели экономической помощи странам Азии израсходовала 50 млн. долл., а на военные цели — 1100 млн., или почти в три раза больше, чем пять лет тому назад. «Мы расходуем 1100 млн. долл., — справедливо замечает проф. Болл, — чтобы встретить опасность из Азии; мы расходуем менее 50 млн. долл., чтобы дать позитивную экономическую помощь» [187, 15].

Особое место занимают австралийско-японские отношения. За истекшее после окончания второй мировой войны время отношения между Австралией и Японией получили неожиданно широкое и достаточно глубокое развитие.

Первое время после окончания войны казалось, что восстановление более или менее нормальных отношений между этими странами потребует многих лет — так напряженны они были.

Австралийская общественность не могла подавить в себе чувства естественной настороженности по отношению к стране, которая впервые в истории Австралии нанесла ей непо-

средственные ощутимые удары и реально угрожала оккупацией ее территории. «Сразу после второй мировой войны, — пишет А. Уотт, — лидеры всех австралийских партий отражали настроения общественного мнения, в большинстве своем требовавшего жесткого мира с Японией» [451, 207].

Официальная точка зрения по этому вопросу была в то время выражена Эваттом следующим образом: «Первым принципом нашей политики всегда является обеспечение спокойствия и безопасности в районе Тихого океана, что чрезвычайно важно для нашей страны. Это требует разоружения и демилитаризации Японии» [48, vol. 18, 1947, 470]. Австралийцы постарались занять ключевые позиции в союзнической администрации в Японии: представителя стран Британского содружества в Союзном контрольном совете по Японии, главнокомандующего оккупационными силами стран Британского содружества в Японии. Председателем Международного военного трибунала для Дальнего Востока, судившего главных военных преступников, был также австралиец.

Но уже с 1947 г. начался процесс быстрого пересмотра ставших привычными понятий. Это с совершенной определенностью проявилось в период пребывания Эватта в Японии летом 1947 г. Противник нового курса проф. М. Болл, назначенный в апреле 1946 г. представителем стран Британского содружества в Союзном совете по Японии, был в августе 1947 г. заменен на этом посту чиновником австралийского министерства иностранных дел.

Когда в 1951 г. начались переговоры по поводу заключения мирного договора с Японией на основе проекта, предложенного США, австралийское правительство его полностью поддержало, несмотря на то что этот проект грубо нарушал ранее провозглашенные самой же Австралией принципы послевоенных отношений с Японией. Р. Мензис старался оправдать такую позицию тем, что австралийское правительство вынуждено было пойти на заключение договора под давлением США и Англии. «Австралийское правительство очень скоро обнаружило, — писал он, — что борьба за запрещение перевооружения Японии не имеет надежды на успех. Соединенные Штаты и Соединенное Королевство, две главные нации свободного мира, дали ясно понять, что они не готовы запретить с помощью действенных средств перевооружение Японии. И если эти великие державы не хотели запретить.... то как могла Австралия сама сделать такое запрещение эффективным?.. Ни одна австралийская партия или лидер не готовы сказать, что Япония должна быть невооруженной и что Австралия должна быть наблюдающим за этим полисменом» [481, vol. XXX, 1955, № 2, 189, 194].

К такому же заключению приходит спустя 15 лет А. Уотт: «Мирный договор, в котором были заинтересованы Соеди-

ненные Штаты, вошел бы в силу независимо от того, возражала бы против него Австралия или нет» [451, 123].

С этими уничижительными заявлениями согласиться нельзя не потому, что США и Великобритания не могли бы оказать необходимого давления на австралийское правительство, чтобы заставить его подписать не удовлетворявший его договор, но потому, что австралийское правительство действовало вполне добровольно, соответственно собственному внешнеполитическому курсу в Азии, который к тому времени проявился достаточно четко. А курс этот определялся главным образом страхом перед освободительным движением азиатских народов, прежде всего в Юго-Восточной Азии. Именно поэтому австралийское правительство теперь поддерживало милитаризацию Японии, в столь недавнем прошлом своего наиболее опасного врага. «Страх перед распространением коммунизма в Азии, — писал проф. М. Болл, — возобладал над страхом перед возрождением японского экспансионизма» [168, 262].

Надо сказать, что резкий поворот в официальной политике Австралии по отношению к Японии обгонял трансформацию взглядов австралийской общественности по этому вопросу. Даже в таком в целом лояльном издании, как «Австралия в мировых делах 1950—1955», выпущенном в 1957 г. близким к австралийскому министерству иностранных дел Институтом международных отношений, развитие политических отношений с Японией рассматривалось с большой опаской.

Автор раздела «Австралия и Азия», проф. Фитцджеральд тщательно рассматривал возможные варианты «японской опасности» — вероятность присоединения к «коммунистическому блоку» или к «нейтралистскому блоку». Он подчеркнул, что Япония может представить угрозу для Австралии даже в том случае, если будет держаться в рамках политики, соответствующей интересам США. «Опасность происходит... оттого, что Япония может добиться чего-то, действуя в согласии с Америкой, служа американской политике, которая не обязательно совпадает с австралийской. Япония уже добилась, идя по этому пути, снисходительного мира; скоро она также будет перевооружена. Спрашивается, долго ли после этого нужно будет ждать, чтобы Японию попросили занять свое место в „сдерживании коммунизма“ путем посылки войск в опасные районы. Таким образом, может создаться обстановка, когда японские вооруженные силы будут размещены в некоторых районах, жизненно важных для австралийской безопасности, поскольку в случае возникновения опасности никакая другая держава не сможет так быстро послать необходимые силы... Это и есть реальная японская опасность, и это не может не быть принято во внимание при заключении пактов, в конечном счете зависящих от японского сотрудничест-

ва! ...Австралийцы все еще будут предпочитать встречать опасность одни и сами контролировать эти морские коммуникации (имеются в виду коммуникации между Сингапуром и Австралией. — *К. М.)*, чем допустить недавнего врага в это опасное место» [167, 218—220].

Следствием политического урегулирования было стремительное развитие экономических отношений между Австралией и Японией. Правда, на первых порах не удалось избежать некоторых осложнений. В 1947 г. австралийское правительство заключило соглашение с Соединенными Штатами, по которому американские суда должны были осуществить картографические работы в западном районе Тихого океана, в том числе в районе островов Новой Британии. Когда же в 1954 г. США приступили к выполнению этих работ и предложили, чтобы их осуществили японские специалисты, австралийское правительство отказалось дать на это согласие, мотивируя свой отказ тем, что присутствие японских картографов вызовет протест австралийской общественности, не забывшей, что именно в том районе шли кровопролитные сражения австралийцев с японской армией.

2 февраля 1954 г. Р. Мензис публично заявил: «Мы решили, хотя и понимаем важность этой работы и испытываем чувство благодарности к правительству Соединенных Штатов за желание оказать нам помощь, что не можем одобрить японского участия в осуществлении этой работы даже в качестве членов экипажей судов». В этом вопросе позиция Австралии была непоколебимой, и Соединенным Штатам пришлось заменить японские судовые команды филиппинскими.

Довольно сложно протекали австралийско-японские переговоры по поводу ловли жемчуга в районе австралийского континентального шельфа. Дело в том, что такого рода операции японцы начали проводить за несколько лет до вступления во вторую мировую войну. Когда же Япония попыталась в 1953 г. их возобновить, австралийское правительство предложило сначала провести переговоры и выработать определенные условия. Австралия прервала переговоры после того, как японская сторона заявила, что ее флот будет действовать в двух районах в 100 милях от Дарвина, и когда выяснилось, что количество раковин, которое собираются вылавливать японцы, будет угрожать коммерческим интересам Австралии. Одновременно австралийское правительство приняло законодательство, распространившее юрисдикцию Австралии на весь австралийский континентальный шельф и морское пространство над ним, а также континентальный шельф вокруг Новой Гвинеи на глубине до 100 морских саженей. Законодательство предусматривало, что ловля жемчуга в австралийских водах допускается только по специальной лицензии при условии строгого соблюдения установленных правил.

Предусматривалось суровое наказание за нарушение этих законоположений. Японское правительство выразило протест против действий австралийцев. Переговоры шли долго, и в конце концов было принято решение не заключать долгосрочного соглашения на этот предмет, а ежегодно определять условия ловли жемчуга.

Но все это были лишь мелкие досадные эпизоды на пути успешного развития австралийско-японских экономических отношений. Оба правительства всеми средствами старались содействовать расширению этих отношений. В конце 1957 г. Австралию с официальным визитом посетил японский премьер Киси. Пикантность положения состояла в том, что он являлся членом кабинета Того, с 1941 по 1943 г., и после войны рассматривался союзными державами в качестве одного из главных военных преступников. Но австралийское правительство сделало вид, что не помнит об этом, и проявило максимум гостеприимства. В сентябре 1963 г. Австралию посетил новый японский премьер — Икеда, а в 1967 г. — Сато.

Особое развитие получили торговые отношения между этими странами. За десять лет (1954—1964) доля Японии в австралийском экспорте возросла с 6,7 до 17,6%, а в австралийском импорте — с 0,9 до 6,8%. Япония стала вторым по значению торговым партнером Австралии после Великобритании. Но надо иметь в виду, что доля последней в австралийской внешней торговле значительно снизилась за этот же период соответственно с 36,3 до 18,5% и с 48,7 до 27,8%.

Особенно быстро развивались торговые отношения между странами после заключения австралийско-японского торгового соглашения 1957 г. Если в 1956/57 г. объем товарооборота составлял 218 164 тыс. австрал. долл. [480, 5.III. 1959, 329], то в самом начале 60-х годов он равнялся уже 453 866 тыс. [475, September — October 1963, 1]. Соглашение предусматривало предоставление Японии прав наиболее благоприятствуемой нации: существенное снижение тарифов, особенно на текстиль и другие товары широкого потребления, обещание упрощения порядка предоставления импортных лицензий. В свою очередь Япония расширяла свой рынок для основных товаров австралийского сельскохозяйственного экспорта.

Однако Австралия, опасаясь конкуренции японских товаров, настояла на включении в соглашение статьи, предусматривавшей возможность для каждой из сторон применять дискриминационные меры в отношении другой стороны, если какой-либо отрасли промышленности наносится ущерб торговлей партнера. Кроме того, на протяжении всех шести лет, в течение которых действовало соглашение, Австралия сохраняла в отношении Японии возможность применения ст. 35 ГАТТ, которая позволяла договаривающимся державам воздерживаться от признания за вновь присоединившейся к

ГАТТ страной предоставленных соглашением льгот и преимуществ.

Торговое соглашение 1957 г. устраивало обе стороны и потому по истечении трехлетнего срока было автоматически продолжено на следующее трехлетие. Между 1956/57 и 1963/64 гг. доля Японии в австралийском экспорте поднялась с 14 до 17,6%, а в импорте 1963/64 г. — с 1,8 до 6,8%. Объем товарооборота между странами в 1963/64 г. составлял 650 278 тыс. австрал. долл. [60, 1966, № 52, 416]. Ко времени окончания второго срока соглашения Япония стала самым крупным импортером австралийской шерсти, сахара, угля, меди, шкур и кож. Расширялись номенклатура и объем австралийского импорта из Японии, и, хотя текстильные товары по-прежнему преобладали, значительно увеличился вывоз химикалий, машин, стали, оптики и др. Австралия для Японии стала третьим (после США и Гонконга) по значению экспортным рынком.

В эти годы наблюдалась значительная активизация австралийско-японских деловых связей. В марте 1962 г. был создан Австралийско-японский комитет деловой кооперации. Японская палата торговли и промышленности послала в Австралию группу, состоявшую из 39 ведущих представителей деловых кругов, для определения перспектив развития японо-австралийских экономических связей. В мае 1963 г. в Токио состоялось первое собрание Австралийско-японского комитета деловой кооперации, на котором присутствовало 11 австралийских и 50 японских представителей торговых и промышленных предприятий. Собрание подготовило заключение нового торгового соглашения между Австралией и Японией. Оно было подписано в Токио 5 августа 1963 г. и способствовало развитию торговых отношений между странами.

Соглашение 1963 г. предусматривало отказ Австралии от применения дискриминационных мер, указанных в ст. 35 ГАТТ. Япония же соглашалась на дальнейшее улучшение условий предоставления импортных лицензий на ввоз австралийской шерсти и зерна, а также других важнейших товаров сельскохозяйственного экспорта Австралии. В 1964/65 г. общий товарооборот между странами поднялся до 699 414 тыс. австрал. долл., причем особенно заметен был рост австралийского импорта из Японии — со 162 468 тыс. австрал. долл. в 1963/64 г. до 274 тыс. в 1964/65 г. [60, 1966, № 52, 416]. В 1965/66 г. импорт поднялся до 281 млн. австрал долл., а экспорт — до 471 млн. Общий товарооборот, таким образом, составил 752 млн. австрал. долл. [480, 15.IX. 1966, 515]. В 1968 г. австралийско-японский товарооборот достиг 1066,7 млн. ам. долл., при этом Австралия вывезла в Японию товаров на 650 млн. ам. долл., а купила японских товаров на 416,7 млн.

Японский экспорт в Австралию составил в 1965 г. 3,7% общего объема экспорта Японии. Теперь Австралия заняла второе после США место в качестве рынка для японских товаров. Важно отметить непрерывный рост экспорта в Австралию товаров тяжелой и химической промышленности Японии. Если в 1962 г. на эти товары приходилось 30% всего японского экспорта в Австралию, то в 1964 г. их доля поднялась до 50%. Особенно быстро растет экспорт в Австралию японской стали. К июню 1965 г., например, стоимость экспортированной стали составила около 60 млн. австрал. долл., т. е. в 2,7 раза больше, чем в предыдущем году. В то же время доля товаров легкой промышленности неуклонно уменьшалась из года в год: в 1962 г. она составляла 64%, в 1964 г. — 54, а в 1965 г. — 45% [480, 15.IX. 1966, 515]. Тем не менее и в это время японский текстиль преобладает в общем импорте этого товара Австралии. По данным японской организации по внешней торговле, в австралийском импорте хлопчатобумажных товаров японские изделия составляют 37%, гонконгские — 11, английские — 10, китайские — 9%. В австралийском импорте синтетического текстиля Япония просто господствует: на ее долю приходится 51% общего австралийского импорта этого товара, тогда как доля США, занимающих второе место в экспорте этого товара, составляет 17% [480, 15.IX. 1966, 515].

Широкий сбыт в Австралии находит продукция японской автомобильной промышленности. В 1965 г. на австралийском рынке было продано 23 810 автомашин, или почти в 2 раза больше, чем в 1964 г., а в 1967 и 1968 гг. — соответственно 33 226 и 46 865 автомобилей. Австралия теперь — второй по важности импортер японских автомобилей.

В свою очередь Австралия значительно увеличивает экспорт своих товаров в Японию. В 1965/66 г. Япония закупила 468 млн. фунтов шерсти, т. е. на 33,5 млн. фунтов больше, чем в 1964/65 г. К концу 60-х годов Япония уже закупала 40% всего австралийского экспорта шерсти. Австралия становится для Японии крупнейшим поставщиком железной руды. Уже заключены контракты на общую сумму более 220 млн. австрал. долл. Ожидают, что в 1969 г. Австралия в поставках железной руды в Японию вытеснит нынешних четырех основных экспортеров: Южную и Северную Америку, Индию и Малайзию [480, 15.IX. 1966, 518]. По расчетам экономистов, в 1971 г. Австралия будет поставлять Японии не менее 35% необходимого ей количества железной руды [480, 18.IX. 1969, 729].

Торговыми отношениями, однако, не ограничиваются деловые контакты между Австралией и Японией. Значительное развитие получили смешанные предприятия, работающие в важнейших отраслях австралийской экономики.

Так, концерн «Мицуи» вместе с австралийской компанией ведет в Квинсленде работы по расширению добычи угля для экспорта в Японию. «Мицуи киндзоку» вложил значительный капитал в добычу меди на территории Западной Австралии, также имея в виду экспортные потребности Японии в этом сырье. «Хаякава электрикл компани» вместе с австралийским представителем «Олимо Консолидейтед» создали смешанное предприятие по производству телевизоров. «Мицуи буссан» и «Сэкиаси кагаку» совместно с австралийскими предприятиями заняты производством труб. Японский капитал вложен также в несколько австралийских текстильных предприятий. Особым вниманием японских предпринимателей пользуются недавно открытые в Австралии богатейшие месторождения железной руды. Так, «Мицуи» владеет 35% акций в смешанном предприятии «Кливленд Клиффс Айрон Компани», ведущем разработки железной руды в районе Пилбари; «Мицубиси» вложил капитал в разработку месторождений железной руды в Тасмании. Японские предприятия стремятся также принять участие в разработке залежей бокситов, цинка, свинца, меди в Квинсленде и Северной территории.

На заседании Австралийско-японского комитета по деловой кооперации, состоявшемся в Токио в 1965 г., были сделаны рекомендации относительно создания смешанных предприятий в машиностроительной, электротехнической, сталепрокатной промышленности Австралии. Обсуждались также вопросы, связанные с возможным созданием смешанных австралийско-японских предприятий на Новой Гвинее.

Ответить на вопрос, почему именно с Японией у Австралии так быстро развиваются деловые связи, нетрудно. Япония — ведущая в капиталистическом мире страна по темпам экономического роста. Ежегодный рост экономики Японии в 1953—1963 гг. составлял почти 10%, в то время как, например, Великобритании — 2,5%. При этом Япония целиком зависит от импорта необходимых ей видов сырья, причем именно тех, которые ей может в огромных масштабах поставлять Австралия. Если взять десять наиболее важных товаров австралийского экспорта (шерсть, зерно, мясо, сахар, молочные продукты, фрукты, кожа, свинец, медь, цинк), то в 1955 — 1963 гг. их импорт в Японию из всех источников увеличился на 135%, в то время как в Англию — лишь на 3% [155, 2].

Однако развитие экономических отношений между Австралией и Японией наталкивается на совершенно очевидные трудности, что приводит к взаимному недовольству, трениям, недоверию.

Прежде всего японскую сторону беспокоит постоянный и значительный дефицит торгового баланса с Австралией, незначительность доли ряда важных для японского экспорта товаров, ввозимых в эту страну. Так, в австралийском импор-

те товаров химической промышленности удельный вес Японии составлял в 1965 г. лишь 4,2%, в то время как на долю США приходилось 30,6%, Англии — 28,8%; в австралийском импорте машин — соответственно 3,8, 37,1 и 35%; в австралийском импорте металлов и металлоизделий—13,6, 27,6 и 32,6%. Мешают японскому экспорту в Австралию и сложная австралийская система таможенных тарифов, часто меняющийся процент торговых пошлин. Деятельности американских и английских экспортеров содействуют промышленные и торговые предприятия их соотечественников, действующие на территории Австралии. Япония же пока что имеет ограниченное число своих предприятий в Австралии.

И австралийская сторона имеет немало претензий к своим японским партнерам. Япония, например, стремится как можно реже соблюдать в отношении австралийских товаров режим наибольшего благоприятствования. Так, в период трудностей с иностранной валютой Япония ограничивает импорт из стран, входящих в систему ГАТТ, в том числе из Австралии.

Все эти вопросы подвергались обсуждению на заседании Австралийско-японского комитета по деловому сотрудничеству, происходившем в Токио 24—25 апреля 1967 г.

На этом заседании обсуждались четыре основных вопроса: экономическое положение в Японии и Австралии, расширение торговли, создание смешанных предприятий и обмен специалистами. Представители обеих стран без обиняков высказали свои претензии и недовольство. После серьезных дебатов был принят ряд позитивных решений. Так, австралийские представители подчеркнули желание увеличить число смешанных предприятий и обязались передать соответствующие предложения на рассмотрение правительства Австралии, в частности о создании смешанного судостроительного предприятия.

Австралийско-японский комитет наряду с вопросами развития экономических отношений между двумя странами занимается проблемами тихоокеанской торговли в целом. Во время четвертой сессии комитета в Канберре в 1966 г., где присутствовали в качестве наблюдателей представители Новой Зеландии и Канады, было решено провести специальное совещание, посвященное созданию органа, который бы занимался проблемами торговли между странами Тихоокеанского бассейна. Цели ставились далеко идущие: создание в противовес «Европейскому сообществу» «Тихоокеанского сообщества». П. Хэзлак, который в марте 1967 г. посетил Японию, весьма энергично поддержал эту идею.

Подготовка совещания прошла быстро и успешно в силу очевидной заинтересованности всех участников. Параллельно с работой комитета 26 апреля 1967 г. открылось учредитель-

ное совещание по созданию Тихоокеанской комиссии, в работе которого приняли участие представители Австралии, Японии, США, Канады и Новой Зеландии. На следующий день, 27 апреля, был принят устав Тихоокеанской комиссии. Председателем временной комиссии был избран Нагано Сигэо, глава компании «Фудзи сэитэцу» и заместитель председателя Токийской торговой ассоциации, а генеральным секретарем — Такаги Гэн, председатель Японской торговой ассоциации. Основные задачи новой организации сформулированы в ст. 2 временного устава. Они делятся на две группы: развитие экономического сотрудничества между странами-участницами (расширение торговли, увеличение капиталовложений и обмена техническими специалистами, расширение научного и культурного обмена, развитие туризма) и содействие экономическому развитию слаборазвитых стран (ускорение капиталовложений и технического сотрудничества с целью развития сельского хозяйства, горнодобывающей и других отраслей промышленности, расширение торговли, научного и культурного обмена, туризма). Уже в ходе учредительного заседания было высказано мнение, что Тихоокеанская комиссия должна свою деятельность направлять на создание «Тихоокеанского сообщества». Так, австралийский представитель внес предложение заключить специальное соглашение о том, чтобы создать сначала «общие рынки» по отдельным отраслям промышленности, а потом путем их слияния образовать тихоокеанский «общий рынок».

Одним из практических решений Тихоокеанской комиссии, принятых сразу после ее возникновения, было создание первого смешанного предприятия на территории Папуа — Новой Гвинеи.

Пока комиссия существует как неофициальная организация, но это рассматривается как явление временное. Отражая настроения, господствовавшие на учредительном заседании, влиятельный японский журнал «Тоё кейдзай» писал: «В случае успеха или неудачи раунда Кеннеди, успеха или неудачи вступления в европейский общий рынок существует возможность того, что карта мира с делением на отдельные районы будет сильно перекраиваться. В этом случае можно легко себе представить, что Тихоокеанская комиссия станет основным ядром для создания Тихоокеанского общего рынка» [471, 1967, № 3338, 46]. И Австралия и Япония наряду с переговорами о создании Тихоокеанской комиссии активнейшим образом участвовали в более широких переговорах по поводу создания «азиатско-тихоокеанской сферы». Кульминационного пункта переговоры достигли в июне 1966 г. в Сеуле, где проходила конференция министров иностранных дел Азии и Тихого океана. В своей вступительной речи 14 июня 1966 г., определяя направление работы конференции,

южнокорейский президент Пак Чжон Хи призвал к созданию «великого азиатско-тихоокеанского сообщества», главной целью которого откровенно провозглашалась борьба против «страшной угрозы международного коммунизма».

Участвовавшие в конференции Австралия, Новая Зеландия, Япония, Малайзия, Филиппины, Тайвань, Южный Вьетнам, Южная Корея и Лаос договорились о создании новой организации — «Азиатско-тихоокеанского совета» (АЗПАК). В совместном коммюнике, опубликованном 16 июня 1966 г., говорилось о намерении участвовавших государств проводить такие конференции регулярно, назвав их сессиями совета министров стран Азии и бассейна Тихого океана, а также проводить в Бангкоке регулярно совещания послов государств-участников, называя их сессиями Постоянного комитета.

Выступая незадолго до своего отъезда из Сеула перед корреспондентами, П. Хэзлак заявил о полном удовлетворении работой конференции, сказав, что участвовавшие страны выразили дух регионального сотрудничества. О том, каков был этот дух, писала малайская газета: «Девять азиатских и тихоокеанских наций достигли сегодня соглашения о создании новой некоммунистической региональной организации. Идея состоит в том, чтобы создать группировку некоммунистических наций для взаимной помощи в укреплении их экономики и общества. Они будут избегать прямой антикоммунистической направленности, но их совместные усилия будут, очевидно, обеспечивать их безопасность против агрессии; в общих политических заявлениях, сделанных вчера, почти все делегаты упомянули угрозу коммунизма» [502, 16.IV. 1966, 2].

Точно так же новую организацию оценивал и «Нью-Йорк Таймс». В статье «Азиаты делают шаг в сторону региональной системы обороны» газета писала: «Путем взаимопомощи азиатские правительства стараются укрепить свою экономическую и политическую способность оказывать сопротивление коммунистической подрывной деятельности, которую считают главной угрозой для своей безопасности... Австралия и Новая Зеландия, присоединившись к этому союзу, дали понять, что они соглашаются со своей принадлежностью к Азии. Теперь, когда Англия решила как можно скорее сократить свои военные обязательства к востоку от Суэцкого канала, две белые страны Азии стали больше опираться на региональные соглашения» [501, 20.VI. 1966].

Недолгое существование АЗПАК показало, что новая организация намерена заниматься весьма широким кругом вопросов: от политической стратегии до проблем увеличения производства удобрений. Так, например, на сессии Постоянного комитета АЗПАК, состоявшейся в Бангкоке в августе 1966 г., было решено создать экономический координацион-

ный центр, технический координационный центр, центр взаимной информации, пул технических специалистов, пул сырья и удобрений, центр обмена сельскохозяйственной техникой, социальный и культурный центр.

Во время посещения П. Хэзлаком Японии в марте 1967 г. было достигнуто соглашение о том, что АЗПАК должен обсуждать наряду с политическими и экономическими проблемами социальные, просветительные и культурные. Такой же позиции Австралия и Япония придерживались на второй конференции АЗПАК, состоявшейся в Бангкоке в июле 1967 г. Открывая конференцию, японский министр иностранных дел Т. Мики назвал АЗПАК «форумом для достижения взаимопонимания, где министры могут свободно и откровенно обмениваться мнениями по широкому кругу вопросов, представляющих взаимный интерес, включая политические, экономические, культурные и социальные». Именно такой была эта конференция, заключительное коммюнике которой подчеркивало «тот факт, что АЗПАК обеспечивает широкие возможности для плодотворного обмена разнообразными индивидуальными взглядами по всем вопросам». Было решено провести следующую конференцию в Австралии в конце июля 1968 г. Это решение было оценено как весьма примечательное. «Австралия может теперь использовать этот союз для формулирования своей теории «„Австралия в Азии“ и взять инициативу для того, чтобы вдохнуть в организацию свежую струю жизни» [480, 20.VII.1967, 139].

Состоявшаяся в Канберре сессия АЗПАК показала стремление ее организаторов все активнее бороться с национально-освободительным движением азиатских народов, усложнять политическую обстановку усилением антикоммунистической истерии. Такой же характер носила сессия АЗПАК, проходившая с 9 по 11 июня 1969 г. в Японии [48, vol. 40, 1969, № 6, 311—315].

С начала 1969 г. государства — члены АЗПАК ведут переговоры о создании нового регионального военного блока, некоего тихоокеанско-азиатского варианта НАТО, под названием «Организация тихоокеанско-азиатского договора», сокращенно — ПАТО.

АВСТРАЛИЙСКИЙ КОЛОНИАЛИЗМ

Процесс ликвидации мировой колониальной системы империализма приводит к тому, что Австралия может в недалеком будущем стать крупнейшей колониальной державой мира.

Ее бывшая хозяйка — Великобритания, в колониальной империи которой когда-то «не заходило солнце», ныне почти полностью утратила свои заморские владения.

Для управления оставшимися территориями британское правительство сочло неоправданным содержать специальное ведомство, и знаменитое министерство колоний после двухсотлетнего существования было закрыто.

Австралия уже сейчас является крупнейшей колониальной державой в бассейне Тихого океана. В ее колониальных владениях живет около 2,2 млн. человек. Главное из них — подопечная территория Новая Гвинея и несамоуправляющаяся территория Папуа (обе они расположены на крупнейшем острове Тихого океана — Новой Гвинее). Кроме того, Австралия владеет в Тихом океане островом Норфолк, а в Индийском океане — островами Рождества и Кокосовыми *. До января 1968 г. Австралия вместе с Англией и Новой Зеландией «опекала» остров Науру.

По Уставу ООН (ст. 76а) держава, осуществляющая управление подопечной территорией, должна «способствовать политическому, экономическому и социальному прогрессу населения территории под опекой, его прогрессу в области образования и его прогрессивному развитию в направлении к *самоуправлению или независимости, как это может оказаться подходящим для специфических условий каждой территории...*» (курсив наш. — *К. М.*). По существу, та же обязанность ложится на государство, владеющее несамоуправляющейся территорией. Ведь в ст. 73в государства, «которые несут или принимают на себя ответственность за управление этими территориями», также обязываются «развивать самоуправление».

Рассмотрим же, каковы были практические результаты управления Австралией своими владениями в послевоенное время.

Подопечная территория Новая Гвинея занимает площадь около 241,8 тыс. *кв. км* и включает северо-восточную часть острова Новая Гвинея и многочисленные острова, наиболее крупными из которых являются Новая Британия, Новая Ирландия и Манус в архипелаге Бисмарка, а также Бугенвиль в группе Соломоновых островов. Население территории 1,6 млн. человек.

Еще в декабре 1944 г., в разгар второй мировой войны, когда только начинались переговоры между державами антигитлеровской коалиции о послевоенной судьбе колоний, Австралия и Новая Зеландия сделали совместное заявление, что доктрина опеки должна рассматриваться «применимой в принципе ко всем колониальным территориям в Тихом океане и повсюду» и что «основной целью опеки является благосостоя-

* Остров Норфолк занимает площадь 35 *кв. км.* Население — 1,5 тыс. человек. Остров Рождества занимает площадь 142 *кв. км.* Население — 370 человек. Кокосовые острова общей площадью 14,3 *кв. км*, имеют население 631 человек.

ние туземных народов и их специальное, экономическое и политическое развитие» [340, 191].

Те же высокоторжественные фразы повторяла Австралия и после окончания войны, и тогда, когда у власти находилось лейбористское правительство, и тогда, когда к управлению страной пришли либералы. Так, министр территорий Э. Уорд, выступая 4 июля 1945 г. в австралийском парламенте при обсуждении закона об управлении Папуа — Новой Гвинеей, заявил, что неотложной задачей австралийского правительства является восстановление этой территории, подвергшейся в годы войны большим разрушениям. Более того, продолжал он, надо оказать ей широкую экономическую помощь, «принимая во внимание моральное и материальное благосостояние жителей и стратегическое значение этой области для Австралии» [340, 192]. Территории должна быть оказана помощь в развитии здравоохранения, просвещения и разработана программа, дающая возможность «большего участия туземцев в создании богатств своей страны и косвенно в ее управлении» [340, 192].

После перехода власти к либералам новый министр территорий — П. Спендер так сформулировал принципы политики правительства в отношении Папуа — Новой Гвинеи: «1) благосостояние и развитие туземных народов и их возрастающее участие в создании богатств территории; 2) развитие ресурсов территории к такому уровню, на котором они были бы экономически самоснабжающимися и были бы в состоянии обеспечивать нужды Австралии и других стран продуктами, которые они способны производить» [340, 196].

В начале 1952 г. Хэзлак, являвшийся тогда министром территорий, сделал следующее витиеватое заявление об отношении Австралии с ее подопечной: «Новая Гвинея не является ни колонией, ни территорией; она находится в экспериментальной стадии чего-то, что мир до сих пор еще не видел и что, может быть, невозможно создать где-нибудь еще в мире — попытку кооперации и взаимного сотрудничества между двумя народами; опекунство, в котором должны выжить и опекун и опекаемый» [489, vol. 5, January — February 1952, № 11, 229]. Что же касается возможной даты предоставления территории независимости, то австралийские государственные деятели ничего обнадеживающего на этот счет не говорили, традиционно ссылаясь на свои альтруистические чувства.

Так, премьер-министр Австралии Мензис, выступая по телевидению 31 июля 1962 г. по поводу рекомендаций Совета по опеке ООН об ускорении процесса достижения самоуправления подопечной территорией Новая Гвинея, заявил: «Мы несем большую ответственность за Новую Гвинею. Было бы преступным актом бросать ее на произвол судьбы» [487, vol. XXXIII, 1962, № 2, 18]. Ему вторил П. Хэзлак, который при

обсуждении в мае 1963 г. в австралийском парламенте «Закона о Папуа — Новой Гвинее» заявил, что требование о предоставлении Папуа — Новой Гвинее самоуправления к 1970 г. или к другой дате является «нереалистическим подходом... и правительство отвергает его; я решительно заявляю перед парламентом, что правительство не планирует ухода к этой дате или любой другой дате...» [45, 7.V.1963].

В январе 1964 г. на открытии Летней школы Совета по обучению взрослых в Папуа—Новой Гвинее Хэзлак вновь подчеркнул, что Австралия всегда отказывалась объявить дату предоставления самоуправления этим территориям [500, 6. I. 1964]. В начале апреля 1969 г. министр по делам внешних территорий Бернс решительно заявил, что в предстоящее семилетие австралийское правительство не намерено предпринимать какие-либо серьезные шаги в области политического развития Папуа — Новой Гвинеи. «С моей точки зрения, — откровенно признавался министр, — не должно быть сколько-нибудь значительного конституционного развития территории».

В то же время правящие круги Австралии долгое время не собирались что-либо менять в старых колониальных методах управления территорией, совершенно игнорируя принципы Устава Организации Объединенных Наций. Целью неоколонизаторов было слияние воедино управления колонией Папуа* и подопечной территорией Новая Гвинея. Уже законопроект 1948 г. «Акт о Папуа и Новой Гвинее» предусматривал их совместное управление одной общей администрацией.

Действия австралийских властей вызвали в Совете по опеке протест со стороны представителей неуправляющих властей, и в первую очередь Советского Союза. В замечаниях по первому докладу Совета по опеке о Новой Гвинее представитель СССР указывал, что «советская делегация рекомендует правительству Австралии не проводить законопроекта об объединении подопечной территории Новая Гвинея с соседней австралийской колонией Папуа, а также рекомендует создание особой администрации для подопечной территории Новая Гвинея. Кроме того, необходимо, чтобы управляющая власть провела надлежащие законодательные и административные мероприятия, которые содействовали бы созданию и развитию туземных органов самоуправления на основе народного представительства» [33, 1948, 173].

Тем не менее австралийские власти вопреки воле ООН осуществили намеченные ими мероприятия. Закон 1949—1957 гг. о Новой Гвинее и Папуа предусматривал их совместное управление. Вся полнота власти оказалась в руках ад-

* Австралийская колония Папуа занимает юго-восточную часть острова Новая Гвинея площадью 234,5 тыс. *кв. км*. Население — 0,6 млн. человек.

министратора, при котором создавался Исполнительный совет, состоявший из девяти должностных лиц администрации территории, назначавшихся генерал-губернатором Австралийского Союза на установленный им же срок. Под общим руководством администратора функции управления осуществлялись 14 департаментами. Территория была разделена на девять округов, каждый из которых управлялся окружным комиссаром, являвшимся представителем администратора и главным должностным лицом, ответственным за общее управление и координацию деятельности всех департаментов в пределах данного округа.

Был образован Законодательный совет Папуа и Новой Гвинеи. В него вошли администратор, 15 должностных лиц, три выборных члена, три члена по назначению, три члена, представляющих христианские миссии, три члена из числа коренных жителей, из которых двое назначались от подопечной территории. Все члены совета, за исключением трех выборных членов, назначались генерал-губернатором по представлению администратора.

Законодательный совет был уполномочен издавать декреты, касавшиеся поддержания законности, порядка и обеспечения надлежащего управления территорией. Они вступали в силу после утверждения их администратором, но некоторые декреты не могли утверждаться администратором и должны были представляться на утверждение генерал-губернатора.

Как видим, система управления строилась таким образом, чтобы всю полноту власти безраздельно сосредоточить в руках управляющей власти, свести на нет участие в управлении представителей коренного населения. Мы видим, что даже такой орган, как Законодательное собрание, члены которого столь строго отбирались австралийскими властями и который ни в коей мере не мог называться представительным собранием, обладал ничтожными полномочиями, все принимаемые им акты подлежали последующему утверждению управляющей властью.

Требование увеличить представительство в Законодательном совете настойчиво выдвигалось коренным населением территории. Совет по опеке многократно рассматривал эту проблему на своих сессиях и «выражал надежду», что управляющая власть внемлет голосу народа Новой Гвинеи. В адрес выездной миссии, посетившей территорию в 1959 г., поступили многочисленные заявления от коренных жителей относительно представительства в Законодательном совете.

На вопрос членов выездной миссии о том, почему не расширяется представительство в Законодательном совете, министр территорий Австралии, т. е. член австралийского кабинета, на которого возложено проведение правительственной

политики в Новой Гвинее, ответил, что трудность заключается, во-первых, в оппозиции некоренного населения в этом вопросе, и, во-вторых, в том, чтобы найти коренных жителей, которые были бы способны принимать активное участие в работе совета. «Каждый раз, — говорил министр, — как встает вопрос о назначении коренных жителей в число членов совета, оказывается трудным делом найти подлинно компетентных представителей, ввиду того что некоторые из лучших элементов коренного населения являются государственными служащими и, как таковые, не имеют права состоять членами совета. Среди остальных насчитывается не более двенадцати человек, которые имеют достаточный опыт в выступлении на собраниях или были бы достаточно осведомлены о делах, чтобы принимать активное участие в работе Законодательного совета» [32, 37—38].

Это циничное заявление члена австралийского правительства хорошо иллюстрирует политику управляющей власти в деле подготовки народа Новой Гвинеи к самоуправлению и независимости. Среди почти полуторамиллионного населения территории после 40 лет австралийского управления невозможно, по мнению министра, найти нескольких человек для включения в состав Законодательного совета! И это среди народа весьма способного, о чем свидетельствовал еще 90 лет назад замечательный русский ученый Н. Н. Миклухо-Маклай, хорошо его изучивший.

Даже выездная миссия ООН, возглавлявшаяся чанкайшистом, следующим образом выразила свое отношение к заявлению министра: «Миссия считает, что администрация проявляет излишнюю консервативность в предъявляемых ею к коренным жителям требованиях в отношении их квалификации для назначения в Законодательный совет. С ее точки зрения, администрация ничем особенно не рискует, если новый член совета не будет обладать достаточным опытом в публичных выступлениях, не будет осведомлен о делах или же окажется не в состоянии принимать активное участие в работе совета. Никакого вреда, по мнению миссии, не будет в том, что во время периода обучения, который администрация считает для них необходимым, все большее число коренных жителей будет знакомиться с парламентской практикой и порядками Законодательного совета. Миссия полагает, что работа в совете позволит им приобрести необходимый опыт и знания. Она уверена в том, что в подопечной территории есть лица, которые оказались бы в совете более чем номинальными членами, и надеется, что при намеченном пересмотре состава совета число его членов из коренного населения будет увеличено» [32, 38].

Насаждая свой административный аппарат и проводя различного рода административные меры, австралийские власти

не считались с интересами и нуждами коренного населения территории. Это приводило к кровавым последствиям. Характерен эпизод, происшедший в деревне Навунерам вблизи Рабаула.

В 1958 г. управляющая власть ввела в Новой Гвинее личный налог. Население Навунерама отказалось его платить. Власти начали принуждать население к уплате налога. 23 июня произошло столкновение: должностные лица на основании приказа, уполномочившего их это сделать, пытались захватить в Навунераме товары за неуплату налога. Население Навунерама отняло захваченные товары. После этого управляющая власть приняла решение о том, чтобы употребить силу для поддержания «порядка» и «законности» и начать судебное преследование лиц, отказывающихся платить налог. Суд в составе представителей Департамента по делам коренного населения собрался 4 августа в деревне Навунерам. Жителям деревни приказали уплатить налог. Когда те отказались, полиция приступила к арестам. Встретив сопротивление населения, полицейские открыли огонь. Была пролита кровь жителей деревни.

В докладе Совета по опеке за 1963—1964 гг. вновь отмечались многочисленные случаи отказа коренных жителей платить налоги, устанавливаемые австралийской администрацией. Управляющая власть жестоко подавляла эти выступления. Так, лишь среди жителей небольшого острова Новый Ганновер было арестовано и осуждено около 150 человек. Несмотря на это, коренное население продолжало упорствовать. Тогда на остров был послан отряд полиции. Население организовало демонстрацию, против которой полиция применила слезоточивые бомбы. Были произведены новые аресты.

Волнения на территории не затихают. В декабре 1969 г. на острове Новая Британия произошли открытые выступления местных жителей против произвола управляющих властей. Волнения начались после того, как австралийские власти ввели в совет племени толай европейцев. Коренные жители рассматривали этот акт как дальнейшее усиление господства колонизаторов. В знак протеста были организованы мирные демонстрации. Власти сочли эти демонстрации достаточным поводом, чтобы ввести на остров почти тысячу полицейских и начать массовые аресты.

Под давлением коренных жителей территории, под воздействием критики в ООН управляющая власть вынуждена была объявить и в этом отдаленном уголке мира наступление эры «реформ».

Изменения в органах управления территорией свелись к следующему. Исполнительный совет был заменен Администраторским советом. В него вошли администратор, три официальных члена Законодательного собрания и три неофи-

циальных, из которых по крайней мере два должны были быть выборными членами. Законодательный совет по новому положению состоял из администратора, 14 официальных членов, 12 выборных и 10 назначенных членов. Шесть выборных членов избирались коренными жителями территории и шесть — некоренными. Десять назначаемых членов должны были включать не менее пяти из числа лиц, имевших местожительство на подопечной территории, и не менее пяти — от коренного населения.

Эти «реформы» хотя и несколько увеличивали число выборных представителей в центральных органах управления территории, но никак не меняли положения по существу и целиком сохраняли политику дискриминации в отношении коренного населения. Достаточно сказать, что почти 1,5 млн. человек коренного населения территории имело в составе Законодательного совета 11 представителей, а 15 тыс. иностранцев — 26 представителей. Компетенция Законодательного совета, даже в таком «безопасном» для управляющей власти составе, не была расширена, и совет по-прежнему оставался в полной зависимости от австралийских властей.

Управляющая власть не принимала сколько-нибудь действенных мер по подготовке лиц из числа коренного населения к государственной службе. Индийский представитель в Совете по опеке справедливо отмечал в своем выступлении на 27-й сессии совета в июле 1961 г., что «общее число служащих-новогвинейцев все еще крайне мало и им до сих пор не удается занять серьезных постов в государственном аппарате» [64, 1. VII. 1961, 47].

В апреле — мае 1962 г. выездная миссия ООН (миссия Фута) посетила подопечную территорию Новую Гвинею. По ее докладу Совет по опеке в июле 1962 г. вынес рекомендации, существо которых в области политической сводилось к тому, чтобы избрать к концу 1963 г. новый Законодательный совет в составе 100 человек, в основном из представителей коренного населения. Премьер-министр Австралии Мензис, выступая по телевидению 31 июля 1962 г., назвал это предложение «лишенным смысла» [487, vol. XXXIII, September 1962, № 2, 18].

На решения Генеральной Ассамблеи ООН о скорейшей ликвидации колониального режима правительство Австралии неизменно отвечало отказом, ссылаясь на свои «высокие обязательства» в отношении островитян.

Однако австралийскому правительству становилось все труднее игнорировать решения органов ООН, относящиеся к Новой Гвинее и Папуа, и оно было вынуждено прибегнуть к политическим маневрам.

В 1963 г. австралийский премьер-министр Мензис посетил Папуа — Новую Гвинею. Его визит должен был продемон-

стрировать, что Австралия «воспринимает свою ответственность серьезно» [503, 5.IX. 1963].

В этом же году австралийский парламент принял «Закон о Папуа — Новой Гвинее», вносящий изменения в организацию законодательного и исполнительного органов территории.

Закон 1963 г. предусматривал создание вместо Законодательного совета Палаты ассамблеи, состоящей из 64 членов: 10 членов — официальных, назначаемых австралийскими властями из числа правительственных чиновников, 10 других членов из числа европейцев избираются в закрытых округах, где кандидатуры выставляются только европейцами, остальные 44 члена избираются в открытых округах, в которых могут выставлять кандидатуры как европейцы, так и коренное население.

Кворум в палате — 22 члена. Для решения рассматриваемых вопросов необходимо простое большинство, но в законе не говорится — от числа полного состава палаты или кворума. Решения палаты утверждаются администратором территории. Он имеет право отклонить решение и вернуть его на новое рассмотрение. Все решения палаты по наиболее важным вопросам, а также те, которые, «по мнению администратора, не находятся полностью в соответствии с договорными обязательствами правительства Австралии», по соглашению об опеке «передаются на утверждение генерал-губернатора Австралии». Генерал-губернатор может в течение шести месяцев или утвердить то или иное решение, или отклонить его, или возвратить администратору со своими рекомендациями и поправками.

Из компетенции Палаты ассамблеи полностью изъяты такие вопросы, как оборона, государственная служба, условия найма местных жителей, распределение земли, вопросы иммиграции и депортации, даже некоторые вопросы брачно-семейных отношений (например, вопросы расторжения брака). Все эти вопросы целиком подчинены юрисдикции австралийского правительства [45, 1366].

Совет при администраторе по закону 1963 г. состоит из администратора и 11 членов, в том числе семи неофициальных, пять из которых — коренные жители.

Из изложенного видно, что австралийское правительство вынуждено было пойти на дополнительное расширение представительства коренных жителей в высших органах управления территорией. Это явилось результатом непрекращавшегося давления прогрессивных сил в ООН. Коренные жители прекрасно это поняли.

В период предвыборной компании один из кандидатов в члены Палаты ассамблеи от коренных жителей — Оала Раруа, выступая в округе Порт-Морсби, сказал, что «Австра-

лия вынуждена была пойти на учреждение в Папуа и Новой Гвинее парламента под нажимом Организации Объединенных Наций» [491, 7. II. 1964].

Но в то же время совершенно очевидно, что, идя на некоторые уступки, австралийское правительство сохранило в неприкосновенности существовавшее положение. Это ясно и буржуазным ученым. Так, анализируя маневры австралийского правительства с реорганизацией законодательного органа Папуа — Новой Гвинеи, американский ученый М. Лейфер писал: «Парламент по смыслу недавних предложений может быть лишь фасадом, имитирующим то белое здание в Канберре, которое само в весьма многих отношениях является только фасадом» [485, vol. XXXVI, 1963, № 3, 261].

Вполне понятна неудовлетворенность коренных жителей территории новым законом. Об этом убедительно сказал во время своего пребывания в Австралии в январе 1963 г. член Законодательного совета от коренных жителей Джон Гиз: «Вы можете спросить меня, что я предлагаю. Во-первых, большая часть решений по политическим вопросам должна быть перенесена из Канберры в Порт-Морсби. Во-вторых, представители коренного населения должны принимать участие в законодательной деятельности на самой ранней стадии... Эти изменения должны быть сделаны немедленно. Необходимо сократить время для создания собственного ответственного правительства» [485, vol. XXXVI, 1963, № 3, 262].

Однако австралийское правительство на дальнейшие уступки не пошло. Реакция Совета по опеке на действия Австралии вследствие позиции, занятой колониальными державами и сочувствующими им членами совета, была вялой.

Лишь представитель Советского Союза выступил с разоблачением лицемерных действий австралийского правительства. «Власть Палаты ассамблеи,— заявил он,— чрезвычайно ограниченна, поскольку генерал-губернатор и австралийское правительство сохраняют полный контроль над территорией и имеют право изменять или налагать вето на любой закон, принятый палатой... Если палате не будет дана власть утверждать законы и регулировать жизнь на территории и если ей не будут даны законодательные функции, а австралийские власти в то же время сохранят свою не ограниченную сейчас власть над территорией, существо происшедших изменений будет весьма слабым и Палата ассамблеи будет фактически орехом без ядра... Основная проблема политического развития территории, а именно создание представительного парламента, наделенного всей полнотой власти, который явится краеугольным камнем будущего независимого государства, осталась нерешенной» [64, 27.VI.1963—29.VI.1964, 11].

Советский представитель внес проект резолюции в повестку дня 1239-го заседания Совета по опеке. В ее преамбуле выражалось сожаление, что, как показал ход обсуждения, управляющая власть не предприняла необходимых шагов для передачи всей власти народу территории в соответствии с § 5 Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам, принятой на XV сессии Генеральной Ассамблеи 14 декабря 1960 г. В постановляющей части проекта резолюции предлагалось: а) подтвердить неотъемлемое право народа Папуа и Новой Гвинеи на самоуправление и независимость в соответствии с Декларацией; б) потребовать от управляющей власти выполнить постановления Декларации в Папуа и Новой Гвинее как можно скорее и во всяком случае не позднее чем к 20-й годовщине ООН; в) призвать управляющую власть предпринять, в частности, срочные меры для передачи всей законодательной власти на территории Палате ассамблеи и запретить дискриминационные пункты избирательного закона, которые предусматривают официальные и специальные места в Палате ассамблеи для австралийцев; г) просить Генерального секретаря ООН дать указание директору информационного центра в Порт-Морсби довести эту резолюцию до сведения народа Папуа и Новой Гвинеи [64, 27.VI.1963—29.VI.1964, 23].

Колониальные державы добились отклонения этого проекта резолюции [64, 27.VI.1963—29.VI.1964, 22].

Выборы в Палату ассамблеи состоялись в феврале—марте 1964 г. Недовольное новым законом коренное население территории в ряде мест, по существу, бойкотировало выборы, причем использовало для этого весьма своеобразные формы. Так, в районе Новой Ирландии возникло движение, названное «культом Джонсона». Подавляющее большинство избирателей отказалось голосовать за выставленных кандидатов, заявив, что они желают иметь своим представителем в палате только президента США Джонсона, полагая, что в этом случае им удастся успешно отстаивать свои права. Несмотря на нажим властей, в голосовании приняло участие всего лишь 25% избирателей.

В 1965 г. подопечную территорию Новая Гвинея посетила выездная миссия ООН. В беседах с членами миссии ряд членов Палаты ассамблеи прямо высказывали недовольство ходом политического развития территории. Они в один голос заявляли о необходимости принятия конституции, предусматривающей расширение прав коренного населения, ибо «в противном случае территория будет иметь неприемлемую форму самоуправления, навязанную ей администрацией» [65, T/1635, 28.V.1965, 18].

Во время дебатов, развернувшихся на заседании палаты 22 января 1965 г., многие ее члены высказывались за созда-

ние специального комитета по политическим делам, целью которого и была бы разработка проекта конституции территории [65, T/1635, 28.V.1965, 65].

Члены палаты от коренного населения упорно подчеркивали, что «любая конституция для Папуа и Новой Гвинеи должна быть разработана на самой территории и основываться на воле народа. Папуа и Новая Гвинея не должны быть поставлены в положение, когда нет другой альтернативы, кроме принятия конституции, спешно составленной в Канберре и навязанной нам». Они также говорили о том, что специальный комитет по политическим делам не должен произвольно управляться из Канберры министерством территорий. Он должен отвечать только перед Палатой ассамблеи Папуа и Новой Гвинеи [65, T/1635, 28.V.1965, 66]. Оценивая такую позицию членов палаты, следует иметь в виду, что австралийские власти во время выборов позаботились о том, чтобы состав членов палаты от коренного населения был максимально лояльным по отношению к ним. Кроме того, управляющая власть проявила необычную щедрость в оплате деятельности членов палаты. Они получают весьма высокий по местным условиям оклад — 950 ф. в год плюс 5 ф. и 5 шилл. за каждый день работы палаты и еще ряд вознаграждений и льгот [500, 21.V.1964]. Десять членов палаты, включая лидера выборных членов Д. Гиза и его заместителя Толимана, назначены на должности в административном аппарате с дополнительным окладом 1300 ф. в год.

При всей благожелательности, проявленной миссией ООН к управляющей власти, она не могла не отметить отсутствие действительного желания последней форсировать политическое развитие территории к самоуправлению, не говоря уже о независимости. Это проявляется в том, что австралийские власти по-прежнему не допускают коренных жителей к занятию сколько-нибудь важных постов в администрации. «Имеется лишь несколько новогвинейцев на значительных постах в администрации и ни одного на ключевых позициях,— говорится в отчете миссии.— В сфере исполнительной власти ожидается, что один туземный чиновник достигнет положения помощника районного начальника к 1967 г. и три — к 1969 г. В настоящее время имеются три туземных патрульных офицера и семь туземных патрульных офицеров подготавливаются. С другой стороны, исполнительная власть и ключевые позиции на гражданской службе находятся полностью в руках управляющей власти» [65, T/1635, 28.V.1965, 70].

В своих выводах, составленных в весьма осторожных выражениях, миссия все же вынуждена была записать: «Не должно иметь места дальнейшее неоправданное откладывание в принятии методов, которые порвут с прямой и настав-

нической формой управления... По мнению миссии, принятие подобного направления действий, по-видимому, ускорило бы гармоничный переход в течение будущего развития территории. Образованная молодежь страны не будет, вероятно, действовать тем же путем, как их старшие, чьи желания являются неизбежно более ограниченными, а поступки часто сдержанны» [65, T/1635, 28.VI.1965, 6].

В этой связи миссия предложила, чтобы «управляющая власть и Палата ассамблеи пришли к соглашению, в силу которого последняя действительно будет в состоянии осуществлять прерогативы, для которых она создана» [65, T/1635, 28.VI.1965, 102]. Миссия также рекомендовала «немедленно выбрать среди коренных жителей территории тех, чья личная квалификация позволяет им занять важные посты в центральной и окружной администрации, и назначить их на эти посты после короткой подготовки» и «вообще предпринять специальные и ускоренные меры... для подготовки коренных жителей территории к занятию ключевых позиций на гражданской службе» [65, T/1635, 28.V.1965, 103].

Под воздействием мировых прогрессивных сил и усилившегося на территории движения за самоуправление австралийские власти пошли на дальнейшее расширение представительства коренного населения в Палате ассамблеи. Выборы в палату в феврале — марте 1968 г. проходили на измененной основе. Общее число членов палаты было увеличено до 94, в том числе представительство местных жителей увеличено с 44 до 69. Но компетенция палаты по-прежнему оставалась в сущности иллюзорной.

Одновременно был реорганизован высший исполнительный орган территории. Вместо Исполнительного совета был создан Совет при администраторе, куда было включено несколько представителей коренного населения.

Однако эти небольшие изменения в системе управления ни в коей мере не привели к развитию самоуправления в Папуа — Новой Гвинее. Посетившая территорию в 1968 г. выездная миссия ООН прямо это констатировала [65, 1678, 22.V.1968, 53—56].

Недовольство коренного населения системой австралийского управления территорией растет из года в год. В период выборных кампаний в Палату ассамблеи в Папуа — Новой Гвинее возникали политические группировки, выступавшие за ускорение предоставления территории самоуправления. Наиболее сильной среди них оказалась «Пангу-Пати», проведшая в 1968 г. в Палату ассамблеи 11 своих членов.

Несмотря на препятствия, чинимые австралийскими властями, на территории растет профсоюзное движение. В 60-х годах в Папуа — Новой Гвинее проходили забастовки рабочих и служащих из коренного населения, требовавших улуч-

шения условий труда. В 1967 г. на территории действовало 12 профсоюзных организаций, объединявших 13 тыс. членов.

Еще более печальную картину являет собой экономическое положение Папуа — Новой Гвинеи.

Мы уже упоминали о громких фразах, содержащихся в заявлениях австралийского правительства о своем долге перед Папуа — Новой Гвинеей.

Однако между словами и делами австралийской управляющей власти «дистанция огромного размера».

Совет по опеке многократно рассматривал состояние экономики территории и обязывал австралийское правительство принять меры к развитию промышленности и сельского хозяйства.

Несмотря на это, промышленность до сих пор находится в зачаточном состоянии.

Управляющая власть объявила, что усилия сосредоточатся на развитии сельского хозяйства Новой Гвинеи, так как это обеспечит средства к удовлетворению жизненных потребностей увеличивающегося населения и создаст основу для народного хозяйства, которое будет в состоянии обеспечивать все виды социального обслуживания, нужные территории [33, 1960, 187].

Представители австралийского правительства заявили даже о создании перспективных планов развития экономики Папуа — Новой Гвинеи. Но на деле оказалось, что таких планов не существовало. «Во время своих бесед с администратором в Порт-Морсби и с государственным министром по делам территорий в Канберре миссия была поражена отсутствием всестороннего и объединенного плана развития»,— отмечалось в докладе выездной миссии ООН 1959 г. [32, 60].

Особое место в развитии сельского хозяйства территории должна была занять подготовка квалифицированных кадров, владеющих современными методами сельскохозяйственного производства. Однако формальная подготовка, которую департамент сельского хозяйства проводил, например, в 1959 г., состояла из одногодичного курса в Магери (Папуа), который посещало девять человек из подопечной территории [32, 64].

В 1963—1964 гг. 19 коренных жителей проходили обучение в департаменте рыболовства, а в декабре 1964 г. шесть коренных жителей окончили школу лесоводства. Лишь в начале 1965 г. первый коренной житель Новой Гвинеи окончил Австралийский университет со званием бакалавра сельскохозяйственных наук.

Число учащихся технических школ составило в 1967 г. всего 1202 человека, увеличившись за пятилетие (1962—1967) лишь на 663 человека [65, 1968, 90].

Понятно, что такие темпы подготовки специалистов никак не могут удовлетворить потребности территории. Вообще положение с образованием и подготовкой кадров из коренного населения в Папуа — Новой Гвинее крайне плачевное.

В июне 1969 г. министр по делам внешних территорий Бернс сообщил в палате представителей, что в Папуа — Новой Гвинее имеется 415 тыс. детей в возрасте от 6 до 16 лет, из которых школы посещают 210 тыс., причем в государственных школах учится 75 тыс., а в миссионерских — 135 тыс. [487, June 1969, 47]. Необходимо иметь в виду, что миссионерские школы настолько плохи, что даже австралийские власти подвергают их сильной критике. Школы эти преимущественно одноклассные, преподают в них лица с очень низкой квалификацией, зачастую не имеющие никакого педагогического образования.

Детей в возрасте от 13 до 16 лет на территории 198 тыс., из них школы посещают лишь 20 тыс. (7,5 тыс. учится в миссионерских и 12,4 тыс.— в правительственных школах) [487, June 1969, 47].

«Нынешнее правительство находится у власти с 1949 г.,— писал австралийский ученый Керр,— и соответственно будет рассматриваться в глазах истории как правительство, прямо ответственное за то, что случилось в Новой Гвинее» [473, vol. 18, December 1964, № 3, 275].

Однако австралийское правительство это, по всей вероятности, не смущает. «Наши расходы в Папуа и Новой Гвинее,— говорил в 1964 г. в своей речи в австралийском парламенте член палаты представителей Бизли,— составляют 28 млн. фунтов... Из этой суммы немногим более 3 млн. фунтов идет на образование. Папуа и Новая Гвинея имеют больше детей школьного возраста, чем штат Виктория. Но расходы на образование, начиная от университетского и кончая начальным, как государственные, так и частные, в штате Виктория составляют 65 млн. фунтов... Новая Гвинея не будет подготовлена к независимости на этой основе и через 50 лет...» [45, 13.VIII.1964].

Видимо, это последнее и имеет в виду австралийское правительство, проводя свою политику в области образования на территории, где и сейчас около 90% взрослого населения неграмотно.

Намеченной австралийскими властями пятилетней программой развития территории число учащихся в начальных школах должно достичь к 1973 г. 240 тыс. человек, т. е. попрежнему половина детей будет находиться вне школы. Выездная миссия ООН, посетившая Папуа — Новую Гвинею в 1968 г., констатировала в своем докладе Совету по опеке крайне неблагополучное положение с развитием образования на территории [65, 1968, 89—90].

Сельское хозяйство Новой Гвинеи шло по обычному для колониальных стран пути. Развивались отрасли, имеющие экспортное значение и служащие обогащению колонизаторов, занимающих в них ключевые позиции. По официальным данным за 1960 г., при общей сумме экспорта 25,5 млн. австрал. долл. стоимость экспорта копры составила 9 млн. австрал. долл., т. е. более $^1/_3$.

Интересно отметить, что в организации, монополизирующей торговлю копрой в Новой Гвинее и Папуа — Copra Marketing Board, как указывалось в докладе Совета по опеке за 1961 г., не было ни одного представителя от коренного населения этих территорий, в то время как от европейцев было трое [64, 1.VII.1960—19.VII.1961, 50].

Коренное население территории жестоко страдает от нехватки земли вследствие постоянного отчуждения ее управляющей властью в пользу иностранных юридических и физических лиц. Большую остроту приобрел земельный вопрос на полуострове Газель, в Восточном Нагорье и других районах. Особое возмущение населения вызывает то обстоятельство, что отчужденные земельные площади зачастую не используются.

Австралийские власти, несмотря на неоднократные решения Совета по опеке, продолжают политику отчуждения земель. В 1960 г. администрация сдала в аренду 8 тыс. акров земли новым арендаторам, не принадлежащим к коренному населению. В 1961 г. управляющая власть захватила еще 8215 акров земли, а 11 004 акра передала в аренду, из них 7729 акров было передано иностранным юридическим лицам, 1472 акра — иностранным миссиям и только 538 акров — новогвинейцам [64, 1.VII. 1960—19.VII. 1961, 51].

Процесс отчуждения земель в пользу иностранцев все увеличивается. Австралийская газета «Обсервер» в декабре 1960 г. писала: «За полвека колониального хозяйничанья Австралии и Германии в Новой Гвинее площадь, приобретенная разными путями у коренного населения, составила 2,5 млн. акров, а за последние 10—12 лет отчуждено почти 1 млн. акров, причем, как указывалось в жалобах папуасов, эти земли приобретались обманным путем: скупались за бесценок и границы купленных участков расширялись после сделки».

О неблагополучном положении с распределением земельных участков сообщает и выездная миссия ООН, посетившая Папуа — Новую Гвинею в 1968 г. [65, 1968, 76—78].

Говоря о сельском хозяйстве территории Папуа, следует иметь в виду наличие двух систем хозяйств: туземной и европейской. Причем доля участия коренных жителей даже в сельскохозяйственном производстве, где их вклад наибольший, крайне мала: так, в 1959/60 г. их доход от сельскохозяй-

ственного производства равнялся лишь 9% всего дохода территории [473, vol. 17, December 1963, № 3, 308].

В общей стоимости экспортированных территорией в 1965/66 г. товаров на сумму 50 млн. долл. доля товаров, произведенных коренными жителями, составляла менее 40%.

Туземный метод ведения земледелия — подсечно-огневого типа. Расчищаются от деревьев и зарослей небольшие участки земли. Снимается, как правило, один урожай, а затем в течение длительного периода земля остается под паром. Этот период настолько продолжителен, что участки успевают опять зарасти густой растительностью, пока земледельцы вновь вернутся к их обработке. Вообще при общей площади территории Папуа и Новой Гвинеи 183 540 кв. миль обрабатывается лишь 27 тыс. кв. миль, или 15%, при этом 15% всей площади обрабатываемой земли принадлежит иностранцам.

Главными культурами в туземных хозяйствах являются рис, какао, кофе, кокосовые и земляные орехи. Урожаи из-за крайне отсталых методов ведения земледелия чрезвычайно низкие.

Европейцы ведут на территории плантационное хозяйство. Основным продуктом является копра. Все вопросы, связанные с производством и торговлей копрой, находятся в руках управления по сбыту копры (Copra Marketing Board). Минуя эту организацию, ни одно лицо не имеет права вывозить копру с территории. На плантациях производятся также такие продукты, как каучук, кофе, какао, рис и чай, имеющие ценность как экспортные товары. Эти продукты целиком вывозятся из страны.

Структура экспорта в последние годы несколько изменилась. Значительно повысилась доля таких продуктов, как кофе и какао. Так если общий экспорт за 1966/67 г. составил 40,3 млн. австрал. долл., то стоимость проданной копры равнялась 13,8 млн., кофе — 10,1 млн., какао — 9,3 млн. австрал. долл. [60, 1968, № 54, 1215]. Но это происходит опять-таки не за счет развития туземных хозяйств, а главным образом в связи с расширением плантаций.

Европейские колонизаторы совершенно не заботятся о развитии сельского хозяйства территории таким образом, чтобы оно удовлетворяло нужды населения. Положение со снабжением населения продуктами питания становится с годами все хуже и хуже. Территория вынуждена ввозить жизненно необходимые сельскохозяйственные продукты, хотя имеет полную возможность производить их на месте.

Не в лучшем положении находится и животноводство. «Территория,— пишет Б. Эссей, в течение 10 лет работавший в администрации Папуа и Новой Гвинеи,— не может удовлетворить своих потребностей в мясе, и импорт его в Папуа

и Новую Гвинею из Австралии прогрессивно возрастает в течение последних 20 лет как в количественном отношении, так и в цене» [273, 120].

Аналогичное положение с рыболовством. «Вообще говоря,— отмечает Б. Эссей,— коммерческого рыболовства на территории не существует... Некоторая торговля рыбой имеет место между жителями береговой полосы и жителями внутренних районов... Но эта торговля незначительна» [273, 126—127].

Среди природных ископаемых Папуа наиболее существенную роль играет золото. Месторождение золота, как уже отмечалось, впервые было открыто в районе Порт-Морсби в 1877 г. Однако к настоящему времени природные запасы золота в значительной мере истощены. Добыча золота неуклонно падает: если в 1959/60 г. было вывезено золота на 1410 тыс. австрал. долл., то в 1966/67 г.— на 893 тыс.

На территории имеются также небольшие месторождения железа, меди, никеля, свинца, цинка, марганца, платины, бурого угля, которые почти не разрабатываются. Еще в 1911 г. в Папуа была обнаружена нефть, но до сих пор еще не выяснено, имеются ли на территории промышленные запасы нефти.

Таким образом, за время англо-австралийского господства в Папуа экономика страны не претерпела сколько-нибудь значительных изменений к лучшему: современной промышленности по-прежнему нет, сельское хозяйство находится на таком уровне, что не в состоянии удовлетворить даже самые минимальные потребности населения.

Австралийские власти любят говорить о том, что они управляют Папуа и Новой Гвинеей из чисто альтруистических целей и что это обходится им весьма дорого: они расходуют большие средства на общественные работы и строительство. В действительности это совсем не так. По австралийскому федеральному бюджету 1960/61 г. расходы на развитие Папуа и Новой Гвинеи составили 14,5 млн. ф. ст., т. е. 1% всей расходной части бюджета [495, 27.IV.1961], хотя население этих территорий составляет 20% населения Австралии. При этом следует иметь в виду, что основная часть этих средств тратится не на развитие промышленности и жилищное строительство, а на сооружение административных зданий для размещения колониальных властей, содержание колониальной администрации, строительство аэродромов, портов и дорог и других объектов, имеющих военное значение.

В то же время в Папуа и Новой Гвинее австралийские предприниматели получают большие прибыли. «Ежегодно из Папуа и Новой Гвинеи,— заявил член австралийского парламента Бизли,— уплывает капитал на сумму 5 млн. фунтов — в основном с плантаций» [45, 13.VIII.1964]. Австралийские

компании на этих территориях растут как грибы. С июня 1955 по июнь 1960 г. число зарегистрированных компаний увеличилось с 261 до 477, а их номинальный капитал — с 32,5 млн. до 67,7 млн. ф. ст. Господствующее положение на территориях занимают три австралийские монополии: «Бернс Филпенд Компани», «У. Р. Карпинтер» и «Стимшип Трейдинг Компани». Капитал этих трех компаний составил в 1960 г. 10 млн. ф. ст., увеличившись за 10 лет в 4 раза.

Компания «Бернс Филп» (капитал в 1960 г. 6 млн. ф. ст.) владеет 40 плантациями кокосовых пальм. Прибыли, полученные ею от продажи копры и других сельскохозяйственных продуктов, составили в 1959 г. 1330 тыс. ф. ст. Компания «У. Р. Карпинтер» (капитал в 1960 г. 2612 тыс. ф. ст., а в 1950 г.— всего 425 тыс.) монополизирует производство какао. Ее прибыли в 1959 г. равнялись 869 360 ф. ст.

Компания «Стимшип Трейдинг Компани» (капитал в 1960 г. 1 млн. ф. ст., а в 1950 г.— всего 300 тыс.) занимается производством каучука, кофе, какао, копры, а также контролирует все внешнеторговые операции и морские перевозки. Прибыли, полученные ею в 1959 г., составили 181 187 ф. ст.

Прибыли монополий продолжают расти. Так, за 1963/64 финансовый год прибыль компании «Бернс Филп» составила 1 661 176 фунтов, а акционерный капитал к маю 1964 г. увеличился до 9 млн. фунтов [487, vol. 35, September 1964, № 9, 123; vol. 35, June 1964, № 6, 119].

В Булоло (Новая Гвинея) имеется деревообделочная фабрика, которая ежегодно приносит компании чистый доход 160 тыс. фунтов [45, 15.V.1963].

В погоне за дополнительными прибылями капиталистические монополии создали в Папуа и Новой Гвинее чудовищную систему эксплуатации коренного населения. Выступая 3 октября 1963 г. в палате представителей австралийского парламента, лейборист Камерон сказал по этому поводу следующее:

«По сообщению министра по делам территорий, работающие не имеют права на получение ежегодного отпуска или какого-либо отпуска за длительную работу, и они не получают никакой дополнительной платы на иждивенцев. Я задал министру вопрос, получают ли новогвинейцы и папуасы, которые живут на зарплату, какое-либо пособие по безработице. Ответом явилось „нет“. Я попросил министра сообщить мне, разрешается ли рабочим плантаций, которые законтрактовались на работу в течение двух лет, возвращаться к своим семьям в течение этого двухлетнего периода. Ответом было „нет“... Какую зарплату получают эти рабочие плантаций? Они получают нищенскую подачку в 7 шилл. 6 пенсов в неделю на себя. Семейному человеку не полагается никакой дополнительной оплаты... Содержание оцени-

вается в 27 шилл. 6 пенсов в неделю, включая полную стоимость всех набедренных повязок, продовольствия и стоимости жилища. Это не плод моего воображения, это цифры, содержащиеся в официальном докладе австралийского правительства Совету по опеке ООН за 1960/61 г.».

В 1960 г. из общего числа 44 774 рабочих 30 899 получали 1 фунт 14 шилл. 4 пенса в месяц. Вместе с оплатой питания, одежды и жилищ это составляло 75—80 ф. ст. в год на рабочего и его семью [506, 5.X.1960; 45.I.1961]. Официальный же прожиточный минимум для семьи — 30 ф. ст. в месяц. При этом проводится грубая дискриминация в отношении оплаты труда рабочих из числа коренных жителей. Рабочие из коренного населения получают в 10—20 раз меньше белых рабочих [500, 23.VI.1960]. Но даже при такой нищенской оплате труда все мужчины из коренного населения старше 18 лет платят личный налог в размере 2 ф. ст. в год.

Привлекая внимание международной общественности, советский представитель заявил на заседании Совета по опеке в 1964 г.: «Существует дискриминация в оплате труда; только 7 тыс. из 56 тыс. работающих являются членами профсоюза; нет законодательства, регулирующего отношения между рабочими и работодателями; нет системы социального обеспечения» [64, 27.VI.1963—29.VI.1964, 19].

Выездная миссия, посетившая в 1965 г. территорию, сообщает о многочисленных заявлениях коренных жителей о грубой дискриминации в оплате труда, о заведомо заниженных ценах на сельскохозяйственные продукты, производимые местным населением. «Они считают,— говорится в докладе выездной миссии, что их жалованье и цены на их продукты слишком низкие, а цены на товары широкого потребления слишком высокие, чтобы создать условия удовлетворительного развития. Они хотят быть равными с австралийцами; они с беспокойством следят за всеми видами дискриминаций» [65, T/1635, 28.V.1965, 60].

В июне — сентябре 1963 г. Папуа — Новую Гвинею посетила миссия Международного банка реконструкции и развития. В своем докладе, составленном после подробного ознакомления с положением дел, миссия резко раскритиковала послевоенную деятельность австралийского правительства в области развития экономики территории. Ее предложения сводились к следующему: 1) Австралия должна значительно увеличить свои ежегодные ассигнования на развитие территории. Они должны составлять не менее 50 млн. фунтов; 2) поскольку, по мнению миссии, будущее территории в сельском хозяйстве и лесоводстве, необходимо основные капиталовложения направлять в эти отрасли, в частности должна быть поставлена задача увеличения поголовья скота в течение 10 лет до 300 тыс.; 3) большое внимание должно быть

уделено на территории расширению технического и высшего образования [487, January 1965, 41—45].

Миссия ратовала также за развитие туризма в Папуа — Новой Гвинее. При этом любопытно отметить, что в качестве приманки для иностранных туристов миссия указывала на то, что «в культурном отношении население территории лишь только недавно вышло из каменного века...» [487, January 1965, 121]. Хорошая косвенная оценка без малого столетней «культурной миссии» австралийцев в Папуа — Новой Гвинее!

Выездная миссия ООН 1965 г. в своем докладе подчеркнула необходимость для австралийского правительства серьезного изучения предложений миссии Международного банка. «Миссия надеется, что теперь, когда управляющая власть имеет предложения банка, она будет в состоянии в возможно короткий срок разработать определенный план сбалансированного экономического развития... Когда же такой план будет составлен и одобрен, его исполнение должно быть поручено управлению экономического развития, которое должно быть создано на территории и снабжено широкими полномочиями; этому управлению смогут помогать окружные комиссии, которые должны включать в себя представителей всех административных департаментов, и в пределах своего округа они будут осуществлять общую политику, принятую для всей территории. Коренные жители, естественно, должны быть представлены в этих комиссиях» [65, T/1635, 28.V.1965, 80].

Австралийское правительство вынуждено было выступить с заявлением о принятии предложений миссии Международного банка [65, T/1635, 28.V.1965, 6—9]. Оно даже несколько увеличило размер ежегодного финансирования территории (на 1965 г.) — до 28 млн. фунтов [65, T/1635, 28.V.1965, 8].

Но этот шаг свидетельствовал о том, что управляющая власть не думала всерьез о развитии территории, несмотря на пылкие словесные заявления. Ведь до этого ассигнования составляли 25 млн. ф., и, таким образом, никакого принципиального изменения не произошло. Что же касается самого размера ассигнований, то он был почти вдвое ниже цифры, названной миссией Международного банка, и во много раз меньше той суммы, которая необходима для реального развития территории. При этом следует иметь в виду, что 30% выделяемых средств уходило на содержание колониальной администрации (более 11 млн. фунтов в 1963/64 бюджетном году). Еще в 1963 г. австралийская газета «Геральд» писала: «В 1963/64 финансовом году бюджетные ассигнования на эти территории были увеличены до 25 млн. фунтов. Однако, по признанию печати, эта сумма в 10 раз меньше той, которая необходима для развития Папуа и Новой Гвинеи» [500, 4.IX.1963].

Для сравнения укажем, что ассигнования на развитие города Канберры с населением 77 тыс. человек на 1964/65 бюджетный год были утверждены в сумме 29 млн. фунтов.

Колонизаторы любят говорить о психических странностях, даже умственной неполноценности коренных жителей тихоокеанских островов. Часто в этой связи можно встретить «научные» рассуждения о так называемом товарном культе у туземцев Новой Гвинеи. Говорят о том, что влияние культуры «цивилизованных» стран на культуру туземцев привело к тому, что у них возникло чувство потерянности и тщетности. Это нашло проявление в «товарном культе», т. е. в навязчивой идее, что скоро прибудут большие запасы товаров и продуктов питания на кораблях, отправленных духами предков. Однако когда выездная миссия ООН 1959 г. стала выяснять, в чем тут дело, то вскоре даже ей стало ясно, что сущность этого мистического «культа» имеет весьма земные корни и кроется в крайней неудовлетворенности местного населения деятельностью или, вернее, бездеятельностью колонизаторов.

В своем докладе Совету по опеке члены миссии писали, что в различных частях территории они столкнулись с враждебным отношением населения к администрации. Оно выражалось в жалобах на то, что администрация не сумела помочь населению, и в требованиях, чтобы США, Англия или какая-либо другая страна помогли ему. В докладе приводится следующее высказывание одного из местных вождей как характерный пример выражения настроения коренных жителей: «Мужчины и женщины не считают свою жизнь удовлетворительной; когда пришли европейцы, люди стали думать. Они поняли, что их образ жизни хуже образа жизни европейцев, к которому они стремятся... Население считает, что европейский образ жизни в отношении питания, жизненного уровня и материального благополучия лучше, и не понимает, почему европейцы не помогли ему достигнуть такого жизненного уровня... Все народы Папуа и Новой Гвинеи недовольны тем, что администрация не сумела предоставить им то, чего они желают» [32, 13].

Знакомство с деятельностью управляющей власти в политико-экономической и социальной областях помогает понять коренных жителей острова, ждущих помощи лишь от духов своих предков. За долгие годы колониального рабства они достаточно хорошо убедились в том, что у цивилизованных «опекунов» никогда не найдут серьезной помощи и поддержки.

Последняя по времени выездная миссия ООН, посетившая Папуа — Новую Гвинею, в своем докладе Совету по опеке в мае 1968 г. зафиксировала многочисленные заявления коренных жителей территории о глубокой неудовлетво-

ренности действиями австралийской администрации в деле экономического развития территории [65, 1968, 12—50].

В последние годы австралийские власти вынуждены были пойти на увеличение ассигнований на Папуа — Новую Гвинею. На 1969/70 финансовый год расходы были предусмотрены в сумме 108,3 млн. австрал. долл [48, vol. 40, 1969, № 8, 458], т. е. они составляют менее 0,4% совокупного национального продукта Австралии и далеко не могут удовлетворить насущных нужд экономического развития территории.

Главной же заботой австралийских властей является укрепление стратегических позиций на острове. И тут они щедры в расходовании средств.

Как известно, территория Папуа — Новая Гвинея была включена в зону действия военного блока АНЗЮС. В коммюнике 11-й сессии Совета АНЗЮС, состоявшейся в Канберре 8—9 мая 1962 г., указывалось: «Министры обсудили события и будущее тихоокеанских территорий, подвластных правительствам — участникам АНЗЮС. Подтверждая обязательства о взаимной помощи, взятые в соответствии с договором Австралией, Новой Зеландией и США, министры обратили внимание на тот факт, что эти обязательства в случае вооруженного нападения распространяются не только на территорию метрополии любой из сторон, но также и на островные территории, находящиеся под юрисдикцией любого из трех правительств...» [48, May 1962, 7].

В общих военных приготовлениях Австралии значительное место занимает строительство военных объектов в Папуа — Новой Гвинее.

На территории создана широкая сеть военных аэродромов. Значительно увеличена численность расквартированного в Папуа — Новой Гвинее со времен второй мировой войны Океанийского полка. На территории постоянно проводятся маневры частей австралийской армии.

Принципиально та же политика проводилась австралийцами и на другой подопечной им территории — острове Науру.

Остров Науру занимает площадь 21 *кв. км,* население его составляет 6 тыс. человек, из них 3 тыс. науруанцев.

Эта маленькая территория тем не менее имела наибольшее число «опекунов»: Англию, Новую Зеландию и Австралию. Функции управляющей власти были возложены на Австралию.

Колонизаторов привлекали огромные залежи фосфатов. Остров представляет собой огромную естественную кладовую фосфатов.

В конце XIX в. специалист-химик, находящийся на службе Британской фосфатной компании, произведя анализ куска породы, привезенного из Науру агентом компании

в качестве сувенира, обнаружил в нем высокое содержание фосфата. Компания сразу заинтересовалась этим отдаленным островом, купила у ничего не подозревавших немцев — хозяев острова право на производство шахтных разработок и приступила к работам в 1906 г. [388, 219].

После первой мировой войны остров стал подмандатной территорией Англии, Новой Зеландии и Австралии, а после второй мировой войны перешел под их «опеку».

Управление территорией было возложено на администратора, ответственного перед австралийским правительством через министра по делам внешних территорий. Органов самоуправления, таких, например, как Законодательный совет или Исполнительный совет, на острове не существовало. Только администратор был уполномочен издавать декреты, касавшиеся поддержания мира, порядка и обеспечения управления территорией.

На острове имелся Науруанский совет местного управления, до 1951 г. именовавшийся Науруанским советом вождей. Он не имел какой-либо законодательной или административной власти, и его консультативные функции были ограничены. Совет состоял из девяти членов, избиравшихся на срок не свыше четырех лет. Возглавлялся он главным вождем, который выбирался советниками из числа членов совета. Интересно отметить, что с 1927 г., когда был учрежден совет, его функции совершенно не изменились, права его ни в коей мере не были расширены.

Когда выездная миссия ООН в 1959 г. посетила остров, Науруанский совет местного управления выдвинул конкретные предложения по расширению своих прав. Они сводились к следующему:

1. Постановления совета по некоторым вопросам, касающимся Науруанского жилищного плана, и по смежным вопросам должны носить окончательный характер.

2. Постановления совета по всем вопросам, касающимся контроля над деятельностью Науруанского кооперативного общества и управления им, должны носить окончательный характер.

3. Совету должно быть предоставлено право переводить ассигнованные средства из одной статьи бюджета в другую в рамках утвержденной бюджетной сметы совета без предварительного разрешения со стороны администратора.

4. Совету должна быть предоставлена полная власть в вопросах, касающихся вступления в состав членов науруанской общины и выхода из нее лиц, не являющихся науруанцами.

5. Совету должна быть предоставлена власть принимать решения по некоторым аспектам постановки дела образования науруанцев, не касаясь вопросов составления школьных

программ и их выполнения, и давать заключения относительно бюджета народного образования.

6. Совету должны быть предоставлены и другие полномочия, которые, по мнению компетентной власти, совет способен осуществлять, что вместе с тем поможет ему достигнуть своей окончательной цели — самоуправления [31, 16—22].

Предложения, выдвинутые Науруанским советом, носили самый элементарный характер, и, собственно говоря, они должны быть давно осуществлены, если бы управляющая власть выполняла свои функции по развитию территории к самоуправлению и независимости.

Однако управляющая власть не согласилась принять ни одного из перечисленных предложений совета.

Науруанский совет предлагал также, чтобы представитель или представители коренного населения подопечных территорий присутствовали на заседаниях Совета по опеке, когда обсуждается вопрос о положении на соответствующей территории, а также когда выездная миссия представляет свой доклад на обсуждение совета.

Это предложение вызвало резкий отпор со стороны австралийских властей, нашедший поддержку у выездной миссии ООН 1959 г. Но даже эта весьма лояльная к колонизаторам миссия не могла не записать в своем докладе Совету по опеке, что «она была настолько под впечатлением зрелости, проявленной некоторыми советниками из Науруанского совета местного управления, что она определенно считает: обе стороны извлекли бы пользу от привлечения науруанцев к работе австралийской делегации в Совете по опеке в качестве советника или консультанта на тех заседаниях, на которых обсуждается доклад выездной миссии о Науру» [31, 27].

После дискуссии по этому вопросу в Совете по опеке, на которой представитель СССР твердо отстаивал интересы науруанцев, управляющая власть вынуждена была согласиться с рекомендацией совета о привлечении представителей коренного населения острова в состав своей делегации и сообщила на 27-й сессии совета, что член Науруанского совета местного управления включен в состав австралийской делегации в качестве советника [64, 1.VII.1960—19.VII.1961, 67].

Вопрос о расширении компетенции Науруанского совета, о мерах управляющей власти, содействующих политическому прогрессу территории, много раз обсуждался в ООН. Практических последствий эти обсуждения и принимаемые по ним резолюции не имели вследствие упорного нежелания управляющей власти идти навстречу интересам науруанцев.

Управляющие власти, препятствуя развитию политических институтов подопечных территорий, обычно ссылаются на неподготовленность, неграмотность населения. Но на острове Науру в этом отношении отличная от других террито-

рий обстановка. Грамотность населения составляла 95%, оно было достаточно подготовлено к осуществлению функции самоуправления и, как отмечалось на заседаниях Генеральной Ассамблеи, «проявило необычайную способность к скорому развитию» [35, 41].

Однако австралийская управляющая власть нашлась и здесь. Искусственное затягивание политического развития территории она объясняла «заботой» о местных жителях, которые, несмотря на определенные успехи в своем развитии, якобы еще не овладели искусством самоуправления, не обладали «достаточной степенью зрелости для того, чтобы иметь высокоразвитую систему правления» [33, 213].

Политика австралийских властей объясняется на самом деле очень просто. Они старались продлить свое господство над островом на возможно более длительный срок, оградить интересы действительного хозяина территории — Британской фосфатной компании. Поэтому-то управляющая власть во всех своих отчетах указывала, что управление территорией проводится на основе соглашения, подписанного в 1919 г., по которому все права на разработку фосфатных залежей были переданы Британской фосфатной компании. Вся деятельность на территории и управление территорией контролировались чиновниками этой компании, они также управляли финансами острова. Администратор территории не имел права ни контролировать, ни вообще вмешиваться в деятельность компании.

Компания беззастенчиво расхищала природные богатства острова. «Экономика острова Науру,— говорил представитель Польши на VIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН,— была переключена единственно в интересах иностранного капитала с сельского хозяйства на ничем не ограниченную эксплуатацию залежей фосфата. Приблизительно через 70 лет залежи будут истощены, и тогда этот остров станет пустыней и его население, дальнейшая судьба которого не обеспечена, будет вынуждено его покинуть» [34, 459].

При этом компания получала большие прибыли, размер которых она тщательно скрывает, стараясь выдавать свою деятельность за некоего рода филантропию.

Науруанский совет местного управления заявил выездной миссии ООН 1959 г., что уже в течение некоторого времени он пытался получить сведения о ценах фосфатов на мировом рынке, но безуспешно. Совет спросил миссию, не может ли она сообщить ему эти сведения, так как ему хотелось бы узнать, в каком положении находятся добываемые в Науру фосфаты по сравнению с фосфатами, которые добываются в других частях света. Миссия в свою очередь обратилась с этим вопросом к управляющей власти, но последняя отказалась сообщить какие-либо сведения [31, 32—33].

Вместе с тем было известно, что, например, в 1952 г. Британская фосфатная компания получила от экспорта фосфатов из Науру 1,3 млн. ф. ст., из которых 200 тыс. ф. уплатила австралийской администрации. На нужды науруанцев (финансирование образования, здравоохранения и т. д.) компания передала только 55 тыс. фунтов.

Темпы добычи фосфатов все время возрастали, что видно из приведенных данных [66, 19]:

Год	Количество добытых фосфатов, *т*
1958	1 167 180
1959	1 201 138
1960	1 233 087
1961	1 338 681
1962	1 608 750

Всего с 1903 по 1963 г. добыт 31 млн. *т* фосфатов [66, 19].

Действительный размер прибыли, полученной компанией, установить вряд ли возможно. Но некоторое представление об этом дают цифры, приводившиеся в официальных отчетах управляющей власти. Из этих же отчетов видно, сколь ничтожную сумму выделяла компания населению территории в виде арендной платы за пользование землей острова (в австрал. ф.) [66, 19]:

Год	Стоимость экспорта фосфатов	Арендная плата жителям острова
1958	2 421 898	92 402
1959	2 492 361	213 506
1960	2 836 261	179 825
1961	2 915 098	242 440
1962	3 391 634	277 545
1963	3 981 656	296 976

Коренные жители получали от компании арендную плату из расчета 3 австрал. шилл. 8 пенсов (до 1960 г.— 1 шилл. 6 пенсов) с каждой вывезенной тонны фосфатов [46, 1963, pt II, № 49, 159].

«За несколько десятилетий в Австралию, Новую Зеландию и Соединенное Королевство,—говорил представитель СССР в Совете по опеке,— было вывезено примерно 25 млн. тонн фосфатов, что позволило этим странам сберечь крупные суммы по сравнению с теми, которые им пришлось бы иначе израсходовать на закупку более дорогих фосфатов из других частей мира. Настало время, когда управляющая власть обязана вернуть населению подопечной территории хотя бы часть этих денег. Именно эти деньги дали бы возможность науруанцам — с помощью управляющей власти, Организации Объединенных Наций и специализированных учреждений — изучить все возможные средства развития экономики Науру и осуществить необходимые мероприятия для мелиорации почвы, которая была истощена добычей фосфатов, а также дали бы возможность создания на острове новых отраслей промышленности и развития сельского хозяйства, рыболовного промысла и т. д.» [37, 1960, 218].

На 24-й сессии Совета по опеке представитель Индии,

поддержанный представителем СССР, выступил с предложением принять необходимые меры для проведения на острове мелиоративных работ с тем, чтобы развить сельское хозяйство и создать базу для существования местного населения после истощения фосфатных залежей. Совет по опеке принял соответствующие резолюции. Но управляющая власть ничего не делала в этом направлении.

Все позитивные планы развития экономики острова, выдвигавшиеся представителями социалистических государств и молодыми суверенными государствами Азии и Африки, отвергались и заменялись разговорами о переселении науруанцев, причем такие проекты исходили только от самой управляющей власти, а не коренного населения острова.

Так, во время переговоров с Науруанским советом в августе — сентябре 1963 г. австралийцы предложили переселение коренных жителей на остров Кертис, находящийся недалеко от порта Гладстон в штате Квинсленд, с тем, однако, чтобы они находились под юрисдикцией правительства Квинсленда. Совет решительно высказался против этого предложения, справедливо считая, что если уж науруанцы должны покинуть свою родину, то «новый остров должен стать их собственностью, а сами они получить право на независимое существование» [64, 2.VI.1963—29.VI.1964, 24].

«Науруанцы заявляют, — писал журнал „Пасифик Айлендс Мансли", — что они хотят остаться науруанцами... что они не хотят быть австралийскими гражданами или ассимилироваться в австралийском обществе, где они будут... гражданами второго сорта, подвергаемыми расовой дискриминации» [487, March 1965, 33].

Позиция науруанцев была поддержана советским представителем при обсуждении в Совете по опеке положения на острове. «Науруанцы,— заявил он,— должны получить все суверенные права на остров, куда они согласятся переселиться. Они должны иметь право организовать свою жизнь так, как они считают нужным, включая создание суверенного государства Науру. Остров Науру после переселения науруанцев должен остаться собственностью науруанского народа» [64, 27.VI.1963—29.VI.1964, 25].

Представители Науруанского совета продолжали отстаивать свою позицию и на новой встрече с австралийцами в Канберре в июле — августе 1964 г. Они вновь отклонили предложение австралийцев о приеме науруанцев в астралийское подданство и потребовали в случае переселения на остров Кертис полной автономии. Автономия, подчеркивали они, необходима науруанцам для сохранения национальной самобытности и ограждения от расистских тенденций, существующих в Австралии. Наученные горьким опытом, они потребовали полного контроля над минеральными ресурсами

острова Кертис. Австралийцы возражали против всех предложений науруанцев. Тогда последние заявили, что они отказываются переселяться куда-либо, а останутся на Науру, и одновременно потребовали предоставления им независимости к январю 1967 г. В качестве подготовительной меры должно быть немедленно расширено самоуправление на острове и создан Законодательный совет [494, 3.IX.1964].

Переговоры были прерваны. Уезжая из Австралии, глава науруанской делегации Хаммер де Робат заявил, обращаясь к австралийскому правительству: «Вы отнеслись к нам похулигански, и теперь весь мир узнает об этом» [494, 3.IX.1964].

Когда выездная миссия ООН вновь посетила в 1965 г. остров Науру, представители Науруанского совета заявили, что решили «создавать свое будущее на своем собственном острове, а не стараться куда-либо переселяться... Поэтому мы просим, чтобы после двухлетнего периода существования законодательного органа положение острова было пересмотрено с целью предоставления независимости. В течение 37-летнего периода мы обладали лишь совещательными функциями, и мы полагаем, что период существования законодательного органа не должен быть таким же длительным. Идея независимости может показаться странной, неуместной и слишком амбициозной для острова размеров Науру со столь малым населением. Независимость — столь искусный и сложный институт, что лишь большие страны с многочисленным населением могут пользоваться им к своей выгоде. Однако мы чувствуем и, конечно, будем рады, если нас поправят, что этот искусный и сложный инструмент управления может быть так упрощен применительно к местным условиям, что он сможет быть употреблен и к нашей выгоде. Конечно, мы понимаем, что могут быть дела, которые нельзя упростить, они должны оставаться такими, какие они есть, или вообще не существовать. В отношении этих дел мы будем искать помощи и поддержки от наций, желающих протянуть нам дружескую руку...» [65, T/1636, 3.VI.1965, 1].

В выводах своего доклада выездная миссия должна была записать: «Миссия, посетив остров и проведя обсуждение с Науруанским местным правительственным советом и жителями и принимая во внимание соответствующие постановления Устава Организации Объединенных Наций и соглашения об опеке, пришла к заключению, что науруанские лидеры сейчас способны управлять своими собственными внутренними делами, и поэтому рекомендует, чтобы в соответствии с настойчивыми желаниями представителей науруанского народа был создан Законодательный совет. Образование этого Законодательного совета будет первым шагом в направлении самоопределения, которое науруанский народ имеет право свободно осуществлять» [65, T/1636, 3.VI.1965, 1].

Австралийско-науруанские переговоры возобновились в июне 1967 г. и закончились успешно для науруанцев. Была достигнута договоренность о значительном увеличении платы за вывозимые фосфаты и предоставлении острову независимости в январе 1968 г.

31 января 1968 г. Науру было провозглашено суверенным государством. Советское правительство официально признало новое независимое государство и изъявило готовность установить с ним дружеские отношения.

Так, самая крохотная из подвластных Австралии территорий достигла независимости, и это произошло не вследствие характера австралийской колониальной политики, а вопреки ему.

ЭПИЛОГ

Мы рассмотрели двухсотлетнюю историю «британской» Австралии. Нельзя не видеть значительные особенности и даже парадоксальность ее политической, экономической и социальной жизни.

Австралия — этот геологически древнейший континент нашей планеты — все еще очень молодое государство. Включенная в состав Британской империи два века назад, Австралия стала ощущать радость самостоятельного политического бытия, по существу, лишь после окончания второй мировой войны.

Огромная по своим географическим размерам, Австралия и сейчас еще недостаточно изучена и в большей части своей очень слабо заселена.

Богатейшая страна, в которой на 12 млн. человек имеется 200 млн. голов скота, многие миллионы тонн ежегодно производимого зерна, неисчерпаемые запасы ценнейшего минерального сырья, необозримые пространства плодородных земель, имеет огромные внешние долги, постоянный бюджетный дефицит, засилье иностранного капитала, испытывает серьезные социальные конфликты, имеет постоянную армию безработных, стоит на одном из первых мест в мире по количеству самоубийств в процентном отношении к общей численности населения.

Страна, претендующая на «особое место» в отношениях с Азией, на роль «моста» между Западом и Востоком, не имеет определенной азиатской политики, осуществляет внешнеполитические акции, порочащие ее в глазах азиатских народов, наносящие большой ущерб собственным национальным интересам.

Бывшая колония Англии, государство, которое не имело собственной аристократии и основу которого составили люди труда, страдавшие от произвола британского капитала, превратилось в империалистическую страну, стало крупнейшей в Тихоокеанском бассейне колониальной державой.

Поистине вся двухсотлетняя австралийская история укладывается в скупые, но исполненные глубокого смысла строки замечательного поэта Австралии Генри Лоусона:

Был горек хлеб отцов в нужде,
Хотя богатств не мало,
Но им в одежде и еде
Отчизна отказала.

Покинув родину свою
(Кто ссыльный, а кто вольный),
Они нашли в чужом краю
Себе простор привольный.

Не для Свободы — роскошь, блеск,
Придворные регалии,
Ей по душе колючий лес
И пастбища Австралии.

Но ей и здесь не повезло:
Увы, в отчизне новой
Покинутое дома зло
Готовит ей оковы.

Отцы здесь воздвигали дом,
Копали, корчевали,
Без лордов все своим трудом
Упорно создавали.

Когда ж мы вырастили сад
В стране обетованной,
То землю вновь отнять хотят
Заморские тираны [128, 88—89].

В начале третьего века своего существования Австралия стоит на перепутье. Она должна выбрать свою дорогу в будущее. Обращаясь к отчизне, австралийский поэт Бернард О'Дауд спрашивал:

Скажи, кто ты — стоячая вода,
В которой Западу грозит беда,
Иль Делос, где живет счастливцев племя?
Ты — яркий свет, разлитый перед всеми,
Иль огонек болотный у пруда?
Кто ты? Мамоны клад? Иль навсегда
Мечту ты воплотила об Эдеме?

Австралийцам и сейчас близок мятежный дух пионеров страны. В народной австралийской песне поется:

Копали золото отцы,
Теперь его не стало,
Всем завладели банк и трест,
До нас им дела мало.

У них полно свобод, но нам
Свободы их не впрок.
Свою мы ищем! Закипай,
Походный котелок!

Хочется думать, что, начиная новое столетие своей истории, Австралия выберет путь прогресса и мира. «Зажигайте костры и смейтесь — наступающий день зовет» [128, 265].

БИБЛИОГРАФИЯ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

1. Маркс К., Ост-Индская компания, ее история и результаты ее деятельности, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 9.
2. Маркс К., Торговля чинами. — Вести из Австралии, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 11.
3. Маркс К., Отчет Генерального Совета Пятому ежегодному конгрессу Международного товарищества рабочих (Гаага, 2—7 сентября 1872 г.), — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 18.
4. Маркс К., Капитал, т. I, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 23.
5. Маркс К. — Ф. Энгельсу, 23 сентября 1851 г., — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 27.
6. Маркс К. — Ф. Энгельсу, 22 сентября 1854 г., — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 28.
7. Маркс К., Энгельс Ф., Манифест Коммунистической партии, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 4.
8. Маркс К., Энгельс Ф., Резолюции общего конгресса Международного товарищества рабочих, состоявшегося в Гааге 2—7 сентября 1872 г., — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 18.
9. Энгельс Ф., Конституционный вопрос в Германии, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 4.
10. Энгельс Ф., Развитие социализма от утопии к науке, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 19.
11. Энгельс Ф., Происхождение семьи, частной собственности и государства, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 21.
12. Энгельс Ф. — К. Марксу, 26 сентября 1851 г., — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 27.
13. Энгельс Ф. — К. Марксу, 24 августа 1852 г., — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 28.
14. Энгельс Ф. — К. Каутскому, 15 сентября 1889 г., — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 37.
15. Ленин В. И., Разногласия в европейском рабочем движении, — Полное собрание сочинений, т. 20.
16. Ленин В. И., В Австралии, — Полное собрание сочинений, т. 23.
17. Ленин В. И., Империализм, как высшая стадия капитализма, — Полное собрание сочинений, т. 27.
18. Ленин В. И., Тетради по империализму, — Полное собрание сочинений, т. 28.

ДОКУМЕНТЫ КОММУНИСТИЧЕСКИХ И РАБОЧИХ ПАРТИЙ

19. XX съезд Коммунистической партии Советского Союза (стенографический отчет), М., 1961.
20. XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза (стенографический отчет), М., 1962.
21. XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза (стенографический отчет), М., 1968.

22. Коммунистическая партия Австралии, Съезд 18, Сидней, 1958, М., 1959.
23. Коммунистическая партия Австралии. Национальный съезд 19, Сидней, 1961, М., 1962.
24. Международное Совещание коммунистических и рабочих партий 1969 г., М., 1969.
25. Программа и Устав Коммунистической партии Советского Союза, М., 1962.
26. Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм (Документы Совещаний представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшихся в Москве в ноябре 1957 г., в Бухаресте в июне 1960 г., в Москве в ноябре 1960 г.), М., 1961.
27. Australia and the way forward the political document adopted by the 21 Congress of the Communist Party of Australia, June 1967, Sydney, 1967.
28. Communist party of Australia, Congress 20th, Sydney, 1964.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ И СБОРНИКИ ДОКУМЕНТОВ

29. Архив внешней политики России, Канцелярия. 1889.
30. Архив внешней политики России, фонд Российско-американской компании.
31. Доклад выездной миссии ООН 1959 г. на остров Науру, Нью-Йорк (русский текст).
32. Доклад выездной миссии ООН 1959 г. о подопечной территории Новая Гвинея, Нью-Йорк (русский текст).
33. Доклад Совета по опеке, 1948, 1960, Нью-Йорк (русский текст).
34. Официальный отчет о работе VII сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Нью-Йорк (русский текст).
35. Официальный отчет о IV сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Нью-Йорк (русский текст).
36. Australia. Committee of economic enquiry. Report of the Committee of economic enquiry, Melbourne, 1965.
37. Australia. Department of crown lands and survey. Annual report for financial year..., Melbourne, 1963.
38. Australia. Department of defence. Defence, new three — year programme. Statement by Min. for defence 24th October 1962, Canberra, 1963.
39. The Australian labour movement 1850—1907, Melbourne, 1965.
40. Australian papers. Implications for Australia of recent developments in the Far East, Sydney, 1950.
41. Australian public finance, United States Department of Commerce, Washington, 1928.
42. Australia's way forward. Program of the Communist party of Australia, Sydney, 1964.
43. British and Foreign States Papers, London, 1850—1900.
44. British Solomon Islands 1961 and 1962, London, 1963.
45. Commonwealth of Australia. Parliamentary debates, House of representatives, Canberra.
46. Commonwealth of Australia Jear Book.
47. Congressional records containing the proceedings and debates of the Congress, Washington.
48. Current Notes of International Affairs, Canberra.
49. Foreign relation of the United States, Washington, 1953.
50. Great Britain. Colonial office. New South Wales, Adelaide, 1966.
51. Great Britain. Parliamentary House of commons Select committee on transportation, London, 1838.
52. Die Grosse Politik, Berlin, 1924.
53. Hansard's Parliamentary debates, Third series, vol. 221, London, 1874.
54. Historical records of Australia, Sydney.

55. League of Nations Treaty Series.
56. Menzies R. G., The wit of sir R. Menzies, London, 1966.
57. Nouvean recucil général de treatès deuzième série, Cottinne, 1884.
58. Official Records of the General Assembly, New York, 1946—1970.
59. Official Records of Parliamentary Debates, South Australia, 1918.
60. Official Year Book of the Commonwealth of Australia, Canberra.
61. Papers relating to the foreign relations of the United States, Washington, 1820—1900.
62. Parliamentary debates of the Parliament of the United Kingdom of Great Britain and Ireland, London, 1820—1900.
63. Reports of the Comittee on information from non-self-governing territories, New York, 1958—1969.
64. Reports of the Trusteeship council, New York, 1945—1970.
65. Reports of the United Nations Visiting Missions, New York, 1948—1969.
66. Report on Administration of the Territory of Nauru for 1962—1963, New York, 1963.
67. Report on Economic and Commercial conditions in Australia, London, 1938.
68. Report on the German Colonies in Africa and the Southern Pacific, London, 1897.
69. Select documents in Australia history (1788—1850), by Ch. M. Clark, Sydney, 1955.
70. Select Documents in Australia History (1850—1900), by Ch. M. Clark, Sydney, 1955.
71. Treaties and other international acts of the United States of America, Washington, 1933—34.
72. Treaties, conventions, international acts, protocols and agreements between the United States of America and other Powers. 1776—1909, Washington, 1910.
73. Year Book of the United Nations, New York, 1946—70.

ЛИТЕРАТУРА

74. Австралийский Союз. Новая Зеландия. Океания, М., 1959.
75. Акимова Н. А. и др., Австралия, Океания, М., 1963.
76. Александров Б. А., Колониальные мандаты, М., 1937.
77. Андреева В. М., Австралия. Географический очерк, М., 1956.
78. Бобров А., Внешняя политика Австралии, М., 1962.
79. Бобров Р. Л. и Малинин С. А., Организация Объединенных Наций, Л., 1959.
80. Бугенвиль, Луи Антуан де, Кругосветное путешествие на фрегате «Будез» и транспорте «Этуаль» в 1766—1769 гг., М., 1961.
81. Бутинов А. А., Папуасы Новой Гвинеи, М., 1968.
82. Вартумян Э. Л., Австралия. Экономика и внешняя торговля, М., 1963.
83. Вартумян Э. Л., Австралия и Океания. Экономико-статистический справочник, М., 1966.
84. Всемирная история, М., 1958, т. I—X.
85. Глазовская М. А., Почвенно-географический очерк Австралии, М., 1952.
86. Даниельсон Б., Бумеранг, М., 1964.
87. Деберль А., История Южной Америки от завоевания до нашего времени, СПб., 1899.
88. Кабо В. Р., Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии, М., 1969.
89. Кемпбелл Э., Влияние Великой Октябрьской революции на рабочее движение в Австралии, М., 1957.
90. Кемпбелл Э., 60 семейств, владеющих Австралией, М.

91. Классовая борьба в развитых капиталистических странах, М., 1966.
92. Колониальная политика империалистических держав в Океании. М., 1965.
93. Конституции государств Юго-Восточной Азии и Тихого океана, М., 1960.
94. Коровин Е. Д., Международная опека и международная безопасность, М., 1945.
95. Коцебу О. Е., Новое путешествие вокруг света в 1823—1826 гг., М., 1959.
96. Кристман Ф., Австралия. История открытия и колонизации, растения и животные пятой части света, СПб., 1871.
97. Крылов С. Б., История создания ООН, М., 1960.
98. Кук Джемс, Первое кругосветное плавание капитана Джемса Кука на «Индевре» в 1768—1771 гг. М., 1960.
99. Лебедев И. А., Экономика и политика Австралии после второй мировой войны, М. 1966.
100. Лер Э., Царство демократии, М., 1906.
101. Леруа-Болье П., Колонизация новейших народов, СПб., 1877.
102. Леруа-Болье П., Новые англосаксонские общества, СПб., 1898.
103. Летова Н. П., Австралия и страны Азии. Очерки международных отношений 1945—1955, М., 1960.
104. Лисичкин С. М., Нефтяная промышленность Африки, Австралии, Латинской Америки, Канады, М., 1964.
105. Малаховский К. В., Борьба империалистических держав за тихоокеанские острова, М., 1966.
106. Малаховский К. В., Колониализм в Океании, М., 1964.
107. Малаховский К. В., Система опеки — разновидность колониализма, М., 1963.
108. Малаховский К. В., США и Океания, — сб. «Колониальная политика империалистических держав в Океании», М., 1965.
109. Матковский Н., Австралийский Союз, М., 1956.
110. Маунтфорд Ч. П., Коричневые люди и красные пески, М., 1958.
111. Мижуев П. Г., История колониальной империи и колониальной политики Англии, СПб., 1902.
112. Миклухо-Маклай Н. Н., На берегу Маклая, М., 1961.
113. Миклухо-Маклай Н. Н., Собрание сочинений, т. I—V, 1950—1953.
114. Милейковский А., Австралия, Очерк экономической географии, Л., 1957.
115. Морозов Г. И., Организация Объединенных Наций, М., 1960.
116. Морозов С. Н., Австралийский колониализм, М., 1967.
117. Морозов С. Н., Австралийский колониализм и проблемы Новой Гвинеи (Ириана), — сб. «Колониализм вчера и сегодня», М., 1964.
118. Морозов С. Н., Экономика Папуа — Новой Гвинеи после второй мировой войны, — сб. «Колониальная политика империалистических держав в Океании», М., 1955.
119. Мун П. Т., Империализм и мировая политика, М., 1928.
120. Народы Австралии и Океании, М., 1956.
121. Невский В., Открытия Тасмана, М., 1961.
122. Нельсон Т., Голодная земля, М., 1960.
123. ООН. Совет по опеке. Правила процедуры Совета по опеке, Нью-Йорк, 1958.
124. Пахомов И. М., Развитие некоторых отраслей промышленности Австралии после второй мировой войны, М., 1961.
125. Петриковская А. С., Новеллистика Генри Лоусона (автореф. дисс.), М., 1969.
126. Политика Англии в странах Южной и Юго-Восточной Азии, М., 1966.
127. Политика империалистических держав в Океании, М., 1965.
128. Поэзия Австралии, М., 1967.
129. Ривс В. П., Политические права женщин в Австралии, СПб., 1905.

130. Росс Э., Великий Октябрь и рабочее движение Австралии, М., 1967.
131. Свет Я. М., История открытия и исследования Австралии и Океании, М., 1966.
132. Сили, Расширение Англии, СПб., 1903.
133. Сосенский И., Австралия и Новая Зеландия, М., 1943.
134. Те Ранги Хироа, Мореплаватели солнечного восхода, М., 1959.
135. Фортунатов А. Ф., Население и хозяйство Австралии, М., 1898.
136. Харди Фрэнк, Трудный путь, М., 1964.
137. Хаф Ф. О., Война на островах, М., 1960.
138. Черноголовкин Н. В., Формы колониальной зависимости, М., 1956.
139. Чеслинг У., Среди кочевников Северной Австралии, М., 1961.
140. Шарки Л., Профсоюзы Австралии, М., 1961.
141. Шарки Л., Социализм в Австралии, М., 1958.
142. Шилков А. М., Национально-освободительное движение в Океании, М., 1960.
143. Штейн Б. Е., Система международной опеки, М., 1948.
144. Шуршалов В. М., Режим международной опеки, М., 1951.
145. Элькин А., Коренное население Австралии, М., 1952.
146. Яковлев Н. Н., Загадка Пирл-Харбора, М., 1963.
147. Яценко А. Л., Путешествие по Австралии, М., 1959.
148. Aboriginal man in Australia, Sydney, 1965.
149. Agriculture in the Australian economy, Sydney, 1967.
150. Albinshi H. S., Australian policies and attitudes toward China, Princeton, 1965.
151. Alexander F., Australia and the United States, Boston, 1941.
152. Anatomy of Australia, Melbourne, 1968.
153. Appleton, They Came to New Zeeland, London, 1958.
154. Appleyard R. T. British emigration to Australia, Canberra, 1964.
155. Arndt H. W., Australia and Japan: Trade Partners, Adelaide, 1965.
156. Arndt H. W., Australian Foreign Aid Policy, Adelaide, 1964.
157. Arndt H. W., Harris C. P., The Australian trading banks, Melbourne, 1965.
158. Austin Kenneth A., The voyage of the investigator 1801—1803, Adelaide, 1964.
159. Australia. A social and political history, Sydney, 1955.
160. Australia and the Far East. Diplomatic and trade relations, by S. H. Roberts, Sydney, 1936.
161. Australia and the Pacific, Sydney, 1938.
162. Australia and the Pacific. By members of the Australian institute of international affairs, Princeton. 1944.
163. Australia and the twentienth century, by J. M. Howard and R. Copley, Sydney, 1966.
164. Australia in the British Commonwealth, Sydney, 1938.
165. Australia in facts and figures, Melbourne, 1961.
166. Australia in the war of 1939—1945, Series I—V, Canberra, 1952—1963.
167. Australia in world affairs, 1950—1955, Melbourne, 1957.
168. Australia in world affairs, 1955—1960, Melbourne, 1963.
169. Australia in world history. W. P. Logue, Brisbane, Jacaranda press, 1965.
170. Australia, Its resources and development, 1963.
171. Australia our neighbour «down under», Washington, 1944.
172. Australian aboriginal studies, ed by Stanner W., Sheils H., Melbourne, 1963.
173. Australian economic policies, Sydney, 1938.
174. The Australian Encyclopedia, Sydney.
175. Australian explorers, A selection from their writings, London, 1958.
176. Australian foreign policy 1935—1936. Brisbane, 1936.
177. Australian politics, A reader, ed. by H. Mayer, Melbourne, 1966.
178. Australian policies, political and strategic, Sydney, 1938.

179. Australian Society, Melbourne, 1965.
180. Australian standards of living, Melbourne, 1939.
181. Australia's Aid to Developing Countries to 30 June 1966 (Department of External Affairs), Camberra, 1966.
182. Australia's Defence and Foreign Policy, Sydney, 1964.
183. Australia's interests and policies inregard to problems of economic and social reconstraction in the Pacific, Sydney, 1947.
184. Australia's place in the Modern Asia, Hobart, 1968.
185. Australia's role in the Japanese surrender, Washington, 1945.
186. Australia's trade relations, Melbourne, 1939.
187. Ball W. M., Australia's role in Asia, Melbourne, 1967.
188. Barcan A., The Socialist Lift in Australia 1949—1959, Sydney, 1960.
189. Barnard M., A History of Australia, Sydney, 1962.
190. Barrett R. H., Promises and Performances in Australia Politics 1928—1959, New York, 1959.
191. Barrett R. H. Promises and Performances in Australian Politics 1928—1963, University of Mississippi, Vancouver, 1963.
192. Barton J., The Alternative, Sydney, 1954.
193. J. C. Beaglehole (ed.), The Journals of Capitain James Cook on His Voyages of Discovery: the Voyage of the Endeavour, Cambridge, 1955.
194. Bean C. E. W., ANZAC to Amiens, Canberra, 1952.
195. Bean C. E. W., Official History of Australian in the War of 1914—1918, vol. XI.
196. Bean C. E. W., War Aims of a Plain Australian, Sydney — London, 1949.
197. Belshaw C. S., Changing Melanesia, Melbourne, 1954.
198. Belshaw C. S., Islands Administration in the South West Pacific, London, 1950.
199. Bennett S., The History of Australian Discovery and Colonisation, Sydney, 1867.
200. Birden Ch. A., South Sea Islands, Philadelphia, 1961.
201. Black G., History of the New South Weles Labour Party, Sydney, 1910.
202. Bligh A. C. V., The Golden Quest. The Roaring Day of West Australian Dold Rushes and Life in the Pearling Industry, Sydney.
203. Blum H., Neue Guinea und der Bismarkarchipel, Berlin, 1900.
204. Bolton G. C., A thousand Miles Away. A History of North Queensland to 1920, Brisbane, 1963.
205. Borrie W. D., Italians and Germans in Australia. A Study of Assimilation, Melbourne, 1954.
206. Borrie W. D., and Spencer G., Australia's Population Structure and Growth, Melbourne, 1964.
207. Boswell A., Annabella Boswell's Journal, Sydney, 1965.
208. Brash D. T., American investment in Australian industry, Canberra, 1966.
209. Brayshaw N. H., Canvas and gold. A history of the Wakamarina goldfields and Lower Pelorus Valley, 1964.
210. Brookes J. I., International rivalry in the Pacific Islands 1800—1875, Los Angeles, 1941.
211. Broughton G. W., Turn again home. Brisbane, Jacaranda press, 1965.
212. Bull J. W., Early experiences of life in South Australia and an extended colonial history, London, 1884.
213. Burroughs P. Britain and Australia 1831—1855. A study of imperial relations and crown lands administration, Oxford, 1967.
214. Burton — Bradley B., Mixid-race society in Port Moresley, Canberra — Port Moresley, 1968.
215. Burus A., Fiji.

216. Buttin S. J., Foundations of the Australian monetary system 1788—1851, Melbourne, 1953.
217. Buttian S. J., War Economy, 1939—1942, Canberra, 1955.
218. Buxton G. L., The Riverina 1861—1891. An Australian regional study, Melbourne, 1967.
219 Caley G. Reflections on the colony of New South Wales, London, 1967.
220. Calwell A. A., Labour's role in modern society, Lansdowne, 1965.
221. Cambridge A., Thirty years in Australia, London, 1903.
222. Cameron B., Production employment and prices en Australia 1958—1959 to 1963—1964, Melbourne, 1967.
223. Campbell E. W., History of the Australian Labour Movement. A marxist interpretation, Sydney, 1945.
224. Cannon M., The Land boomers, London — New York, 1966.
225. Canwell A. A., Labour's role in modern society, Melbourne, 1965.
226. Carler Theo, In a strauge land. Proneers of Australia, London, 1964.
227. Casey C. G., Australian father and son, London — Sydney, 1966.
228. Casey R. G., The Conduct of Australian Foreign Policy, Bistane, 1952.
229. Census of the Commonwealth of Australia 30th June 1933, Canberra, 1933.
230. The Challenge of industrial relations in the Pacific Asian countries, Honoluly, 1964.
231. Churchill W. L. S., The Second World War, New York, vol. 1—6, 1961—1962.
232. Cilento R., Triumph in the tropics. An historical sketch of Queensland 1770—1959, Brisbane, 1959.
233. Clark C. M. H., A history of Australia, Melbourne, vol. 1, 1962.
234. Clark C. M. H., Sources of Australian history, London, 1957.
235. Clark V. S., The Labour Movement in Australia. A Study in Social-Democracy, London, 1907.
236. Cobley J., Sydney cove 1789—1790, Sydney, 1963.
237. Coghlan T. A., A Statistical Account of the Seven Colonies of Australasia, Sydney, 1902.
238. Coghlan T. A. and Ewing T. T., The Progress of Australasia in the 19th century, London — Edinburgh, 1903.
239. Collens J., As luck would haveit. The reminiscences of an Australian sailor, Sydney, 1965.
240. Condliffe J. B., The development of Australia, Sydney, 1964.
241. Connell G., Stories of Australia, Melbourne, 1967.
242. Cornell Ch. Questions relating to Nicolas Baudin's Australian expedition 1800—1804, Adelaide, 1965.
243. Grawford J., Australian Trade Policy 1942—1966. A Documentory History, Canberra, 1968.
244. Crawford R. M., Ourselves and Pacific, Melbourne, 1957.
245. Crips L. F., The Australian federal labour harty 1901—1951, Melbourne, 1955.
246. Crips L. F., Australian national government, Croydon, 1965.
247. Crowl Ph. A., The war in the Pacific, Washington, 1960.
248. Crowley F. K., A Short History of Western Australia, Melbourne, 1959.
249. Crowley F. K., Australia's Western Third. A History of Western Australia from the First Settlements to Modern Times, London, 1960.
250. Cumpston John H. L., The Inland Sea and the great river. The story of Australian eyploration, New York, 1965.
251. Cunningham P. M., Two years in New South Wales, Adelaide, vol. 1—2, 1966.
252. Cutlack F. M., The Australians their fanal campaign, 1918. An account of the concluding operations of the Australian divisions in France, London — Edinburgh,, 1918.
253. Dale G., The Industrial History of Broken Hill, 1918.

254. Daley C., The story of Gippsland, Melbourne, 1962.
255. Dalton R. W., Report on economic and commercial conditions in Australia, London, 1938.
256. Davies A. F., Australian democracy, London, 1964.
257. Determined to survive, by B. A. Santamaria, Melbourne, 1966.
258. Differences in the communist movement. Views of the Communist Party of Australia, Sydney, 1963.
259. Directory of overseas investment in Australian manufacturing industry, Canberra, 1966.
260. Dodge E. S., New England and the South seas, Cambridge, 1965.
261. Downer A. R., The Influence of Migration on Australian Foreign Policy, Sydney, 1960.
262. Dunbabin T., Slavers of the South Seas, Sydney, 1935.
263. Dunlop E. W., Pike W., Australia: Colony to Nation, Sydney, 1960.
264. Dunsdorfs E., The Australian wheat-growing industry 1788—1948, Melbourne, 1956.
265. Eastan S. C., The rise and fall of Western colonialism, London, 1964.
266. Easterbery H. T., The Queensland Sugar Industry.
267. Edgar D. E., Australia and Her Northern Neighbours, Melbourne, 1962.
268. Edwards C., Bruce of Melbourne. Man of two worlds, London, 1965.
269. Egerton H. E., A short history of British colonial policy 1606—1909, London, 1932.
270. The Economic of Australian Industry, Melbourne, 1963.
271. Elkin A. P., The Australian aborigines, New York, 1964.
272. Ellis U., A history of the Australian country party, Melbourne, 1963.
273. Essai B., Papua and New Guinea, Melbourne, 1961.
274. Esthus R. A., From enmity to alliance. United States — Australian relations 1931—1941, Scattle, University of Washington press, 1964.
275. Evatt H. V., Australian in world affairs, Sydney — London, 1946.
276. Evatt H. V., Foreign policy of Australia. Speeches by H. V. Evatt, Sydney — London, 1945.
277. The Far East and Oceanina agricultural situation, Washington, 1967.
278. Fenton J., Bush life in Tasmania fifty years ago. An account of pioneer work in Devon — the nativemurder of the first settler, London, 1964.
279. Fitzgérald J., The Rise of Australia Labour Party, Sydney, 1915.
280. Fitzpatrick B., An Australian Commonwealth. A facture of the community 1901—1955, Melbourne, 1956.
281. Fitzpatrick B., A short history of the Australian labor movement, Melbourne, 1940.
282. Fitzpatrick B., The British Empire in Australia. An Economic History 1834—1939, Melbourne, 1941.
283. Flow-of-funds, Australia 1953/54 to 1961/62, Sydney, 1965.
284. Forces in Australian politics. Australian institute of political science, Sydney, 1963.
285. Forces in Australian politics, Sydney, 1965.
286. Ford P. P., Cardinal Moran and the ALP. A Study in the encounter between Moran and socialism 1890—1907, Melbourne, 1966.
287. Forster H. W., Waranga 1865—1965, Melbourne, 1965.
288. Foxcroft E. J., Australian native policy. Its history especially in Victoria, Melbourne, 1941.
289. Freeman O. W., Geography of the Pacific, New York, 1951.
290. Garran R. R., Prosper the Commonwealth, Sydney, 1958.
291. Gelber H. G., Australia, Britain and EEC. 1961 to 1963, Melbourne, 1966.
292. German Colonization, London, 1920.
293. Gill G. H., Royal Australian Navy 1939—1942, Canberra, Australian war memorial, 1957.

294. Gollan R., Radical and working class politics. A study of Eastern Australia, 1850—1910, Melbourne, 1960.
295. Graham B. D., The formation of the Australian country parties, Canberra, 1966.
296. Grattan C. H., Introducing Australia, New York, 1947.
297. Grattan C. H., The Southwest Pacific since 1900. A modern history: Australia, New Zealand, the Islands, University of Michigan press, 1963.
298. Grattan C. H., The United States and the Southwest Pacific, Cambridge, 1961.
299. Greenwood G., Early American — Australian relations, Melbourne, 1944.
300. Grey G., Journals of two Expeditions of Discovery in North — West and Western Australia during the years 1937—39, Adelaide, vol. 1—2, 1964.
301. Hancock W. K., Australia, London, 1930.
302. Hancock W. K., Wealth of colonies, Oxford, 1950.
303. Handbook of Papua and New Guinea (R. W. Robson), Sydney, Pacific publications, 1964.
304. Harper N., Australian — American relations since 1942, Canberra, 1968.
305. Hartwell R., Economic Development of Van Diemens land 1820—1850, 1954.
306. Haskell A. L., The Australians. The Anglo — Saxondom of the Southern hemisphere, London, 1943.
307. Hasluck P., The government and the People, 1939—1941, Canberra, 1952.
308. Hassel K., The relations between the settlers and aborigines in South Australia 1836—1860, Adelaide, 1966.
309. Hattersley A. F., The couvict crisis and the growth of unity, Pietermaritzburg, 1965.
310. Healey A. L. P., The Story of the Labor Party, Brisbone, 1955.
311. Holfeld J., Geschichte des Deutschen Reiches 1871—1926, Leipzig, Sydney, 1963.
312. Holmes J. M., Australia's open north. Sydney, 1963.
313. Holthouse H., River of gold, Sydney, 1967.
314. Horue D., The lucky country. Australia in the sixties, Hardaondsworth, 1965.
315. Howard J., Copley R., Australia and the Twentieth Century, Sydney, 1965.
316. Hughes H., The Australian Iron and Steel Industry 1848—1962, Melbourne, 1964.
317. Hughes W. M., Australia and war today. The price of peace, Sydney, 1935.
318. Hunt Th. L., Canada and South Australia, Adelaide, 1962.
319. Hutton J., Manufacturing industry and Western Australian development, Perth, 1966.
320. Idriss J. L., Lasseter's last ride, Sydney — London, 1952.
321. In defence of freedom! Melbourne citizens protest against repression, 1950.
322. Investment in Austraila. Basic information for United States businessman, Washington, 1956.
323. Isaac J. E., Trends in Australian industrial relations, Melbourne, 1962.
324. Japan and the Defence of Australia, Melbourne, 1935.
325. Jenks E., A History of the Australasian Colonies (from their foundation in the year 1911), Cambridge, 1912.
326. Jones S. B., Australia and New Zealand and the security of the Pacific, New Haven, 1944.
327. Joy W., The Birth of a Nation. The story of early Australia, Sydney, 1963.
328. Joy W., The Explorers, London, 1964.

329. Jupp J., Australian labour and the world, London, 1965.
330. Jupp J., Australian party politics, Melbourne, 1966.
331. Keesing F. M., The South seas in the modern world, New York, 1941.
332. Keesing M. M., Pacific islands in war and peace, New York, 1944.
333. Kelly W. S., Rural development in South Australia, Adelaide, 1962.
334. Kennedy T. F., Pacific islands, Adelaide, 1964.
335. Kerr A. Northwestern Australia, Perth, 1963.
336. Koschitzky M., Deutsche Kolonialgeschichte, Leipzig, 1888.
337. Lakin R., The Pocket year book of Tasmania, Hobart, 1963.
338. Larcombe F., A history of local government in New South Wales, Sydney, 1955.
339. Lattimore E., Decline of empire in the Pacific, New York, 1947.
340. Legge J. D., Australian Colonial Policy, Sydney, 1956.
341. Leichardt L. Journal of an overland expedition in Australia, from Moreton bay to port Essington, Adelaide, 1964.
342. Levi W., American-Australian relations, London, 1947.
343. Living with Asia, A discussion on Australia's future, Sydney, 1963.
344. Lockwood D., We the aborigines, Melbourne, 1963.
345. Lohse B., Australia and the South seas, Edinburgh — London, 1959.
346. Long G., Australia in the war of 1939—1945, Adelaide, 1952.
347. Long G., The final campaigns, Canberra, 1963.
348. Louis L. J., Trade Unions and the Depression. A study of Victoria 1930—1932, Canberra, 1968.
349. Luke H., Islands of the south Pacific, London, 1962.
350. Mackeuzie J., Australian paradox, London, 1962.
351. Macmillan D. S., The Debtor's war, Scottish capitalists and the economic crisis in Australia 1841—1846. Melbourne, 1960.
352. Maiden H., The History of Local Government in New South Wales, Sydney, 1966.
353. Mander A. E., The Making of the Australians, Melbourne, 1958.
354. Martin J., Refugee settlers, Canberra, 1965.
355. Martin K. L. P., Missionaries and annexation in the Pacific, London, 1924.
356. Masterman S., The Origins of International Rivalty in Samoa, 1845—1884, Stanford University press, 1934.
357. Mathews R., Public investment in Australia, Melbourne, 1967.
358. Mayer A., Marx, Engels and Australia, Sydney, 1964.
359. McColl G. D., The Australian balance of payments. A study of post-war developments, Melbourne, 1965.
360. McCorkell D. L., The Australian story, Sydney, 1963.
361. McDonald A. H. E., The future development of the wheat growing industry in Australia, Honolulu, 1929.
362. McGregor C., Profile of Australia, London, 1966.
363. Mckinlay J., Mckinlay's Journal to exploration in the interior of Australia, Adelaide, 1962.
364. McNamara D. L., Constitution of the Commonwealth, Melbourne, 1936.
365. Melbourne A. C. V., Early constitutional development in Australia, St. Lucia, 1963.
366. Melville H., History of the Island of Van Diemen's Lond, 1824—1835, 1835.
367. Menzıss R., The British Commonwealth of Nations in International Affairs, Adelaide, 1950.
368. Millar T. B., Australia's Defence, Melbourne, 1965.
369. Miller D. H., The Drafning of the Covenant, New York, 1928.
370. Miller J. D. B., Australia and Foreign Policy, 1965.
371. Miller J. D. B., Australia, London, 1966.
372. Miller J. D. B., Britain and the old dominous, London, 1966.
373. Mitchell T., Three expeditions into interior of Eastern Australia, Adelaide, 1965.

374. Monaghan J., Australians and the gold rush, Berkeley — Los Angeles, 1966.
375. Morison J., Australia as it is or facts and features sketches and incidents of Australia and Australian life, Rutland — Tokyo, 1967.
376. Morrell W. P., Britain in the Pacific Islands, London, 1960.
377. Morrison I., Thise war Against Japan, London, 1943.
378. Morris M., The history of colonization, New York, 1900.
379. Murphy W., History of the eight-hours movement, Melbourne, 1896.
380. Murray J. N., The United Nations Trusteeship System 1930, Urbana, 1957.
381. Mortimer M., Trusteeship in Practic, London, 1951.
382. Nadel G., Australia's colonial culture, Cambridge, 1957.
383. Nicholson R. S., The Son of Savage, London, 1924.
384. O'Brien F., White shadows in the South seas, New York, Century, 1920.
385. O'Brien M., Tasmania's war effort, Hobart, 1946.
386. O'Dea R., Industrial relations in Australia, Sydney, 1965.
387. The official year book of New South Wales, Sydney, 1937.
388. Oliver D. L., The Pacific Islands, Cambridge, 1958.
389. One hundred years of respensible government in Victoria 1856—1956, Melbourne, 1958.
390. Orange, New South Wales 1860—1960, Sydney, 1960.
391. Pacific orbit, Australian — American Relations Since 1942. Melbourne, 1968.
392. Palfreeman A. C., The administration of the White Australia policy, Melbourne, London — New York, 1967.
393. Palmer H. C., MacLeod I., The First Hundred Years of Australian History, London, 1954.
394. Parkes H., Fifty Jears in Making of Australian History, London, 1892.
395. Pike D., Australia, The Quiet Continent, Cambridge, 1966.
396. Pike D., Paradise of Dissent, South Australia 1829—1857, Melbourne, 1957.
397. Pomeroy, Pacific Outpost, Stanford, 1937.
398. The Politics of 1966, by Santamaria B. A, Melbourne, 1966.
399. Population problems in Australia, 1936.
400. Portus G. V., Australia: An Economic Interpretation, Sydney, 1936.
401. Poschineger, Färst Bismark als Volkswirt, Berlin.
402. Price Ch. A. Southern Europeans in Australia, Melbourne, 1963.
403. Price W., Pacific Adventure, New York, 1936.
404. Ramsay R. A., Managers and men. Adventures in industry, Sydney, 1966.
405. Rawson D. W., Labour in vain? A survey of the Australian labour party, Craydon, 1966.
406. Reese T. R., Australia in the 20th century, A short political quide, London, 1964.
407. Robinson K. W., Australia, New Zealand and the South west Pacific, London, 1962.
408. Rosecrance R. N., Australian diplomacy and Japan 1945—1951, Melbourne, 1962.
409. Ross A. C. and King P., Australia and nuclear weapons, Sydney, 1966.
410. Royal Australian Historical Society, Journal and Proceedings, Sydney.
411. Sawer G., Australian federal politics and law 1929—1949, Melbourne, 1963.
412. Sawer G., Australian government today, Melbourne, 1964.
413. Selection of new and second hand books on South and Southeast Asia, Australia and Oceania, Leiden, 1956.
414. Serle G., The Golden Age. A History of the Colony of Victoria 1851—1861, Melbourne, 1963.
415. Shann E., An Economic History of Australia, Cambridge, 1938.

416. Sharkey L. L., An Outline History of the Australian Communist party, Sydney, 1944.
417. Sharkey L. L., Socialism in Australia, Communist view on the democratic socialism, Sydney, 1957.
418. Sharp A., The discovery of Australia, Oxford, 1963.
419. Shaw A. G. L., Bruns G. R., The Australian Cool Industry, Melbourne, 1947.
420. Shaw A., Nicolson H., Australia in the Twentieth Century, Sydney, 1966.
421. Sinpson G., Narrative of a journey round the world during the years 1841 and 1842, London, 1947.
422. Sixteen explorers of Australia, Sydney, 1959.
423. Smith E., The beckoning West, Sydney, 1966.
424. Smith R. H. T., Commodity movements in Southern New South Wales, Melbourne, 1962.
425. South Australia: its history, resources and productions, London, 1876.
426. Spate O., Australia, London, 1968.
427. Spence W., Australia's Awakening, Sydney, 1909.
428. «State Aid» in perspective, On Santamaria B. A., Melbourne, 1966.
429. A. Statistical Account of Australia and New Zeeland, 1903—1904.
430. Stoney H. B., A Residence in Tasmania, London, 1856.
431. Strauss W. P., Americans in Polynesia 1783—1842, East Lansing, 1963.
432. Stuart J. Mc. D., Stuart's explorations across the continent of Australia 1861—1862, Adelaide, 1962.
433. Studies in the Australian capital market, Melbourne, 1964.
434. The studies in economics of environment and Australian structure industry, ed. by A. Hunter, Melbourne, 1965.
435. Sturt C., Narrative of an expedition into Central Australia, Adelaide, 1965.
436. Tasman A. J., The journal of Abel Jansh Tasman 1642 with documents relating to his exploration of Australia in 1644, Adelaide, 1963.
437. Taylor G., Australia, A study of warm environments and their effect on British settlement, London, 1943.
438. Tietkens W. H., Diary of the exploration in South Australia of W. Tietkens, Salisbury, 1961.
439. Toussaint Ch. E., The Trusteeship System of the United Nations, London, 1956.
440. Townsend T. E., The Rise and Fall of Germany's Colonial Empire 1884—1918, New York, 1930.
441. Trade and customs and excise revenue, Commonwealth of Australia, Melbourne, 1913.
442. Trade and shipping, Tasmania... interstate and overseas, by S. R. Corner, Hobart, 1939—1942.
443. Troutman O. F., The Cotton, and silk textile industry of Australia, Sydney — London, 1939.
444. Turner J., Industrial labour and politics, Canberra, 1965.
445. The United Nations. The first ten years, ed. by B. A. Wortley, New York, 1957.
446. Walker K., Industrial relations in Australia, Cambridge, Harvard University press, 1956.
447. Walker R., Old New England, A history of the Northern table lands of New South Wales 1818—1900, Sydney, 1966.
448. Walter A. F., Australia's relations with the United States, 1941—1949. University of Michigan, 1954.
449. Ward J. W., British policy in the South Pacific 1786—1893, Sydney, 1948.
450. Ward J. M., Empire in the antipodes, The British in Australia, 1840—1860, London, 1966.

451. Watt A. The Evolution of Australian Foreign Policy 1938—1965, Cambridge, 1967.
452. West K., Power in the Liberal party, Melbourne, 1966.
453. Western Australia, Department of transport, Sydney — London, 1964.
454. What Australia has done, ed. by H. C. Smart, London, 1944.
455. Whitington Don., The rulers. Fifteen years of the liberals, London, 1964.
456. Whitilam E. G., Australian foreign policy 1963, Armidale, 1963.
457. Who's who in Australia, Melbourne, 1941—1959.
458. Wigmore L., The Japanese thrust, Canberra, 1957.
459. Willard M., History of the white Australia policy to 1920, Melbourne, 1967.
460. Williamson J. A., A short history of British expension, London, 1922.
461. Williamson J. A., Great Britain and the commonwealth, London, 1965.
462. Wilson R., Capital Imports in Terms of Trade, London, 1931.
463. Windett N., Australia as Producer and Trader, 1920—1932. London, 1933.
464. Wise B. R., The Commonwealth of Australia, London, 1913.
465. Wise B. R., The Making of the Australian Commonwealth, 1889—1900, London, 1913.
466. Wood G. L. and Hill, Australian potential contribution towards economic reconstraction and development in the Pacific, Sydney, 1945.
467. Wood P. L. W., Official History of New Zealand in the Second World War 1939—1945, Wellington, 1958.
468. Yarwood A. T., Asian migration to Australia 1896—1923, Melbourne, 1964.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Журналы

469. «Вопросы истории КПСС».
470. «Исторический архив».
471. «Тоё кейдзай», Токио.
472. «Army Qwarterly».
473. «Australian Qutlook», Melbourne.
474. «Australian territories», Canberra.
475. «Australia's Neighbours», Melbourne.
476. «Commonwealth survey», London.
477. «Currents affairs bulletin», Sydney.
478. «Economist», London.
479. «The England historical review», London.
480. «Far Eastern Economic Review», Hongkong.
481. «Foreign Affairs», New York.
482. «Journal of Polinesian Society», Wellington.
483. «Journal of the Royal Australian historical Society», Sydney.
484. «Oceania», Sydney.
485. «Pacific affairs», New York.
486. «Pacific historical review», Los Angeles.
487. «Pacific Islands Monthly», Sydney.
488. «Round table», London.
489. «South Pacific», Sydney.
490. «South Pacific commission», Sydney.
491. «South Pacific Post».
492. «U. S., news and world report», Washington.

493. «The Age».
494. «The Australian».
495. «The Australian financial review».
496. «The Canberra Times».
497. «Daily Telegraph».
498. «The Examiner».
499. «The Financial Times», London.
500. «Herald».
501. «The New York Times».
502. «The Straits Times».
503. «The Sydney Morning Herald».
504. «Sun», Sydney.
505. «The Times», London.
506. «Tribune», Sydney.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 3
Глава I. Открытие Австралии 5
Глава II. Новый Южный Уэльс — «колония бесчестия» 13
Глава III. Еще пять британских колоний в Австралии 23
Исследования Австралийского материка в первой половине XIX в. 23
Тасмания 29
Южная Австралия 32
Западная Австралия 38
Виктория 41
Квинсленд 44
Экономическое и политическое положение британских колоний в Австралии в первой половине XIX в. 45
Глава IV. Создание Австралийского Союза 74
Исследования Австралийского материка во второй половине XIX в. 74
Экономическое развитие британских колоний в Австралии во второй половине XIX в. 77
Рабочее движение в британских колониях в Австралии во второй половине XIX в. 103
Австралийский «локальный империализм» 130
Путь к федерации 161
Глава V. Австралия в первой мировой войне 179
В преддверии войны 179
От Галлиполи к Амьену 200
Версальский мир и Австралия 213
Глава VI. Австралия во второй мировой войне 219
Между двумя мировыми войнами 219
От Бенгази до Баликпапана 236
Система опеки и Австралия 251
Глава VII. Австралия в современном мире 261
Экономическое развитие Австралии после второй мировой войны 261
Эволюция австралийской внешней политики 278
Торгово-экономические и культурные отношения Австралии со странами Южной, Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока 301
Австралийский колониализм 325
Эпилог 355
Библиография 357

Ким Владимирович Малаховский

ИСТОРИЯ
АВСТРАЛИЙСКОГО СОЮЗА

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

*

Редактор ***В. Л. Резников***
Технический редактор ***Л. Ш. Береславская***
Корректоры *Л. И. Письман* и *Л. И. Романова*

*

Сдано в набор 23/X 1970 г.
Подписано к печати 11/III 1971 г.
А-05843 Формат 60 × 90¹/₁₆ Бум. № 1
Печ. л. 23,25 Уч.-изд. л. 24,56
Тираж 2300 экз. Изд. № 2197
Зак. № 513 Цена 1 р. 79 к.

*

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Московская типография № 13
Главполиграфпрома Комитета по печати
при Совете Министров СССР.
Москва, ул. Баумана, Денисовский пер., 30

Отпечатано во 2-ой типографии изд. «Наука».
Москва, Шубинский пер., 10